

Е. В. Головкин, Н. Б. Вахтин, А. С. Асиновский

ЯЗЫК КОМАНДОРСКИХ АЛЕУТОВ

Диалект
острова Беринга

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е. В. Головки, Н. Б. Вахтин, А. С. Асиновский

ЯЗЫК КОМАНДОРСКИХ АЛЕУТОВ

Диалект
острова Беринга

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2009

Головко Е. В., Вахтин Н. Б., Асиновский А. С. Язык командорских алеутов: диалект острова Беринга. — СПб.: Наука, 2009. — 355 с.

ISBN 978-5-02-025542-5

Монография представляет собой первое системное описание алеутского языка, на котором говорят жители с. Никольское на о. Беринга (входит в группу Командорских островов, РФ). В отличие от другой разновидности алеутского языка, которая была распространена на соседнем о. Медный, беринговский диалект не в такой степени подвергся русскому влиянию. Он сохранил все основные черты, присущие диалекту о. Атка (Алеутские острова, США), от которого он отделился примерно полторы сотни лет назад. Авторы уделяют особое внимание тем инновациям, которые обнаруживаются в беринговском диалекте, а также архаическим чертам, оказавшимся утраченными в американском варианте. Во Введении представлены общие сведения об алеутах (расселение, самоназвания, численность) и алеутском языке (родственные связи, диалектный состав, история изучения). Сегодня алеутский язык на Командорских островах очень близок к полному исчезновению. Поэтому первоочередная задача книги — зафиксировать и описать уходящий язык, который составляет часть неповторимой алеутской культуры. Одновременно авторы пытаются представить этот бесценный материал в форме, которая была бы удобна для исследователей, занимающихся общелингвистическими проблемами.

Для специалистов по эскимосско-алеутским языкам, другим языкам народов Севера, для лингвистов, занимающихся лингвистической типологией, общими проблемами фонетики, фонологии, грамматики.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-04-00167а)

- © Е. В. Головко, 2009
- © Н. Б. Вахтин, 2009
- © А. С. Асиновский, 2009
- © Институт лингвистических исследований РАН, 2009
- © Издательство «Наука». Редакционно-художественное оформление, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Из всех народов, среди которых я работал в Сибири и на Аляске, наибольшую симпатию я испытываю к алеутам. Они никогда не жалуются на физические страдания и лишения, они просты и естественны в поведении, бескорыстны, приветливы, им совершенно можно доверять. Они обладают чувством собственного достоинства и умеют держать дистанцию с посторонними.

*Владимир Иохельсон (1928)*¹

Предлагаемая работа представляет собой первый опыт монографического описания языка одного из самых малочисленных народов, живущих на территории России, — алеутов. В отличие от своих прямых родственников, алеутов США (число которых значительно больше, хотя также невелико), командорские алеуты не только не имеют письменности, но уже почти не знают языка своих предков. Это дает нам основание надеяться, что, если не интерпретации, предложенные в книге, то, по крайней мере, материал, содержащийся в ней, может претендовать на уникальность и вызвать некоторый интерес.

¹ В оригинале по-английски: "Of all the <...> peoples I have studied in Siberia and Alaska, I feel most sympathetic with the Aleut. They endure physical suffering and privations without complaints; they are simple in their behavior, unselfish, friendly and perfectly reliable. They have a sense of self-respect; and are reserved towards strangers" (Jochelson 1928: 2).

Работа написана на материале беринговского диалекта алеутского языка, представленного на Командорских островах². Используются данные, собранные нами в селе Никольском на острове Беринга во время лингвистических экспедиций, организованных Ленинградским отделением Института языкознания АН СССР (с 1992 года Институт лингвистических исследований РАН). Командорский "полевой стаж" распределяется между авторами следующим образом: Головки – шесть месяцев (1982, 1985, 1988 годы), Вахтин – три месяца (1982, 1985), Асиновский – два месяца (1982, 1985). Головки приезжал также на несколько дней в Никольское и в Петропавловск-Камчатский в июле 1991 года.

Работа состоит из введения и трех глав, которые разделены между авторами следующим образом: Введение и глава "Морфология" написаны Головки, глава "Фонетика и фонология. Фономорфология" написана совместно Головки и Асиновским, глава "Синтаксис" – Головки и Вахтиным. Такое распределение отдельных частей отражает реальную работу по созданию текста, но, конечно, не учитывает многочисленные и плодотворные совместные обсуждения, в процессе которых мы переходили границы отведенных каждому глав и разделов. Окончательный отбор примеров для монографии, проверка всего лингвистического материала, представленного в книге, поморфемный анализ примеров, подбор и проверка библиографических ссылок, а также компоновка текста и его общее редактирование сделаны Головки. Мы признательны участникам семинара по грамматическому анализу ИЛИ РАН (руководитель – Александр Павлович Володин), участвовавшим в обсуждении докладов по различным проблемам фонетики и грамматики беринговского диалекта, а также Виктору Самуиловичу Храковскому и Владимиру Петровичу Недялкову, обсуждавшим с Головки отдельные части рукописи в рамках работы Лаборатории типологических исследований. Храковский

² Идиом, первоначально распространенный на острове Медном (второй из двух в группе Командорских островов), носители которого в конце 1960-х годов были переселены на остров Беринга, в некоторых работах неточно называют диалектом алеутского языка. На самом деле он представляет собой самостоятельный язык, относящийся к классу так называемых смешанных языков (подробнее см.: Меновщиков 1964; Вахтин 1985; Golovko, Vakhtin 1990; Golovko 1994, 1996, 2003; Головки 1997; 2001). В настоящей книге проблемы медновского языка не затрагиваются.

выступил также официальным рецензентом, сделавшим много полезных замечаний. Другим официальным рецензентом стала Елена Сергеевна Маслова, многие замечания которой также были приняты авторами с благодарностью. Мы признательны Андрею Львовичу Мальчукову, внимательно прочитавшему рукопись и высказавшему ряд соображений. Поистине бесценными были комментарии выдающегося норвежского исследователя Кнута Бергсланда, ныне покойного. Во время двух личных встреч с ним в конце 1980-х–начале 1990-х годов, а также в ходе переписки Головки удалось обсудить многие вопросы алеутской грамматики и диалектологии. Нельзя не отметить вклад в настоящую работу Майкла Краусса (основателя Центра изучения языков коренного населения Аляски в Университете штата Аляска в Фербенксе), который не только оказывал очень важную с моральной точки зрения поддержку, когда Головки работал над окончательным вариантом книги в Фербенксе в 2006–2007 годах, но и щедро делился своими знаниями об истории изучения алеутского языка, а также указал на ряд важных архивных источников. Очень ценной для авторов была поддержка, оказывавшаяся в процессе многолетнего дружеского общения коллегами-этнографами Игорем Ильичом Крупником и Михаилом Анатольевичем Членовым. Весьма плодотворным было также общение на протяжении ряда лет с ныне покойными исследовательницами истории и этнографии Русской Америки Лидией Сергеевной Блэк и Розой Гавриловной Ляпуновой. Неоценимую поддержку оказал одному из авторов покойный Георгий Алексеевич Меновщиков – благодаря ему Головки сохранил возможность заниматься проблемами алеутской грамматики в стенах Академии наук. Работа Головки в Фербенксе над окончательным вариантом книги была бы невозможна без заботы и внимания со стороны Молли Ли, профессора кафедры антропологии Университета штата Аляска в Фербенксе, которая не только помогала Головке в решении многих бытовых проблем, но и постоянно оказывала ему неоценимую моральную поддержку.

Самые теплые слова благодарности мы адресуем жительницам села Никольского, щедро делившимся с нами знанием родного языка: Прасковье Александровне Березиной, Марии Аркадьевне Бадаевой, Валентине Терентьевне Вожиковой, Надежде Аполлинарьевне Тимонькиной, Валентине Михайловне Кияйкиной, Вере Терентьевне Тимошенко. К глубокому прискорбию, большинства из них уже нет в живых.

У наших помощниц (к сожалению, к началу 1980-х годов в Никольском уже не оставалось мужчин, достаточно хорошо знающих беринговский диалект)³ всегда хватало терпения и находилось время, чтобы попытаться научить нас хотя бы в малой степени чувствовать то, что им дано природой: неповторимость и выразительность алеутского языка. Мы счастливы были бы думать, что, составив это грамматическое описание, хотя бы отчасти оправдали их надежды.

В заключение отметим одну особенность настоящей публикации: первый вариант текста был завершен и обсужден на заседании отдела палеоазиатских и самодийских языков еще в 1990 году, хотя окончательный вариант подготовлен и публикуется только сейчас. Со времени нашей работы над первым вариантом рукописи в свет вышли два фундаментальных труда Кнута Бергсланда – словарь (Bergsland 1994a) и грамматика (Bergsland 1997a) алеутского языка. Они включают весь языковой материал, который был доступен автору на момент издания, однако основу этих публикаций составляет материал алеутских диалектов, распространенных на территории США. Мы надеемся, что настоящая книга восполнит пробел в описании языка командорских алеутов.

Е. Головкин, Н. Вахтин, А. Асиновский

³ Между собой авторы даже стали в шутку называть будущую книгу "Язык командорских алеуток". Впрочем, мы надеемся, что работа только с носительницами языка не наложила ограничений на настоящее описание языковой структуры: ни в одном источнике начиная с конца XVIII века для алеутского языка не отмечено никаких "грамматикализованных" различий между речью женщин и мужчин.

ВВЕДЕНИЕ

Составить грамматику такого языка, каков алеутско-лисьевский, я считал почти совершенно бесполезным трудом, потому что она не нужна ни для алеутов, которые и без грамматики могут сообщать друг другу свои мысли и которые, наверное, не в долгом времени совсем оставят язык свой, ни для иностранцев, из коих никто и никогда не вздумает учиться такому языку. Но, видя, с каким рвением, с какою неутомимостью многие ученые стараются собирать всякого рода сведения и как для них любопытна даже малейшая в своем роде находка, я решился составить если не полную грамматику, то, по крайней мере, изложить несколько правил грамматики алеутского языка в том предположении, что они, может быть, будут пригодны кому-нибудь для некоторого соображения о происхождении сего языка и для исторических догадок.

*Иван Вениаминов "Опыт грамматики
алеутско-лисьевского языка" (1846)*

1. Общие сведения об алеутах и алеутском языке, в том числе о его современном состоянии

Европейцы узнали о существовании алеутов от русских путешественников и промышленников, которые начиная с 1743 года стали проникать на Алеутские острова и Аляску, привлеченные богатыми природными ресурсами (см., например: Берх 1823; Jochelson 1933: 1–39; Макарова 1968; Федоро-

ва 1971; Ляпунова 1987; Black 2004 и мн. др.). Принято считать, что до появления в регионе русских существовало восемь групп ("племен") алеутов (см. основные сведения о них и о их самоназваниях в работах: Bergsland 1959; Bergsland 1994a: xv–xvi), живших не менее чем в 160 поселках. Алеуты занимали всю гряду Алеутских островов от острова Атту на западе до полуострова Аляска на востоке. К началу 40-х годов XVIII века общая численность алеутов составляла, вероятно, не более 8–10 тысяч человек⁴.

Начиная с этого времени коренные жители оказываются в полной зависимости от русских. Первый период покорения алеутов был отмечен хищническим уничтожением богатейших природных ресурсов и нередко истреблением самого коренного населения⁵. За сорок лет, со времени обнаружения в 1741 году экспедицией Беринга Алеутских островов, численность алеутов сократилась не менее чем в пять – шесть раз, примерно до полутора тысяч человек, а богатейшие природные ресурсы были изрядно разрушены. В 1785 году с образованием Российско-американской компании (РАК) на смену стихийному опустошению островов, по выражению Майкла Краусса, пришел период организованного "порабощения и эксплуатации" (Краусс 1981: 156)⁶. Начиная с 1820-х годов положение людей стало несколько улучшаться, однако этот период также не способствовал восстановлению численности

⁴ Эта цифра, приводимая Р.Г. Ляпуновой (Ляпунова 1987: 85), представляет собой корректировку предположения И.Е. Вениаминова (Вениаминов 1846: III), который, скорее всего, несколько завысил численность алеутов, определив ее в 16–20 тыс. чел. (см. об этом также: Головкин 1990).

⁵ Существуют разные точки зрения на русскую колонизацию. Так, некоторые авторы настаивают на ее гуманном характере и на ее принципиальном отличии в этом отношении от испанской или английской колонизации. Нам ближе другая позиция: любая колонизация (и колонизация Аляски не является исключением, ср.: Гринев 2003: 106; Luegmann 2008) в конечном счете сводится к извлечению максимальной прибыли; "забота" об интересах местного населения и о сохранении природных ресурсов проявляется только тогда, когда возникает угроза потерять и эти ресурсы, и дешевую рабочую силу.

⁶ См. также расширенный вариант этого текста, опубликованный годом ранее по-английски: (Krauss 1980).

населения⁷, в первую очередь из-за эпидемий различных заболеваний, завезенных европейцами, и высокой детской смертности.

Кроме того, он дал первый осязаемый толчок к исчезновению алеутского языка, что было естественным в условиях переселений с острова на остров, практиковавшихся РАК.

Последние сорок лет русского владения островами и Аляской (до продажи их США в 1867 году) в целом характеризуются более мягкой политикой в колониях на северо-востоке. Во многом это стало следствием усиления правительственного контроля за деятельностью РАК. Отчасти улучшение обстановки можно поставить в заслугу Ивану Евсеевичу Вениаминову. Разумеется, целью этого православного священника, как и любого миссионера, была христианизация алеутов, то есть в конечном счете глубокое воздействие на традиционную культуру (а значит, и на язык) исходя из принципов, которые казались ему единственно верными. Известно, что такого рода воздействие, до неузнаваемости меняющее культурный облик "просвещаемого" народа, не всегда осуществляется самыми деликатными способами. Однако Вениаминов в силу своих личных качеств был склонен придерживаться гуманных принципов, поэтому указанный период стал, по словам Краусса, "не только более благоприятным в истории языков и культур коренного населения Аляски, чем любой из предыдущих, но и более благоприятным, чем любой из последующих американских периодов" (Краусс 1981: 156).

Вениаминов создал алеутскую письменность, в основу которой он положил церковнославянский алфавит, дополнив его специальными надстрочными знаками. В сотрудничестве с алеутом Иваном Паньковым Вениаминов в 1826 году составил алеутский букварь, перевел на алеутский язык катехизис и ряд других нравоучительных книг (см. об этом подробнее: Black 1977). В период с 1834 по 1903 год Русской православной церковью было издано (и переиздано) еще несколько переводных книг: "Указание пути в царствие небесное" (Указание 1899), "Начатки христианского учения" (Начатки 1899), "Евангелие от Матфея" (Матф. 1836), "Евангелие от Луки" (Л 1903),

⁷ В 1840-х годах РАК стала значительно больше внимания уделять социальной сфере, численность населения стала расти (Гринев 2003: 105), однако она так никогда и не была восстановлена.

"Евангелие от Иоанна" (И 1902), сборники молитв и псалмов⁸. Чрезвычайно ценно то, что некоторые переводы сделаны помощниками и учениками Вениаминова, коренными жителями, священниками Лаврентием Саламатовым⁹, Яковом Нецветовым и Иннокентием Шаяшниковым (см.: Bergsland 1994: xxiii).

Все они происходили "из креолов"¹⁰, поэтому одинаково хорошо владели и русским, и алеутским (для Саламатова и Нецветова родным был аткинский диалект, для Шаяшникова – уналашкинский). Все трое, несомненно, были людьми незаурядного таланта и трудолюбия. Качество их переводов гораздо выше вениаминовских, однако задача, которую они пытались решить, – перевод канонического текста на бесписьменный язык – была чрезвычайно трудной. Наряду с блестящими переводческими находками в текстах встречаются нетипичные для алеутского языка синтаксические конструкции, неологизмы, образованные с нарушением алеутских словообразовательных моделей, и т.п. Мы солидарны с мнением выдающегося исследователя эскимосско-алеутских языков Кнута Бергсланда (Bergsland 1959: 7), что наибольшую ценность, с точки зрения качества перевода, представляет "Евангелие от Марка" (М 1861), переведенное Саламатовым не позднее 1861 года (рукопись обнаружена в архиве Публичной библиотеки Нью-Йорка и опубликована Бергсландом: Bergsland 1959: 87–103). Алеутский язык в этом тексте кажется наиболее естественным. Доказательным выглядит и утверждение Бергсланда о том, что при переводе Саламатов использовал не только русский текст Евангелия, но и греческий оригинал (Bergsland 1959: 7).

⁸ См. исчерпывающее перечисление в каталоге Архива материалов по языкам коренного населения Аляски на сайте Университета штата Аляска в Фербенксе: www.alaska.edu/uaf/anlc/search.

⁹ В качестве варианта встречается также: Саломатов.

¹⁰ До сих пор неясно, кто ввел этот термин в качестве официально-го (употреблялся в документах РАК) по отношению к части населения Русской Америки, см. об этом: (Black 1990; Vinkovetsky 2001). Важно отметить, что креолы в Русской Америке были не просто населением, произошедшим от смешанных браков, но прежде всего особой социальной категорией (впрочем, это относится и к термину "алеут"). О понятиях "креол" и "алеут" применительно к Русской Америке, а также об особенностях социального устройства "колоний" подробно см.: (Black 2004: 209–222; Вахтин, Головкин 2004: 86–91; Вахтин, Головкин, Швайццер 2004: 109–115; Гринев 2000; Люрман 2001; Luehrmann 2008: 115–120).

Примечателен даже не столько сам факт издания книг на алеутском языке, сколько появление письменной традиции и широкое распространение грамотности, связанное прежде всего с деятельностью церковных школ (помимо церковных книг издавались буквари). Это в свою очередь имело гигантские последствия для алеутской культуры, поскольку привело к изменениям в языковом поведении коллектива: возникли "новые репрезентации и новые правила в коммуникативной компетенции" (Ferguson 1996 [1990]: 225). Расцвет письменной традиции приходится на момент продажи Аляски и Алеутских островов США в 1867 году. Хотя некоторые авторы разумно призывают не идеализировать отношение Русской православной церкви к языкам коренного населения (см., напр.: Luehrmann 2008: 129), не будет преувеличением сказать, что в то время ни один из так называемых малочисленных коренных народов не мог сравниться с алеутами по уровню грамотности. С одной стороны, это можно связать с гуманной политикой в области просвещения и образования (см. об этом: Ляпунова 1987: 126–129), при этом еще раз отметив это как личную заслугу Вениаминова; с другой стороны, еще более важными, с нашей точки зрения, оказались другие факторы: тесная связь распространения грамотности с чрезвычайно удачно привившейся на алеутской почве новой религией (о параллелях между некоторыми чертами православия и традиционной алеутской культуры, а также о формах адаптации христианства у алеутов см.: Black 1992)¹¹. Работая в начале XX века на Алеутских островах, В.И. Иохельсон отмечал, что его информанты "довольно хорошо грамотны, то есть пишут по-алеутски ве-

¹¹ Так называемой Русской Америке (это словосочетание, кстати, появилось довольно поздно) вообще и деятельности православной церкви на Аляске в частности посвящена обширная литература, обзор которой не входит в наши задачи; из относительно недавно опубликованных монографий см., например: (Pierce 1990; История Русской Америки 1997–1999; Ivanov 1997; Znamenski 1999; Корсун 2002б; Black 2004; Luehrmann 2008). Подчеркнем, что мы не даем здесь характеристику упомянутых выше работ – просто приводим относительно недавно вышедшие. Все они очень различаются по характеру: большинство – добротные академические работы, написанные авторами, давно и серьезно работающими в данной области, есть тенденциозные, освещающие деятельность Русской православной церкви исключительно с положительной стороны, попадаются и случайные работы, в которых давно известные факты подаются как открытия.

ниаминовской азбукой..." (Иохельсон 1911: 100); см. об этом также: (Корсун 2002а: 517). Несмотря на то что Аляска и Алеутские острова были проданы США в 1867 году, церковно-приходские школы, в которых обучали на алеутском и русском языках, а также преподавали эти языки как предметы, просуществовали до 1912 года, пока они не были закрыты новыми властями (см. об этом: Краусс 1981: 161). Алеуты упорно сопротивлялись американскому влиянию, отказывались учить английский язык, посещаемость школ, в которых все предметы преподавались по-английски, была чрезвычайно низкой (см., напр.: Hudson 2007: 47). Знание русского языка наряду с алеутским стало важной составной частью новой алеутской идентичности. Как уже отмечалось выше, не в последнюю очередь это объясняется тем, что русский был языком принятого алеутами православия. Известно, что «образованные алеуты пользовались русским языком до второй мировой войны» (Hudson 2007: 48). По свидетельству Бергсланда, во время его первой поездки на Алеутские острова в 1950 году люди старшего поколения еще помнили русский язык и умели писать по-алеутски, используя вениаминовскую систему письма (Bergsland 1998a: 35)¹².

В 80-е годы прошлого века, когда собирался материал для настоящей книги, командорские алеуты не пользовались какой-либо системой письма, более того – никто из наших информантов не помнил о том, чтобы ранее кто-то в их семьях знал, как надо писать по-алеутски, или имел дома старые издания на алеутском языке. Один из энтузиастов сохранения алеутского языка и культуры, носитель медновского языка, житель Никольского Геннадий Михайлович Яковлев, в 1970-е годы изобрел собственную систему записи, однако она не получила широкого распространения.

Наряду с развитием алеутской письменности не прекращалось повсеместное и с каждым годом усиливавшееся

¹² Попутно заметим, что долгая жизнь такого, на первый взгляд, «ненужного» языка, как русский на Аляске, вызывает изумление. Автор настоящего раздела, работая летом 2008 года на острове Кадьяк (в рамках проекта по документированию языков Аляски, руководитель проекта М. Краусс, финансируется Национальным научным фондом США), с потомками пенсионеров РАК, жившими до разрушительного цунами 1964 года на острове Афогнак, имел возможность убедиться, что среди них до сих пор есть люди, способные говорить по-русски (см. об этом также: Daly 1985; Daly 1986; Кибрик 1998).

влияние русского языка на алеутский (см., напр.: Меновщиков 1980а). Работа по изучению результатов этого влияния далека от завершения, причем это касается даже такого, казалось бы, «простого» аспекта языковых контактов, как лексические заимствования. В 1989 году Бергсланд насчитал не менее 600 русских заимствований во всех алеутских диалектах, распространенных на территории США (Bergsland 1989b: 109). Во введении к фундаментальному алеутскому словарю, вышедшему пять лет спустя, тот же автор (Bergsland 1994: xxxiii) скорректировал эту цифру – более 800 заимствований во всех диалектах на территории США (640 в уналашкинском, 531 в аткинском, 39 в аттуанском). Однако и эти данные не окончательные: Крауссу (устное сообщение) удалось записать в дополнение к 800 словам, выявленным Бергсландом, еще около 300 русских заимствований, значительная часть которых – «церковная» лексика¹³.

В первый период американского правления для сохранения алеутского языка практически не было серьезных препятствий, прежде всего потому, что Аляска и Алеутские острова не вызывали у американцев интереса и число приезжих было небольшим. Однако, как отмечает Краусс (Краусс 1981: 158), с начала 90-х годов XIX века развитие рыбоконсервной промышленности, приток на Аляску тысяч авантюристов, привлеченных в основном открытыми месторождениями золота, активизация миссионерской деятельности протестантских священников, которые были категорически против обучения на родном языке и употребления его в религиозных обрядах, подтолкнули языки коренного населения, в том числе алеут-

¹³ Стоит заметить, что хорошее знание русского языка является совершенно необходимым условием для занятий алеутскими диалектами даже на американской территории, не говоря уже об изучении языка командорских алеутов. В этом отношении образцом являются работы того же Бергсланда, в которых не только представлен адекватный анализ следов русского влияния в лексике и грамматике (хотя и у него можно найти отдельные неточности), но и содержатся ссылки на работы, опубликованные на русском языке, начиная с Вениаминова. К сожалению, этим не могут похвастать большинство других исследователей, что постоянно приводит, с одной стороны, к «изобретению велосипеда» (вследствие игнорирования работ, написанных по-русски), а с другой стороны, к забавным казусам в интерпретациях (это неизбежно: трудно представить себе человека, успешно занимающегося изучением лексики английского языка и не имеющего ни малейшего представления о французском).

ский, к исчезновению. Наряду с этим численность алеутов продолжала сокращаться, причины оставались те же – болезни и высокая детская смертность.

С 1910-х годов в американских школах было полностью запрещено пользоваться родным языком. За нарушение этого запрета детей даже подвергали телесным наказаниям. Социальная философия "плавильного котла", которая на Аляске ярче всего проявилась в деятельности первого уполномоченного по образованию (1885–1908), пресвитерианского священника Шелдона Джексона, привела к трагическим последствиям: первая половина двадцатого века была "временем гробового молчания для языков коренных жителей Аляски. Этот <...> период полного подавления оказался пагубным для многих языков коренного населения" (Краусс 1981:161).

Принятый в 1967 году федеральный закон о двуязычном обучении открыл возможность преподавать в американских школах на других языках кроме английского, и это заметно улучшило положение дел. Центр изучения языков коренного населения Аляски, созданный по инициативе Майкла Краусса при университете штата Аляска (г. Фэрбенкс), выпускает учебные пособия и другую литературу на алеутском языке (см., например: Aleut Traditions 1976; Aleut Historical Traditions 1976; Atkan Food 1978 и мн. др.). Составляются школьные программы, проводятся семинары по вопросам повышения грамотности, консультации с учителями. Создан обширный архив, фонды которого содержат практически все известные на сегодняшний день печатные и рукописные документы, имеющие какое-либо отношение к языкам коренного населения Аляски, включая алеутский (подробнее см.: Краусс 1981: 165; электронный каталог архива доступен на сайте университета). К сожалению, в последние годы по инициативе властей штата Аляска (в основе этого решения – экономические причины) алеутский язык был исключен из программы школьного преподавания.

По данным на 1988 год (Bergsland 1989b; см. также: Bergsland 1998), в США было лишь 510–525 носителей алеутского языка. Они распределялись по островам следующим образом: Атка – 80 чел., Умнак – 25, Уналашка – 10–15, Акутан – 10–15, Кинг Коув (бывший Белковский – поселение на Аляске) – 10–15, острова Прибылова: Св. Павла – 250, Св. Георгия – 125. Исследователи, собиравшие социолингвистические данные чуть позже (Hallamaa 1995; 1997), дают несколько другие цифры владеющих языком: Атка – 44 (самый молодой носи-

тель в возрасте 25 лет), Акутан – 4 (самый молодой – 70 лет), о. Св. Павла – 40 (самым молодым носителям не менее 50 лет), о. Св. Георгия – 15 человек (самые молодые носители старше 50 лет), Кинг Коув – 10 (самые молодые носители старше 60 лет). Как всегда, когда дело касается числа владеющих языком, информация оказываются противоречивой. Однако все данные не расходятся в одном: хотя говорящих на аткинском диалекте в абсолютном исчислении меньше, чем говорящих на уналашкинском, средний возраст носителей аткинского существенно ниже. Следует отдельно отметить особую ситуацию с той языковой общностью, которая возникла на островах Прибылова. Уровень владения языком в этой группе носителей восточного диалекта значительно выше, чем в других местах. Этот факт, а также некоторая территориальная обособленность «работают» на создание местными жителями своей собственной коллективной идентичности. В последнее время они все чаще настаивают на том, что их язык не похож на язык других носителей восточного диалекта (Краусс, устное сообщение). Такая позиция хорошо укладывается в процесс конструирования собственной идентичности, хотя, если подходить к вопросу языковых различий со строго лингвистических позиций, оснований для объявления языкового варианта алеутов островов Прибылова самостоятельным диалектом все-таки недостаточно. Это, разумеется, не исключает каких-то, возможно, вполне осознанных изменений, которые могут внести в него сами носители в будущем (см.: Головки 2001; Golovko 2003).

Необходимо дать пояснения, касающиеся общего числа алеутов. По данным переписи 1990 года, численность алеутов в США 23797 человек. Именно столько людей идентифицируют себя в качестве алеутов. Эта внушительная цифра включает всех – как людей, называющих себя алеутами из «идейных», так и из экономических соображений (чтобы использовать льготы, полагающиеся коренному населению); об особенностях самоидентификации коренного населения США см., например: Eschbach, Supple, Snipp 1998). В случае с Аляской важную роль в самоидентификации сыграл Alaska Native Claims Settlement Act (принят в 1971 году), в соответствии с которым создавались региональные и поселковые корпорации коренного населения. Эти сугубо экономические организации должны были, естественно, стремиться к рентабельности и, таким образом, обеспечить развитие как всего штата, так и, в первую очередь, улучшить материальное положение коренного населения. Однако, как видно уже из названия, членами

корпораций (создававшихся по месту жительства) могли стать только те, кто причислял себя к коренному населению. Каждый житель должен был «определиться» – отнести себя к категории коренного населения или остаться «некоренным». Население Аляски, значительная часть которого представляет собой самую причудливую «человеческую смесь», было поставлено перед трудным выбором. В конце концов практически все, у кого нашлись любые документы, подтверждающие наличие не менее чем четверти «коренной крови» (таково было условие «Акта»), записались в «коренные». Как часто бывает в таких случаях (см.: Вахтин, Головкин 2004; Вахтин, Головкин, Швайцлер 2004), экономический стимул оказался самым важным: «коренными» стали даже те, кто раньше не только не считал себя «коренным», но, более того, относился к ним с некоторым высокомерием. Похожая ситуация сложилась с алеутами в СССР (см. ниже). В литературе можно встретить разные цифры, отражающие численность алеутов в разное время; то же самое относится и к другим народам Севера. Эти расхождения объясняются «демографическими» причинами (см. об этом явлении: Bogoiavlenskii 2000; Богоявленский 2005: 61).

Начало конструирования единой «алеутской» этничности (как и любой другой) связано с вмешательством государства. Разумеется, до появления на Аляске европейцев у предков нынешних алеутов не существовало никакого представления о себе как о едином народе. Стремление государства «всех посчитать» вело к поискам оснований для такого подсчета. В качестве классифицирующего этнического признака в науке того времени использовался прежде всего язык. Поэтому «алеутами» (слово по происхождению не алеутское, см. об этом ниже) стали все, кто говорил на диалектах этого языка (точнее, на том, что посчитали диалектами). Нечто подобное происходило в колониальный период в большинстве регионов мира. Однако в случае с алеутами сыграли роль и другие факторы. РАК ввела свою внутреннюю социальную классификацию: (русский) промышленник – креол – алеут. Она отражала не столько степень «чистоты-смешанности», сколько приписывала различные социальные статусы, закрепляла за «рабочими» РАК различные права и обязанности. То, что введенная категоризация имела социально-экономическую, а не этническую основу подтверждается случаями перевода из разряда «алеутов» в разряд «креолов», а из разряда «креолов» в разряд «нормальных» российских подданных (такие факты «повышения по службе» приводятся в работе: Black 1980a: xxiii). Та-

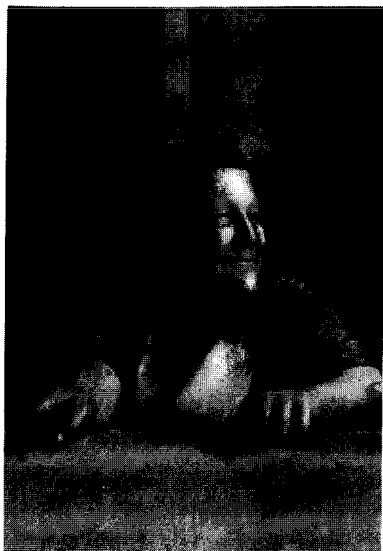
Вид села Никольское на острове Беринга.
Фото В. Гиппенрейтера

Мария Аркадьевна Бадаева. Рисунок С. Пасенюка. 1982 г.

Валентина Михайловна Кияйкина,
самая молодая носительница языка.
1982 г.

Прасковья Александровна Березина
(за этим столом записана большая часть
лингвистического материала). 1985 г.

Прасковья Александровна Березина и Евгений Васильевич Головки,
один из авторов этой книги. 1982 г.

им образом, "алеутами" в период существования РАК оказались записаны не только говорящие на соответствующих диалектах, но и разнообразные группы коренного населения, попавшие в сферу юрисдикции РАК, например современные тихоокеанские эскимосы, небольшая часть группы эскимосов центральный юпик. Несмотря на то что современные научные классификации (в основе которых лежат прежде всего языковые данные) относят, например, коренных жителей острова Кадьяк к эскимосам, сами они сегодня настаивают на своей алеутской идентичности и используют при этом соответствующее самоназвание Alutiĭq (по-английски они называют себя Aleut, то есть «алеутами»). В США такой способ самоидентификации сегодня учитывается на административном уровне: упомянутые группы числятся алеутами (подробнее о понятии "алеут" см.: Крупник, Членов 1987: 47; Ляпунова 1987: 119; Black 1990; Вахтин, Головкин 2004: 86–91; Вахтин, Головкин, Швайццер 2004: 109–115; Люрман 2001; Luehrmann 2008: 115–120).

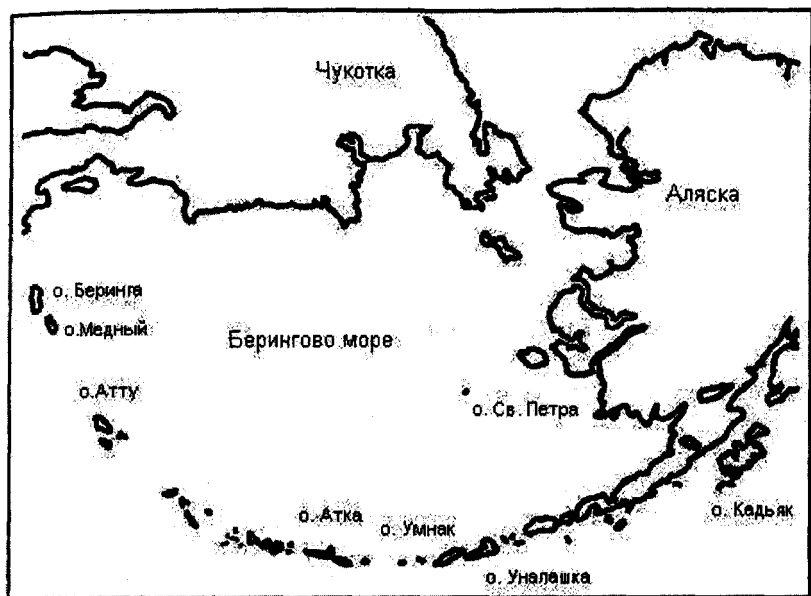
В настоящее время алеуты живут помимо США также на территории Российской Федерации. Общая численность алеутов в России, по данным последней переписи 2002 года, 540 человек. Большинство российских алеутов – жители Камчатской области. По данным переписи населения 1979 года (то есть в тот период, когда мы проводили полевую работу), здесь насчитывалось 365 чел., из которых 300 чел. были представителями сельского и 65 чел. – городского населения. Большую часть алеутов (несколько более 280) в 1979 году составляли жители Командорских островов. Согласно переписи 2002 года, общая численность алеутского населения Камчатской области – 446 чел. В единственном ныне существующем на Командорских островах селе Никольском (остров Беринга) живет около 300 человек, идентифицирующих себя в качестве алеутов.

Командорские острова, открытые Второй Камчатской экспедицией Витуса Беринга в 1741 году, расположены приблизительно в 160 км к востоку от побережья Камчатки и включают, помимо двух мелких островков (остров Топорков и остров Арий камень), два крупных острова – Беринга и Медный. В отличие от островов Алеутской гряды, Командорские острова не имели коренного населения, по крайней мере, не найдено надежных доказательств существования древних жителей. Первой попыткой колонизации островов можно считать высадку на остров Медный осенью 1805 года 13 русских промышленников (Хлебников 1979: 156–158, 181). Начиная с это-

го времени здесь образуются постоянные поселения. С 1826 года Российско-американская компания стала завозить на острова промысловых рабочих – алеутов с Алеутских островов и островов Прибылова. Помимо алеутов и русских на острова в единичных случаях попадали представители других национальностей (подробно о заселении Командорских островов см.: Ляпунова 1982; Ляпунова 1987: 177-202; Крупник, Членов 1987). Так, с легкой руки Е.К. Суворова, из работы в работу стали кочевать "кадьякские эскимосы, курильские айны, тлингиты и даже одна киргизка" (Суворов 1912: 98). Кажется, этой фразе не стоит придавать слишком большое значение, и даже не потому, что подтвердить или опровергнуть эти факты невозможно (многие документы того времени утрачены), – здравый смысл подсказывает, что, например, "курильскими айнами" скорее всего были алеуты, прибывшие на Командоры не напрямую с Алеутских островов, а "транзитом" через Курилы – (впервые подробные сведения о временном проживании небольшой группы алеутов на Курильских островах были приведены в работе японского исследователя Осаму Баба (Baba 1943). Задача настоящей книги – описание структуры языка, поэтому мы не пытаемся подробно анализировать здесь такого рода факты. Стоит заметить лишь, что история переселений с острова на остров представляется чрезвычайно запутанной и вряд ли когда-нибудь она будет прояснена до конца. Как уже отмечалось, РАК представляла собой мощное экономическое предприятие, в котором передвижение рабочей силы определялось прежде всего соображениями выгоды. Все факты переселения должны были фиксироваться, однако большая часть документов (особенно документов "местного уровня") не сохранилась.

К 1890 году население обоих островов составляло 619 человек: на острове Беринга – 345 человек, на острове Медном – 274 человека (Суворов 1912: 104). С этого времени переселения на острова прекратились и численность населения стала неуклонно уменьшаться, достигнув ко времени установления на островах советской власти (1920 год) 377 человек (остров Беринга – 206 человек, остров Медный – 171 человек). Сегодня единственное место в Российской Федерации, где алеуты живут компактной группой, – село Никольское (остров Беринга), которое является центром Алеутского национального района и фактически единственным постоянным населенным пунктом этого района.

АЛЕУТСКИЕ И КОМАНДОРСКИЕ ОСТРОВА

До начала 1990-х годов алеуты составляли менее 20% населения села Никольского. Несмотря на очень значительный отток приезжих в последние 10–15 лет (население Никольского за этот период сократилось вдвое – с полутора тысяч до примерно 700–750 человек), алеуты на острове Беринга составляют меньшинство населения.

До конца 1960-х годов прошлого века почти половина алеутов (около 43%) жила в селе Преображенском на острове Медном (второй остров в группе Командорских островов), которое было закрыто властями во время проведения кампании ликвидации так называемых неперспективных сел и деревень (последним годом существования поселка, видимо, можно считать 1969 год).

В число трех сотен алеутов сегодняшнего Никольского входят как "берингОвцы", так и "меднОвцы" (именно с такими ударениями произносят эти названия сами местные жители). Алеуты прекрасно помнят о своем происхождении с острова Беринга или с острова Медного. Это деление играет важную роль в самоидентификации этих двух групп. Помимо двух разных языков, на которых говорят (говорили) эти две группы, в качестве символических маркеров самоидентификации вы-

ступают и другие признаки: различные манеры исполнения песен (мы сами были свидетелями постоянных споров между участниками объединенного фольклорного ансамбля о том, как правильно исполнять ту или песню), пища и – шире – кухня (так, беринговцы любят подшучивать над медновцами, утверждая, что последние только после переселения на остров Беринга научились есть красную рыбу, им привычнее треска, это отражает различия в природных условиях двух островов) и т.д.

Мы не располагаем самыми последними сведениями, однако, по данным похозяйственных книг за 1982 год, в Никольском было 115 хозяйств, включавших алеутов и состоявших в среднем из трех человек (минимум 1, максимум 8). Число алеутских хозяйств – 53, или 46% (включая одиночек), остальные 62 хозяйства смешанные (подробный анализ социолингвистической ситуации, сложившейся на о. Беринга в 1980-х годах, представлен в работах: Асиновский, Вахтин, Головкин 1983; Головкин, Вахтин, Асиновский 1987). Отметим, что национальность взрослых фиксируется в похозяйственных книгах в соответствии с паспортными данными, национальность детей записывается со слов родителей. В случае межнационального брака (например, русско-алеутского) ребенка записывали, как правило, алеутом. На весь поселок было только три случая русско-алеутских браков, дети от которых числились в похозяйственных книгах русскими. Встречались семьи, в которых отец и мать русские, а одна из бабушек алеутка, при этом детей все равно старались записать алеутами. Такое предпочтение объяснялось некоторыми материальными льготами, которые предоставлены коренному населению: бесплатные ясли и детский сад, бесплатное содержание в интернате¹⁴, льготы при поступлении на факультеты народов Севера и, главное, квота на лов лососевых рыб.

Анализ типов браков (подробно см.: Асиновский, Вахтин, Головкин 1983; Головкин, Вахтин, Асиновский 1987) между жителями бывшего села Преображенского ("медновцами"), жителями села Никольского ("беринговцами") и приезжими показывает, что с ликвидацией Преображенского изменился тип браков: в первую очередь почти полностью исчезли случаи, когда беринговский или медновский мужчина выбирал себе жену из своей группы, то есть в значительной степени произошло стирание границ между медновскими и берингов-

¹⁴ В 1988 году школа-интернат была закрыта, продолжала существовать только обычная средняя школа.

скими алеутами, что естественно в условиях жизни в одном поселке. Заметно возросло число браков алеутских женщин с приезжими, а также стало больше случаев, когда отец ребенка неизвестен. Значительное число смешанных браков у младшего поколения, видимо, дает основание говорить об очень высокой (особенно на фоне других народов Севера) степени выравнивания коренного и приезжего населения. Возможно, главный признак такого выравнивания – заметное увеличение числа браков мужчин-алеутов с приезжими женщинами. По некоторым другим признакам, впрочем, выравнивание не столь очевидно. Так, уровень образования алеутов оставался в целом ниже, чем у приезжих. Если среди последних число людей с высшим и полным средним образованием к концу 1980-х годов достигало 92%, то для алеутов эта цифра составляла всего 49% (подробно см.: Асиновский, Вахтин, Головкин 1983; Головкин, Вахтин, Асиновский 1987).

До 1980-х годов алеутский язык на Командорских островах никогда не преподавался в школе. В 1931 году Елизавета Порфирьевна Орлова с помощью "бригады" алеутов (Николай Будаков, Павел Волокитин, Александр Ножиков, Моисей Паньков, Степан Сушков, Александра Шадрова)¹⁵ – студентов Дальневосточного техникума народов Севера (г. Хабаровск)¹⁶ составила алеутский букварь с названием Аг'адгих'хан'акух' "Солнце восходит" (Орлова 1931). Букварь был создан на основе латинского алфавита, предназначался для печати и должен был выйти в 1932 году, однако так же, как и ряд букварей на других языках малочисленных народов СССР, не был издан. По утверждению В.М. Алпатова, при переходе с латиницы на кириллицу (эта акция, конечно, имела политическую подоплеку) письменность потеряли по меньшей мере одиннадцать языков (Алпатов 2000: 91). При этом алеутский в их число не попадает, поскольку письменность для алеутов на латинской основе только собирались вводить. Если считать алеутов и другие народы, оказавшиеся в таком же положении, то число "пропавших письменностей" значительно вырастет. В качестве причины отказа от введения письменности обычно

¹⁵ Интересно отметить, что букварь составлен на основе беринговского диалекта, однако среди помощников составительницы были и носители медновского языка, что скорее всего говорит о существовании в то время «алеутского двуязычия», т.е. о владении обоими алеутскими языками – беринговским и медновским.

¹⁶ См. об этом: (Орлова 1932; 1972).

называется малочисленность населения. Первая попытка факультативного преподавания алеутского языка (беринговский диалект) в младших классах была предпринята в 1983-85 годах Валентиной Сергеевной Сушковой с использованием машинописного пособия (Головко, Вахтин, Асиновский 1983). После 1988 года было несколько попыток возобновить преподавание. Помимо упомянутого пособия использовался неопубликованный алеутско-русский словарь, отражающий природные ресурсы Командорских островов (Головко 1989), – создавался по заказу биологов, работающих в МГУ, однако по соображениям объема так и не был включен в сборник, посвященный природным ресурсам Командорских островов (Природные ресурсы 1991), а также учебный алеутско-русский и русско-алеутский словарь (Головко 1994). Причиной относительной неудачи в налаживании преподавания алеутского языка (который фактически должен был преподаваться как иностранный, см. об этом: Golovko 1993) стало не отсутствие желания со стороны администрации или учащихся, а недостаток кадров: никто из молодых алеутских преподавателей, пытавшихся организовать занятия, не владел языком, а приглашение на занятия в качестве помощников пожилых людей было не всегда возможно. Однако, несмотря на все трудности, в Никольском и сегодня предпринимаются усилия наладить факультативное преподавание языка.

Преобладание смешанных браков, жизнь в поселке, в котором для большей части населения родной язык русский, отсутствие в прежние годы преподавания алеутского языка в школе и, пожалуй, в первую очередь малочисленность группы командорских алеутов (все перечисленные выше причины в конечном счете можно считать производными от этой) неизбежно должны были привести к утрате алеутами своего языка. Уже по данным переписи 1959 года лишь 22,3% алеутов называли алеутский родным языком¹⁷. Сегодня молодые алеуты не говорят и не понимают по-алеутски, в лучшем случае их словарный запас составляет несколько слов. Алеутский язык зна-

¹⁷ При этом мы отдаем себе отчет в том, что фиксация в переписях родного языка, как и национальности, дает цифры, которым, мягко говоря, нельзя слепо доверять (см. об этом: Беликов 1997; Вахтин 2001: 43–87). И дело здесь даже не в возможных подтасовках в зависимости от политической конъюнктуры, а в том, что в понятие "родной язык" респонденты могут вкладывать различное содержание (см.: Вахтин, Головко 2005).

ют лишь отдельные представители самого старшего поколения. Еще в 1963 году Георгий Алексеевич Меновщиков отмечал отход молодого поколения от родного языка. В то время, по его данным, из старшего поколения владели языком не более 50 чел., причем хорошо – около 30 (Меновщиков 1965: 85). В настоящее время этот процесс зашел еще дальше. В 1982 году было проведено исследование по методике, разработанной Н.Б. Вахтиным (подробнее об этой методике см: Vakhtin 1990; Вахтин 1992; Вахтин 2001a), основные результаты которого можно коротко изложить следующим образом (подробно см.: Асиновский, Вахтин, Головкин 1983; Головкин, Вахтин, Асиновский 1987). В конце 1980-х годов все алеуты без исключения свободно говорили по-русски, лишь некоторые представители самого старшего поколения (в то время 4–5 человек) с заметным алеутским акцентом и грамматическими ошибками, имевшими несомненное "алеутское происхождение"¹⁸. Степень владения языком коррелировала с возрастом:

- все алеуты старше 60 лет свободно владели языком;
- от 50 до 60 лет: большинство могли говорить, но в качестве средства общения предпочитали русский язык, на котором говорили свободно и почти без акцента;
- от 40 до 50 лет – могли объясняться по-алеутски простыми фразами, понимали обращенную к ним речь;
- от 30 до 40 лет – понимали общий смысл сказанного, поддерживать разговор не могли;
- младше 30 лет – не знали алеутского языка.

Людей, которые могли бы служить дикторами для лингвистов, с каждым годом становится все меньше. Если в 1980-е годы нашими "безоговорочными" информантами могли быть 5–7 носителей беринговского диалекта и 10–12 носителей медновского языка (подробнее об алеутских диалектах и медновском языке см. раздел 2 ниже), то сейчас, по некоторым

¹⁸ Приведем самые памятные ошибки в произношении и в грамматике: авторов этой книги звали, конечно, Зэня, Коля и Саса (о составе алеутских фонем см. соответствующий раздел), а в грамматике самой «непобедимой» ошибкой было алеутское *pluralia tantum* – «Я сейчас их [белье] повешу, потом будешь меня спрашивать» (чх'ууг'ис «белье», употребляется только во мн. ч.); другие подобные слова – сайгис "ружье"; плаат'ис "женское платье" (из русского) и мн.др. (см.: Головкин 1994).

данным, таковых почти не осталось: 2–3 "беринговца" и 3–4 "медновца"¹⁹.

Собственно алеутский фольклор полностью отсутствовал уже в начале 1980-х годов. В отличие от алеутов острова Атка (США), алеуты острова Беринга уже в 1980-х годах не рассказывали на родном языке даже адаптированных русских сказок, которые на Атке воспринимаются сегодня как свой, "исконный" фольклор, см. запись сказок в издании (Kasakam unikangis 1978: название переводится "русские сказки"). В экспедициях нам удалось записать лишь текстовые отрывки (именно отрывки, а не целые тексты) бытового и автобиографического характера²⁰. Показателем быстрого исчезновения языка можно считать частичную замену алеутской терминологии родства на русскую²¹. То же касается микротопонимики: практически все местные названия по происхождению русские²².

¹⁹ Совершенно фантастично выглядит число людей, считающих алеутский язык родным, по данным переписи 2002 года, – 175 (!) человек из общего числа алеутов (540 чел.). Как уже отмечалось выше, причина появления таких невероятных цифр кроется скорее в разном понимании термина «родной язык» (см. об этом, напр.: Вахтин, Головкин 2005 и мн. др. работы), чем в чьих-то злокозненных намерениях. Задним числом автор этого раздела должен признаться в том, что во время трех последних переписей из озорства указывал алеутский язык в качестве родного, однако трудно представить, что во время последней переписи в России нашлось не менее 160 таких шутников.

²⁰ Наша настойчивость, желание во что бы то ни стало записать "какую-нибудь сказку" иногда приводили к забавным результатам. В один прекрасный день одна из наших информанток наконец сообщила, что вспомнила одну алеутскую сказку и готова ее рассказать. Однако радость автора этого раздела была недолгой: при расшифровке быстро выяснилось, что "сказка" представляет собой рассказ Льва Толстого "Косточка".

²¹ Здесь же заметим, что большие трудности возникают при составлении алеутских генеалогий. Практически ни у кого из наших информантов "генеалогическая память" не распространяется дальше, чем на два поколения (см. также: Крупник, Членов 1987).

²² Конечно, строго говоря, ни замена терминологии родства (между прочим, этот процесс начался довольно давно: все соответствующие русские термины есть в языке американских алеутов), ни отсутствие алеутских топонимов (нам удалось обнаружить на Командорах единственный алеутский топоним Ситхинуу – название свалки рядом с поселком, букв. "пахнущее экскрементами": ситхи-с "экскременты", -ну- –

За два с лишним века интенсивных контактов с русскими очень многие "исконные" элементы алеутской культуры оказались вытесненными. Воспринятые от русских черты осознаются сейчас самими алеутами как "исконно алеутские". Так, в 1980-е годы, когда мы занимались сбором материала в Никольском, национальным музыкальным инструментом считалась балалайка (на которую наносился какой-нибудь "национальный" рисунок – морж, кит, чайка и т.п.), алеутские песни начиная еще с XIX века исполнялись в традиционной русской манере, под гитару, балалайку, гармонию, и на мотив русских песен (см. нотную запись песен в работе: Бондарева 1966), хотя и на алеутском языке; своими национальными танцами командорские алеуты считали "кадриль" и "баланс". Традиционная одежда, известная из ранних этнографических описаний, в быту не использовалась совсем, хотя в некоторых семьях в 1980-е годы она частично сохранялась (нам показывали, например, камлейку, торбазу). Одежда же, в которой выступал в 1980-е годы фольклорный ансамбль, представляла собой в лучшем случае стилизацию, а в худшем компиляцию разнородных элементов, причем конкретные формы вновь "изобретаемой традиции" (Андерсон 2001) определялись вкусами и представлениями очередного приезжего руководителя фольклорного ансамбля. Насколько нам известно, за последние пятнадцать лет произошел заметный крен в сторону большей «алеутскости», прежде всего это отразилось на одежде фольклорного ансамбля, особенностях музыкального исполнения, музыкальных инструментах²³. Этому способствовали

суффикс со значением "пахнуть", см. п. 4.3.1 главы 2) сами по себе не являются показателями исчезновения языка. Однако применительно к алеутскому языку в сочетании с другими чертами их можно считать характерными признаками языкового сдвига.

²³ Например, сегодня самая популярная фотография «современного командорского алеута» в Интернете выглядит так: мужчина с бубном в традиционной одежде, в том числе в знаменитой алеутской «шапке-козырьке». В 1980-е годы наши рассказы о шапках и бубнах (подкрепленные иллюстрациями из привезенных с собой книг) информанты в лучшем случае слушали с изумлением, а чаще с полным равнодушием – все это было им абсолютно незнакомо. Пришло другое время, включились в работу новые важные факторы, работающие на самоидентификацию, – и традиция изобретается заново. Мы пишем обо всем это, конечно, без всякой иронии – это естественный и повсеместный процесс. Достаточно вспомнить, как после 1991 года все русские вдруг "вспомнили", что они православные, и т.д.

как международные контакты (визиты алеутов с американской территории²⁴), так и возможность получать более подробную информацию о традиционной культуре из Интернета, книг, фильмов и т.д. Все перечисленные изменения, случившиеся в последнее время, связаны с потоком новой информации, новыми обстоятельствами, которые стали причиной иных акцентов в конструировании этничности. Очевидно, что сегодня этот процесс во многом представляет собой "равнение" на американских алеутов, то есть попытку конструирования общей с ними идентичности. Те черты, которые имеют явное русское происхождение и оказались вытесненными на Алеутских островах после продажи их США, сегодня "не выпячиваются" командорскими алеутами; напротив, некоторые другие черты (например, элементы традиционной одежды или приверженность православию, о котором в 1980-е годы все наши информанты имели в лучшем случае смутное представление²⁵) "берутся на вооружение".

Алеуты уже очень давно, со времени существования РАК, не занимаются традиционным алеутским морским промыслом (охота на морского зверя в открытом море). Таким образом, между алеутами, какими они предстают в классиче-

²⁴ Справедливости ради, следует заметить, что о "чистоте" традиций говорить не приходится и в отношении американских алеутов (равно как и в случае с абсолютно любой другой группой). В дело могут вмешаться разные, казалось бы, самые неожиданные факторы, – главное, чтобы у группы существовала потребность принять то или иное изменение. Нам рассказывали, что в начале 1990-х годов в одном из поселков на Алеутских островах появилась руководительница одного из "фольклорных ансамблей" с Камчатки, которая объяснила местным жителям, как должны выглядеть их "национальные" танцы. Танцы, правда, были корякские, но были с готовностью освоены и приняты как свои, "исконные".

²⁵ Причина этого очевидна – наши алеутские информанты ничем не отличались от своих сверстников, живших в других частях страны. Почти все они состояли в комсомоле, посещали политинформации, делали физкультурные пирамиды и т.д. Никто из них не мог припомнить, чтобы у них дома был Новый Завет или какая-либо иная религиозная литература (на русском или алеутском языках), которая, по нашим предположениям, могла быть или взята с собой при переезде с Алеутских островов, или приобретена уже на о. Беринга. Единственный раз религиозная тема всплывает в совместном рассказе двоих мужчин-медновцев о том, как во время антирелигиозной кампании комсомольцы-активисты, в том числе оба наших рассказчика, сносили церковь.

ском описании Вениаминова, и современными жителями Командорских островов нет практически ничего общего. Однако, говоря о современных командорских алеутах, вряд ли имеет смысл перечислять только утраченное из древней алеутской культуры. Как справедливо отмечают М.А. Членов и И.И. Крупник (Членов, Крупник 1987: 160–163), культура командорских алеутов с самого начала своего формирования включала три достаточно разных исходных элемента: 1) древнюю культуру жителей Алеутских островов и Аляски в том виде, в каком застали ее русские путешественники и промышленники середины – второй половины XVIII века; 2) так называемую креольскую культуру Русской Америки, которая отнюдь не была механическим соединением двух культур, местной и европейской, но обладала многими своими особенностями; 3) русскую старожильческую культуру Камчатки и Дальнего Востока. Взаимодействие этих трех компонентов и создало к концу XIX века уникальный культурный облик алеутов. Изучение этих трех компонентов не может быть полным без участия лингвистов. Так, исследование "чистого" беринговского диалекта можно рассматривать в рамках исследования первого компонента (интерференционные процессы, процесс заимствований можно при этом трактовать в рамках воздействия третьего компонента на первый), анализ строя медновского диалекта (см. об этом ниже) связан с раскрытием роли второго компонента в формировании культурного и языкового облика современных командорских алеутов.

Все, что происходило с алеутами на протяжении последних двух с половиной веков, говорит в пользу того, что люди должны были бы давно отказаться от своего языка. Результатом быстрой и жесткой колонизации стало резкое изменение социального статуса всех членов сообщества; разрушение традиционного образа жизни, утрата традиционных ценностей; произошло огромное число событий, не отмеченных в предыдущем опыте, велась активная миссионерская деятельность. Как следствие всего перечисленного, обычно возникает угроза потери идентичности, что неизбежно вызывает в конкретном сообществе глубокий психологический стресс. В некоторых случаях такая ситуация может привести к возникновению движения сопротивления (так наз. *revitalization movement*) в тех или иных формах (см. подробнее: Головкин, Швайццер 2006; Schweitzer, Golovko 2007), однако чаще члены сообщества пытаются адаптироваться к сложившейся ситуации. Очевидно, в рамках такого рода адаптационных стратегий

можно рассматривать и языковой сдвиг, который начался очень давно, видимо, еще во времена РАК, и в настоящее время, как кажется, приближается к своему завершению. При этом в любой подобной ситуации нельзя сводить все дело только к соображениям практического удобства выбора сообществом того или иного языка. Поскольку конструирование этничности двусторонний процесс, а критерии этнического приписывания и самоприписывания различаются по своей природе, то самоопределение группы зависит не только от внутренних причин в пределах группы, но и от поведения ее окружения (см.: Barth 1969; Jenkins 1994; Jenkins 1997). При всех изменениях, произошедших за последние 250 лет, алеуты остаются алеутами и во взаимодействии с окружающими группами продолжают (для каких-то определенных моментов в их истории, возможно, правильнее было бы сказать – вынуждены) поддерживать свою особую этничность. Одним из маркеров этой этничности продолжает оставаться язык.

Важно отметить, что в ситуациях, наподобие описанной выше, у языка уже нет привычного набора функций. Прежде всего, он перестает быть средством коммуникации (об этом применительно к другой этнической группе см.: Вахтин 2001б: 284–287). Реальное ежедневное общение происходит на другом языке – на том, который выгоднее использовать по многим "практическим" причинам (для российских алеутов это русский язык, для американских – английский). "Свой", алеутский язык выполняет только символическую функцию. Как было показано в некоторых других публикациях и на другом материале (см.: Вахтин 2001б), для использования языка в этой функции не требуется глубокого и полного постижения его структуры, лексического богатства и т.д. – можно ограничиться некоторыми языковыми (авто)стереотипами. Это может быть использование в русской речи отдельных алеутских слов, приведенная к месту поговорка, которая считается алеутской, исполнение к случаю одной из двух-трех оставшихся песен на алеутском языке, то есть реализуется модель поведения: "мы, алеуты, в таких случаях говорим так-то".

Такое знание языка, как и любые культурные знания, передается от поколения к поколению, и владеть этим знанием, точнее, демонстрировать его, обязаны старшие (см.: Вахтин 1992).

В этом отношении сакраментальная фраза, встречающаяся во всех описаниях "исчезающих языков", – "язык остается средством бытового общения представителей самого

старшего поколения" – по меньшей мере не полностью описывает ситуацию. Старшие не столько общаются на этом языке, сколько демонстрируют свой статус и, соответственно, свое "обладание" языком, право владения им. Меновщиков, работавший в Никольском в самом начале 1960-х годов, рассказывал нам, что информантки, с которыми мы общались в 1980-е годы, не считались в то время хорошо знающими язык (хотя мы имели возможность убедиться, что для всех них алеутский был первым языком) и по большей части молчали. Возможно также, что помимо возрастного / поколенческого признака для того, чтобы обладать статусом "знатока языка", была важна и гендерная составляющая. Меновщиков работал с мужьями наших информанток (напомним, что в 1980-е годы, когда мы оказались в Никольском, уже не осталось никого из мужчин, знающих беринговский диалект), жены же не считались достаточно компетентными; ср. также такой факт: первые информанты-женщины среди американских алеутов появляются только у Гордона Марша в экспедиции 1948 года, см.: Bergsland 1994: xiii). Современная ситуация в Никольском²⁶ очень напоминает ту, которую мы застали в 1980-е годы: люди, которые не считались в то время "знатоками" и к которым мы не обращались как к информантам, сейчас слынут экспертами в языковых вопросах. Попутно заметим, что помимо отмеченных выше языковых (авто)стереотипов демонстрация владения знанием может принимать и другие формы. Например, по дошедшим до нас рассказам современных жителей Никольского, оставшиеся две-три носительницы языка (точнее, люди, имеющие на сегодняшний день такой статус) иногда собираются вместе, по их словам, для того, чтобы поговорить "на своем языке". При этом, несмотря на уговоры, они отказываются допускать кого-либо на эти встречи, производить видеосъемку или делать аудиозаписи. В данном случае это также можно считать своеобразной демонстрацией статуса обладателя "сокровенного" традиционного знания.

Принимая в расчет специфику передачи такого знания языка, можно понять удивление лингвистов, которые, находясь в полной уверенности, что язык уже давно мертв (а впечатление это возникает оттого, что языка "не слышно" – ведь для того, чтобы реализовывать его символическую функцию, не обязательно говорить на нем каждый день или вообще го-

²⁶ Мы благодарны сотруднице местного краеведческого музея Н.А. Татаренковой за информацию о нынешнем положении дел.

ворить друг с другом), выезжают "в поле" и вновь, и вновь застают стариков, которые, оказывается, "что-то знают" и могут хотя бы в какой-то степени служить им информантами. Такое "раздвоение", такое отделение символической функции кажется естественным, когда речь идет о других этнических маркерах, о других типах культурных знаний (человек может никогда не делать каких-то вещей, но знать, то есть уметь рассказать, "как у это у нас делается"). Что же касается языка, то (возможно, под влиянием структурной лингвистики) часто забывают, что язык это не просто некоторая "система знаков", работающая только как средство коммуникации, но и форма социального поведения. Каким будет это поведение, зависит от многих обстоятельств, однако ясно, что пока язык в сознании конкретной общности ассоциируется с собственной идентичностью, жить (пусть в очень редуцированной форме) он может очень долго²⁷ — отсюда многочисленные ошибки в предсказаниях "языковой смерти". Еще в первой половине XIX века Вениаминов полагал, что алеуты (имеются в виду жители Алеутских островов, где положение с языком все-таки несколько лучше, чем на Командорах) "не в долгом времени

²⁷ Эта связь с идентичностью несет в себе потенциал для возрождения языка, ср. хотя бы хрестоматийный пример с ивритом. Однако иврит, кажется, продолжает оставаться исключением. Это не означает, конечно, что нет никакого смысла в издании разного рода пособий для школ и учебных словарей. Если даже существование таких книг не приносит видимых результатов в деле "возрождения" языка (повторим, что примеров такого возрождения попросту нет, за исключением того же иврита), оно активно используется группой для конструирования собственной идентичности (этничности): "у нас, алеутов (эскимосов, удегейцев, энцев и т.д.) есть свой язык, на нем говорили наши предки, он зафиксирован на письме, дети учат его в школе и т.д." Показательна судьба машинописного "Пособия для учителя" (Головкин, Вахтин, Асиновский 1983), составленного авторами настоящей книги после первой экспедиции на Командорские острова в 1982 году, размноженного на свой страх и риск на "засекреченной" в те времена фотокопировальной технике и отправленного в Никольское. Во время второй экспедиции, в 1985 году, выяснилось, что попытки факультативного преподавания языка в школе оказались безуспешными. При этом все экземпляры пособия местные жители разобрали по домам и держали их на полках. Фактически пособие играло совсем не ту роль, на которую мы рассчитывали: оно не использовалось для преподавания ("возрождения") языка, но демонстрировалось хозяевами приезжим (а родителями — детям) как еще один признак "алеутскости".

оставят язык свой" (см. эпиграф к этому разделу). Однако и в ХХІ веке исследователи пытаются записать лингвистический материал, причем даже у командорских алеутов (см. Oshima 2001; Осима 2003).

2. Особенности сбора полевого материала в условиях языкового сдвига

В связи с происходящим среди российских алеутов языковым сдвигом необходимо сказать несколько слов о методах сбора полевого материала, которые мы использовали в экспедициях. Специфику ситуации определяли два важных обстоятельства: во-первых, все наши информантки, несмотря на то что алеутский был их первым (материнским) языком, на протяжении многих лет в основном говорили по-русски; во-вторых, для беринговского диалекта продолжает существовать на американской территории "материнский диалект", аткинский (см. об этом подробнее следующий раздел), который на момент нашей работы на острове Беринга был довольно хорошо документирован: были опубликованы тексты (Bergsland 1959), словарь (Bergsland 1980) и краткое грамматическое описание (Bergsland, Dirks 1981).

Начнем с первого из отмеченных обстоятельств. Общение наших информанток между собой на алеутском языке сводилось к коротким диалогам при случайных встречах в общественных местах (почта, магазин и т.д.), и то только тогда, когда при этом не присутствовали люди, не знающие алеутского языка (чтобы не исключать их из общения – мы сами неоднократно были тому свидетелями), а также к беседам во время редких взаимных посещений. Именно из-за утраты соответствующих навыков нашим помощницам трудно было выполнить просьбу "рассказать что-нибудь": монологи на алеутском языке (без переключения на русский), да еще и достаточно длинные, были совершенно несвойственны речевому поведению носителей уже в 1980-е годы. Поэтому мы отступаем от неписаного правила и не даем в качестве приложения к настоящей грамматике записанные нами «в поле» алеутские тексты. Цель этой книги – дать описание "чистой" структуры алеутского языка на Командорских островах. Результаты русского влияния отмечаются в книге только в тех случаях, когда они закрепились в языке, стали частью языковой системы. Спонтанные же тексты от наших информанток, если бы мы решились представить их со всеми многочисленными случая-

ми смешения кодов и интерференции, скорее, послужили бы хорошим материалом для исследователей билингвизма и языковых контактов. Несомненно, изучение особенностей взаимодействия двух языков в условиях языкового сдвига является важной и интересной задачей (см. об этом: Вахтин, Головкин 2005), однако повторим: в данном случае у нас была другая цель.

Изложенные выше особенности языковой ситуации определили выбор методов сбора языкового материала. Мы отдавали себе отчет в том, что "созерцательный" метод, предполагающий вживание в коллектив, говорящий на изучаемом языке, и использование только спонтанных текстов, не принесет результата хотя бы из-за ограничений во времени нашего пребывания на острове (не говоря уже о специфике использования алеутского языка в условиях языкового сдвига) и мы "рискуем остаться <...> в позиции безнадежно опаздывающих" (Выдрин 2005: 39). Поэтому при сборе материала активно применялся эксперимент. Однако из-за особенностей сложившейся языковой ситуации некоторые виды экспериментов были исключены. Так, почти полностью пришлось отказаться от широко распространенного метода "синтаксических анкет", то есть перевода специально подобранных русских предложений на алеутский. Такой "переводной метод" вполне приемлем, если работа ведется с языком, который не находится в завершающей стадии языкового сдвига, и если у исследователя достаточно много информантов (что дает возможность перекрестной проверки); однако в нашем случае значительная часть предложений, полученных таким способом, представляла собой конструкции, далекие от "нормальных" алеутских. Если синтаксис, таким образом, в очередной раз подтвердил свою репутацию самого "проницаемого", в наибольшей степени подверженного влиянию другого языка, то работа с морфологией, лексикой, сбор материала для фонологического исследования показали, что эксперимент здесь вполне допустим. Например, при исследовании морфологии выяснилось, что сконструированные нами словоформы информанты или без колебаний признавали правильными и объясняли их значение, или столь же решительно "браковали", снабжая их комментарием: "так не говорят". Для получения "нужных" синтаксических конструкций использовался метод, основанный на эксперименте, который, однако, затрагивал только морфологическую составляющую. Мы конструировали "нужную" словоформу (например, зависимую форму глагола, глагол в нужном

залоге, глагол с одним из редких каузативных суффиксов и т.д.), предъявляли ее информанту ("такое слово есть?", "можно так сказать?"). Если ответ был положительным, то информанту адресовалась следующая просьба: "скажите что-нибудь, чтобы там было это слово". Несмотря на всю простоту этого метода²⁸, он действовал безотказно и позволил собрать обширный материал по алеутскому синтаксису.

Значительную помощь в работе нам оказали публикации Бергсланда по диалекту острова Атка. Головкин проверил с беринговскими информантами весь аткинский словарь (Bergsland 1980), а также все фразы из "Школьной грамматики диалекта острова Атка" (Bergsland, Dirks 1981). Разумеется, дело не просто свелось к подтверждению или неподтверждению существования тех или иных аткинских слов и конструкций у беринговских алеутов. Часто предъявляемые слова и предложения из материалов Бергсланда служили стимулом для наших информантов, отправной точкой, что в результате давало нам возможность записывать новые слова (например, считающиеся на Атке архаичными или, напротив, образовавшиеся в беринговском диалекте уже после переселения и потому не отмеченные в аткинском), получать производные формы и варианты предложений, отсутствовавшие в аткинских материалах, выявлять особенности словоупотребления и т.д.

3. Алеутские диалекты

На территории Российской Федерации представлено две разновидности алеутского языка. Одна из них – беринговский диалект (по названию острова Беринга, на котором с момента переселения до настоящего времени живут его носители) – практически полностью совпадает с диалектом острова Атка (Алеутские о-ва). Единственное отличие беринговского диалекта от аткинского – некоторая естественная консервация языка, причиной которой стал длительный отрыв части говорящих от основной массы носителей. Почти все грамматические формы, помеченные в аткинской грамматике (Bergsland, Dirks 1981; см. также: Bergsland 1997a) как формы "старого

²⁸ Этот метод при подготовке к первой экспедиции был сформулирован Н.Б. Вахтиным, активное участие в обсуждении особенностей применения этого приема, а также использования в условиях языкового сдвига других полевых методов принимал Ерухим Абрамович Крейн-ович.

языка", то есть вышедшие из употребления, существуют в современном беринговском и не воспринимаются как архаичные. В свою очередь некоторые инновации в грамматических формах, имеющиеся в аткинском диалекте, отсутствуют в беринговском. Точно так же обстоит дело с лексикой: слова, появившиеся в аткинском диалекте после переселения части алеутов на Командоры, не опознаются современными беринговцами. Таким образом, с некоторыми оговорками (сводящимися в основном к употреблению архаизмов и русской интерференции), можно утверждать, что современный беринговский диалект – это тот диалект, на котором говорили алеуты острова Атка в середине XIX века. Кстати, факт такого совпадения, сам по себе не кажущийся удивительным, представляет собой загадку в другом отношении: история переселения алеутов с Алеутских островов на Командоры, как она описана на основе архивных источников современными авторами (Ljapunova 1982; Ляпунова 1987; Крупник, Членов 1987), опровергает казавшееся несомненным раньше утверждение о том, что при переселении на остров Беринга попали в основном алеуты с острова Атка, а на остров Медный – с острова Атту. Это существовавшее ранее убеждение (базирувавшееся в основном на работах Меновщикова) хорошо согласовывалось с лингвистическими фактами. Еще Владимир Ильич Иохельсон, известный русский исследователь, руководивший этнографическим отделом экспедиции, финансировавшейся московским миллионером Ф.П. Рябушинским, отмечал (после общения в Петропавловске-Камчатском с жителем Командорских островов), что "на острове Беринга говорят на аткинском наречии, а на острове Медном – на аттовском наречии" (Иохельсон 1911: 109). В начале 1960-х годов, когда на Командорских островах впервые за всю их историю велась полевая лингвистическая работа, Меновщиков (которому не было известно изложенное выше наблюдение Иохельсона) пришел к выводу, что на острове Беринга не представлено никакого другого алеутского диалекта, кроме беринговского (совпадающего с аткинским). В отношении жителей острова Медный им впервые было сделано наблюдение, что те говорят на особом языке, образовавшемся в результате взаимодействия русского и алеутского (Меновщиков 1964). То, что в основе последнего лежит аттуанский диалект было позже показано в работах (Golovko, Vakhtin 1987; Golovko, Vakhtin 1990).

Язык острова Медный (где до конца 1960-х годов жили его носители) представляет собой уникальное лингвистиче-

ское явление, честь открытия которого для науки принадлежит Георгию Алексеевичу Меновщикову (Меновщиков 1964; о медновском языке см. также Вахтин 1985; Golovko, Vakhtin 1987; Golovko, Vakhtin 1990; Golovko 1994; Golovko 1996; Головко 1996б; Vakhtin 1998; Головко 2001; Golovko 2003). Медновский диалект – результат смешения языков (ср. принятые в лингвистике названия для этого класса языков: *mixed languages*; *split languages*; *intertwined languages*²⁹): его фонетика, морфология, синтаксис представляют собой сплав фонетики, морфологии, синтаксиса двух контактировавших неродственных языков – алеутского (базовым для образования медновского послужил диалект острова Атту, ныне не существующий) и русского (который, вероятно, представлял собой так называемый интер-язык³⁰, основой для образования которого послужила диалектная, «старожильческая» форма русского языка³¹). Медновский – не диалект алеутского или русского языка, но самостоятельный язык, в котором легко вычленяются его составные части, алеутская и русская (еще раз подчеркнем, что весь язык не сводится к простому механическому соединению этих двух частей). Пожалуй, единственная черта, отличающая его от «нормальных» языков, – довольно высокая степень вариативности, однако это типично для всех «молодых», относительно недавно возникших (тем более бесписьменных) языковых образований, например таких, как пиджины и креольские языки³².

²⁹ См.: *Mixed Languages* 1994; Bakker 1997; Myers-Scotton 2002; *The Mixed Language Debate* 2003.

³⁰ Интер-язык (*interlanguage*) – понятие, в свое время введенное в работах по изучению особенностей усвоения второго языка; позже стало активно применяться при исследовании различных аспектов языковых контактов.

³¹ Этот вариант русского языка, имевший распространение на Аляске и по многим грамматическим и фонетическим чертам отличавшийся от стандартного русского (и его региональных диалектов) еще предстоит серьезно исследовать, однако некоторые сведения о нем уже собраны (см.: Daly 1985; Daly 1986; Кибрик 1998). Летом 2008 автор настоящего раздела записал материал, отражающий вариант этого языка, использовавшийся на острове Афогнак, в поселке, в котором жили потомки пенсионеров РАК, – он совпадает в основных чертах с вариантом деревни Нинилчик, представленным в указанных выше работах.

³² При этом надо решительно подчеркнуть, что медновский не относится ни к пиджинам, ни к креольским языкам и не имеет с ними никаких других (помимо высокой степени вариативности) общих черт. Он,

И беринговский диалект, и медновский язык, как уже отмечалось, находятся под угрозой полного исчезновения, однако положение медновского всегда было чуть более благоприятным, и не только потому, что на нем говорит несколько больше носителей, но главным образом потому, что средний возраст носителей медновского ниже. Можно, пожалуй, утверждать, что медновский язык из-за особенностей своей структуры «меньше боится» влияния русского, чем беринговский. Поскольку русский язык принимал участие в образовании медновского, то продолжение влияния русского на медновский выражается преимущественно в увеличении вариативности.

На Алеутских островах в настоящее время существует два диалекта: аткинский (другое принятое в литературе название — западный) и уналашкинский (восточный)³³. История аттуанского диалекта, сегодня не существующего, поистине трагична. Все носители этого диалекта, захваченные во время второй мировой войны японцами, были вывезены в Японию, где многие из них умерли под влиянием непривычных климата и пищи, а также болезней, зачастую вызванных очень плохими условиями содержания. Аттуанцы, вернувшиеся после окончания войны в США, были поселены не на своем острове, а на Атке, в одном поселке с носителями аткинского диалекта. Некоторые из них предпочли поселиться на Аляске, в основном в Анкоридже. Все это ускорило исчезновение аттуанского диалекта, который по своим структурным характеристикам стоял

как и все остальные (очень немногочисленные) языки этого типа, возник и закрепился в качестве отдельной лингвистической системы не в условиях дефицита общего языка (большинство алеутов в той или иной степени владели русским), а, по всей вероятности, как средство самоидентификации.

³³ В настоящей работе мы отдаем предпочтение названию диалектов по названию самых крупных островов, на которых они распространены, так как, если использовать принцип называния диалектов в соответствии со сторонами света (западный, центральный, восточный), нередко возникает путаница, особенно если пытаться перенести тот же принцип на диалекты, существующие на Командорах. Следует оговориться, что остров Атка и остров Уналашка не единственные, на которых распространены соответствующие диалекты, см. перечисление островов, на которых живут носители этих диалектов, в разделе 1 Введения. Там же см. об особой позиции говора островов Прибылова, формулируемой самими носителями.

несколько особняком среди других диалектов (подробнее об истории диалекта Атту см.: Bergsland 1990).

4. Самоназвания алеутов

До прихода европейцев у алеутов, видимо, существовало отчетливое разделение на несколько групп. У каждой из них было свое самоназвание, большинство из которых известно (см.: Bergsland 1959: 11-14; Bergsland 1994: xv-xvi). Термин *унанган* (от общеалеутского *унан'ах'*, мн. ч., атк.д. *унан'ас*; мн. ч. ун.д. и атт.д. *унан'ан*), который в 1930-е годы пытались ввести в советской научной литературе для называния алеутов (см., например: Иохельсон 1934: 129), не привился. Исходно это слово представляло собой название одной из алеутских территориальных групп. В настоящее время оно является самоназванием американских алеутов, независимо от диалекта³⁴. Так же называют себя беринговские алеуты. Медновцы в качестве самоназвания почти всегда используют русское слово "алеуты", снабжая его алеутским (аттуанским по происхождению) показателем мн. ч. -н: *алеуута-н* "алеуты" (удвоение у передает долготу гласного), хотя изредка может использоваться и слово *унан'а-н* (с тем же показателем мн. ч.). Точно так же беринговцы могут иногда вместо *унан'а-с* употребить *алеуута-с*, только уже со своим показателем мн. ч. -с (аткинским по происхождению). Трудно сказать, когда стало возможным употребление одной и той же группой обоих терминов (алеутского и русского) как синонимичных – после того как все алеуты стали жить в одном поселке, или еще раньше под влиянием русского языка. Впервые термин *унан'ас* упоминается в рукописи Расмуса Раска, хранящейся в Королевской библиотеке Копенгагена (см.: Thalbitzer 1916; Thalbitzer 1921; Bergsland 1959:11). Оно восходит к алеутскому корню с указательной семантикой (см. раздел 6 главы 2) *уна-* "внизу, далеко (о протяженном объекте, расположенном вдоль берега моря или похожим образом, видимом говорящему)"; ср. также производное слово *унан'аа* (притяжательная форма) "пролив между маленьким (низким) островом и островом, большим по размеру (более высоким)" (Bergsland 1959: 11).

³⁴ Утверждение Лидии Блэк о том, что современные жители Атки употребляют в качестве самоназвания слово *анг'аг'инас* "люди" (Black 1980: 82), букв. "живущие", "дышащие", видимо, недостоверно, ср. данные словарей (Bergsland 1980; Bergsland 1994).

В представлении командорских алеутов (по крайней мере, до середины 1990-х годов, то есть в тот период, когда они были лишены возможности контактировать с американской стороной), все американские алеуты являлись представителями одной группы, но отличной от *унан'ас*. Наши информанты называли всех алеутов Алеутских островов *канааг'ис* и полагали, что те говорят на другом языке³⁵. Интересно, что так американские алеуты называют эскимосов, живущих на тихоокеанском побережье Аляски. В данном случае этноним стал использоваться для называния другой группы, но, строго говоря, сохранил свое значение: "люди, живущие на востоке".

Как отмечалось выше, беринговские алеуты называют себя *унан'ас*, однако в качестве самоназвания используется и слово *алеуутас* "алеуты". Пожалуй, единственное, что достоверно известно о происхождении последнего этнонима, это то, что он появился после прихода в регион русских. Авторами наиболее известных гипотез о происхождении слова "алеут" являются И.С. Вдовин и Г.А. Меновщиков³⁶. Вдовин возводит

³⁵ Сегодня, правда, благодаря активному развитию международных контактов, их представления поколебались. Так, в августе 1990 года случилось в некотором смысле историческое событие: директор Центра изучения языков Аляски Майкл Краусс и автор настоящего раздела организовали телефонный разговор между жителем Атки Мозесом Дирксом и жительницей острова Беринга Верой Терентьевной Тимошенко (записан на магнитную пленку). Этот контакт, состоявшийся почти через полтора века после того, как прервались всякие связи между Алеутскими и Командорскими островами, дал практическое подтверждение того, что аткинцы и беринговцы говорят на одном диалекте и прекрасно понимают друг друга, за исключением позднейших заимствований из русского и английского. Правда, дальнейшие контакты свелись к приезду в Петропавловск-Камчатский уналашкинских алеутов, язык которых, по уверениям беринговцев, участвовавших в встречах, оказался им малопонятен. Несколько лет спустя беринговцы получили возможность услышать и "материнский" диалект: в Никольском побывали носители аткинского диалекта, в том числе в 2004 году Мозес Диркс.

³⁶ Мы упоминаем здесь только те гипотезы, которые можно воспринимать всерьез. Попутно заметим, что среди всех народов России алеуты почему-то пользуются особенной любовью дилетантов: самые невероятные вещи об истории, традициях алеутов и о их языке можно было услышать и прочитать всегда (автору этого раздела в советские времена не один раз приходилось отвечать на письма с «алеутскими открытиями», приходившими в Институт языкознания), но с появлением Интернета число таких "открытий" и искажений (которые зачастую

этот этноним к чукотско-корякской основе *элев/аляв* (варианты *э`чев/а`чав*) со значением "обвязывать, обматывать что-л.". Слово *аляв-выттэ*, якобы принявшее в русском языке форму "алеут", имело значение "те, которые имеют на голове ободы с ветками" (Вдовин 1968). Меновщиков, отвергая это предположение, возводит термин "алеут" к слову *алитхух'*, которое, по его мнению, в ранний период истории алеутов имело значение "родственная община", "команда", "объединенная чем-л. группа людей", а позже получило ряд дополнительных значений: "команда судна", "отряд людей", "военный отряд" (Меновщиков 1980). Признавая право на существование обеих гипотез, следует признать, что вопрос о происхождении этнонима "алеут" остается открытым и требует дальнейшего изучения.

5. Генетические связи алеутского языка

Алеутский язык имеет достаточно отдаленное родство с эскимосскими языками. Утверждение, содержащееся в работе (Geoghegan 1921), о том, что эскимосский язык (по-видимому, имеется в виду любой из них) и алеутский язык по степени родства соотносятся примерно так же, как ирландский и валлийский, кажется достаточно произвольным³⁷, однако вполне отражает «расстояние» между ними и основано на прекрасном знании автором эскимосского и алеутского (среди множества других) языков.

В свое время по инициативе Уильяма Талбицера был поднят вопрос о том, кто первым указал на родство алеутского и эскимосского языков. Оспаривая приоритет русского этнографа Иохельсона, он указал, что впервые подобное предположение было высказано Раском (Thalbitzer 1921). Мысль о родстве алеутского и эскимосских языков содержится и в работе Анри (Henri 1878-1879). Однако все упомянутые высказывания по этому поводу имеют сугубо интуитивный характер. Очевидно, предположение о родстве алеутского и эскимосских языков превратилось в научный факт лишь с появлением работ Гордона Марша и Морриса Сводеша (Marsh,

представляют собой неумело украденную информацию из научных статей) стало прямо-таки катастрофическим. При этом они появляются не только на личных веб-страничках "первооткрывателей", но и на официальных сайтах, казалось бы, солидных организаций.

³⁷ Впрочем, ср.: (Яхонтов 1980).

Swadesh 1951), а также Кнута Бергсланда (Bergsland 1951; Bergsland 1953).

Невозможно с полной определенностью сказать, когда протоэскалеуты разделились на две общности. Этот вопрос может быть решен лишь на основе сравнительного анализа лингвистических и археологических данных, однако отсутствие письменных памятников и не очень многочисленные (из-за трудных природных условий) археологические изыскания³⁸ делают, с одной стороны, почти невозможным ответ на вопрос о времени разделения, однако, с другой стороны, позволяют высказывать почти любые, порой самые неправдоподобные предположения. Дадим краткий обзор существующих мнений.

Меновщиков одно время полагал, что "в гипотетическое время языковой общности протоэскалеуты вели континентальный образ жизни, занимаясь охотой на мелкого зверя, рыболовством и собирательством" (Меновщиков 1974: 47). Эта гипотеза базируется на сопоставлении названий предметов морской охоты и морских зверей, а также терминологии, связанной с сухопутной охотой и рыболовством. Однако внимательный анализ хотя бы эскимосско-алеутских соответствий, приводимых Маршем и Сводешом (Marsh, Swadesh 1951), а также наблюдения, высказанные в более поздних работах Бергсланда, не подтверждают эту гипотезу. Позднее Меновщиков отказался от нее, хотя в его опубликованных работах это мнение не отражено.

Пользуясь методом глоттохронологии, Д. Хирш, а также М. Сводеш приходят к выводу, что разделение эскимосского и алеутского языков произошло 2600–1000 лет до н.э. (Hirsch 1954; Swadesh 1958). К. Бергсланд и Х. Фогт, ставящие под сомнение правомерность использования метода глоттохронологии, полагают, что это разделение скорее всего имело место в период от 6000 до 4000 лет до н.э. (Bergsland, Vogt 1962)³⁹. К таким же выводам приходит Дон Дюмонд, учиты-

³⁸ См. одну из последних публикаций, содержащих данные об археологических раскопках на Алеутских островах: (To the Aleutians and Beyond 2002).

³⁹ Подсчеты, представленные в работе (Vakhtin, Golovko 1987), показывают, что строгое следование глоттохронологическому методу дает цифру 8 тысяч лет назад. При этом критику К. Бергсланда и Х. Фогта относительно правомерности применения метода, очевидно, надо признать справедливой. Однако вряд ли следует полностью отказываться от его использования: с его помощью, очевидно, нельзя получить абсо-

вающий археологические данные (Dumond 1965: 1250; см. также: Dumond 1987). По данным Бергсланда, около 15% (300 из 2000) алеутских слов восходит к общим с эскимосскими корням, из них около 30 – указательные и вопросительные местоимения, 10 – слова с локативной семантикой; из 30 терминов, обозначающих части тела, лишь 6–7 соотносятся с эскимосскими (Bergsland 1979: 15). В целом можно констатировать, что процент соответствий в лексике между алеутским языком с одной стороны и эскимосскими языками с другой стороны гораздо меньше по сравнению с грамматикой, где конкретные подсистемы обнаруживают гораздо большее сходство и допускают реконструкции. Вряд ли такая неравномерность дает основания для радикального вывода о том, что алеутский и эскимосские языки генетически не связаны и что в прошлом имела место замена (заимствование) грамматических подсистем (ср. утверждение С. Томасон и Т. Кауфмана по поводу сопоставления любой пары языков: Thomason, Kaufman 1988: 205). Однако сам факт такой неравномерности заставляет искать объяснения. Достаточно большой разрыв между алеутским и эскимосскими языками, как правило, объясняется гипотетической утратой "связующего звена" – ряда промежуточных, переходных диалектов (Краусс 1981: 154; Woodbury 1984), однако, строго говоря, это, конечно, не является объяснением. Мнение о давнем времени распада протоэскалеутского языка было преобладающим, если не сказать единственным, до относительно недавнего времени (споры могли идти только о плюс/минус нескольких тысячелетиях), однако довольно неожиданно было поставлено под сомнение Бергсландом, самым крупным авторитетом в области изучения эскимосско-алеутских языков. В ряде статей (например, Bergsland 1986; Bergsland 1989a; см. также Bergsland 1997b), он, основываясь на результатах тщательного сопоставительного исследования, приходит к выводу, что разделение на эскимосскую и алеутскую "ветви" произошло отнюдь не так давно, как было принято считать. И хотя Бергсланд не приводит точной "даты" разделения, на основании анализируемых им сходных ситуаций можно предположить, что речь может идти о времени около 2 – 2,5 тысяч лет назад. Разумеется, это предположение требует критического анализа, однако нельзя не

лютную цифру, указывающую на время расхождения языков, однако он дает довольно надежные результаты при определении относительного времени расхождения.

отметить эту гипотезу как попытку "маленькой эскимосско-алеутской революции". Прекрасным основанием для будущих сопоставительных исследований эскимосско-алеутских языков и реконструкций стал сравнительный словарь эскимосских языков с алеутскими соответствиями (Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994). Авторы словаря для реконструируемых ими протоэскалеутских форм постулируют дату 4–3 тысячи лет назад (Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: xi); см. также работы (Fortescue 1985a; Dumond 1987).

Предпринимаются попытки реконструкции отдельных частей протоэскалеутской языковой системы (помимо только что упомянутых работ следует назвать в первую очередь Bergsland 1951; Bergsland 1964; Bergsland 1994b; Fortescue 1981; Fortescue 1984). Некоторые исследователи пытались установить родство эскимосско-алеутских языков с другими языковыми семьями. Круг кандидатов в "родственников" самый широкий: индоевропейские, американоиндейские, алтайские языки и др., особенно часто называются уральские языки и юкагирский⁴⁰. Следует, однако, признать, что "претензии на родство" пока не выглядят доказанными (см. об этом: Bergsland 1978; Bergsland 1979a).

6. История изучения алеутского языка

Алеутский язык стал известен европейской науке во второй половине XVIII века. История его изучения достаточно полно отражена в литературе (Вдовин 1954; Bergsland 1959; Krauss 1973; Бломквист 1975; Краусс 1981). Следует особо упомянуть словарь Бергсланда, где во введении дается подробнейшее перечисление всех известных на сегодняшний день опубликованных и рукописных источников, содержащих материалы по алеутскому языку (Bergsland 1994a: xxxvii–xlii), а сам словарь включает все эти материалы (копии всех известных материалов собраны в архиве Центра изучения языков коренного населения Аляски при Университете штата Аляска в Фербенксе). В нашу задачу не входит детальное изложение истории изучения алеутского языка и обзор всех накопленных

⁴⁰ Эта проблема не имеет непосредственного отношения к теме книги, поэтому мы не даем ссылок на конкретные работы – список получился бы достаточно внушительный; укажем здесь лишь имя одного эскимолога, работающего в данной области, – Майкл Фортеस्कью (Fortescue 1988; 1994; 1998).

за два с половиной века материалов. Ниже мы представим лишь основные вехи и важнейшие имена.

Первые сведения о языке алеутов были получены в ходе географических экспедиций (экспедиции Кука, Сарычева-Биллингса, Крузенштерна и Лисянского): начиная с 1758 года, записывались как топонимы алеутского происхождения, отдельные слова, так и довольно много простых предложений; а в некоторых случаях составлялись словники довольно большого объема — до нескольких сотен слов (см. подробно: Bergsland 1994a: xvii–xix). Отдавая должное путешественникам, которые, посещая Алеутские острова, старались собрать лингвистический материал и таким образом открыть новый для европейской науки, не известный до той поры язык, нельзя не сказать об одном существенном, но неизбежном недостатке их работы. Они сталкивались с языком на короткое время, знакомились с ним через "толмачей", с помощью последних составляли краткие списки слов, причем в записи из-за незнания языка и примитивной техники фиксации неизбежно проникали многочисленные ошибки и искажения.

Совершенно иные методы работы использовал крупнейший исследователь культуры коренных жителей Русской Америки священник Иван Евсеевич Вениаминов, начинавший свою деятельность во главе Уналашкинского отдела Камчатской епархии Русской православной церкви, а закончивший свою жизнь митрополитом Московским и Коломенским⁴¹. Он имел возможность наблюдать описываемые им народы и языки на протяжении долгого времени: алеутов — в течение десяти лет, тлингитов (индейцы Аляски) — шести лет. Самая крупная

⁴¹ В 1979 году канонизирован православной церковью под именем Святого Иннокентия. Основные биографические данные о Вениаминове содержатся в трудах его биографа Ивана Барсукова (Барсуков 1883; Барсуков 1886–1888; Письма Иннокентия 1897–1901); из более поздних работ можно назвать публикации (Степанова 1947; Окладников 1976; Арсеньев 1979; Окладников 1983; Письма И. Вениаминова 1994; Black 1977; A Good and Faithful Servant 1997) и некоторые другие (см. список основных работ, приводимый Ляпуновой в публикации: Письма И. Вениаминова 1994: 151), которые, правда, не добавляют много фактического материала к собранному Барсуковым. Серьезных современных биографических работ о Вениаминове нет (хотя, конечно, личность такого масштаба их "заслужила"), в первую очередь из-за отсутствия достоверных документальных сведений, особенно о первой половине его жизни.

работа Вениаминова – трехтомная монография об алеутах (Вениаминов 1840), до сегодняшнего дня являющаяся самым полным этнографическим описанием этого народа. Всем, что сегодня известно о доколониальном прошлом алеутской культуры, а также о первом периоде колонизации, мы обязаны Вениаминову. В книге содержится и лингвистический материал: приводятся различные алеутские термины, выражения, названия народов Русской Америки, самоназвания алеутских "племен", отдельные зоологические, ботанические, календарные термины. В книге содержится пять песен на уналашкинском диалекте, одна – на аткинском, кроме того, на аткинском – повесть и сказка.

Грамматика алеутского языка (на материале уналашкинского диалекта), изданная Академией наук в 1846 году (Вениаминов 1846), упрочила сложившуюся к тому времени репутацию Вениаминова как талантливого исследователя. Работа состоит из собственно грамматического описания, двух алеутских песен с русским переводом, "сочинения одного природного алеута с русским переводом", алеутских числительных, алеутско-русского словаря с ключом к нему. Интерпретация грамматического строя исследуемого языка подчинена европейской грамматической традиции, поэтому автору не удалось избежать ошибок в понимании языковой системы (впрочем, их редко удастся избежать и профессиональным лингвистам, особенно при первом описании языка), однако Вениаминов сумел отметить и объяснить основные особенности, отличающие алеутский язык от иносистемных языков.

Издание в Санкт-Петербурге "Опыта грамматики алеутско-лисьевского языка" не прошло мимо внимания европейских ученых, и не только из-за экзотичности материала. Теоретическую важность грамматики подчеркивал известный востоковед К. Габеленц, см. об этом: (Барсуков 1883: 247). В конце 80-х годов XIX века над грамматикой Вениаминова работали двое исследователей: французский лингвист В. Анри, написавший "Очерк толковой грамматики алеутского языка по грамматике и словарю Ивана Вениаминова" (Henry 1878-1879), и немецкий ученый А. Пфизмайер, интерпретировавший труд Вениаминова в книге "Язык алеутов и Лисьих островов" (Pfizmaier 1883)⁴². Эти две попытки переложения ве-

⁴² Справедливости ради, следует заметить, что уже одно название этой работы не свидетельствует о чрезмерной глубине проникновения в содержание книги об алеутской грамматике.

ниаминовской грамматики на европейских языках имели важное значение – европейские исследователи получили возможность ознакомиться с содержанием книги, однако, интерпретируя приводимый в ней материал, Анри и Пфицмайер, с одной стороны, повторили ошибки автора, а с другой – добавили свои, "особенно <...> Анри" (Jochelson 1930: 7).

Постигая тонкости алеутской грамматики, Вениаминов одновременно стремился усовершенствовать созданную им для алеутского языка систему письма. Посылая Ф.П. Литке в 1837 году свою грамматику, он снабдил ее специальной запиской "Нечто об алеутско-лисьевском языке и в особенности о буквах оного" (Барсуков 1887: 244).

В 1842 году Вениаминов навсегда покинул Америку. Работу над переводами религиозной литературы продолжили его ученики (см. об этом раздел 1 выше). Один из них, священник Яков Нецветов (из сословия "креолов", см. раздел 1 настоящего введения)⁴³, одинаково хорошо владевший аткинским диалектом и русским языком, помимо переводческой деятельности занимался составлением русско-алеутского словаря (Нецветов 1840). Сохранившаяся рукопись (хранится в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне) включает около 4600 единиц (считая отдельные лексемы, а также словообразовательные и словоизменительные формы), расположенных в алфавитном порядке, тематический словарь (около 900 единиц), а также девяносто восемь местных названий на островах Атка и Амля (подробнее об этом см.: Bergsland 1994a: xi). Хотя работа не была завершена, словарь содержит весьма ценные материалы, которые полностью⁴⁴ вошли в сводный алеутский словарь Бергсланда (Bergsland 1994a)⁴⁵.

Для исследователя языка командорских алеутов представляет интерес небольшой словник, составленный в 1892–1893 годах географом и биологом Николаем Васильевичем Слюниным на острове Беринга с помощью священника Адриана Серикова. В словнике около 230 слов с некоторыми сло-

⁴³ См. основные биографические данные в работе (Pierce 1990: 380–383).

⁴⁴ Бергсланд отмечает, что десять слов в нецветовской рукописи не поддаются идентификации (Bergsland 1994a: xi) – вероятно, из-за ошибок в записи, допущенных переписчиком.

⁴⁵ Ср. также вышедшую одиннадцать лет спустя "обратную развертку": публикацию нецветовского словаря (Нецветов 2005), снабженного комментариями из сводного словаря Бергсланда (Bergsland 1994a).

вообразовательными и словоизменительными формами и 17 коротких фраз⁴⁶. Рукопись словника хранится в архиве Географического общества в Санкт-Петербурге⁴⁷.

Изучение алеутского языка после Вениаминова было продолжено в начале XX века известным русским этнографом Владимиром Ильичом Иохельсоном. Посвятив исследованию алеутов первые полтора года Камчатской экспедиции Рябушинского (1909-1910), он объехал все важнейшие острова Алеутской гряды, занимаясь в основном сбором этнографического и лингвистического материала, а также археологическими раскопками; см. подробнее: (Krauss 1990); см также насыщенную фактическим материалом статью (Корсун 2002а).

В своих работах по алеутскому языку Иохельсон уточнил и развил положения грамматики Вениаминова. Многие наблюдения были сделаны им впервые. За полтора года пребывания на Алеутских островах Иохельсон собрал значительный лингвистический материал⁴⁸: 127 текстов, алеутско-русский словарь (около 3 тыс. карточек), русско-алеутский словарь (около 3 тыс. карточек). Как и Вениаминов, Иохельсон работал в основном с уналашкинским диалектом, однако за время пятинедельного пребывания на острове Атка он успел записать также 6 текстов на местном диалекте и, кроме того, как отмечалось выше, в Петропавловске-Камчатском от жите-

⁴⁶ Работая с материалами XVIII-XIX веков, современный исследователь не может не удивляться поразительной работоспособности, энергии, энтузиазму, жажде знаний людей того времени, оказавшихся в тех краях по своей, а часто и не по своей воле. Биолог, старающийся зафиксировать все, что видит вокруг себя, в том числе составляющий алеутский словник, или специалист по разведению пушных зверей, «заодно» написавший этнографический труд (Суворов 1912), – это для того времени скорее норма, чем исключение. Только благодаря тому, что такая «норма» когда-то существовала, мы имеем сейчас возможность узнать что-то об алеутах и о языке, на котором они говорили в то время.

⁴⁷ На этот факт впервые указал Иннокентий Степанович Вдовин (Вдовин 1954: 164).

⁴⁸ Помимо важной статьи (Корсун 2002а) обзор архивных материалов Иохельсона, хранящихся в СССР, содержится в неопубликованной работе (Вахтин 1978). Исчерпывающую информацию обо всех лингвистических трудах Иохельсона, а также основные биографические сведения можно найти в публикации (Jochelson 1990); материалы к научной биографии Иохельсона также представлены в работах (Шавров 1935; Vakhtin 2001; Слободин 2005). См. также “электронную публикацию” списка работ Иохельсона (Иохельсон 2005).

для острова Беринга некоторое количество слов. Иохельсон был единственным человеком, исследовавшим диалект острова Атту (ныне исчезнувший) в его, так сказать, первоизданном состоянии⁴⁹: записал 17 фольклорных текстов и получил перевод на аттуанский 13 текстов, записанных вначале по-уналашкински.

В своей полевой лингвистической работе Иохельсон, благодаря хорошему техническому оснащению экспедиции, применил передовую по тем временам технику, и это имело важнейшие последствия для дальнейшего изучения языка: большое число текстов и песен было записано на восковые валики с помощью фонографа (оригиналы хранятся в Фонограммархиве Пушкинского Дома)⁵⁰.

Иохельсон опубликовал всего несколько лингвистических работ: краткий грамматический очерк (Иохельсон 1912), критический очерк грамматики Вениаминова (Иохельсон 1919), небольшую статью (Jochelson 1927). Последней по времени и самой обширной публикацией был очерк "Унанганский (алеутский) язык", появившийся в СССР в 1934 году (Иохельсон 1934). Архивные материалы Иохельсона оказались раздроблены и долгое время не публиковались. Только в 1990 году Центр изучения языков коренного населения Аляски при Университете штата Аляска в Фербенксе выпустил собрание алеутских текстов, записанных Иохельсоном (Jochelson 1990)⁵¹. Книга содержит как ранее опубликованные тексты

⁴⁹ Бергсланд записал несколько аттуанских текстов (Bergsland 1959) уже тогда, когда аттуанцы были поселены американскими властями на Атке.

⁵⁰ Обзор коллекции см. в публикации (Коллекции народов Севера 2005). О качестве записей и возможностях их анализа см.: (Krauss 1985). Об алеутских записях на восковых валиках, хранящихся в Фонограммархиве Пушкинского Дома в Петербурге, можно было бы рассказать длинную и занимательную историю. Коротко говоря, суть ее сводится к следующему. В России хранился «звук», в США – транскрипция этих записей. После долгой и мучительной переписки со всеми «ответственными» советскими инстанциями (главной движущей силой этой переписки были Майкл Краусс и Николай Вахтин, один из авторов этой книги) "звук" был благополучно обменян на "буквы".

⁵¹ В книгу вошли почти все тексты, записанные Иохельсоном; остались неопубликованными буквально несколько, которые не удалось транскрибировать, в частности тексты на аттуанском диалекте. «Расшифровка» оказалась невозможной отчасти из-за низкого качества записи, отчасти из-за специфики исполнения, например, один из выходцев

(проверены и заново транскрибированы), так и некоторые новые тексты, которые были транскрибированы с восковых валиков для фонографа. Транскрибирование и проверка сделаны Кнудом Бергсландом и носителем аткинского диалекта алеутского языка Мозесом Дирксом.

Хотя, как отмечалось выше, Иохельсон опубликовал общий грамматический очерк алеутского языка (Иохельсон 1934)⁵², основным источником сведений об алеутской грамматике для широкого круга лингвистов долгое время оставалась грамматика Вениаминова, особенно после того, как она была переведена на английский (хотя, скорее, это можно назвать переложением – Geoghegan 1944). Такая ситуация сохранялась до тех пор, пока в середине XX века алеутским языком не заинтересовался Кнут Бергсланд, впоследствии ставший крупнейшим исследователем алеутского языка за всю историю его изучения⁵³. Во время нескольких экспедиций к алеутам ему удалось записать большое число текстов на аткинском диалекте, часть которых вместе с некоторыми текстами предшественников (на разных диалектах) вошла в одну из самых значительных до сих пор публикаций по алеутскому языку (Bergsland 1959). Анализ экспедиционных и архивных материалов дал Бергсланду возможность написать ряд статей, затрагивающих различные стороны грамматического строя (большая часть статей посвящена синтаксису) и фонетики (ссылки на эти работы содержатся в соответствующих разделах настоящей книги).

Огромная заслуга Бергсланда – составление сводного словаря всех алеутских диалектов (Bergsland 1994a), вобравшего, помимо собственных материалов, материалы других ис-

с о.Атту использует особую ритмическую структуру – произносит текст нараспев, как бы скандирует его (на этот факт наше внимание обратил М. Краусс).

⁵² Написанный по-английски вариант грамматики алеутского языка, в котором представлена попытка охвата всех диалектов, так и не был доведен до завершения и, соответственно, не был опубликован (Jochelson 1930); ксерокопия этого машинописного варианта благодаря любезной помощи Майкла Краусса была в 1970-е передана в архив Отдела палеоазиатских и самодийских языков Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР.

⁵³ В это же время алеутским языком начал заниматься талантливый американский исследователь Гордон Марш (Marsh 1956), однако скоро алеутский язык, к сожалению, выпал из сферы его интересов.

следователей; появлению сводного словаря предшествовал выпуск словаря аткинского диалекта (Bergsland 1980).

В соавторстве с Дирксом Бергсланд издал "Школьную грамматику аткинского диалекта" (Bergsland, Dirks 1981)⁵⁴, за которой последовала академическая грамматика, охватывающая материал всех диалектов, существовавших или доньше существующих на американской территории (Bergsland 1997a).

Последней публикацией Бергсланда стал свод всех известных сегодня дохристианских имен алеутов (Bergsland 1998b) – значение этой работы для лингвистики и культурной антропологии трудно переоценить. Изучением отдельных аспектов структуры алеутского языка также занимался японский исследователь Минору Ошима (см., напр.: Oshima 1982; 1990).

Разновидности алеутского языка, представленные на территории России, изучал сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) Георгий Алексеевич Меновщиков. Его работы основываются на материалах экспедиции 1963 года на Командорские острова. Основным результатом трехмесячной экспедиции стало создание очерка для многотомной коллективной монографии "Языки народов СССР" (Меновщиков 1968), а также небольшого алеутско-русского словаря (Меновщиков 1977), в который составитель включил помимо беринговского и медновского материала, собранного «в поле», лексику уналашкинского диалекта из грамматики Вениаминова. Важнейшим вкладом Г.А. Меновщикова, как отмечалось выше, стало введение в научный оборот материалов медновского языка: в дополнение к упомянутым выше работам (Меновщиков 1964; 1977) можно указать публикации (Меновщиков 1965; 1969).

⁵⁴ См. также предварительную публикацию (Bergsland, Dirks 1978).

ГЛАВА 1.

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ. ФОНОМОРФОЛОГИЯ

Специальных работ, посвященных описанию звукового строя алеутских диалектов, не так много. Пожалуй, первой такой работой можно считать "Заметку о звуках алеутской речи" Романа Осиповича Якобсона (Jakobson 1944), в которой на основе анализа полевых материалов В.И. Иохельсона была предпринята попытка представить систему фонем уналашкинского диалекта. Несколько экспедиций, предпринятых К. Бергсландом в начале 50-х годов прошлого века, позволили ему опубликовать статью, отражающую почти все аспекты звукового строя диалекта о. Атка (Bergsland 1956). Там же содержатся заметки о некоторых чертах звукового строя ныне исчезнувшего диалекта о. Атту. Относительно недавно появился ряд публикаций американской исследовательницы Элис Тафф, затрагивающих некоторые аспекты звукового строя уналашкинского диалекта алеутского языка (Taff, Wegelin 1997; Taff 1999; Taff et al. 2001). Вопросы просодики и ритмической организации на материале того же, уналашкинского диалекта рассматривает японский лингвист Минору Осима (Oshima 1990). Единственная работа, в которой содержатся данные о звуковом строе беринговского диалекта, – краткий очерк Г.А. Меновщикова в "Языках народов СССР" (Меновщиков 1968). Сведения, вошедшие в настоящий раздел, в сжатом виде представлены в статьях (Asinovskiy, Golovko 1987; Головкин 1996а; 1997).

Ниже рассматриваются следующие вопросы звукового строя алеутского языка: состав фонем и их комбинаторика, что составляет предмет фонотактики, фонетическая структура морфем и модели их варьирования – фономорфология; просодическое оформление словоформы в составе фразы, описание которого можно определить как фоносинтаксис.

Раздел 1. Фонотактика

1.1. Консонантизм

Инвентарь алеутских согласных фонем насчитывает 24 единицы⁵⁵.

Класс глухих смычных представлен согласными /q/, /k/, /t/. Эти согласные могут встречаться в инициальной, медиальной и финальной позициях в словоформе. Перед переднерядным /i/ представлены палатализованные аллофоны: к'исих' [q'i's'ix] "ладонь"; кин'ууг'их' [k'iŋu:χ'ix] "младший брат/сестра". Переднеязычный апикальный /t/ перед /i/ не палатализуется, при этом /i/ реализуется в более заднем варианте: тин [ti-n'] – рефлексивное местоимение 3 л. /объектное местоимение 2 лица ед. ч.⁵⁶. Перед заднерядным губным /u/ представлены лабиализованные аллофоны глухих смычных: к'ун'их' [q'ʊŋ'ix] "горб"; кумас [k'ʊm:as] "на нас"; тукул [t'ʊk'ʊl] "быть богатым". Регрессивная палатализация и лабиализация в соответствующих позициях характеризуют все классы согласных алеутского языка.

⁵⁵ Как отмечалось во введении, ЯКА – бесписьменный, поэтому "стандартной орфографии" просто не существует. В книге используется "компромиссный" вариант орфографии на кириллической основе: отчасти он похож на тот вариант, который использовал в своих работах Меновщиков, в значительной части он напоминает систему письма, предложенную в школьном словаре (Головкин 1994). При этом есть и некоторые нововведения, не в последнюю очередь объясняющиеся стремлением в максимальной степени упростить процесс подготовки книги к печати. Особенности использования транскрипционных знаков легко выводятся из комментариев к таблицам согласных и гласных фонем. Дополнительные знаки: /ˀ/ аспирация предшествующего согласного, /ˁ/ ударение на предшествующем гласном, /ˆ/ лабиализация предшествующего согласного, /ː/ долгота предшествующего гласного или геминация предшествующего согласного, /ˑ/ палатализация предшествующего согласного, /ˑ/ предшествующий гласный отодвинут назад.

⁵⁶ Ср. аткинское txin, где аспирация отражена графически.

Таблица 1. Согласные фонемы

По способу образования		По месту образования						
		Лабиальные	Дентальные	Палатальные	Латеральные	Велярные	Увулярные	Фарингальные
Смычные			т	ч		к	к'	
Щелевые	Глухие			с		х	х'	
	Звонкие		д	з		г	г'	
Носовые	Аспирированные	м [^]	н [^]			н [^]		
	Звонкие	м	н			н'		
Плавные	Аспирированные	w [^]		й [^]	л [^]			h
	Звонкие	w		й	л			

Единственная аффриката /č/ отмечена только в инициальной и медиальной позициях: чагих' [ča'ɣ'ix] "палтус"; к'ичитих' [qiči'tix] "монета".

Класс глухих щелевых представлен тремя согласными: /x/, /x/ и /s/. Для этого класса согласных характерны палатализация и лабиализация не только перед, но и после соответствующих гласных: хатих' [ha'ti-x'] "губы"; чим[^]ис [či'm[^]is'] "следы"; чукух' [ču'k^oux^o] "надел (что-л.)"; асук [a's^oux^o] "две кастрюли"; сигус [s'i'ɣ^ous^o] "морщины". Прогрессивной палатализации не подвержен увулярный /x/: хачих' [ha'čix] "спина". Наиболее отчетливо прогрессивное воздействие гласных можно наблюдать, когда глухие щелевые стоят в финали словоформы перед паузой. На стыке слов, если после финального глухого щелевого следует гласный следующего слова, происходит озвончение глухого согласного: асх'удгих' илах'такук' [asx^ou'δ^oɣ'ix'il'æxtæ'k^ouq] "я люблю девушку".

Звонких щелевых в беринговском диалекте четыре: /ɣ/, /ɣ/, /z/ и /δ/. Появление палатализованных и лабиализованных аллофонов обусловлено теми же закономерностями, которые были отмечены для глухих щелевых. В финали словоформы звонкие щелевые появляются как альтернанты глухих в позиции перед гласным следующего слова. Перед паузой в абсолютном исходе слова звонкие щелевые не отмечены. В инициальной позиции зафиксированы только два звонких щелевых:

гидгих' [γ'iδy'ix] "легкий ветер", "бриз"; дах' [δax] "глаз". В медиальной позиции звонкие щелевые встречаются в интервокальной позиции и в сочетаниях с сонантами: члагмигикух' [člaγm'iy'i'k°ux°] "ныряет многократно"; к'игнах' [q'iγnaχ] "огонь". В медиальной позиции возможны также сочетания звонких щелевых друг с другом, но сочетания увулярного /χ/ с веларным /γ/, а также дентального /z/ с интердентальным /δ/ относятся к числу запрещенных: к'алигдакух' [qa'l'iyda'k°ux°] "обрабатывает рыбу"; аг'закух' [aχza'k°ux°] "обычно дает". В медиальной позиции рядом с глухими смычными звонкие щелевые оглушаются: члах'такух' [člaχta'k°ux°] "нырнул (и находится под водой)" из *члаг'такух'; иматсакух' [i'matsa'k°ux°] "обычно кричит" из *иматзакух'. После глухих отмечен глухой аллофон интердентального /δ/: к'ук'дах' [q°u'q°δ^ax] "грязь"; сдах' [sδ^ax] "звезда".

Противопоставление /z/ — /δ/ относится к числу периферийных и, по-видимому, является инновацией. На это указывает то, что это противопоставление используется в весьма ограниченном круге морфологических элементов. В алеутском языке нет корней, которые были бы противопоставлены данной парой согласных. Две суффиксальные морфемы -зу- и -ду-, использующие оппозицию /z/ — /δ/, характеризуются известной семантической близостью: авазукух' [aβyaz°u'k°ux°] "хорошо работает"; авадукух' [aβyad°u'k°ux°] "быстро работает".

Противопоставление /z/ — /δ/ нейтрализуется после /t/, ср. реализацию суффикса -дуука-/зуука- "предсказание о том, что действие в будущем не совершится" после основы на -т-: идгитсуукаг'улах' [iδy'its°u:kaχ°ulax] "не будет вытягивать". Нейтрализация /z/ — /δ/ после /t/ в случае суффиксальных морфем -ду- "быстро" и -зу- "хорошо" вызывает своеобразную смысловую нейтрализацию: идгитсукух' "хорошо вытягивает", то есть значение "хорошо" как бы признается первичным, основным, перекрывающим в данном случае значение "быстро". Это можно считать еще одним подтверждением того, что противопоставление /z/ — /δ/ относительно недавно развилось в алеутском языке. Чередование /δ/ — /s/ связано с определенной морфологической позицией и скорее всего относится к историческим, то есть отражает состояние системы алеутского консонантизма, когда противопоставления /z/ — /δ/ не существовало.

Для сонантов в беринговском диалекте существенным является признак наличия/отсутствия голоса. Сонанты (/m/,

/n/, /l/, /j/, /ŋ/) имеют глухие (с преаспирацией) корреляты /mˆ/, /nˆ/, /lˆ/, /ç/, /ŋˆ/ соответственно. Сонанты свободно сочетаются с согласными других классов, но друг с другом проходные сонанты сочетаться не могут: йахтал [jaˆxtal] "любить"; лагукух' [laɣˆuˈkˆuxˆ] "собирает"; алиг'их' [alˆiˈχˆixˆ] "старый"; айх'аасих' [ajχa:sˆixˆ] "лодка". В финальной позиции /l/ и /j/ перед глухой инициально следующего слова чередуются соответственно с /lˆ/ и /ç/: к'ал хилакух' [qaˆlˆilaˈkˆuxˆ] "он ест и читает"; вай хитикух' [βyaˆçiti~kˆuxˆ] "вот он вышел".

Особое место в системе алеутского консонантизма занимают проходной сонант /βɣ/, глухой проходной сонант [βɣˆ] и глухой придыхательный /h/. Лабиовелярный сонант /βɣ/ может встречаться либо в инициальной позиции перед гласным /a/ либо в медиальной позиции между гласными /a/: wах'тал [βyaˆxtal] "жалеть (кого-л.)"; к'авах' [qaˆβyaχ] "сивуч". Качество данного согласного существенно отличается как от лабиального /β/, который в беринговском диалекте в речи более молодых информантов может иногда факультативно замещать /βɣ/, так и от велярного /ɣ/.

Глухой (с преаспирацией) лабиовелярный /øχ/ зафиксирован только в одном слове w^аг'их' [øχaˆχˆixˆ] "дым". Это слово относится к числу употребительных, образует регулярные производные формы, глухой лабиовелярный в нем зафиксирован достоверно (в диалекте о. Атка помимо упомянутого есть еще одно слово, в котором представлена эта фонема; в уналашкинском помимо этих двух – еще одно). Очевидно, мы имеем дело с уникальной для алеутского языка фонемой. Факультативная утрата велярности, отмеченная для звонкого коррелята глухого лабиовелярного, не зафиксирована.

Глухое придыхание /h/ представлено только в одной позиции – инициальной. В этой позиции /h/ противопоставлен нулю: ср. һанух' [haˆnˆ:uxˆ] "родинка" и анух' [aˆnˆ:uxˆ] "свeticильник". Глухое придыхание /h/ можно также считать противопоставленным /x/, правда, с оговоркой: существует всего одно слово, имеющее в инициали /x/ – хаадахс [χaˆ:baχs] "быстро идти" (так же обстоит дело в аткинском диалекте). Если бы не единичное употребление /x/ в инициали, то можно было бы считать /h/ и /x/ дополнительно распределенными: /h/ встречается в инициальной позиции, а /x/ – в медиальной. Особенности дистрибуции лабиовелярных /βɣ/ и /øχ/, а также глухого придыхательного /h/ указывают на то, что эти единицы относятся к периферии консонантизма беринговского диалекта.

Носовые сонанты /ŋ/, /n/ и /m/ представлены во всех позициях и свободно сочетаются с сонантами других классов: н'усин' [ŋu's'ɪŋ] "мне", "для меня"; натикух' [nati~k'ux°] "ушиб (кого-л., что-л.)"; микакух' [m'ika~k'ux°] "играет"; ан'имин' [aŋ'i'm'ɪŋ] "рядом со мной"; аан'сух' [a:ŋs'ux°] "шикша", "ягода"; амтих' [a'mti~x] "утес". Ограничение на сочетаемость носовых сонантов накладывается в одном случае – когда они сочетаются друг с другом; при этом первый сонант должен быть более заднего места образования, чем второй в сочетании. На стыке слов носовые сонанты чередуются со своими глухими коррелятами перед глухой инициальной следующего слова: л'ан' хакан ал [l'a~ŋ'a~ka:n:al] "мой сын наверху"; каазнам w'ag'ии [ka:znam'øxaχ'i:] "дым от курения".

Дистрибуция глухих (аспирированных) сонантов ограничена. В инициальной позиции отмечены /ç/, /l'/ и /n^/: й'утикух' [çuti~k'ux°] "вылил"; л'ах' [l'aχ] "мальчик"; н'ух'такух' [n'ux°ta~k'ux°] "посетил". В интервокальном положении встречаются /l'/, /m^/, /n^/ и /ŋ^/: тагал'ии [taɣal'i:] "давно"; чим'ис [çim'is'] "следы"; кан'улиисих' [ka~n'ul'i:s'ix] "носовой платок"; кан'иитих' [kaŋ'i:ti~x] "подушка". Случаи употребления глухих сонантов в сочетаниях с другими согласными единичны: чум'нихс [çum'n'ixs] "уколоть"; тйуулих' [tçu:l'ix] "молодая чайка".

Соглашаясь с Бергсландом в том, что вряд ли имеет смысл интерпретировать глухие смычные как /hl/, /hm/ и т.д. (Bergsland 1956: 41), отметим при этом подвижность признака глухости. Так, глухой согласный в интервокальной позиции может озвончаться с одновременным появлением глухого придыхательного /h/ в инициали: ам'айах'такух' [a~m'a~ja~χta~k'ux°] "спрашивает" > хамайах'такух' [ha~maja~χta~k'ux°] – перевод тот же. В беринговском диалекте такое преобразование может иметь место только в качестве факультативного; ср., однако, ситуацию в диалекте о. Атту, где такое перераспределение закрепилось в некоторых словах (Bergsland 1986: 132). Здесь же заметим, что в речи более молодых информантов глухие сонанты озвончаются; ср. сходную ситуацию в уналашкинском диалекте, где такая замена закрепилась (Bergsland 1986: 132). Специфической чертой алеутского консонантизма является отсутствие губных /p/ и /b/ ⁵⁷.

⁵⁷ Об особенностях алеутской консонантной системы см. работу (Asinovskiy, Golovko 1992), в которой также дается пространственная модель алеутского консонантизма.

1.2. Вокализм

Инвентарь гласных беринговского диалекта насчитывает 6 единиц: /a/, /a:/, /i/, /i:/, /u/, /u:/.

Таблица 2. Гласные фонемы

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
Верхний	и	а	у
Нижний	ии	аа	уу

Гласные не имеют дистрибутивных ограничений: они встречаются в инициальном, медиальном и финальном положении. Диапазон вариативности весьма значителен, но все варианты дополнительно распределены и не имеют самостоятельного фонологического статуса. В слове айагас [ajæʔʷəs] "женщины" три аллофона /a/ закономерно распределены по фонотактическим позициям: после палатальных или палатализованных согласных /a/ продвигается вперед и вверх до /æ/, после велярных в акцентно слабом слоге /a/ редуцируется в /ə/. Гласный /i/ в соседстве с увулярными отодвигается назад: тух'их' [tʰuʔx'i-x] "мишень", "цель". Гласный /u:/ в окружении увулярных реализуется в открытом варианте: чх'уух'с [çxu:xs] "стирать".

Раздел 2. Фономорфология

Самыми распространенными структурами корня в беринговском диалекте являются структуры типа СГСГ и ГСГ – двусложные корни, оканчивающиеся на гласные: чачи-л [čaʔčil] "закрыть"; кука-х' [kʰuʔkaχ] "бабушка"; тани-х' [taʔn'i:χ] "лоб"; ава-л [aʔβal] "работать"; асу-л [aʔsʰul] "чихнуть"; ана-х' [aʔn:ax] "мать"; ула-х' [uʔl:ax] "дом". При этом возможны также односложные и трехсложные корни: к'а-х' [qaχ] "рыба"; сда-х' [sdaχ] "звезда"; тах'-с [taχs] "темнеть (в вечернее время); сн'ах-с [snaχs] "видеть сон"; йаах' [ja:χ] "мыс"; таг'айу-х' [taχaʔjuχ] "морская соль"; тумтату-л [tumtaʔtul] "толстый (о круглом продолговатом предмете)". Корней, содержащих более трех слогов, меньшинство, а неслоговых корней не существует. Только четыре согласных могут заканчивать глагольный корень: /m/, /γ/, /χ/ и /t/: хум-и-л, хум-с "дуть"; айуг-и-л (с оглушением в форме айух-с) "выйти в море"; чх'ууг'-и-л (с оглушением в форме чх'уух'-с) "сти-

рать"; идут-и-л (с морфонологическим чередованием в форме идус) "вдохнуть". Из четырех согласных, которые могут заканчивать глагольный корень, только два могут встречаться в финали именного корня – /χ/ и /γ/: hwaγ'-и-х' (вариант в финальной позиции hwaχ') "дым"; анаг-и-х' (вариант в финальной позиции анах) "дубинка". Очевидно, существовал также тип именных корней на -η-: уук'учиин'-и-х' [u:qiçi:ŋix] "песец" (Bergsland, Dirks 1981: 2), однако в современном языке все основы этого типа перешли в основы на гласный -и- (соответственно, единственно возможное членение в современном языке: уук'учиин'-и-х').

Все суффиксы беринговского диалекта имеют консонантную инициаль. Поскольку есть корни, оканчивающиеся на согласный, то возможны сочетания согласных на стыке морф. Однако не всегда суффикс, начинающийся с согласного, непосредственно присоединяется к консонантной финали корня. Все суффиксы делятся на три фonomорфологические группы. К первой группе относятся суффиксы, присоединяющиеся к корню с помощью долгого эпентического гласного (мы обозначаем его заглавной буквой Д), напр., -Дг'ута- "опять", "снова": имат-ии-г'ута-ку-х' [i'mat-i:χ°uta'k°ux°] "опять кричит". Если корень оканчивается на гласный, то присоединение суффикса данной фonomорфологической группы вызывает продолжение гласной финали корня: адалу-у-г'ута-ку-х' [a'dalu:χ°uta'k°ux°] "он опять врет". Ко второй фonomорфологической группе можно отнести суффиксы, которые присоединяются к корню с помощью гласной вставки нормальной длительности, напр., -да "показатель императива": хум-и-да [hum:i'da] "дуй"; а также -г'и- "показатель объектного результата": чх'ууг'-а-г'и-ку-х' [čx°u:χaχ'i'k°ux°] "выстирано". Когда суффиксы второй фonomорфологической группы присоединяются к основам, оканчивающимся на гласный, они не меняют его длительность: чачи-да [čaçi'da] "закрой". Особенностью гласной вставки нормальной длительности является неопределенность ее качества: возможны словоформы члаг'-и-да [člaχ'i'da] "нырни" и члаг'-а-да [člaχa'da] – перевод тот же. Кроме того, наши информанты признавали правильным произнесение императивной формы от данного корня в виде члаг'-да [čla'χda] – перевод тот же, где эпентеза вовсе опускается.

Условия опущения эпентического гласного, по-видимому, связаны с ритмической структурой фразы, включающей словоформу с эпентическим гласным. Так, фраза н'ус

к'ах' аг'-а-да "мне рыбу дай" может содержать императивную форму как в виде аг'-а-да "дай" (как в приведенном примере), так и аг'-и-да (перевод тот же) или аг'-да (перевод тот же). Факультативное опущение эпентезы в данной фразе связано с тем, что на эпентический гласный приходится акцентно слабый слог и при опущении вставки получается правильная четырехсложная ритмическая структура с выделенными первым и третьим слогами (о закономерностях организации ритмических структур см. ниже; см. также: Asinovskiy, Golovko 1987; Головкин 1996а; Головкин 1997). Если фраза выглядит иначе: к'ах' аг'-а-да "рыбу дай", то на эпентезу приходится третий слог четырехсложной структуры, который по правилу является акцентно выделенным. В таких условиях эпентический гласный не выпадает.

Суффиксы третьей фonomорфологической группы присоединяются непосредственно к финали корня, какая бы она ни была. При этом возможны различные контактные преобразования консонантных стыков:

1. Ассимиляция по глухости/звонкости. Направление ассимилирующего воздействия – любое. Если звонкая финаль корня оказывается перед глухим начальным согласным суффикса, то происходит регрессивное оглушение: члах'-к'али-ку-х' [člaˈxal'ik°ux°] "начал нырять" из *члаг'-к'али-ку-х'; ах-чх'и-ку-х' [axčxik°ux°] "позволяет пройти" из *аг-чх'и-ку-х'. Если звонкая инициаль суффикса оказывается после глухого финали корня, то происходит прогрессивное оглушение: имат-са-ку-х' [iˈmatsaˈk°ux°] "всегда кричит" из *имат-за-ку-х' и имат-суука-г'ула-х' [iˈmats°u:kaχ°uˈlaχ] "не будет кричать" из *имат-зуука-г'ула-х'.

2. Частичная ассимиляция по месту образования. Если после финали на /m/ идет суффикс, начинающийся с увулярного /q/, то увулярный /q/ чередуется с велярным /k/: хум-кали-ку-х' [huˈmkal'ik°ux°] "начал дуть" из *хум-к'али-ку-х'; имкада-ку-х' [iˈmkaðaˈk°ux°] "повернул (букв.: закончил поворачивать) в сторону" из *им-к'ада-ку-х'.

3. Одновременная ассимиляция по глухости и месту образования. Если после финального звонкого велярного корня идет инициальный глухой увулярный суффикс, то одновременно происходит регрессивное оглушение и прогрессивная ассимиляция по месту образования: ах-кали-ку-х' [aˈxkal'ik°ux°] "начал проходить" из *аг-к'али-ку-х'; айух-кали-ку-х' [ajuˈxkaˈl'ik°ux°] "отошел (на лодке) от берега (букв. начал выходить в море)" из *айуг-к'али-ку-х'.

4. Диссимиляция по способу образования. Если после конечного /t/ идет суффикс, начинающийся со смычного, то этот смычный чередуется со щелевым, одновременно происходит частичная ассимиляция по месту образования: имат-хали-ку-х' [iːmatxaːl'ik°ux°] "начал кричать" из *имат-к'али-ку-х'; имат-хада-ку-х' [iːmatxaːðak°ux°] "перестал плакать" из *имат-к'ада-ку-х'.

Контактные преобразования консонантных стыков носят регулярный характер, это живые фонотактические чередования, имеющие, как правило, прогрессивную направленность – корень модифицирует инициаль суффикса. Однако, обращаясь к историческим чередованиям, которые связаны с определенными фономорфологическими группами корней и суффиксов, можно обнаружить обратное, регрессивное воздействие. Так, корни, оканчивающиеся на /t/ при присоединении транзитивирующего суффикса -са- модифицируются – происходит чередование /t/ – /ð/: идгид-у-са-ку-х' [iːðyːiduːsak°ux°] "вытягивает" из *идгит-у-са-ку-х'. При присоединении к /t/-финали суффиксов -да "показатель императива" и -г'и- "показатель объектного результата" происходит чередование /t/ – /č/: идгич-а-да [iːðyːičaːða] "вытягивай" из *идгит-(а)-да; идгич-а-г'и-ку-х' [iːðyːičaːχ'ik°ux°] "вытянут" из *идгит-(а)-г'и-ку-х'. Чередование в последнем случае имеет обязательный характер. При присоединении показателя императива -да допускаются факультативные варианты: идгич-а-да "вытягивай" и идгит-и-да – перевод тот же, с изменением качества эпентического гласного. В данном случае, очевидно, признак палатальности может факультативно располагаться либо на согласном – и тогда имеет место чередование /t/ – /č/, либо на гласном – и тогда эпентеза имеет вид /i/, а чередования не происходит.

Выбор гласного в качестве эпентезы может зависеть от вокалической структуры словоформы, ср.: аг-у-са-ку-х' "проходит мимо чего-л." и чаг-у-са-ку-х' "расколол чем-л.", с одной стороны, и чак'уг-а-са-ку-х' "жуе́т что-л." и иклуг-а-са-ку-х' "натя́кается на что-л.", с другой стороны. В приведенных примерах присоединение суффикса -са-, увеличивающего валентность глагола (подробнее см. п. 4.3.7 в главе 2), происходит с помощью эпентического гласного /i/ или /a/ в зависимости от последнего гласного корня: после /a/ следует эпентеза /u/, после /u/ следует эпентеза /a/. С некоторой натяжкой можно сказать, что имеет место явление, обратное гармонизации гласных. Есть ряд суффиксов, в которых отмечается тенденция

к диссимиляции гласных по подъему, проявляющаяся прежде всего при выборе эпентезы.

Раздел 3. Фоносинтаксис

Противопоставление алеутских гласных по долготе существенно как для фonomорфологических процессов, так и для закономерностей просодического оформления словоформы в составе фразы (основные закономерности просодического оформления алеутских словоформ кратко изложены в работе: Asinovskiy, Golovko 1988).

Долгие гласные могут входить в состав экспонентов корней и суффиксов, а также могут быть результатом удлинения соответствующих недолгих гласных в определенных фonomорфологических условиях: сичин' [sičɪŋ] "четыре" и сичин' [sičɪ:ŋ] "девять"; аалу-ку-х' [a:l°uk°ux°] "улыбается" и аалу-у-са-ку-х' [a:l°u:sak°ux°] "насмехается над кем-л.". В последнем примере представлено два долгих гласных в одной словоформе, при этом первый долгий /a:/ входит в состав экспонента корневой морфемы, а второй долгий /u:/ – результат обязательного продления финального гласного корня /u/ под воздействием уже рассмотренного выше транзитивирующего суффикса -са-. В алеутской словоформе может быть несколько долгих гласных: тин' к'аалааг'нааг'аасак'адаах'т [qa:la:χna:χa:saqada:χt] "перестань насмехаться надо мной", "перестань дразнить меня". Просодический признак долготы, несомненно, является фонологически релевантным для вокализма беринговского диалекта алеутского языка.

Долгота гласного ярко окрашивает ритмическую структуру словоформы и фразы, содержащей словоформу с долгим(и) гласным(и). Однако не каждая словоформа содержит долгие гласные: чах' [čax] "рука"; асух' [as°ux°] "кастрюля"; һачих' [hačɪχ] "спина"; укинах' [uk'ɪ'naχ] "нож"; улигикин [u'l'ɪ'ɪ'k'ɪn] "мои (дв. ч.) торбаса"; айагаг'икух' [aja'yaχ'ɪ'k°ux°] "он женат"; тугамихтамасукух' [t°u'gam'ɪ'xtak°ux°] "он, может быть, бьет (кого-л.) кулаком".

В изолированных словоформах структуры СГСГС без долгих гласных, напр., китах' [k'ɪ'tax] "нога", "задний ласт морского млекопитающего"; чук'ах' [ču'qax] "горло"; кумтах' [k°u'mtax] "вошь"; сукух' [su'k°ux°] "он берет", первый слог является акцентно выделенным. Акцентная выделенность отличается от контраста по длительности: гласный в акцентно выделенном слоге короче, чем гласный долгий. Но здесь важно обратить внимание на то, что согласный, следующий за ак-

центно выделенным слогом, удлинняется. Это отчетливо проявляется, если этот согласный относится к классу глухих смычных или сонантов. Для того, чтобы сравнить характеристики интервокальных сонантов на фоне вокалической структуры словоформы приведем следующую пару: таачих' [ta:čix] "локтевая кость" и начих' [nač:ix] "спина". В первом примере интервокальный /č/ имеет нормальную длительность, во втором он удлинняется. Есть все основания полагать, что удлинение согласного, который следует за акцентно выделенным слогом, является одним из средств, обеспечивающих эту акцентную выделенность. Двусложные словоформы с неприкрытым первым слогом обнаруживают те же закономерности: амус [a'm^o:us^o] "одежда"; икун [i'k:^oun] "тот другой"; аг'их' [a'χ'ix] 1) "печень"; 2) "икроножная мышца", — удлинение глухих смычных и сонантов после акцентно выделенного слога; в случаях, вроде аалух' [a:l^oux^o] "волнение на море", "зыбь" — отсутствие удлинения после долгого гласного.

В трехсложных словоформах акцентно выделенным является второй слог: й'утикух' [çuti~k^oux^o] "выливает"; кидунах' [k'ið^ou'naχ] "помощник"; самисис [sam'i's'is] "счет", "счетчик". Как и в двусложных словоформах, можно отметить удлинение согласного после акцентно выделенного слога, однако отчетливо это удлинение слышно только в том случае, если согласный принадлежит к классу сонантов.

Четырехсложные словоформы без долгих гласных в изолированном произнесении содержат два акцентно выделенных слога — первый и третий: хах'сатикух' [ha'χsati~k^oux^o] "заставляет собираться"; авазанах' [a'βyaza'n:aχ] "обычно (всегда) хорошо работал". Акцентное выделение сопровождается удлинением последующего сонанта.

Словоформы, содержащие более четырех слогов, изучены недостаточно полно для того, чтобы с уверенностью говорить об их ритмической структуре. В самом общем виде можно представить ритмическую структуру многосложных словоформ как правильное чередование акцентно выделенных слогов с невыделенными через один (если нет ритмического перебора, связанного с долгими гласными).

Исследование изолированных словоформ беринговского диалекта показало, что словесного ударения в алеутском языке нет. Фонетическая цельнооформленность алеутской словоформы обеспечивается ритмической структурой, которую создает правильное чередование акцентно выделенных и

нейтральных слогов, коррелирующее с фонетической (сегментной) структурой словоформы.

Специальный интерес представляет сохранность ритмической структуры словоформы в различных синтаксических контекстах. Ср. пример: л'ан' һак'акух' [l'aŋ'ħaqa'k'ux°] "мой сын подходит". В результате соединения односложного знаменательного слова л'ан' "мой сын" и трехсложного знаменательного слова һак'акух' "подходит" получилась четырехсложная синтагма с равноправными знаменательными словами, которая закономерно оформляется так же, как и четырехсложное слово – с акцентно выделенными первым и третьим слогами. При этом ритмическая структура объединенных в синтагму слов не противоречит ритмической структуре целой синтагмы. Если два знаменательных слова образуют трехсложную синтагму, их собственная ритмическая структура с неизбежностью противоречит ритмической структуре целой синтагмы. Ср. л'ан' снукук' [l'aŋsp'u'k'uiq°] "я моего сына послал" – в трехсложной структуре акцентно выделенным должен быть второй слог, а в приведенном примере выделены первый и третий. Для того, чтобы сохранить знаменательное слово выделенным, трехсложная синтагма оформляется в соответствии с тенденцией оформления многосложных слов, когда слоги выделяются через один. Существенным моментом при формировании ритмической структуры синтагмы, как ясно из приведенного примера, является знаменательность (актуализованность) входящих в синтагму слов. Сравним две синтагмы различающиеся тем, что в одних употребляется односложное незнаменательное, а в другой – односложное знаменательное слово: ван суда [βʏans°u'da] "возьми это" и к'ах' суда [qa'ħs°u'da] "возьми рыбу". Незнаменательное слово ван "это" не является акцентно выделенным, и синтагма оформляется так же, как трехсложная словоформа. Напротив, знаменательное слово к'ах' "рыба" вызывает модификацию ритмической структуры синтагмы. Приведем пример многосложной синтагмы: чиг'анах' к'атукух' [çiħa'p:axqa't'uk'ux°] "река богата рыбой". Первая словоформа закономерно содержит акцентно выделенный второй слог. Вторая словоформа может иметь выделенным как первый, так и второй слоги, что зависит прежде всего от типа произнесения: при полном типе выделяется второй слог второй словоформы, то есть сохраняется ритмическая структура обеих словоформ в синтагме. Вполне возможным является и произнесение в неполном типе, при котором выделяется первый слог (и, соответственно, последний)

второй словоформы. Когда в словоформе к'атукух' "имеет много рыбы (богата рыбой)" выделяется первый слог возникает квазиомонимия с к'аатукух' "он хочет есть", ср., например: тайаг'ух' к'аатукух' "мужчина хочет есть". Однако долгие и акцентно выделенные гласные достаточно различаются, чтобы отталкивание омонимов препятствовало акцентному выделению первого слога в к'атукух'. Тем не менее все наши информанты склонны делать акцентно выделенным в слове к'атукух' второй слог. Возможность разведения квазиомонимов таким способом следует отметить как существующую тенденцию.

Таким образом, ритмическая структура словоформы сохраняется в ритмической структуре синтагмы в двух основных случаях:

1. Если ритмическая структура отдельных словоформ и ритмическая структура целой синтагмы не противоречат друг другу.

2. Если данная ритмическая структура принадлежит первому знаменательному (актуализованному) слову в синтагме.

Поскольку правилом скорее является растворенность ритмической структуры слова в ритмической структуре синтагмы, можно говорить о том, что беринговский диалект алеутского языка фонетически не противопоставляет слово и предложение.

ГЛАВА 2.

МОРФОЛОГИЯ

Раздел 1. Основания морфологического анализа

При исследовании морфологического строя алеутского языка использовалась одна из разновидностей методов моделирования и дистрибутивного анализа – методика порядкового членения (так называемая грамматика порядков⁵⁸). Выделение порядков не является универсальным приемом исследования морфологии, и оно, разумеется, не может дать ответы на многие вопросы. В частности, это касается флективных языков, хотя, впрочем, попытка применения этой методики к флективному языку неизбежно даст, по крайней мере, отрицательный результат и, таким образом, укажет на морфологический тип языка, или, точнее, позволит ответить на вопрос о степени флективности / агглютинативности данного языка. АЯ, единственный способ морфологического конструирования в котором – суффиксация агглютинативного типа, представляет собой почти идеальный объект для применения дистрибутивного метода в морфемном анализе. АЯ – образец чистого, почти без флективных "примесей" агглютинативного языка благодаря двум особенностям морфологического строя: 1) в нем минимум морфонологических изменений на стыках морфем; 2) в нем почти всегда соблюдается принцип "одна морфема – одно значение". Все время приходится делать оговорку о "почти

⁵⁸ В качестве примера использования "грамматики порядков" при описании конкретного языка можно указать, например, на работу одного из энтузиастов этой методики, Александра Павловича Володина (Володин 1976).

чистом типе", "почти универсальном принципе" и т.п., и это кажется естественным: несмотря на близость к "агглютинативному идеалу", в алеутском языке, разумеется, есть участки морфологической системы, в которых нарушаются агглютинативные принципы (например, показатель отрицания "актуального действия" – см. п. 4.3.22 в этой главе; показатели пассива/имперсонала – см. п. 4.3.6 в этой главе). Очевидно, такие "исключения" – результат истории развития языка: в этих участках системы находят отражение некоторые имевшие место в прошлом морфологические процессы, приведшие к нарушениям агглютинативного принципа (на котором, повторим, в основном построена вся морфологическая система современного алеутского языка). Для бесписьменного языка, каким, несмотря на отдельные попытки распространения письменности как в России так и в США, является алеутский, такие нарушения в некоторых участках морфологической системы часто чуть ли не единственный путь получить "выход" в диахронию (см. об этом подробнее: Вахтин 1991; Головкин 1991). Разумеется, нельзя понимать это утверждение в том смысле, что только эти участки показывают какие-то происходившие ранее исторические процессы. Нарушения в этих участках говорят лишь о том, что результаты некоторых морфологических процессов "не уложились" в агглютинативный принцип, однако во многих случаях ситуация могла быть (и, несомненно, была) обратной.

Раздел 2. Морфологические классы слов

В ЯКА выделяется несколько морфологических классов слов. Обычно в грамматических описаниях такие классы слов называют частями речи. При их выделении в качестве релевантных рассматриваются следующие признаки: 1) синтаксические; 2) парадигматические; 3) содержательные (их же называют семантическими). Следует отметить, что эти три группы признаков, действительно, представляются важнейшими для выделения классов слов, однако их релевантность / нерелевантность зависит от конкретного языка. В настоящей работе при выделении классов слов в алеутском языке не учитываются первая и третья группы признаков.

Тот факт, что оставляется в стороне третья группа признаков, кажется, не нуждается в пространных комментариях. Что касается первой группы, то здесь требуются некоторые пояснения. Есть языки, в которых синтаксические признаки необходимо принимать в расчет при выделении классов слов.

В АЯ, по нашим наблюдениям, при довольно ограниченных средствах связи слов (см. п. 2 в главе 3; см. также: Вахтин, Головки 1991) и фиксированном порядке слов в предложении синтаксические характеристики не являются решающими для выделения классов слов⁵⁹. Что касается парадигматических признаков, то в отношении АЯ они представляются единственно разумным критерием и дают возможность достаточно строго выделить классы слов. В АЯ на основе парадигматики выделяются имена, глаголы, числительные, указательные слова, послелогии, личные местоимения, вопросительные слова, морфологически неизменяемые слова. Если от одной и той же корневой морфемы только парадигматическими средствами (без специального маркирования) образуются словоформы двух (как это часто имеет место в случае имен и глаголов) или более классов, то в этом случае имеет смысл считать, что выбор происходит через еще одну, суперкатегорию "модуля" (см. Уорф 1972: 55)⁶⁰. Особо подчеркнем, что АЯ представляет собой "безаффиктивный язык", то есть в нем нет особого класса прилагательных⁶¹. Названия свойств могут быть или именами (см. п. 3.2.3 ниже), или глаголами. При этом в морфологическом отношении они не являются ущербными и могут присоединять показатели всех обязательных категорий – именных и глагольных. Их специфичность проявляется только в сочетаемости, что определяется их семантикой.

Отметим также, что характеристики корневых морфем, основанные на их способности образовывать слова различных классов, не являются жесткими, раз и навсегда закрепленными. Это наглядно подтверждает сравнение двух, казалось бы,

⁵⁹ Ср. крайнюю точку зрения: Бергсланд считает, что для алеутского языка вообще бессмысленно выделение классов слов, наподобие частей речи, так как, по его мнению, все определяет синтаксис, который "отчетливо разграничивает "имена" и "глаголы", то есть "именные" и "глагольные" позиции (Bergsland 1969: 36). Этот взгляд скорее отражает не реальное положение вещей, а потенциальную возможность появления любой корневой морфемы (без специального дополнительного маркирования) в любой синтаксической позиции. Вообще говоря, проблема «частей речи» при всей ее простоте относится почему-то к категории вечных, ср.: (Мунго 2007).

⁶⁰ Ср. также сходную "категорию репрезентации" А.И. Смирницкого, которая используется, например, в работе (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 158).

⁶¹ О делении языков по этому принципу см., напр.: (Плунгян 2000: 242–245).

практически идентичных диалектов – беринговского и аткин-ского (напомним, что полтора века назад это был один диалект). Так, некоторые "сугубо именные" корни аткинского образуют в беринговском глаголы и наоборот. Возможно, впрочем, здесь также играют роль идиолектные различия.

Раздел 3. Имя

3.1. Морфологическая структура имени

3.1.1. Максимальная морфологическая модель.

Инвентарь суффиксальных морфем

Максимальная морфологическая модель имени включает 9 порядков суффиксальных морфем. Максимальная реальная словоформа включает, как правило, не более 5 морф:

айх'а-аси-лига-чхиза-х' (букв.: плыть (по морю)-инструмент-материал-хороший-ед. ч. / абс. п.) "Хороший материал для постройки лодки"⁶².

Максимальная морфологическая модель включает как морфемы обязательных порядков, морфы которых представлены в любой словоформе, так и морфемы необязательных порядков. Наличие в каждой словоформе морф, представляющих обязательные порядки, не зависит от семантики корня и обусловлено структурными причинами. Возможность появления в словоформе морф, представляющих необязательные по-

⁶² Сделаем важное пояснение относительно переводов алеутских слов и предложений на русский язык. В идеальном случае следовало бы глоссировать каждое предложение или, по крайней мере, давать два варианта перевода – буквальный и литературный. Однако, чтобы сэкономить место и, таким образом, получить возможность включить в книгу как можно больше языковых примеров (это представляется исключительно важным, учитывая состояние ЯКА), мы старались снабжать каждый пример переводом, представляющим собой нечто среднее между буквальным и литературным. Таким образом, далеко не все примеры снабжены морфемной строкой – это увеличило бы объем книги по крайней мере вдвое; мы даем морфемную строку только в ключевых примерах, важных для понимания сути того или иного грамматического явления, предпочитая заполнять освободившееся место дополнительным языковым материалом. Поморфемное членение словоформ также зачастую дается не полностью – выделяются прежде всего те морфемы, которые анализируются в конкретном разделе, а также маркеры времени-наклонения и личные показатели.

рядки, в каждом конкретном случае определяется смысловой структурой словоформы.

Ниже перечисляется инвентарь суффиксальных морфем⁶³ имени в ЯКА с указанием их порядка:

Порядок 1 (транспонирующие именные морфемы): 1) -на- "тот, кто Р"; 2) -к'а- "то, что подверглось Р"; 3) -х'та- "тот, кто искусно Р"; 4) -Дси- / -уси- / -аси- "средство, чтобы Р"; 5) -Длуг'- / -алуг'- "место, чтобы Р".

Порядок 2: 1) -Дгамах- / -игамах- "взрослый, главный N"; 2) -Дда- "подобие N".

Порядок 3: -лига- "материал для изготовления N".

Порядок 4: -дгуси- "место для хранения N".

Порядок 5: 1) -чхиза- "хороший N"; 2) -куча- "маленький N"; 3) -куза- / -киза- (если в предыдущем слого гласный /u/) "милый N" ("уменьшительно-ласкательное" значение)⁶⁴; 4) -лг'у- "большой N".

Порядок 6: 1) -х'сида- "бедный, несчастный, негодный N"; 2) -Дклу- "плохой, неуклюжий, негодный N"; 3) -нах'чх'и- "проклятый, чертов N"; 4) -намк'у- "проклятый, чертов N" (сильнее, чем -нах'чх'и-).

Порядок 7: -к'аси- "тот, кто подобен N".

Порядок 8: -л'и- "только N".

Порядок 9:

Подпорядок 1 (непритяжательные формы): 1) -х' "ед. ч. топикализуемого A/S"; 2) -м а) ед. ч. A/S при топикализации любого другого семантического актанта; б) маркер имени-обладателя.

Подпорядок 2 (притяжательные формы): 1) -н' 1 л. ед. ч. обладателя при ед. ч. обладаемого; 2) -кин' 1 л. ед. ч. обладателя при дв. ч. обладаемого; 3) -нин' 1 л. ед. ч. обладателя при мн. ч. обладаемого; 4) -мас 1 л. мн. ч. обладателя; 5) -Дн 2 л. ед. ч. обладателя при ед. ч. обладаемого; 6) -кин 2 л. ед. ч. обладателя при дв. ч. обладаемого; 7) -т

⁶³ Поскольку в момент нашей работы в поле ЯКА уже находился в состоянии языкового сдвига, довольно трудно указать общее число суффиксов в ЯКА. По утверждению Бергсланда, во всех диалектах АЯ насчитывается "570 деривационных суффиксов, включая составные", однако лишь 175 из них действительно продуктивны, в то время как две трети всех суффиксов встречаются довольно редко, иногда в двух-трех словах (Bergsland 1997: 105).

⁶⁴ Интересно, что в алетских диалектах на территории США этот суффикс вышел из употребления (см.: Bergsland 1994a: 515).

2 л. ед. ч. обладателя при мн. ч. обладаемого; 8) -дих 2 л. дв. ч. обладателя; 9) -чих 2 л. мн. ч. обладателя; 10) -Д ед. ч. имени-обладаемого; 11) -ких дв. ч. имени-обладаемого или опущенного имени-обладателя; 12) -н'ис мн. ч. имени-обладаемого или опущенного имени-обладателя⁶⁵; 13) -ган ед. ч. имени-обладаемого, являющегося одновременно именем-обладателем по отношению к другому имени; 14) -кин дв. ч. имени-обладаемого, являющегося одновременно именем-обладателем по отношению к другому имени; 15) -н'ин мн. ч. имени-обладателя, которое одновременно является именем-обладателем по отношению к другому имени".

3.1.2. Минимальная структурная модель

Для имени в ЯКА выделяется одна минимальная структурная модель 0-9, где порядок 0 занят корневой морфемой, порядок 9 – показателями числа-падежа (подпорядок 1) или притяжательными показателями (подпорядок 2). Примеры:: тугида-х' "луна" (ед. ч. абс. п.); ула-м крииса-а "крыша дома", букв. "дома крыша"; айага-н' "моя жена"; аник'ду-н'ис "их дети / их два ребенка / их ребенок"; да-кин "твои глаза", букв. "твои два глаза".

3.1.3. Особенности сочетаемости морф в словоформе

Важнейшим отличием словоформы в ЯКА является то, что она организуется по синтаксическому принципу: порядок следования морф определяется смысловой структурой конкретной словоформы, ср.: суна-ада-лига-чхиза-х' "хороший материал для игрушечного кораблика" и суна-ада-чхиза-лига-х' "материал для хорошего игрушечного кораблика" (см. также: Головки 1983; Головки 1986). Такие примеры подтверждают гипотезу о том, что морфологическая структура словоформы семантически мотивирована (Кибрик 1980; Кибрик 1980а; см. также: Головки 1983а; Зайцева 1983; Асиновский, Володин, Головки 1987). Подобные примеры дают основания для сближения морфологической структуры слова с синтаксической структурой предложения (подробнее эта проблема рассматривается в п. 4.1.3 ниже).

⁶⁵ Подробно о значении -ких и -н'ис см. п. 3.2.3 ниже.

3.2. Обязательные категории имени

3.2.1. Принципы выделения грамматических категорий

При выделении грамматических категорий мы исходим из следующих принципов:

1. В любой словоформе одна и та же грамматическая категория может быть представлена только одной морфой, выражающей одну определенную граммему (ср.: "Для всякой словоформы должно соблюдаться следующее основное требование: ее внутренняя сторона не должна содержать двух или более элементов значения" – Зализняк 1967: 23).

2. Грамматической категории должна соответствовать система морфологических показателей. (Как отмечалось выше, в силу высокой степени агглютинативности ЯКА граммема, как правило, однозначно соотносится с некоторой морфемой).

Словоизменительные категории должны отвечать требованию обязательности. Обязательными категориями считаются такие категории, которые необходимы и достаточны для функционирования словоформы как цельнооформленной единицы, то есть, другими словами, такие категории, показатели которых присутствуют в любой словоформе.⁶⁶

Принадлежность основы к классу именных устанавливается на основании возможности образования от нее совокупности рассматриваемых ниже парадигматических форм, представляющих словоизменительные категории имени. К словоизменительным категориям имени в ЯКА относятся категории (1) числа–падежа и (2) притяжательности.

3.2.2. Непритяжательные формы имени

Все имена могут выступать в притяжательных и непритяжательных формах (об исключениях см. соответствующие разделы). Непритяжательные формы имени (или, иначе, с "нулем притяжательности") характеризуются грамматическими категориями числа и падежа.

⁶⁶ Кроме того, к обязательным относятся также те категории, для которых это условие нарушается из-за наличия позиций, запрещенных в семантическом или формальном отношении для их показателей – см. работу (Зайцева 1983: 7), в которой уточняется определение, предложенное в работе (Володин, Храковский 1975: 187–191).

3.2.2.1. Категория числа–падежа

В ЯКА нет специальных показателей, указывающих отдельно на число и отдельно на падеж имени. На этом основании выделяется единая категория числа-падежа (о правомерности такого подхода см.: Володин, Храковский 1975).

Непритяжательные формы имени могут оформляться следующими показателями: -х' — ед. ч., абс. п.; -м — ед. ч., отн. п.; в дв. ч. и мн. ч. падежи не различаются: -х — дв. ч., -с — мн. ч. Показатели ед. ч. используются для обозначения единичных объектов: вещей, живых существ, например: ух'ааси-х' "лодка"; к'угана-х' "камень"; анг'аг'ина-х' "человек"; чн'ату-х' "калан (морской бобр)".

В "старом языке" имя в ед. ч. не обязательно имело показатель -х'. Существовало небольшое число основ на -х', -х и -н', например: исух' "нерпа"; йаах' "мыс"; сх'иих "морской окунь"; анах "дубинка"; уук'учиин' "песец". В современном языке произошло выравнивание основ по гласному типу; все основы на согласный получили в финали гласный /i/ с озвончением предшествующего глухого: исуг'и-х' "нерпа"; йааг'и-х' "мыс"; сх'ииги-х' "морской окунь"; анаги-х' "дубинка"; уук'учиин'и-х' "песец". Большинство подобных имен могут употребляться в двух формах: как с основой на согласный, так и с основой на гласный; предпочтение отдается основам на гласный. Некоторые имена, например, уук'учиин'и-х' утратили старую основу на согласный и образуют производные формы только от основы на гласный.

Показателем ед. ч. оформляются также имена, выражающие явления природы и т.п.: сла-х' "ветер"; айан'и-х' "туман". Как правило, такие имена не образуют форму мн. ч. Некоторые имена, обозначающие сыпучие тела, употребляются в основном в ед. ч., напр., чугу-х' "песок", однако могут иногда употребляться и во мн. ч.: чугу-с "песок". Выделяется группа имен *pluralia tantum*, примеры: чх'ууг'и-с "белье"; саги-с "морщины", "линии руки". Некоторые имена употребляются как имена *pluralia tantum*, но допускают употребление и в ед. ч., при этом эти две возможности употребления соотносятся как варианты⁶⁷: сайги-х', сайги-с "ружье" (мн. ч. значительно более частотно). Имена, обозначающие парные предметы чаще употребляются в дв. ч., хотя возможна и форма мн. ч., и

⁶⁷ Это справедливо и для атк.д.; правда, сайги-с "мн. ч., помимо значения "ружье" имеет также значение "лук (для стрельбы)" (очевидно, утраченное в ЯКА); сайги-х' в ед. ч. обозначает только ружье.

(реже) ед. ч., ср.: улиги-х "торбаза" (дв. ч. — одна пара), улиги-с "торбаза" (мн. ч. — несколько пар); улиги-х' "один торбаз". Есть имена, имеющие только форму дв. ч.: учки-х "очки". Все приведенные примеры вполне корректны, однако надо отметить, что эти имена, как правило, оформляются притяжательными показателями (см. ниже). В некоторых случаях имя во мн. ч. имеет другое значение: ср. сакуча-с "мошки" (мн. ч.) и сакуча-х' "маленькая птичка" (ед. ч.).

В большинстве случаев противопоставление исчисляемых и неисчисляемых в ЯКА не соответствует например, русскому: кда-х' "лед" — кда-с "льдины"; таан'а-х' "вода" — таан'а-с "лужи" (в этом значении употребляется также производное слово от того же корня с деминутивным суффиксом: таан'а-куча-х' "лужа" — таан'а-куча-с "лужи"); к'ига-х' "трава" — к'ига-с "некоторое количество травы", "травинки". Возможно, правильнее будет считать, что не имя во мн. ч. получает какое-то особое, "новое" значение, но для имени в ед. ч. основным, исходным значением является значение "одна льдина", "одна травинка" и т.д., а собирательное значение "лед", "трава" и т.д. являются "вторичными", "дополнительными". При такой трактовке отношение между ед. ч. и мн. ч. имени не будут отличаться от такого отношения у всех остальных имен, а имя в ед. ч. "в нагрузку" будет иметь еще собирательное значение.

В ЯКА существует только два падежа — абсолютный и относительный, которые выполняют чисто синтаксические функции. Естественно, мы вынуждены, по крайней мере, упомянуть эти два падежа в главе "Морфология", так как оба они представлены особыми морфологическими формами, пусть даже различающимися только в ед. ч.: -х' и -м. Как правило, в любом языке один и тот же падеж может реализовывать более чем одну функцию — это относится и к двум алеутским падежам. Функции падежей таковы: абс. п. 1) маркирует ед. ч. ИГ семантического актанта A/S в случае его топиализации; 2) маркирует ед. ч. ИГ семантического актанта Р в случае топиализации семантического актанта A/S; 3) может оформлять некоторые имена с адвербиальным значением, представляющие в семантической структуре предложения сирконстанты; отн. п. 1) маркирует ед. ч. ИГ семантического актанта A/S в том случае, если топиализуется какой-либо другой семантический актант; 2) маркирует ед. ч. в ИГ обладателя в притяжательном сочетании; 3) оформляет зависимую глагольную форму в том случае, если главная и зависимая ПЕ находятся в отношении противительности или предшествования. Мы огра-

нимся здесь кратким перечислением функций падежей. Подробный анализ содержится в главе "Синтаксис".

Отметим, что имена собственные людей не могут быть оформлены падежными показателями (в аткинском диалекте такое оформление обязательно, например, Пиитра-х' "Петр", Марийа-х' "Мария"), в отличие от топонимических названий: Кааменка-х' "Каменка (название реки)"; Бееринга-х' "(остров) Беринга"; Буйаана-х' "(бухта) Буян" (см. также замечание в п. 6 подраздела 3.2.3).

3.2.3. Притяжательные формы имени

В ЯКА выделяется грамматическая категория притяжательности с субкатегориями лица—числа обладателя и лица—числа обладаемого. Категория притяжательности трактуется здесь как грамматическая, то есть обязательная, так как непритяжательные формы противопоставлены притяжательным и представляют как бы притяжательность со знаком минус.

Два и более имен могут находиться в отношении притяжательности. В этом случае имя-обладатель оформляется показателем отн. п. (см. п. 2.1 в главе 3), а имя-обладаемое — специальными показателями притяжательности: ед. ч. -Д (-а — после основ на согласный); дв. ч. — -ких; мн. ч. — -н'ис. Примеры:

	имя- обладатель	имя- обладаемое	перевод
ед. ч.	аник'ду-м	микааси-и	"ребенка игрушка"
	аник'ду-м	микааси-ких	"ребенка две игрушки"
	аник'ду-м	микааси-н'ис	"ребенка игрушки"
дв. ч.	аник'ду-х	микааси-и	"двух детей игрушка"
	аник'ду-х	микааси-ких	"двух детей игрушки"
	аник'ду-х	микааси-н'ис	"двух детей игрушки"
мн. ч.	аник'ду-с	микааси-и	"детей игрушка"
	аник'ду-с	микааси-ких	"детей две игрушки"
	аник'ду-с	микааси-н'ис	"детей игрушки"

Если имя-обладатель опущено, то имя-обладаемое оформляется притяжательным показателем, выбираемым в соответствии с *правилом иерархии чисел*, по которому дв. ч. доминирует над ед. ч., а мн. ч. доминирует над дв. ч. и ед. ч. Таким образом, следующие три словоформы с притяжательными показателями могут иметь следующие значения:

микааси-и "его игрушка"

микааси-ких 1) "ребенка две игрушки"; 2) "двух детей игрушка"; 3) "двух детей две игрушки"

микааси-н'ис 1) "ребенка игрушки"; 2) "двух детей игрушки"; 3) "детей игрушки"; 4) "детей игрушка"; 5) "детей две игрушки".

Если обладатель не представлен в притяжательном сочетании именем, но он известен из контекста, то оформление имени-обладаемого контролируется тем участником ситуации, число которого больше. Такой способ оформления имени-обладаемого связан с общим принципом топиализации, который является единым и необходимым для любого отрезка текста на ЯКА. Опускание имени-обладаемого (топиализация обладаемого) в притяжательном сочетании невозможна, так оно представляет актуализуемую информацию ("новое"). Опускание имени-обладателя (топиализация обладателя) возможна, так как оно всегда представляет неактуализуемую информацию ("данное"). Если имя-обладатель не опущено, то значит ни один из членов притяжательного сочетания не топиализуется. Подробно механизм топиализации описывается в главе "Синтаксис" (см. также: Головкин 1989а; 1989б; 2007а).

Оформление имени-обладаемого грамматическими показателями происходит на несколько других принципах, если обладатель 1 или 2 лицо.

Таблица 1. Показатели имени обладаемого с 1 и 2 л. обладателя

Обладатель	3 л. имени-обладаемого		
	Ед.ч	Дв.ч	Мн.ч
1 л. ед. ч..	-н'	-кин'	-нин'
1 л. мн. ч.	-мас	-мас	-мас
2 л. ед. ч.	-Дн	-кин	-т
2 л. дв. ч.	-дих	-дих	-дих
2 л. мн. ч.	-чих	-чих	-чих

Мы не членим представленные в таблице показатели, так как парадигма неоднородна: рядом с несомненным показателем 3 л. дв. ч. обладаемого -ки-, нулевым показателем 3 л. ед. ч. обладаемого и показателем 1 л. ед. ч. обладателя -н' в парадигме присутствует "нарушающий" стройную картину показатель -т, а также "немотивированная" обязательная дол-

гота -Д в показателе 2 л. ед. ч. обладателя и 3 л. ед. ч. обладаемого -Дн.

При "столкновении" 1 лица ед. ч. или 2 лица ед. ч. в качестве обладателя с 3 лицом обладаемого имя-обладаемое получает показатели, которые отражают лицо-число как обладателя, так и обладаемого. Если обладателем выступает 1 л., дв. ч. или мн. ч. или 2 л., дв. ч. или мн. ч., то имя-обладаемое оформляется показателем, отражающим только лицо-число обладателя. В алеутских диалектах нет притяжательных форм с 1 и 2 лицом обладаемого.

Все перечисленные формы свойственны именам, занимающим в предложении позицию абсолютного падежа. Имя-обладаемое с соответствующими притяжательными показателями в свою очередь может одновременно быть именем-обладателем по отношению к другому имени, то есть занимать позицию относительного падежа. В этом случае имя оформляется такими показателями: -ган (после основ на согласный -ан) — ед. ч.; -кин — дв. ч.; -н'ин — мн. ч. (примеры и более подробный анализ см. в главе 3). Если позицию отн. п. занимает имя-обладаемое с 1 лицом обладателя, то оформление имени, по сравнению с таблицей 1 выше, не меняется.

Для имен в позиции отн. п. с 2 лицом обладателя показатели имеют такой вид:

Таблица 2. Показатели имен обладаемых с 1 л. обладателя в позиции относительного падежа

2 л. обладателя	3 л. имени-обладаемого		
	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Ед. ч.	-мис	-кимис	-т
Дв. ч.	-мдих	-мдих	-мдих
Мн. ч.	-мчих	-мчих	-мчих

Мы также не членим показатели в этой парадигме, так как и в ней при несомненных -ки- — показателе дв.ч обладаемого; -мис — 2 л. ед. ч. обладателя; -Ø- — 3 л. ед. ч. обладаемого существует показатель -т, не поддающийся такому членению. (Заметим в скобках, что формант -м- в формах с 2 л. дв. ч. и мн. ч. обладателя, несомненно, "бывший" показатель отн. п.; однако формант -м- в -мис, возможно, имеет другое происхождение.) Примеры: л^а-мис укина-а "твоего сына нож", букв. "сына-твоего крыша; ула-мдих криса-а "вашего (дв. ч.) дома крыша", букв. "вас-двоих-дома крыша"; ча-кин кайуту-у "твои сильные руки", букв. "твоих-двух-рук сила".

Наиболее распространенные смысловые отношения, которые могут передаваться притяжательным сочетанием, следующие:

- 1) родство: агитаада-н' асхину-у "дочь моего товарища"; Петя ана-а "Петина мать"; луда-ан "твой старший брат"; л^а-н' "мой сын"; асхину-ун "твоя дочь" (последние два имени, употребленные без притяжательных показателей, означают соответственно л^а-х' "мальчик" и асхину-х' "девочка");
- 2) неотторжимая принадлежность или то, что осознается как неотторжимая принадлежность (включая отношение "часть-целое": ча-кин' "мои руки"; имли-т "твои волосы"; сабаакам тутууси-ких "уши собаки"; тукуулки-м чату-у "рукоятка топора"; куумната-м укууски-и "окно комнаты"; Бееринга-м анг'аг'ина-н'ис "люди (острова) Беринга");
- 3) характеристика пола или возраста: исуг'и-м айага-а "нерпа женского пола"; сабаакам аниида-а "щенок" (букв. "детеныш собаки");
- 4) обладание: тукуулки-ин "твой топор"; асхину-м л^аада-а "кукла девочки"; айх'ааси-чих "ваша лодка/две лодки/лодки".

Многие имена, используемые в притяжательных сочетаниях для выражения перечисленных выше смысловых отношений, практически никогда не употребляются без притяжательных показателей (в частности, это относится к первым трем группам), например, обозначающие отношения родства, части тела и некоторые другие. Поэтому, возможно, более логичным (диктуемым самим языком) было бы другое деление на смысловые группы: например, все имена, не употребляющиеся без притяжательных показателей, можно было бы трактовать как выражающие "неотторжимую принадлежность по-алеутски", все остальные — как "отторжимую принадлежность с точки зрения алеутского языка".

Кроме того, имя-обладаемое может выражать тот или иной смысл, характеризующий обладателя с точки зрения качества, признака или свойства (в этом случае имя-обладаемое образуется от основ, от которых также могут образовываться так называемые качественные глаголы). Здесь выделяются следующие основные смысловые группы:

- 1) размер: киду-с аду-н'ис "длинные веревки", букв. "веревки длинноты"; ула-м ан'уна-а "большой дом", букв. "дома большесть";

- 2) количество: ан'г'а'гина-с к'алаг'и-н'ис "много людей", букв. "людей многости"; н'уук'аайа-м һасина-н'из-улах "мало мух", букв. "мух не-многости");
- 3) состояние: чаайу-м акина-а "горячий чай", букв. "чая горячесть"; таан'а-м к'ин'ана-а "холодная вода", букв. "воды холодность"; к'а-м һуда-а "сушеная рыба", букв. "рыбы сухость";
- 4) качество: ан'г'а'гина-м иг'амана-а "хороший человек", букв. "человека хорошесть";
- 5) признак: асх'удги-м амг'их'си-и "красивая девушка", букв. "девушки красота"; тайауг'-м к'айа-а "высокий мужчина", букв. "мужчины высокость";
- 6) возраст (абсолютный и относительный): исуг'и-м алиг'и-и "старая нерпа", букв. "нерпы старость"; туку-м тагада-а "новый начальник", букв. "начальника новизна";
- 7) цвет: книиги-с улууда-н'ис "красная книга", букв. "книги краснота"; суна-м к'ум^а-а "белый корабль", букв. "корабля белизна".

Ряд слов-квантификаторов не может употребляться вне притяжательного сочетания: 1) һузу- "весь", "целый": ан'г'а'гин'а-м һузу-н'ис "все люди"; ан'али-м һузу-у "целый день"; к'алгада-м һузу-н'ис "вся еда"; 2) ила- "часть", "кусок": к'а-м ила-а "кусок рыбы"; к'ичити-м ила-а "часть денег", "некоторое количество денег"; 3) ан'а- "сторона", "половина (вдоль предмета)": к'а-м ан'а-а "половина рыбы (разрезанной вдоль)"; акалуг'и-м ан'а-а "сторона дороги"; 4) ан'та- "половина (поперек предмета)", "конец (чего-л.): к'а-м ан'та-а "половина рыбы (разрезанной поперек)"; сайги-м ан'та-н'ис "конец ружья"; 5) агиити- "другой (с ед. ч.)", "еще один"; "некоторые (с мн. ч.)": айага-м агиити-и "другая женщина"; алуг'и-м агиити-н'ис "некоторые буквы"; 6) агитаада- "другой (парный): ула-м агитаада-а "другой дом (стоящий рядом или похожий)"; сабаа-ка-м агитаада-а "другая собака"; если речь идет о людях, это слово имеет значение "товарищ", "друг": агитаада-н' "мой товарищ"; ада-н' агитаада-а "друзья моего отца"; 7) ул^и- "только": аник'ду-м ул^и-н'ис "только дети"; ул^и-н' "только я"; 8) уг'и- "принадлежащий (кому-л.)": уг'и-н' "мой собственный"; уг'и-ин "твой собственный". Некоторые имена могут употребляться как в притяжательной, так и в непритяжательной форме, однако первая является предпочтительной, прежде всего это касается имен, обозначающих родственные отношения и т.п.: луда-н' "мой старший брат (по отношению к муж-

чине)", "моя старшая сестра (по отношению к женщине)"; ун'и-ган уги-и "сестры-его муж".

3.3. Необязательные категории имени

Дистрибутивный анализ возможностей выражения значений перечисленных в инвентаре суффиксальных морфем (см. п. 3.1.1 выше) в пределах одной словоформы позволяет выделить следующие необязательные морфологические категории имени:

3.3.1. Образование имен

Эта категория представлена в максимальной морфологической модели порядком 1. Показатели категории образования имен представляют собой деривативные морфемы, морфы которых, присоединяясь к корневым морфам, определяют тем самым их принадлежность к классу глаголов и одновременно переводят их в класс имен.

Выделяется 5 морфем, транспонирующих глагол в имя:

- 1) -на- "тот, кто Р": уна- "варить", "готовить (еду)" – уна-на-х' "повар"; ачиха- "обучать" – ачиха-на-х' "учитель"; калу- "стрелять" – калу-на-х' "стрелок";
- 2) -к'а- "то, что подверглось Р": чух'та- "носить (одежду)" – чух'та-к'а-с (pluralia tantum) "ношенная одежда" (этот суффикс непродуктивен – это единственный отмеченный пример в ЯКА);
- 3) -х'та- "тот, кто искусно Р": калу- "стрелять" – калу-х'та-х' "меткий стрелок"; ава- "работать" – ава-х'та-х' "хороший работник"; уна- "готовить (еду)" – уна-х'та-х' "хороший повар";
- 4) -Дси- / -уси- / -аси- "средство, чтобы Р": айх'а- "плыть по морю" – айх'а-аси-х' "лодка"; чумли- "точить" – чумли-иси-х' "точило"; аглу- "черпак" – аглу-уси-х' "черпак"; хихт- "поджигать" – хихт-усис-с (pluralia tantum) "растопка для печи" (мелкие щепки и т.п.); алуг'- "писать" – алуг'-аси-х' "карандаш", "ручка";
- 5) -Длуг'- / -алуг'- "место, чтобы Р": чали- "удить рыбу с берега" – чали-илух' "место рыбалки"; к'ухсу- "рубить дрова" – к'ухсу-улуг'-и-х' "место для рубки дров";

3.3.2. Отклонение от нормы

Эта категория представлена двумя морфемами, занимающими порядок 2.

Суффикс -Дгамах- / -иигамах- "взрослый" – для ЯКА отмечены только производные словоформы, образованные от именных основ, обозначающих животных: исуг'-и-х' "нерпа" – исуг'-иигамах-и-х' "взрослая нерпа"; к'ава-х' "сивуч" (к'аваагамах-и-х' "взрослый сивуч". Не опознается аткинское улаагамах-и-х' "главный дом" (для современного языка, вероятно, имеется в виду дом, в котором располагается администрация, поселковый совет; см.: Bergsland, Dirks 1981: 75) – скорее всего, последний пример представляет собой искусственное, то есть нетипичное (от основы, обозначающей неодушевленный объект,) для АЯ образование поэтому не опознается беринговцами.

Суффикс -Дда- / -ада- (после основ на согласный) "подобие N": суна-х' "корабль" – суна-ада-х' "игрушечный кораблик", букв. "подобие корабля"; л^а-х' "мальчик" – л^а-ада-х' "кукла", букв. "подобие мальчика" (очевидно, здесь произошла лексикализация, поскольку деривация при помощи этого суффикса невозможна на базе корня асхину-х' "девочка" и под.). Носителями ЯКА не опознаются аткинские словоформы с этим суффиксом, образованные от основ, обозначающих животных: исуг'-и-х' "нерпа" – исуг'-ада-х' "молодая нерпа" и под. (Bergsland, Dirks 1981: 75). Слова ала-ада-х' "морская свинья", букв. "подобие кита" (ср. ала-х' "кит"); к'а-ада-х' "голец", букв. "подобие рыбы" (ср. к'а-х' "рыба"), существующие в ЯКА, видимо, следует признать лексикализовавшимися.

3.3.3 Материал

Эта категория представлена морфемой -лига-, занимающей порядок 3: ула-х' "дом" – ула-лига-х' "материал для (постройки) дома"; айх'а-асих' "лодка" (букв. "средство плавания по морю – о суффиксе -Дси- из порядка 1 см. выше) – айх'аси-лига-х' "материал для (постройки) лодки"; суна-ада-х' "игрушечный кораблик", букв. "подобие корабля" – о суффиксе -Дда- см. выше в п.2) – суна-ада-лига-х' "материал для (постройки игрушечного кораблика"; палту-х' "пальто" – палту-лига-х' "материал для пошива пальто", "то, из чего можно сшить пальто".

3.3.4 Место

Эта категория представлена одним показателем -дгуси-, занимающим порядок 4: икла-с "дрова" – икла-дгуси-х' "дровяник"; утхи-с "зола", "головешки" – икла-дгуси-х' "ведро или

таз, в который выгребают золу из печки"; чам^а-с "посуда" – чам^а-дгуси-х' "буфет".

3.3.5. Квалитативность

Данная категория представлена четырьмя показателями, занимающими порядок 5: 1) -чхиза- "хороший N": к'алгада-х' "еда" – к'алгада-чхиза-х' "хорошая еда"; ула-х' "дом" – ула-чхиза-х' "хороший дом"; айага-х' "женщина" – айага-чхиза-х' "красивая (статная, симпатичная и т.д.) женщина"; 2) -куча- "маленький N": укина-х' "нож" – укина-куча-х' "ножик", "маленький нож"; л^а-х' "мальчик" – л^а-куча-х' "маленький мальчик"; сабаака-х' "собака" – сабаака-куча-х' "маленькая собака", "щенок"; 3) -лг'у- "большой N": сабаака-х' "собака" – сабаака-лг'у-х' "большая собака"; чакин' "мои руки" – ча-лг'у-кин' "мои большие руки"; тимас "нас" – ти-лг'у-мас "больших нас"; ух'ааси-х' "весло" (букв. "средство, чтобы грести", см. п. 3.3.1 выше) – ух'ааси-лг'у-х' "большое весло"; 4) -куза- / -киза- (если в предыдущем слогe гласный /у/) "милый (дорогой и т.п.) N": са-х' "птица" – са-куза-х' "птичка"; асхинун-н' "моя дочь" – асхину-киза-н' "моя дочурка".

О возможности включения суффиксов этой группы в состав глагола см. п. 3.1.1 в разделе 1 главы 3.

3.3.6. Пейоративность

Эта категория представлена 4 показателями, занимающими порядок 6. Общее значение всех этих показателей – выражение негативного отношения к характеризуемому живому существу или предмету: 1) -х'сида- "N невысокого качества (о предмете)"; "несчастный N (о живом существе)": укина-х' "нож" – укина-х'сида-х' "не очень хороший нож (например, старый, тупой или из плохой стали)"; ана-н' "моя мать" – ана-х'сида-н' "моя несчастная мать"; 2) -Дклу- / -никлу- (после основ на согласный) "плохой, негодный N": укина-х' "нож" – укина-аклу-х' "негодный нож"; л^а-х' "мальчик" – л^а-аклу-х' "плохой мальчик", ср. также употребление этого суффикса с именами собственными: Иваана-аклу-х' укааг'ах'такух' "этот негодный Иван туда съездил" (заметим, что при включении в имя собственное суффикса оно оформляется показателем абсолютного падежа -х', как в приведенном примере; имя собственное без суффиксов падежными показателями в ЯКА, в отличие от аткинского диалекта, не оформляется, см. п. 3.2.2 выше); 3) -нах'чх'и- "проклятый, чертов N": тайаг'у-х' "мужчина" – тайаг'гу-нах'чх'и-х' "проклятый мужчина"; слаг'у-х' –

слаг'у-нах'чх'и-х' "чертов сильный ветер"; этот суффикс может употребляться также в глаголе (см. п. 3.1.1), референтом при этом выступает актант, выраженный подлежащим или дополнением; 4) -намк'у- "проклятый, чертов N" (возможно, выражает менее эмоциональное отношение, чем предыдущий суффикс; ср. Bergsland 1994a: 536): тайаг'у-х' "мужчина" – тайаг'у-намк'у-х' "чертов мужчина". Суффиксы с пейоративным значением, кажется, не очень частотны в современном ЯКА. Употребление последнего из приведенных выше суффиксов представлено в нашем материале единственным примером (приведен выше), и нам не удалось получить другие. Не исключено, впрочем, что это объясняется значением суффикса: можно предположить, что информанты – а в нашем случае это исключительно женщины – не считают для себя возможным давать соответствующие примеры. Это наше предположение выглядит правдоподобно, поскольку Бергсланд отмечает, что -нах'чх'и- (суффикс, который встречается в наших материалах) может помимо пейоративности выражать также шутливое отношение, в то время как для -намк'у- такая помета не дается (Bergsland 1994: 536). Бергсланд выделяет еще один суффикс с пейоративным значением, который, однако, нам не удалось зафиксировать в ЯКА: -Длкида-/иилкида- (после согласных). Значение его можно охарактеризовать примерно в тех же терминах, что и в случае с двумя последними суффиксами, в том числе он может употребляться для передачи шутливого отношения. Особенность суффикса -Длкида-/иилкида- заключается в том, что он может сочетаться в пределах словоформы как с суффиксом -нах'чх'и-, так и с суффиксом -намк'у-. Пример изолированного употребления этого суффикса: к'ава-лгу-х' "большой сивуч" – к'ава-лгу-улкида-х' "чертовски большой сивуч"; ср. также примеры глаголов с этим суффиксом: Bergsland 1994: 483). Там же (Bergsland 1994: 536) приводятся примеры сочетаемости двух суффиксов с пейоративным значением: һин'айа-наах'чх'и-илкида-а "вот эта негодница (о собачке)" (производная основа һин'айа- образована от основы указательного слова һин'а- "здесь, прямо перед говорящим" – см. раздел 6 в этой главе; следует заметить, что в последнем примере суффикс -нах'чх'и- приводится Бергсландом с долгим гласным без каких-либо комментариев). На этой же странице Бергсланд дает еще один чрезвычайно интересный пример, демонстрирующий возможность сочетания трех пейоративных суффиксов (-нах'чх'и-, -Длкида-/иилкида- и -Дклу-/ииклу-) в пределах одной словоформы: тхи-нах'чх'и-илкида-аклу-ун "ах

ты неуклюжее создание". Строго говоря, приведенный пример заставляет выделять три морфологических категории, которые будут представлены разными морфологическими показателями. Однако в данном случае, поскольку в нашем распоряжении нет в достаточном количестве ни собственного материала, ни примеров из атк. диалекта, мы воздерживаемся от того, чтобы выделять три разных (суб)категории с общим значением пейоративности, и условно постулируем специальное правило, которое позволяет в рамках одной категории пейоративности употреблять для достижения кумулятивного эффекта несколько суффиксов одновременно (разумеется в определенных сочетаниях). Описанная выше проблема может быть решена только в ходе дальнейших лингвистических экспериментов: именные и глагольные словоформы, содержащие различные сочетания упомянутых суффиксов друг с другом и с суффиксами, представляющими другие категории, должны предъявляться носителям ЯКА и атк. диалекта (возможно, за время их раздельного существования выработались различные правила сочетаемости)⁶⁸.

3.3.7. Сходство

Эта категория представлена одним показателем, занимающим порядок 7, -к'аси- "такой же, как": л'а-х' "мальчик" — л'а-к'аси-т "такие же мальчики, как ты"; ик'ана-х' "старуха" — ик'ана-к'аси-н' "такие же старухи, как я". Имена с этим показателем обязательно имеют притяжательные показатели, указывающие на объект сравнения. Естественно, имена, обозначающие одушевленные лица, могут принимать притяжатель-

⁶⁸ Приведенный материал (см. также п. 4.1.3 ниже), демонстрирующий непринужденное «жонглирование» морфами в пределах словоформы, возможно, указывает на отличия между агглютинативными и флективными языками: морфема в агглютинативных языках, кажется, иначе осознается носителями — по крайней мере, для них она не такая «абстракция», как для говорящих на языках, в которых морфонологические правила отличаются сложностью, а фузия — «норма жизни». В пользу этого говорит и следующий факт: если наших информанток во время порождения какой-нибудь очередной словоформы что-то отвлекло и они останавливались, на месте «обрыва» всегда аккуратно ставилась своеобразная точка: после произнесения очередной морфы в случае непредвиденной остановки прерванное слово «закрывалось» увулярным -х' (в случае АЯ — вполне естественный выбор). Разумеется, все высказанные здесь соображения нуждаются в проверке.

ные показатели всех трех лиц, в то время как имена, обозначающие неодушевленные предметы, – только третьего лица и рефлексивные показатели.

3.3.8. Ограниченность

Категория представлена одним морфологическим показателем -л^и-, занимающим порядок 8: тайаг'у-с "мужчины" – тайаг'у-л^и-с "только мужчины"; ти-н' "меня" – ти-л^и-н' "только меня"; ик'ана-к'аси-л^и-н' "только такие старухи, как я" (ср. в предыдущем пункте: ик'ана-к'аси-н' "такие старухи, как я").

Раздел 4. Глагол

"Алеутский язык не беден глаголами <...> Сия часть речи в алеутском языке есть самая обильнейшая.

Иван Вениаминов "Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка" (1846)

4.1. Морфологическая структура глагола

Алеуты могут составлять даже новые слова по их надобности... <эти слова> в сравнении с русским языком, с излишком изменяются по временам и наклонениям.

Иван Вениаминов "Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка" (1846)

4.1.1. Максимальная морфологическая модель. Инвентарь суффиксальных морфем

Максимальная морфологическая модель алеутского глагола включает 29 порядков суффиксальных морфем. Порядковое расположение морфем в максимальной морфологической модели выявляется посредством дистрибутивного анализа большого числа словоформ. Модель, включающая 29 порядков морфем, представляет собой, как и всякая другая модель, идеальное построение, не встречающееся реально в языке. Максимальная реальная словоформа в ЯКА включает не более 8 морф, например: каазна-за-к'ада-ату-ма-на-г'ула-к' "я тоже в самом деле не хотел бросить курить".

Ниже перечисляются суффиксальные морфемы алеутского глагола с указанием их порядка:

Порядок 1: транспонирующие глагольные морфемы: 1) -х'си- "создавать N"; 2) -лиг'да-/лих'та- "обрабатывать N"; 3) -г'и- "иметь N", "находиться в N"; 4) -ту- "иметь много/большое N"; 5) -зига-/дига- "иметь хорошее N"; 6) -луг'- "иметь плохое N"; 7) -тха- "овладеть N", "найти N"; 8) -ли- "лишить что-л. N", "удалить N откуда-л."; 9) -ну- "издавать запах N"; 10) -лг'и- "снабдить кого-л./что-л. N-ом."; 11) -нааг'- "добывать N", "охотиться на N"; 12) -х'та- "иметь N в качестве чего-л.", "иметь N, которое является чем-л."; 13) -Дтха- "находиться в N"; 14) -Дну- "двигаться в направлении N"; 15) -Дг'а- "достичь N".

Порядок 2: 1) -тут'-/тух'са- "дистрибутивное действие, совершаемое разными A/S или/и над разными P в один момент времени; 2) -миг-/мига-/михта- "мультипликативное действие".

Порядок 3: 1) -ла- "дистрибутивное действие, совершаемое разными A/S или/и над разными P в разные моменты времени (через краткие промежутки времени).

Порядок 4: морфемы со значением каузации: 1) -т-; 2) -ни-; 3) -дгу-; 4) -ниса-.

Порядок 5: 1) -х'та- "субъектный/посессивный результатив".

Порядок 6: морфемы со значением каузации: 1) -йа-; 2) -чх'и-.

Порядок 7: морфемы пассива/имперсонала: 1) -г'и-; -лга-; -сха-; -г'а-.

Порядок 8: (де)транзитивирующие морфемы: 1) -Дса-; 2) -Дла-; 3) -Дта-; 4) -к'аг'и-.

Порядок 9: 1) -ма- "такой же (сходство с P)".

Порядок 10: 1) -зу- "хорошо"; 2) -ду- "долго"; 3) -йувааг'- "едва (с невысокой интенсивностью)"; 4) -йука-/йукат- "быстро (с большой скоростью)"; 5) -даг'ит- "быстро (за короткое время)".

Порядок 11: 1) -за-/да- "в самом деле", "действительно".

Порядок 12: 1) -н'ааг'- "пытаться", "намередаться". См. также порядки 15 и 21.

Порядок 13: 1) -на- - морфема с залоговым значением.

Порядок 14: 1) -Дчхуза- "очень", "сильно", "с высокой интенсивностью"; 2) -Дгамакси- "слишком (о качестве или признаке, по сравнению с условной нормой)", "слишком интенсивно (по сравнению с условной нормой)"; 3) -наах'та- "немного больше (условной нормы)"; 4) -лах'си- "очень (с отрицанием)"; 5) -нуук'и- "в некоторой степени", "немного", "слегка"; 6) -Дда- "едва", "чуть-чуть"; 7) -Дгуза-/Дгиза- "как раз", "именно".

Порядок 15: 1) -к'али- "начинать"; 2) -к'ада- "прекращать". См. также пор. 12, 21.

Порядок 16: 1) -Дг'уга- "опять".

Порядок 17: 1) -л'и- "все еще (о продолжающемся действии)".

Порядок 18: 1) -дига(т)-/-зига(т)- "долго/хорошо".

Порядок 19: 1) -зааг'у- "действие отстоит недалеко от момента речи".

Порядок 20: 1) -маайа- "наконец".

Порядок 21: 1) -Дту- "хотеть"; 2) -Дка- "мочь/быть должным". См. также порядки 12, 15.

Порядок 22: 1) -ма- "тоже (сходство с A/S)".

Порядок 23: 1) -дуука-/зуука- "предсказание о действии, которое не состоится".

Порядок 24: 1) -масу-/амасу- "возможно", "может быть".

Порядок 25: 1) -за-/да- "обычно", "регулярно", "всегда".

Порядок 26: 1) -лака-/лакаг'-/лага- "отрицание актуального действия".

Порядок 27:

Подпорядок индикатива: 1) -ку- "не-будущее время"; 2) -на- "прошедшее время для глаголов I спряжения"; 3) -к'а- "прошедшее время для глаголов II спряжения"; 4) -Ø- "констатив".

Подпорядок императива: 1) -да

Подпорядок оптатива: 1) -Д- — для глаголов I спряжения; 2) -Дк'а- — для глаголов II спряжения.

Подпорядок превентива: 1) -Дг'ана- .

Подпорядок интенционала: 1) -Д-.

Подпорядок кондиционала: 1) -гу-.

Подпорядок конъюнктива: 1) -Ø-.

Порядок 28: показатели лица:

Подпорядок индикатива:

1) -н' — 1 л. ед. ч. А при топиализации 3 л. ед. ч. другого семантического актанта; 2) -Дн — 2 л. ед. ч. А при топиализации 3 л. ед. ч. другого семантического актанта; 3) -кин' — 1 л. ед. ч. А при топиализации 3 л. дв. ч. другого семантического актанта; 4) -кин — 2 л. ед. ч. А при топиализации 3 л. дв. ч. другого семантического актанта; 5) -нин' — 1 л. ед. ч. А при топиализации 3 л. мн. ч. другого семантического актанта; 6) -т — 2 л. ед. ч. А при топиализации 3 л. мн. ч. другого семантического актанта; 7) -мас — показатель 1 л. мн. ч. А при топиализации 3 л. другого семантического актанта (число этого актанта не дифференцируется); 8) -дих — 2 л. дв. ч. А при топиализации 3 л. другого се-

мантического актанта (его число не дифференцируется); 9) -чих – 2 л. мн. ч. А при топиализации другого семантического актанта (его число не дифференцируется); 10) -Д (-а – после основ на согласный) – 3 л. ед. ч. топиализуемого актанта; 11) -ких – 3 л. дв. ч. топиализуемого актанта; 12) -н'ис – 3 л. мн. ч. топиализуемого актанта; 13) -к' – 1 л. ед. ч. топиализуемого A/S; 14) -с – 1 л. мн. ч. и 3 л. мн. ч. топиализуемого A/S; 15) -х'т – 2 л. ед. ч. топиализуемого A/S; 16) -х'тидих – 2 л. дв. ч. топиализуемого A/S; 17) -х'тичих – 2 л. мн. ч. топиализуемого A/S; 18) -х' – 3 л. ед. ч. топиализуемого A/S; 19) -х – 3 л. дв. ч. топиализуемого A/S.

Подпорядок оптатива: 1) -х'т(а) – 3 л. топиализуемого A/S (число не дифференцируется).

Подпорядок интенционала: 1) -н'ан – 1 л. ед. ч.; 2) -г'ин/-г'ан – 1 л. мн. ч. и 3 л. мн. ч.; 3) -Дмис – 2 л. ед. ч.; 4) -мдих – 2 л. дв. ч.; 5) мчих – 2 л. мн. ч.; 6) -Дг'ан – 3 л. ед. ч.; 7) -кин – 3 л. дв. ч.

Подпорядок конъюнктив:

а) лицо-число топиализуемого A/S: 1) -тин' – 1 л. ед. ч.; 2) -тимас – 1 л. мн. ч.; 3) -т – 2 л. ед. ч.; 4) -тидих – 2 л. дв. ч.; 5) -тичих – 2 л. мн. ч.; 6) -л(их) – 3 л. (число не дифференцируется);

б) лицо-число A/S при топиализации 3 л. другого семантического актанта: 1) -катин' – 1 л. ед. ч.; 2) -катимас/-катин'ин – 1 л.; 3) -лкат – 2 л. ед. ч. при ед. ч. топиализуемого актанта; 4) -лких – 2 л. ед. ч. при дв. ч. топиализуемого актанта; 5) лкит – 2 л. ед. ч. при мн. ч. топиализуемого актанта; 6) -лкидих – 2 л. дв. ч. (число топиализуемого актанта 3 лица – любое); 7) -лкихих – 2 л. мн. ч. (число топиализуемого актанта 3 лица – любое); 8) -лка – 3 л. ед. ч. при ед. ч., топиализуемого актанта; 9) -лких – 3 л. дв. ч. топиализуемого актанта; 10) -лкис – 3 л. мн. ч. топиализуемого актанта.

Порядок 29: 1) -улах – отрицание неактуального действия.

4.1.2. Минимальные структурные модели

Выделяются два основных типа модели: для финитно-го/нефинитного глагола и для императива.

Первая минимальная структурная модель представлена порядками 0-27-28, где пор. 0 занят корневой морфемой, пор. 27 – показателями времени-наклонения, пор. 28 – показателями лица. Примеры: ава-ку-к' "я работаю" (инд.); нига-на-х' "он

был замерзший" (инд.); иг'ама-Ø-х' "он хороший" (инд.); хила-а-х'т(а) "чтобы ты читал" (опт.); ук'ух'та-а-н'ан "видеть-1 л. ед. ч. (интенц.); хак'а-гу-чих "если вы придете" (кондиц.); саг'а-л "спать-3 л." (конъюнк.).

Вторая минимальная структурная модель имеет вид 0-27 и отражает структуру императива. Отличие модели императива можно рассматривать как формальное подтверждение семантического отличия императива от всех остальных наклонений (апеллятивная функция; см. Храковский, Володин 1986): ун'учи-да "сиди"; сайгис су-да "возьми ружье".

4.1.3. Особенности сочетаемости суффиксальных морфем

Мы не ставим своей задачей дать корпус правил, отражающий абсолютно все возможности сочетаемости морф различных морфем в пределах словоформы и позволяющий синтезировать любую правильную словоформу из набора словарных морф. Подобная задача оказывается трудноразрешимой даже на материале достаточно глубоко изученных языков. Мы считаем необходимым изложить здесь основные принципы сочетаемости морф различных морфем в словоформе, подчеркнуть те особенности морфологической структуры глагола, которые отличают ЯКА от других агглютинативных языков.

Возможность появления в словоформе морф той или иной морфемы определяется, разумеется, не только семантикой корневой морфемы, но и совместимостью / несовместимостью морф конкретных морфем между собой. Заполнение некоторых необязательных порядков зависит от заполнения обязательных порядков. Например, морфа порядка 29 -улах со значением отрицания неактуального действия может появляться в словоформе с морфами любых морфем из индикативного подпорядка, кроме -ку- "не-будущее время": к'ум^а-на-зулах "они не были белые" (0-27-28-29); к'ум^а-Ø-г'-улах "он не белый (вообще)" (0-27-28-29). Значение морфемы -улах помимо отрицания включает сему неактуального действия, то есть действия, которое происходит в момент речи. Значение морфемы -лака-/лакаг'-, напротив, помимо отрицания предполагает актуальность действия (протекает в момент речи или имеет к нему непосредственное отношение). Морфы морфемы -лака-/лакаг'- не сочетаются с морфами морфемы не-будущего времени -ку- в пределах словоформы. То есть сочетание обоих показателей отрицания с показателем не-будущего времени является семантически запрещенным (хотя и на разных осно-

ваниях). Морфа порядка 23 (-дуука-/зуука- "предсказание о том, что действие не состоится") не может сочетаться с показателями прошедшего времени индикативного подпорядка порядка 27. Кроме того, она всегда выступает в словоформе в сочетании с одним из показателей отрицания. Невозможно сочетание морф морфем, занимающих порядки 7 и 13. Морфы морфем обоих порядков имеют однородные значения, которые можно рассматривать в рамках (супер)категории залога. Не сочетаются морфы морфем, представляющих порядки 10 и 18: и те и другие придают действию качественную характеристику. Морфа -лах'си- (пор.14), характеризующая интенсивность протекания действия, может быть представлена в словоформе только в сочетании с показателем отрицания актуального действия. Частично не сочетаются морфы порядков 2 и 3, выражающие количественные характеристики действия (подробный анализ см. в разделе о категории дистрибутивности). Не сочетаются омонимичные морфы -нааг'- "охотиться" (пор.1) и -нааг'- "пытаться", "намереваться" (может быть представлена в порядках 12, 15, 21), что, очевидно, объясняется их общим происхождением.

Порядки 4 и 6 заняты в максимальной модели морфами со значением каузации. В конкретной словоформе каузативными морфами могут быть представлены оба порядка (такие примеры отмечены и в грамматическом очерке ЯКА Меновщикова: Меновщиков 1968: 400). Сам по себе факт наличия в словоформе двух различных каузативных морф не является исключительным, по крайней мере для агглютинативных языков (ср.: Меновщиков, Храковский 1970; Володин, Храковский 1975: 191). Примеры словоформ, включающих две каузативных морфы: улу-х' нига-на-х' "мясо было замерзшее" → улух' тин нига-т-на-х' "мясо замерзло" (квазирефлексив) → айагах' улух' нига-т(и)-чх'и-на-х' "женщина мясо заморозила"; имлии аду-ку-х' "ее волосы – длинные" → имлии тин аду-т-и-ку-х' "ее волосы выросли", букв. "удлинились" (квазирефлексив) → имлиин аду-т-и-чх'и-ку-х' "она отрастила длинные волосы", букв. "позволила-удлиниться"; л^ах' саг'а-ку-х' "мальчик спит" → л^ах' тин саг'а-ни-к'у-х' "мальчик засыпает" → анах' л^аан саг'а-ни-йа-к'у-х' "мать сына-своего укладывает спать", букв. "пытается сделать так, чтобы он уснул"; л^ах' саг'а-к'у-х' "мальчик спит" → л^ах' тин саг'а-ни-ку-х' "мальчик засыпает" → анах' л^аан саг'а-ни-чх'и-к'у-х' "мать сына-своего укладывает спать", букв. "разрешает ему уснуть". Словоформы с двумя каузативными морфами образуются в ЯКА только на

основе (квази)рефлексива (он должен быть производным и включать одну каузативную морфу). В пределах словоформы допускаются сочетания морф следующих каузативных морфем: -т- "фактитивная контактная каузация" и -чх'и- "пермиссивная каузация"; -ни- "фактитивная дистантная каузация" и -йа- "попытка каузации"; -ни- и -чх'и-; -дгу- (фактитивная контактная каузация множества каузируемых A/S) и -чх'и-. В максимальной морфологической модели каузативные морфемы занимают два неконтактных порядка. Это обусловлено особенностями сочетаемости каузативных морф с показателем субъектного/посессивного результата -х'та- (пор. 5): таан'ах' һагйа-ку-х' "вода чистая" → таан'ах' һагйа-т-и-ку-х' "он очищает воду" → таан'ах' һагйатакух' "у него вода очищенная" (*һагйа-т-х'та-ку-х' букв. "имеет очищенной"), ср. телевиизо-рах' уку-х'та-ку-х' "он смотрит телевизор" → телевиизо-рах' уку-х'та-чх'и-ку-у "он разрешает ему смотреть телевизор".

К особенностям порядка следования морфем на этом участке морфологической модели относится также то, что морфемы со значением каузации следуют за морфемами, значения которых придают действию количественную характеристику: чууска-х' аки-чх'и-на-х' "свинью продал он" → чууска аки-ла-чх'и-на-х' "свиней продавал он" (-ла- — "дистрибутивное действие"); ср. еще пример от основы ана- "ударить (чаще — палкой)": тин ана-михта-чх'и-иту-за-на-г'-улах "он не любил, когда его били", букв. "себя ударить-многократно-позволять хотеть-обычно-он-NEG". Подобные случаи, кажется, не вполне согласуются с фактами большинства агглютинативных языков, в которых "порядок каузатива всегда непосредственно контактирует с порядком корневой морфемы" (Володин, Храковский 1975: 191), хотя хорошо соотносится с приведенным выше (см. п. 3.1.3) утверждением о "семантической мотивированности" словоформы.

4.1.3.1. Порядки с относительно свободным заполнением

Так же, как и в морфологической модели именной словоформы (см. п. 3.1.3 в разделе 3 выше), в морфологической модели глагольной словоформы выделяются порядки с относительно свободным заполнением.

В модели имеются три порядка (12, 15, 21), которые могут заполняться тремя группами морфем в том или ином сочетании: 1) -нааг'- "пытаться", "намереваться"; 2) -к'али- "начинать"; -к'ада- "прекращать"; 3) -Дка- "мочь", "быть должным";

-Дту- "хотеть". Относительный порядок следования морф, представляющих эти порядки, в конкретной словоформе зависит от семантического устройства словоформы. Ср. несколько примеров, объединенных попарно: ава-ака-к'ада-ку-х' "он уже не может работать" (букв. "работать-мочь-пререстал-он") – ава-к'ада-ака-ку-х' "ему можно перестать работать" (букв. "работать-перестать-может-он"); учиг-ика-к'али-ку-х' "он уже научился плавать" (букв. "плавать-мочь-начал-он") – учи(х)-кали-ика-ку-х' (*учиг-к'али-ика-ку-х') "ему можно начинать плыть" (букв. "плыть-начать-может-он"); каазна-к'ада-ату-ку-х' "он хочет бросить курить" (букв. "курить-прекратить-хочет-он") – каазна-ату-к'ада-ку-х' "он накурился" (букв. "курить-хотеть-перестал-он"); тунух'та-наах'-к'ада-да "перестань разговаривать" (букв. "разговаривать-пытаться-перестань") – к'уйхи-к'ада-нааг'-и-ку-х' "он старается перестать кашлять"; каазна-к'ада-нааг'-ииту-лака-х' "он не хочет попытаться бросить курить" (букв. "курить-перестать-пытаться-не-хочет-он") – к'уганах' кумси-наах'-к'ада-ату-лака-х' "он не хочет перестать поднимать камень" (букв. "камень поднять-пытаться-перестать-не-хочет-он"); айга(х)-кали-нааг'-ика-ку-х' (*айгаг-к'али-нааг'-ика-ку-х') "ему можно попытаться начать ходить" (букв. "ходить-начать-пытаться-может-он") – каазна-ака-к'али-нааг'-и-ку-х' "он старается научиться курить" (букв. "курить-мочь-начать-пытается-он").

Порядками с относительно свободным заполнением являются также 9 и 22. Они могут заполняться морфемой -ма- "тоже", "такой же". Ее функция – логическое выделение A/S или P, то есть значения этой морфемы наряду с другими средствами (см. главу 3, особенно раздел 1) участвуют в формировании коммуникативной структуры предложения (см. также: Падучева 1974). Указанием на то, какая именно функция морфемы -ма- реализуется в каждом каждой конкретной словоформе (выделение A/S или P), служит не материальный облик морфы, а ее позиция в словоформе, то есть занимаемый ею квазипорядок, ср.: книигис хила-ату-ма-ку-х' "он тоже хочет читать книгу" и книигис хила-ма-ату-ку-х' "он хочет читать такую же книгу"; к'уганах' кумси-ика-ма-ку-х' "он тоже может поднять камень" и к'уганах' кумси-ма-ака-ку-х' "он может поднять такой же камень". Различение функции конкретной морфемы -ма- в словоформе достигается благодаря морфам, представляющих порядки с 10-го по 21-й. При отсутствии в словоформе морфем этих порядков реализуется значение порядка 2

(логическое выделение A/S): укух'та-ма-ку-н' "вижу-тоже-его-я"; надан хуйа-ма-к'а-н' "к-нему шел-тоже-я".

Как отмечалось в п. 3.1.3 выше, на алеутском материале получает подтверждение гипотеза о том, что морфологическая структура слова является "семантически мотивированной" (Кибрик 1980а; Кибрик 1980б; Головкин 1983а; Зайцева 1983; Головкин 1986; Асиновский, Володин, Головкин 1987). Наличие в морфологической модели алеутского глагола порядков с относительно свободным заполнением, доказывающее примат позиции морфемы над ее внешним обликом (см.: Вахтин, Володин 1986), дают основания для сближения морфологической структуры слова с синтаксической структурой предложения. Внутри алеутской словоформы можно рассматривать отмеченные деривативные морфы как предикаты, валентности которых заполняются на уровне "внутреннего синтаксиса, то есть синтаксиса словоформы" (ср.: Барулин 1979). В ЯКА порядки 12, 15, 21 могут заполняться морфемами, выражающими значения тех предикатов, которые могут образовывать конструкции с предикатными актантами (см. п. 9.2 в разделе 1 главы 3).

4.2. Обязательные категории глагола

4.2.1. Лицо и число актанта

В ЯКА не выделяется отдельно категория лица и отдельно категория числа. Поскольку не существует специальных показателей для лица и специальных показателей для числа актанта, мы считаем возможным говорить о единой категории лица-числа (ср. анализ категории притяжательности в п. 3.2.3 выше).

В ЯКА существует два типа спряжения, личные окончания которых в глаголе отражают лицо и число актанта предиката, выражаемого этим глаголом:

I спряжение. Личные окончания I спряжения маркируют 1, 2 или 3 лицо A/S в случае топиализации A/S:

Таблица 3. Личные показатели I спряжения

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	-к'	—	-с
2 л.	-х't	-х'тидих	-х'тичих
3 л.	-х'	-х	-с

Подробно устройство парадигмы можно пояснить лишь анализируя синтаксис предложения (см. главу 3); здесь мы ог-

раничимся минимальными комментариями. Если A/S – 3 лицо, то можно говорить о согласовании глагола с ИГ, выражающей A/S; ср. одинаковые показатели имени и глагола в следующих простых предложениях: л^а-х' саг'аку-х' "мальчик спит"; асхи-ну-х ан'ачаг'ику-х "две-девочки поют (дв. ч.)"; анг'аг'ина-с хаа-гаку-с "люди голодные". Как показано ниже, в главе 3, оформление глагола теми или иными показателями спряжения контролируется топиком, то есть приведенные примеры демонстрируют не традиционное согласование подлежащего и сказуемого, а согласование сказуемого с топиком (в приведенных примерах, впрочем, "согласование с топиком", собственно говоря, неотличимо от согласования подлежащего и сказуемого, но это, пожалуй, наименее распространенный случай; подробно об этом см. в главе 3).

Если A/S – 1 или 2 лицо, то говорить о согласовании, разумеется, нельзя. Кроме того, в ЯКА отсутствуют личные местоимения 1 и 2 лица, способные занимать позицию П1 (см. подробнее главу 3) в случае топикизации 1 или 2 лица. Таким образом, можно говорить об автоматической топикизации 1 и 2 лица в случае, если они являются A/S.

С диахронической точки зрения приведенная выше парадигма неоднородна. Личные окончания 1 и 2 лица в I спряжении исторически представляют собой местоимения тин', тин и т.д. (которые в современном языке могут заполнять только П2, если топикизуется не 1 лицо или, соответственно, не 2 лицо) в сочетании с конечным согласным "первообразной" глагольной основы на -х': показатель 1 л. ед. ч. -к' < *-х'тин' (ср. в унал. д.: -к'ин'); показатель 2 л. ед. ч. -х'т- < *х'тин; показатели 2 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч. сохранили первоначальный облик (показатель 1 л. мн. ч., очевидно, имеет другое происхождение –совпадение показателей 1 л. мн. ч. и 3 л. мн. ч. не является случайным).

II спряжение. Парадигма II спряжения включает показатели, представленные в Таблице 4.

Этими показателями оформляется глагол-сказуемое в тех случаях, когда топикизуется любой семантический актанта, кроме A/S. Подробно правила топикизации семантических актантов, от которых зависит оформление глагола-сказуемого, описываются в п. 3.1. главы 3. Здесь отметим лишь, что принципиально важным для того, каким показателем будет оформлено сказуемое, является то, какое лицо и число имеет нетопикизуемый в данном случае семантический актанта A/S.

Таблица 4. Личные показатели II спряжения

		3 лицо Р			
			Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Лицо и число А	1 л.	Ед. ч.	-н'	-кин''	-нин'
		Мн. ч.	-мас	-мас	-мас
	2 л.	Ед. ч.	-Дн'	-кин	-т
		Дв. ч.	-дих	-дих	-дих
		Мн. ч.	-чих	-чих	-чих
	3 л.	Ед. ч.	-Д	-ких	-н'ис
		Дв. ч.	-ких	-ких	-н'ис
		Мн. ч.	-н'ис	-н'ис	-н'ис

1 и 2 лица имеют особый статус, что проявляется в том, что семантический актант 1 или 2 л. маркируется в глагольных показателях даже тогда, когда имеют ед. ч. и не являются топиком. Если же они не являются топиком и имеют дв. ч. или мн. ч., то глагольный показатель указывает только на то, что топикиализуется 3 лицо, без указания на число (ср. показатели -дих и -чих).

Дв. ч. и мн. ч. вообще имеют особый статус (подробнее см. п. 3.2.3 выше в этой главе и 3.1.2.4 в главе 3), что проявляется в устройстве парадигмы. Если топикиализуется Р (3 лицо), а А/С также является 3 лицом, то число А/С и Р маркируется в глаголе только в том случае, если и А/С и Р имеют ед. ч. Во всех остальных случаях (при конкуренции двух третьих лиц) в глагольном показателе отражается "старшее" число актанта (см. правило иерархии чисел в п. 3.1.2.4: мн. ч. > дв. ч. > ед. ч.).

Тот факт, что парадигма притяжательных форм и парадигма II спряжения (которая в некоторых ранних работах других авторов называлась субъектно-объектной, что, конечно, совершенно не отражает ее сути) совпадают, неоднократно отмечался ранее (см., напр.: Мещанинов 1975: 145–172, а также некоторые более поздние работы). Однако выводы, которые обычно делались из этого наблюдения ("нерасчлененность имени и глагола"; выделение в силу этого языков особого "посессивного строя", утверждения о какой-то особой древности АЯ), на наш взгляд, не выдерживают критики. Единственным разумным комментарием к факту совпадения двух парадигм нам кажется следующий: в ЯКА существует единая система

показателей, маркирующая распределение и актуализацию информации в предложении, независимо от того, где актуализируется эта информация – на уровне предложения или именного словосочетания. Функцию контроля за оформлением соответствующими показателями ИГ и глагола осуществляет топик. Таким образом, единственная реальная тема для обсуждения в этом случае – грамматикализация "топикового согласования" (см. одну из первых работ на эту тему: Ли, Томпсон 1982).

4.2.2. Время и наклонение

В отношении АЯ можно говорить о единой категории времени-наклонения. Предположения об однородности этих двух категорий в конкретных агглютинативных языках высказывались разными авторами, однако в явном виде, на большом фактическом материале (35 агглютинативных языков) единство этих двух категорий было продемонстрировано в работе А.П. Володина и В.С. Храковского, которые уточнили определение наклонения ("коннекторная шифтерная категория" вместо "десигнаторная шифтерная категория", ср.: Якобсон 1972: 101) и показали, что содержательная сторона двух категорий является, по сути дела, одной и той же, что "нет двух равноположенных категорий времени и наклонения, а есть одна категория наклонения, в рамках которой временная отнесенность выступает как способ обозначения реальности" (Володин, Храковский 1977: 50). Как будет показано ниже, в отношении алеутского языка такой подход обусловлен особенностью сочетаемости морфем (см. также: Головкин 1984: 74–76).

4.2.2.1. Индикатив

Показатель -ку-, присоединяясь к основе глагола, объединяет момент речи ("настоящий момент") с "прошедшим" и дает оппозицию "будущее" – "не-будущее". Как правило, значение этого показателя соотносится с таким "прошедшим", которое примыкает к моменту речи. Такая разновидность категоризации времени является возможной и довольно распространенной в языках мира.

Глаголы в форме "не-будущего" времени наши информанты всегда переводят на русский язык глаголами прошедшего времени совершенного вида и глаголами настоящего времени несовершенного вида. Способ перевода обусловлен семантикой глагола. По нашим наблюдениям, глаголами прошедшего времени совершенного вида переводятся на русский

язык глаголы, семантика которых предполагает предельность действия. Глаголы, структура значения которых не включает предельность, чаще всего переводятся русскими глаголами настоящего времени несовершенного вида. Справедливость этого наблюдения подтверждается тем фактом, что от глаголов, переводимых на русский формами прошедшего времени совершенного вида, в отличие от остальных, регулярно образуется форма субъектного результата (см. п. 4.3.4 в этом разделе). Это совпадает с положением о том, что "предельность глагольного значения <...> является <...> одним из необходимых условий образования результатов" (Сильницкий 1983: 59)⁶⁹. Примеры глаголов в форме "не-будущего" времени: аник'ду-х' алуг'аси-х' атхаза-ку-х' "ребенок карандаш схватил"; ада-н' саг'а-ку-х' "отец-мой спит", ана-н' халу-ку-х' "мать-моя шьет", ула-м наган к'ан'у-ку-к' "в дом вошел-я", исух' члаг'-и-ку-х' "нерпа нырнула (шумно, с брызгами)".

Показатели -на- и -к'а-, присоединяясь к основе глагола, объединяют момент речи ("настоящий момент") с "будущим" и дают оппозицию "прошедшее" – "не-прошедшее". Показатель -на- используется в глаголах I спряжения, показатель -к'а- – в глаголах II спряжения. Примеры: унан'а-м тунуу ачиха-на-к' "алеутский язык учил-я", лаафки-м хадаан хуйа-на-с "в магазин пошли-они/мы", ан'али-м хузуу ава-на-х'тичих "целый день работали-вы", агитаадан' ала-х' уку-х'та-на-х' "друг-мой кита видел", к'илаган к'илаа ун'и-н' вааг'а-на-х' "вчера утром сестра-моя вернулась", к'илаган укух'та-к'а-н' "вчера видел-его-я"; тин ун'учил ката-ку-у "он сел и погладил его", асхину-м хадаан хуйал киду-к'а-а "девочка пошла к ней и помогла ей", уук'учин'и-м киг-и-к'а-а "песец укусил-его"; аник'ду-с тута-к'а-н'ис "дети слушали-их". Оба показателя прошедшего времени имеют причастное происхождение и совпадают с показателями причастия – см. п. 3.2.2 в разделе 2 главы 3).

Нулевой показатель -Ø- выражает, по словам Г.А. Меновщикова, "неопределенное, неограниченное во времени действие" (Меновщиков 1968: 398), или, иначе говоря, передает значение констатации факта. Примеры: Комадоорас илин'ин ан'аг'и-Ø-с "на Командорах живем-мы"; тайаг'у-н' иг'амана-Ø-х' "муж-мой – хороший", асхинуун амгих'си-Ø-х' "дочь-твоя красивая", хаанух' к'аатуна-Ø-х' "красная рыба – вкусная".

⁶⁹ Впрочем, как показано в работе (Плунгян 1990), могут существовать и исключения.

Показатели -ку-, -на- и -к'а- могут входить в состав вспомогательных глаголов, которые в сочетании с интенционалом (см. п. 4.3.13 в этом разделе) образуют аналитические формы, передающие отнесенность действия к будущему⁷⁰. Оформление вспомогательного глагола показателем -ку- или показателями -на-, -к'а- дает возможность еще одной категоризации грамматического времени, которая строится на основе понятий "близость" – "отдаленность"⁷¹. Эта оппозиция иллюстрируется Таблицей 5.

Вспомогательный глагол аму-, оформленный показателем -ку-, в сочетании с интенционалом дает значение "мгновенного" будущего времени (действие должно совершиться сразу же вслед за моментом речи): л'ах' айу-уг'ан аму-ку-х' "мальчик сейчас упадет"; су-уг'ан аму-ку-у "он сейчас возьмет его"; сах' ига-аг'ан аму-ку-х' "птица сейчас взлетит"; тин' хин'у-уг'ан аму-ку-х' "он тебя сейчас толкнет"; субааках' аник'дух' киг-ииг'ан аму-ку-х' "собака ребенка сейчас укусит".

*Таблица 5. Значения временных форм
вспомогательных глаголов: ЯКА*

	-ку-	-на-/к'а
аму-	мгновенное будущее	
аг'-	близкое будущее	отдаленное будущее неопределенное
а-		отдаленное будущее определенное

Вспомогательный глагол аг'-, оформленный показателем -ку-, в сочетании с интенционалом дает значение близкого будущего времени: айагаан ук'ит-ииг'ан аг'-и-ку-х' "жена-твоя скоро вернется"; тин' асх'ани-ин'ан аг'и-ку-к' "я скоро устану";

⁷⁰ Строго говоря, все рассматриваемые здесь формы отнесенности действия к плану будущего не являются чисто временными формами. Скорее, их следовало бы рассмотреть в разделе "Аналитические конструкции" в ряду конструкций, выражающих модальные значения. Мы тем не менее рассматриваем их здесь отчасти исходя из соображений удобства для читателя, а отчасти следуя традиции – например, формы английского будущего времени, как и формы будущего времени во в многих других языках, также не являются чисто временными формами.

⁷¹ О еще одной функции этих показателей, таксисной (указание на относительное время), см. раздел 2 в главе 3.

гадан хуйа-аг'ан аг'-и-ку-с "мы/они скоро пойдем к нему"; уку-умис аг'и-ку-у "ты скоро его найдешь"; анаан тин ак'лах'та-аг'ан аг'-и-ку-х' "мать-твоя тебя скоро ругать будет".

Вспомогательный глагол аг'-, оформленный показателем -на- или -к'а-, в сочетании с интенционалом дает значение отдаленного будущего неопределенного. Под термином "неопределенное" в данном случае понимается не очень большая вероятность совершения действия в будущем. Примеры: айагах' чх'ууг'ис к'аакадгу-уг'ан а-на-х' "женщина белье будет сушить"; чали-иг'ан аг'-на-к' "рыбачить буду-я"; ачиха-ан'ан а-к'а-н' "я буду его учить".

Неопределенному отдаленному будущему времени противопоставляется в беринговском диалекте определенное отдаленное будущее, предполагающее уверенность говорящего в совершении действия. Оно передается сочетанием интенционала и вспомогательного глагола а-, оформленного показателем -на-/-к'а-: айаган' улух' уна-аг'ан а-на-х' "моя жена будет готовить"; Петропаавловсках' н'у-ун'ан а-на-к' "я уеду в Петропавловск"; суунгимас хаг'у-уг'ан а-на-с "вещи наши мы будем нагружать на спину".

Сопоставление беринговских аналитических форм с аткинскими аналитическими формами, способными обозначать временную отнесенность действия (Bergsland-Dirks 1981: 55–64; см. также: Bergsland 1994с), позволило выявить интересные отличия одного диалекта от другого (см. также: Головкин 1982). Категоризация грамматического времени на основе понятий "близость" – "отдаленность" в рамках аналитических форм справедлива и для аткинского диалекта. Однако для образования этих форм используется другой набор вспомогательных глаголов: аму-, аг'-, ах'та-. Кроме того, содержательная интерпретация аткинских аналитических форм, совпадающих с беринговскими, другая; ср. Таблицу 6.

Таблица 6. Значения временных форм вспомогательных глаголов: аткинский

		показатели близости / отдаленности	
		-ку-	-на-/-к'а-
Основы вспомо- гатель- ных гла- голов	ах'та-	близкое прошедшее	
	аму-	близкое будущее	отдаленное про- шедшее
	аг'-	мгновенное будущее	отдаленное будущее

Мы затрудняемся дать однозначный ответ на вопрос о причинах различий в способах выражения временной отнесенности двух очень близких диалектов (напомним, что во всех остальных отношениях беринговский диалект практически не отличается от аткинского, исключая разве что некоторые формы, считающиеся на Атке архаичными; см. раздел 2 введения).

Важной особенностью рассмотренных выше аналитических форм, выражающих отнесенность действия (состояния) к плану будущего, является то, что они не употребляются ни с одним из двух имеющихся в ЯКА показателей отрицания. Для того, чтобы сообщить о том, что действие в будущем не состоится (или состояние не наступит) используется специальная форма глагола со специальным морфологическим показателем -дуука-/зуука- ("категория предсказательности") и одним из показателей отрицания (см. подраздел 4.3.21 этой главы).

4.2.2.2. Императив⁷²

В ЯКА существует один императивный показатель: -да (после основ на согласный -ада). Он присоединяется к основе глагола и несовместим ни с одним показателем времени, то есть строится по другой модели, нежели финитный глагол в неимперативной форме: вместо двух порядков времени-наклонения и лица выделяется только один порядок – императива. Показатель -да передает по существу два значения – императивность и лицо исполнителя: саг'а-да "спи"; укинах' су-да "нож возьми" Можно было бы считать, что этот показатель передает также и значение ед. ч. исполнителя (в данном случае совпадает со слушателем), однако в современном ЯКА отмечены отдельные случаи употребления императивных форм при обращении к нескольким слушающим: саг'а-да "спите"; укинас су-да "ножи возьмите". Однако такое употребление довольно редко и появление его отмечено только в самые последние годы. В современном диалекте о. Уналашка императивные формы дифференцируются по числу исполнителей (= слушающих): саг'а-да "спи-ты" ; саг'а-дих "спите-вы-двое"; саг'а-чих "спите-вы". Показатели -дих и -чих совпадают с показателями посессивности для 2 л. дв. ч. и мн. ч. обладателя, ср.: укинадих "вас двоих нож/два ножа/ножи"; укина-чих "ваш(и) нож/два ножа/ножи". Ср. также соответствующие показатели

⁷² О императиве, оптативе и превентиве см. также: (Головко 1992; Golovko 2001).

II типа спряжения: су-ку-дих "взяли вы двое его/их двоих/их"; су-ку-чих "взяли вы его/их двоих/их". При этом показатель императива -да, кажется, не находит никаких соответствий ни в парадигме посессивных именных показателей, ни в глагольных парадигмах.

Особая модель, по которой строятся в АЯ. императивные формы глагола, лишний раз подтверждает, что императив стоит особняком от других глагольных форм. В предложениях с императивной формой глагола (она всегда занимает в предложении конечную позицию, то есть позицию сказуемого) не может быть подлежащего, однако возможно обращение, которое выражается именем в абс. п.: Исуусах! Давидам л^аа! н'ус тин итуг'нииса-да! "Иисус! Сын Давидов! Помилуй меня!" (М 10:47), букв. "для-меня сжался" – рефлексив.

Интонация ЯКА пока не исследована достаточно полно. При употреблении глагола в императиве создается впечатление понижения интонации, в грубом приближении это выглядит как сильное динамическое ударение.

В предложении не может быть двух и более императивных форм. Русскому предложению "Сиди и ешь!" соответствует алеутское ун'учи-л к'а-да, где -л – показатель конъюнктива (см. п. 4.2.2.7 в этом разделе). Ср. еще пример: к'ан'у-л тимас агиитал к'а-да "Входи (и) с нами ешь!".

4.2.2.3. Оптатив

Оптатив имеет парадигмы I и II типов спряжения. Личные показатели в I типе спряжения оптатива отличаются от индикативной парадигмы.

Показатель оптатива для I типа спряжения – Д (долгота предшествующего гласного) / -а- (после основ на согласный). Этот показатель – однопорядковый с показателями времени и наклонения и, таким образом, входит в категорию времени-наклонения. Показатели 2 лица и показатель 1 л., ед. ч. I типа спряжения совпадают с соответствующими показателями индикативной парадигмы, ср.: һак'а-а-х'т "чтобы ты подошел, "подойди" и һак'а-ку-х'т "подходишь"; һак'а-а-х'тидих "чтобы вы двое подошли", "подойдите-вы-двое" и һак'а-ку-х'тчидах "подходите-вы-двое"; һак'а-а-х'тчичих "чтобы вы подошли", "подойдите-вы" и һак'а-ку-х'тчичих "подходите-вы".

Таблица 7. Личные показатели I типа спряжения оптатива

		Число		
		Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
лицо	1 л.	-к'	-	несколько способов выражения
	2 л.	-х'т	-х'тидих	-х'тичих
	3 л.	-х'т(а)	-х'т(а)	-х'т(а)

Оптативная форма 1 л. ед. ч. в позиции конечного сказуемого употребляется в основном в вежливых вопросах: ага-а-к'? "мне уйти?"; укууских' чачи-и-к'? "мне закрыть окно?". Эти вопросы тесно связаны с повелительностью в том смысле, что предполагают ответ в императиве. В беринговском диалекте, в отличие от диалекта острова Атка (Bergsland, Dirks 1981: 70–71), оптативная форма 1 л. ед. ч. не обязательно употребляется исключительно в вопросах. В этом случае она соответствует русскому императиву 1 л. ед. ч.: "уйду-ка я!"; "закрою-ка я окно!".

Показатель оптатива 3 л. в I типе спряжения не совпадает ни с одним показателем индикатива; ср.: *hak'a-a-x't(a)* "чтобы он/они двое/они подошли", "пусть он/они двое/они подойдут"; ср. примеры в индикативе: *hak'a-ku-x'* "он подходит", *hak'a-ku-x* "они двое подходят", *hak'a-ku-s* "они подходят". Конечный гласный показателя 3 л. в оптативе (а) дан в скобках, чтобы показать, что он почти всегда редуцируется и отчетливо слышен только в медленном произношении).

В аткинском диалекте (Bergsland, Dirks, 1981: 71–72) в 3 л. оптатива в I типе спряжения стали употребляться (это, вероятно, более позднее явление) показатели лица из индикативной парадигмы: -х' – ед. ч. -х – дв. ч., -с – мн. ч., то есть произошло своеобразное выравнивание парадигмы. При этом формант -х'та сохранился в пределах словоформы, то есть фактически произошло переразложение показателя 3 лица в оптативе -х'та. По существу для 3 лица оптатива в I типе спряжения образовался отдельный показатель: -Дх'та- (напомним, что Д обозначает обязательную долготу предшествующего гласного – "бывший показатель оптатива"), ср.: *hak'a-ax'ta-x'* "чтобы он подошел", "пусть он подойдет"; *hak'a-ax'ta-x* "чтобы они двое подошли", "пусть они двое подойдут", *hak'a-ax'ta-s* "чтобы они подошли", "пусть они подойдут".

Вероятно, ни в одном алеутском диалекте не существовало специализированной формы для выражения 1 л., мн. ч.

оптатива. В диалекте о. Атка для передачи этого значения стала использоваться форма - Дх'та-с, то есть та же форма, которая выражает значение 3 л., мн. ч. оптатива. Возможно, это произошло под воздействием фактора аналогии, ср. одинаковое выражение 1 л. мн. ч. и 3 л. мн. ч. в индикативе: -с. Отмеченная форма используется в этом значении и носителями диалекта острова Беринга, однако она не является единственной формой передачи этого значения в обоих диалектах, а для беринговского диалекта она далеко не самая распространенная. Значение 1 л. мн. ч. оптатива в обоих диалектах может быть косвенно выражено следующим образом: глагольная основа с показателем пассива/имперсонала -лга/-сха- (после основ на согласный) + долгота гласного (показатель оптатива для 1 типа спряжения + -х'т(а). Примеры: к'а-лга-а-х'т(а) "давайте поедим!", букв. "пусть будет съедено"; ан'ачаг'и-лга-а-х'т(а) "давайте споем", букв. "пусть будет спето"; хи(т)-сха-а-х'т(а) "давайте выйдем", букв. "пусть будет выйдено". Следует заметить, что показатель пассива/имперсонала не может быть употреблен ни в императивной форме глагола, ни в других оптативных формах.

Упомянем здесь же для полноты картины еще один способ косвенно выразить значение 1 л., мн. ч. оптатива, используемый как регулярное средство в уналашкинском диалекте (ср.: Bergsland 1969: 24). Это конструкция (Бергсланд называет ее "неопределенной": Bergsland, Dirks 1981: 71), состоящая из причастия, образованного от основы главного глагола, и оптативной формы (3 л. ед. ч. вспомогательного глагола а- "быть": айх'аасих' хуси-на-х' а-ах'та-х' "давайте лодку нагрузим", букв. "погрузка лодки да будет иметь место"; подробно об этом типе конструкций см. (Bergsland 1969). Следует заметить, что эта конструкция практически вышла из употребления в ЯКА, вероятно, из-за влияния русского языка.

В самое последнее время в диалекте острова Беринга развилась специализированная форма для выражения значения 1 л. мн. ч. оптатива (она не была отмечена Г.А. Меновщikovым в 1963 году, ср.: Меновщikov 1968) – -Дчим/-иичим (после согласных). Примеры: к'а-а-чим "давайте поедим"; ан'ачаг'и-и-чим "давайте споем"; хит-и-чим "давайте выйдем". Употребление этой формы покрывает и значение 1 л. дв. ч. оптатива (следует заметить, что также обстоит дело и в индикативной парадигме – в ней также не существует специальной формы для 1 л. дв. ч.). Если в отношении компонента -чи- можно предположить, что он по своему происхождению

связан с -чих (см. посессивные показатели имени в п. 3.2.3 и таблицу показателей II спряжения в п. 4.2.1), то второй компонент -м, очевидно, может быть объяснен лишь русским влиянием, ср.: споем(те); поедим(те); давайте споем; давайте поедим. Форма -чим не омонимична никаким другим формам. Эта беринговская форма не совпадает также ни с какими формами медновского языка, носители которого уже в течение долгого времени живут в одном поселке с берингвоцами.

Оптативные формы имеют полную парадигму II типа спряжения, совпадающую с индикативной (см. п. 4.2.1). Показателем оптатива в глаголах этого типа спряжения является -Дк'а- (Д – долгота предшествующего гласного): су-ук'а-а "пусть он/она возьмет его/ее/это"; чх'ууг'-иик'а-т "постирай их"; икун аг'и-ик'а-ан "туда положи-ты-его".

Описанное выше употребление оптативных форм в позиции конечного сказуемого, вероятно, вторичная функция этих форм. Все оптативные формы (кроме "новой", появившейся под влиянием русского языка, -чим) регулярно используются в двуглагольных конструкциях с речевыми каузативами с некорреферентными A/S: ада-н' хак'а-а-к' хих'та-на-х' букв. "отец-мой подошел-чтобы-я сказал-он"; хак'а-а-х'т хих'та-на-к' букв. "подошел-чтобы-ты сказал-я"; аник'ду-м сух'та-ак'а-н'ис н'аан хих'та-к'а-нин' "ребенок держал-чтобы-их ему сказал-я". Эти формы тесно связаны со значением повелительности прежде всего потому, что используются для "рассказа о императиве".

Употребление оптативных форм в позиции конечного сказуемого с императивным значением во многом аналогично употреблению русского инфинитива изолированно, для передачи императивного значения: "молчать!"; ср. "Я приказал ему молчать", где инфинитив, подобно алеутским оптативным формам, используется для "рассказа об императиве". Другая русская конструкция, функцией которой также является "рассказ об императиве", может употребляться изолированно и передает в этом случае императивное значение: "чтоб(ы) молчал мне!"; "чтоб(ы) духу твоего здесь не было!"; "чтоб(ы) ни с места!" и т.п. (подробнее см. п. 3.3.2.2.2.3 в разделе 2 главы 3).

Приведенные примеры показывают, что в алеутском, как и в русском языке, помимо специализированных форм, отвечающих непосредственно за выражение значения побуждения, в императивной функции могут использоваться некоторые неимперативные глагольные формы и конструкции, хотя, разумеется, "они не вполне синонимичны стандартным импе-

ративным конструкциям, ибо допускают не все частные интерпретации императивного значения и обладают при этом специфическими семантическими оттенками" (Храковский, Володин, 1986: 196). В случае с алеутским оптативом возможность его употребления в императивной функции достигается, очевидно, за счет эллипсиса перформативного глагола исходной конструкции и получения в результате этого, как и в случае с "настоящим" императивом, своеобразного перформативного нуля. Обязательным условием является также использование той же интонации, которая используется в предложениях с императивной формой глагола.

4.2.2.3.1. Отрицание в императиве и оптативе

Посредством императивных и оптативных форм с показателем отрицания актуального действия (см. п. 4.3.22 в этой главе) передается прохибитивное значение: *hak'a-laga-da* "не подходи"; *ukuusikh' chachi-laga-da* "окно не закрывай"; *hak'a-laga-a-x't* "не подходи"; *ukuusikh' chachi-laga-a-x't* "окно не закрывай" (о соотношении употребления императивных и оптативных форм см. п. 4.2.2.3.2 ниже). Важно отметить, что показатель отрицания актуального действия, по сравнению с глаголами в индикативе, имеет несколько другой фонетический облик (-лага- вместо -лака-), ср. примеры в индикативе: *hak'a-laka-x'* "он не пришел" и *ukuusikh' chachi-laka-x't* "окно не закрыл-ты". В качестве возможного объяснения можно было бы сослаться на особые фонетические условия: долгота гласного в оптативе. Однако в других похожих случаях с долгим гласным подобного чередования не происходит. К тому же показатель отрицания имеет вид -лага- (а не -лака-) не только в оптативе, но и в императиве. И хотя императивный показатель -да тоже можно признать в морфологическом отношении "сильным" показателем (перед ним в основах на -т- регулярно происходит чередование /t/ ~ /c/), фонетические условия здесь, по сравнению с оптативными формами, другие, а главное — внутриморфемного чередования /k/ ~ /ɣ/ больше нигде не отмечено.

Отрицательные императивные формы ЯКА дают, как представляется, новый материал для типологии прохибитива (ср.: Храковский, Володин 1988: 96–102). Формы настоящего и прошедшего времени обслуживаются разными показателями отрицания. Показатель отрицания у форм настоящего времени, императивных и оптативных форм один и тот же. В данном случае можно считать, что отрицательные формы настоящего

времени, императива и оптатива объединяются по признаку актуальности действия и оказываются противопоставленными отрицательным формам неактуального действия (в формах прошедшего времени и в формах, выражающих отнесенность действия к будущему, используется другой показатель отрицания; см. п. 4.3.22).

4.2.2.3.2. Соотношение императива и оптатива

Условия употребления оптативных форм 2 л. ед. ч., дв. ч. и мн. ч. не одинаковы и определяются их соотношением с императивной формой глагола. Поскольку в ЯКА (а также в атк. д.) нет форм императива, для которых слушающий (=исполнитель) был бы представлен 2 л. дв. ч. и 2 л. мн. ч., то в этих случаях употребляются соответствующие оптативные формы. Такое разделение "сфер влияния" императивной формы и двух оптативных форм в рамках 2 лица особенно хорошо видно на примере перевода на алеутский язык текста Евангелия, изобилующего императивами: почти все русские императивные формы 2 л. ед. ч. переведены алеутскими глаголами в форме императива, все русские императивные формы со 2 л. дв. ч. и мн. ч. исполнителя — соответствующими алеутскими оптативными формами, ср.: тин' киду-да букв. "мне помоги" (М 9:24), но агалаган айгаг-иик'а-дих "...последуйте за ним" (М 14:13), букв. "за-ним идите-вы-двое", где -Дк'а- - показатель оптатива для II типа спряжения; ср. также пример со 2 л. мн. ч. I типа спряжения (в данном случае, после основы на согласный, показатель оптатива — долгий ии): wal'иган ун'учи-йугааг'-ии-тхичи "...посидите здесь..." (М 14:32), букв. "здесь посидите-немного-вы".

Императивная форма глагола и оптатив 2 л. ед. ч. являются в некотором смысле конкурирующими формами, однако условия их употребления определяются во многом тем, что волеизъявление выражаемое оптативом, является, по словам К. Бергсланда, *more impatient, immediate*, т.е. включает требование немедленного исполнения действия после приказа, а также *less rough than the imperative* (менее грубым, чем императив). Особенно важной и легко вычлняемой особенностью (по крайней мере, это справедливо для беринговского диалекта) является "вежливость" оптатива. Довольно многочисленные примеры проявления этой особенности оптатива в устной речи можно подкрепить и переводом Евангелия. Как отмечалось выше, абсолютное большинство русских императивов 2 л. ед. ч. переведено на алеутский глаголами в императивной

форме. Случаи, когда для перевода использовалась соответствующая оптативная форма, единичны и представляют интерес с точки зрения рассматриваемого вопроса о "вежливости" оптатива. Рассмотрим два типичных примера: *hawakus igni-i-x't* "отпусти их..." (М 6:36); *Avva Otche! huзus maakaх't, wan чашах' илан' агуса-а-х'т...* "Авва Отче! Все возможно тебе; пронеси чашу эту мимо меня..." (М 14:36). Первый пример – обращение учеников к Христу, второй пример – обращение Христа к Богу-отцу. "Невежливость" соответствующих русских императивов в Евангелии ("отпусти", "пронеси"), как отмечалось в (Полинская 1988: 103), нейтрализуется, так как при обращении к владыке снимается допущение о наличии свободы воли у говорящего, а наличие свободы воли у слушающего не нуждается в специальном подтверждении, то есть в подобных случаях в русском языке не принято использовать специальную вежливую форму мн. ч. вместо ед. ч. Такое употребление закреплено многовековой традицией, поэтому приведенные примеры из Евангелия не воспринимаются как "невежливые". Поскольку такая традиция в алеутском языке отсутствует, переводчик вынужден был использовать единственную возможность снизить категоричность императива и перевести русские императивные формы алеутским оптативом. Можно, однако, привести и контрпример, ср. уже приводившийся однажды выше пример: *тин' киду-да букв. "мне помоги"*, где исполнителем мыслится Христос. Однако и здесь, кажется, существует объяснение, которое лишний раз подтверждает мастерство переводчика, ср. приведенную фразу в контексте: *hin'амасих ин'ал^имааг'а л^ам адаа к'иданаан масих тунунах'...* "И тотчас вскричал отец ребенка..." (М 9:24). В данном случае "принцип вежливости" (в нашем случае употребление оптативной вместо императивной формы) нарушается, так как говорящий находится в состоянии аффекта.

В ЯКА существует специальное словообразовательное средство, позволяющее снизить категоричность императива, – суффикс *-куза-/-киза-*⁷³: *hak'a-куза-да* "подойди, пожалуйста"; *укууских' чачи-куза-да* "закрой, пожалуйста, окно". Этот же суффикс употребляется и в оптативных формах: *hak'a-куза-а-х'т* "подойди, пожалуйста"; *укууских' чачи-куза-а-х'т* "закрой, пожалуйста, окно". Этот же суффикс может употребляться в именах (см. п. 3.3.5 выше): *агитаада-куза-н'* "товарищ-дорогой-

⁷³ В п. 3.1.1 выше уже отмечалось, что этот суффикс вышел из употребления во всех диалектах на американской территории.

мой", "товарищ-милый-мой". Ср. также глаголы в индикативе с этим суффиксом: *һила-куза-ку-х'* "он маленький читает"; *һак'а-куза-ку-х'* "он маленький подходит".

4.2.2.4. Превентив

В ЯКА есть морфологически выраженный показатель превентива⁷⁴: *-Дг'ана-*; В современном языке после основы на согласный *-т-* он имеет вид *-ииг'ана-*: *й^ут-ииг'ана-ан* "смотри не расплещи ее [воду]", "остерегайся расплескать ее [воду]"; однако в ЯКА этот вариант сосуществует параллельно с более старым, когда конечный согласный основы /t/ переходит в /s/, а показатель превентива имеет вид *-аг'ана-*: *й^ус-аг'ана-ан* – перевод тот же. Показатель превентива входит в парадигму времени-наклонения, то есть является однопорядковым с показателями этой морфологической категории. Он употребляется только при обращении к 2 лицу (слушающий совпадает с исполнителем): *сиса-аг'ана-х'т* "смотри не заблудись", "остерегайся заблудиться"; *угуну-уг'ана-т* "смотрите не забудьте их", "остерегайтесь забыть их"; *таан'ах' йут-ииг'ана-х'тичих* "смотрите не разлейте воду", "остерегайтесь разлить воду". Показатели 2 лица берутся, в зависимости от ситуации, из соответствующих парадигм I и II типов спряжения. В превентивных формах не могут употребляться ни показатели времени, ни показатели отрицания.

Некоторые примеры в письменных текстах, говорят в пользу того, что в АЯ не существует семантических ограничений на употребление превентивной формы глагола. Сфера действия русских превентивных форм (типа "не заблудись" – совершенный вид) значительно уже алеутских превентивных форм. В АЯ волеизъявление, выражаемое посредством превентивных форм, не обязательно направлено на предотвращение нежелательных последствий, которые могут наступить в результате совершения некоторого действия, как это имеет место в русском языке, но может иметь своей целью прекращение уже совершаемого действия (уже наступившего состояния): Тидих иг'атна^с. Таг'а һамаан н'иин тунух'так'ан'ис: иг'ату-уг'ана-х'тичих "ужаснулись (они). Он же говорит им: не ужасайтесь..." (М 16: 5,6). В связи со столь широкой сферой применения превентивных форм возникает вопрос о функцио-

⁷⁴ Мы вводим здесь этот термин и не используем термин "адмодитив" (см., напр.: Плунгян 2000: 320), поскольку последний не всегда используется однозначно.

нальном отличии их от прохибитивных (отрицательных императивных). Можно предположить, что и здесь определенную роль играет уже упоминавшийся "принцип вежливости". Однако главное отличие алеутского превентива от отрицательных императивных и отрицательных оптативных форм 2 лица, очевидно, заключается в другом: семантика превентива шире, так как включает и случаи направленности волеизъявления на предотвращение нежелательных последствий действия/состояния, то есть случаи, являющиеся сферой действия русских превентивных форм. Отметим, однако, что в материале ЯКА нам не встретились примеры глаголов с превентивом, которые отличались бы от русского превентива временной отнесенностью.

4.2.2.5. Интенционал

Морфологический показатель – Д (долгота гласного). Употребление глагола в интенционале, используемом для выражения намерения, цели в зависимом предикате в тех случаях, когда A/S обоих предикатов кореферентны, подробно описывается в п. 3.3.2.1.2.2 в разделе 2 главы 3. Здесь приводится парадигма личных форм с краткими комментариями.

Таблица 8. Личные показатели интенционала

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	-н'ан	—	-г'ин, -г'ан
2 л.	-мис	-мдих	-мчих
3 л.	-г'ан	-кин	-г'ин, -г'ан

Показатель 3 л. ед. ч. -г'ан, видимо, стал использоваться в ЯКА и для выражения 3 л. мн. ч. и 1 л. мн. ч. относительно недавно – в атк. д. подобное явление не отмечено.

Показатели 2 л. всех чисел совпадают с показателями имени с 2 л. обладателя в отн. п.. В 1 л. и в 3 л. столь прозрачных аналогий не обнаруживается больше ни в каких других парадигмах, хотя совершенно очевидно, что форманты -н'- и -г'- в 1 л. ед. ч. и 3 л. ед. ч., а также -ки- (дв. ч. не A/S) "узнаваемы" и встречаются в других сочетаниях в других парадигмах. Что касается формантов -ан и -ин в показателях 1 и 3 лиц, то, казалось бы, "напрашивающееся" сближение их с н'аан и н'иин, маркирующими ИГ в позиции ПЗ (см. п. 3.1.3 в главе 3 "Синтаксис") не проходит из-за отсутствия в показателях долготы (ср. сохранение долготы в глагольных формах, выра-

жающих зависимый предикат, не маркированный по таксису, с некорреферентными A/S – показатели этих форм также исторически восходят к н'аан и н'иин). С другой стороны, нет сомнения в общем происхождении формантов -ан и -ин в интенционале и в маркерах н'аан и н'иин, однако анализ таких случаев имеет чисто диахронический характер.

Выше было отмечено, что интенционал представляет собой одно из зависимых наклонений. В атк. д. возможно (очевидно, вторичное по происхождению) употребление форм интенционала с 1 л. и 2 л. в позиции конечного сказуемого. В этом случае говорящий сообщает о своем намерении или просит разрешения в момент, непосредственно следующий за моментом речи, совершить действие: су-у-н'ан "я возьму (это)"; к'а-лага-а-н'ан "я сейчас есть не собираюсь?" (просьба разрешить не совершать действие: "мы не пойдем, ладно?"); су-лага-а-н'ан? "можно я это не возьму?". Примеры с 2 лицом (=исполнитель действия): к'а-а-мис? "есть будешь?"; су-лага-а-мис? "не берешь (это)?" . Наши информантки допускают использование глаголов в интенционале в позиции конечного сказуемого в вопросах с 2 л., но не с 1 л.; возможность независимого употребления интенциональных форм в повествовательных предложениях не была подтверждена.

4.2.2.6. Кондиционал

Морфологический показатель кондиционала – -гу-. Кондиционал, так же, как и рассмотренный выше интенционал, представляет собой зависимое наклонение. Формы кондиционала, как аналитические так и синтетические, используются в зависимом глаголе для выражения отношения условия в зависимом предикате как при корреферентных A/S, так и при некорреферентных A/S. Подробно употребление кондиционала рассматривается в п. 3.3.3; здесь приводится только парадигма личных форм с краткими комментариями (см. Таблицу).

Абсолютные личные показатели в кондиционале почти полностью совпадают с соответствующими личными показателями II спряжения. Разумное функциональное объяснение этому совпадению, однако, найти не удастся. В отличие от личных показателей II спряжения, которые соотносятся с топиком (если топикализировано не A/S), личные показатели в кондиционале не выполняют такой функции (см. примеры в п. 3.3.3). Возможно, что отмеченное совпадение не функционально и объясняется диахроническими причинами; на это

указывает, в частности, долгота в форме 1 л. ед. ч. – единственное, что отличает две парадигмы.

Таблица 9. Личные показатели кондиционала

		ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1 л.		-Дн'	–	-мас
2 л.	абс.	-Дн	-дих	-чих
	отн.	-мис	-мдих	-мчих
3 л.		-Д	-ких	-н'ис
3 л. R	абс.	-Дн	-дих, -чих	-дих, -чих
	отн.	-Дм	-мдих, -мчих	-мдих, -мчих

Относительные личные показатели, употребляемые в кондиционале, совпадают с соответствующими показателями имен со 2 л. обладателя и с показателями кореферентности с 3 л. обладателя (см. п. 2.1 и п. 2.3 в разделе 1 главы 3).

Наличие двух рядов показателей для 3 л. объясняется необходимостью маркировать кореферентность / некорреферентность A/S при зависимом предикате, выраженном кондиционалом, и главным предикате, выраженном финитным глаголом. В ЯКА отмечена тенденция к употреблению ряда показателей 3 R. отн. вместо ряда показателей 3 л.

4.2.2.7. Конъюнктив

Конъюнктив имеет нулевой морфологический показатель. Так же, как интенционал и кондиционал, конъюнктив представляет собой зависимое наклонение. Употребляется в том случае, если зависимый предикат не маркирован специально в таксисном или другом отношении, а также в вопросах, если действие/состояние, выражаемое главным предикатом, относится к плану настоящего; подробно конъюнктив рассматривается в подразделе 3.2.3 раздела 2 главы 3). Здесь приводится парадигма личных форм конъюктива с краткими комментариями.

*Таблица 10. Показатели конъюктива:
топикализация A/S*

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	-тин'	–	-тимас
2 л.	-т	-тидих	-тичих
3 л.	-л(их) / -с	-л(их) / -с	-л(их) / -с

Личные показатели 1 л. и 2 л. совпадают с объектными / (квази)рефлексивными местоимениями. Личные показатели 3 л., -л(их) после основ на гласный и -с — после основ на согласный, не имеют аналогий в других парадигмах.

Глагол в форме конъюнктива с приведенными в таблице личными показателями употребляется тогда, когда топикизуется A/S. Если топикизуется любой другой семантический актанта, то глагол в конъюнктиве имеет такие личные показатели:

*Таблица 11. Показатели конъюнктива:
топикизация не A/S*

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	- <i>катин'</i>	—	- <i>катимас</i>
2 л.	- <i>лкат</i>	- <i>лкидих</i>	- <i>лкичих</i>
3 л.	- <i>лка</i>	- <i>лких</i>	- <i>лкис</i>

В XIX веке в атк.д. после основ на согласный вместо сочетания -лк- везде употреблялось -сх- (-схат, -схидих и т.д.). В современном ЯКА все основы в этом случае выравниваются по гласному типу, то есть возможны только показатели, приведенные в таблице.

4.3. Необязательные категории глагола

Каждая из рассматриваемых здесь морфологических категорий может служить предметом специального и подробного исследования. В нашей работе мы попытаемся отразить лишь самые характерные и интересные черты каждой категории. Наиболее полно рассматриваются категории глаголообразования, каузативности, результативности, мультипликативности и дистрибутивности.

4.3.1. Глаголообразование

Данная категория представлена показателями, занимающими в максимальной морфологической модели глагола порядок, следующий сразу за порядком корневой морфемы.

Если за корневой морфой следует деривативная морфа, то целесообразно считать, что именно она и определяет, к какому классу принадлежит корень, причем самой деривативной морфе можно приписать частеречную характеристику (см., напр.: Кузнецова 1970: 157; Барулин 1979: 40); в отношении алеутского языка сходная точка зрения высказывалась К. Бергсландом (Bergsland 1969: 36–37). Показатели категории гла-

голоообразования представляют собой деривативные морфемы, морфы которых, присоединяясь к корневым морфам, определяют тем самым их принадлежность к классу имен и одновременно переводят их в класс глаголов. На уровне "внутреннего" синтаксиса, синтаксиса словоформы, можно рассматривать деривативную глагольную морфу как предикат, валентности которого заполняются внутри словоформы и вне ее, на уровне "внешнего" синтаксиса, то есть синтаксиса предложения (см.: Барулин 1979: 34–43). Отсюда следует, что при рассмотрении отыменных глаголов имеет смысл описывать не отдельно взятый глагол, а глагол с его актантами. Толкование значения отыменного глагола включает в себя, помимо актантов (A/S, P), мотивирующее имя (M), то есть имя, от которого происходит образование глагола, и глагол (или группу глаголов) толкования. В качестве глагола толкования выбирается глагол, выражающий значение морфемы в наиболее обобщенной форме. Конкретные реализации значения морфемы иллюстрируются примерами.

Выделяются 15 морфем, транспонирующих имя в глагол (см. также: Головкин 1983б):

1) -х'та- (после основ на согласный -та) "А имеет M, которое есть P": аса-х' "имя" – Иваан аса-х'та-ку-х' "его зовут Иван" (букв. "Иван имя-имеет-он"); агиида-х' "гость" – Иваан агиида-х'та-ку-х' "у меня в гостях Иван" (букв. "Ивана гостем-имею-я"); аки-х' "цена" – укина-м тагадаа алах руублих аки-х'та-ку-х' "новый нож стоит два рубля" (букв. "нож новый два рубля цену-имеет-он"); да-х "глаза" (дв. ч.) – асх'удги-х' да-лг'у-х да-х'та-на-х' "девушка имеет большие глаза" (букв. "девушка глаза-большие глазами-имеет-она"); л^а-х' "мальчик", "сын" – л^а-х'та-ку-н' "он – мой сын" (букв. "сыном-имею-его.я").

2) -х'си- "А создает M": чали-х' "удочка" – чали-х'си-ку-к' "я делаю удочку"; ула-х' "дом" – ула-х'си-на-с "дом-строим мы /они"; хилгииси-х' "лопата" – аваза-х' хилгииси-х'си-ку-х' "мастер лопату-делает-он";

3) -лигда-/лихта- "А обрабатывает M": к'а-х' "рыба" – аяаган' к'а-лигда-ку-х' "моя-жена рыбу-чистит-она"; л^а-х' "мальчик", "сын" – ада-х' л^а-лигда-на-х' "отец наказывал (чаще: бил) сына-он"; айх'ааси-х' "лодка" – айх'ааси-лигда-ку-к' "лодку-ремонтирую-я"; чаайу-х' "чай" – чаайу-лихта-ку-х "чай-готовят-они.двое".

4) -г'и- (после основ на согласный -аг'и) – для более полного описания значения этой морфемы целесообразно дать

три толкования: (1) "А имеет М": асхину-х' "девочка", "дочь" – ун'и-н' асхину-г'и-ку-х' "сестра-моя дочь-имеет-она"; аник'ду-х' "ребенок" – айага-а аник'ду-г'и-лака-х' "жена-его детей-не-имеет-она"; лиинта-х' "лента" – асх'удгих' лиинта-г'и-ку-х' "девушка ленту-имеет-она"; хани-х' "озеро" – танамас хани-г'и-ку-х' "на нашем острове есть озеро" (букв. "остров-наш озеро-имеет-он"); (2) "S находится в М": исха-х' "гнездо" – сах' исха-г'и-ку-х' "птица в-гнезде-находится-она"; кину-х' "кино" – кину-г'и-на-с "мы/они находились в кино"; ула-х' "дом" – анан' ула-г'и-ку-х' "мать-моя дома-находится"; (3) "А использует М" – это орудийное значение реализуется, как отмечает Г.А. Меновщиков (Меновщиков 1968: 391), в зависимой форме глагола – в конъюнктиве: субаака-х' "собака" – Сараанам хадан субаака-г'и-л анк'а-на-х' "он уехал на собаках на Саранное озеро" (букв. "на Саранное собак-используя уехал-он"); луушки-х' "ложка" – луушк'и-г'и-л суупах' к'а-ку-х' "он ест суп ложкой" (букв. "ложку-используя суп ест-он"); тукуулки-х' "топор" – тукуулки-г'и-л иклас к'ухсу-ку-к' "я рублю дрова топором" (букв. "топор-используя дрова рублю-я");

5) -ту- "X имеет много/большое М": аки-х' "цена", "ценность" – хин'ан суунгих' аки-ту-ку-х' "эта вещь дорого стоит" (букв. "эта вещь цену-имеет-большую-она"; чик'и-х' "грязь" – уулисамас чик'и-ту-ку-х' "наша улица очень грязная" (букв. "улица-наша грязи-много-имеет-она"); к'айа-х' "гора" – Мииднах' к'айа-ту-ку-х' "(остров) Медный гористый" (букв. "гор-много-имеет-он"); кайу-х' "сила" – лудаан кайу-ту-ку-х' "твой брат очень сильный" (букв. "брат-твой силы-много-имеет-он"). Анализ глаголов, образованных от именных основ при помощи суффикса -ту- показывает, что объект обладания (значение суффикса "иметь много/большое") находится в отношениях неотторжимой принадлежности к посессору (имя, выражающее семантический акт S), то есть между посессором и объектом обладания "существует такая связь, что они не мыслятся вне этой связи" (Журина 1974: 247). В рамках этой связи существует четыре типа смысловых отношений между посессором и объектом обладания: 1) объект обладания мыслится как часть посессора, посессор неодушевленный: чиг'анах' кин'ти-ту-ку-х' "у реки высокий берег" (букв. "берег-большой-имеет-она"); 2) объект обладания – свойство, признак, качество посессора, посессор одушевленный или неодушевленный: лудаан кайу-ту-ку-х' "твой брат сильный"; 3) посессор-одушевленный, объект обладания – часть тела: камги-ту-ку-х' "у него большая голова"; 4) посессор "семанти-

чески пустой", объект обладания – явление природы: алаг'у-туку-х' "штормит" (ср. алаг'ух' "море"). В случае отторжимости объекта обладания от посессора значение "иметь много/большое" передается другими средствами: 1) именным суффиксом -г'ука- "много N"⁷⁵ в сочетании с глаголом маг'и- "иметь"⁷⁶: һин'ан тайаг'ух' к'ичити-г'ука-х' маг'и-ку-х' "у этого человека много денег"; 2) глаголом туку- "быть богатым": чиг'анах' к'ах' (или: к'ас – мн. ч.) туку-ку-х' "река богата рыбой"; к'ичитих' (или: к'ичитис – мн. ч.) туку-ку-х' "у него много денег", "он богат деньгами"; 3) глагольными основами һасина- и к'алаг'и-: анг'аг'инас һасинакус "людей много" и анг'аг'инас к'алаг'икус – перевод тот же; разумеется, возможны и притяжательные сочетания анг'аг'инам һасинаа и анг'аг'инам к'алаг'ии с одинаковым переводом "множество людей". Отметим, что в некоторых случаях ("на острове много домов"; "в реке много рыбы" и т.п.) отторжимость/неотторжимость объекта обладания по-разному трактуется разными информантами, то есть некоторые из них признают невозможным выражение соответствующих смыслов при помощи отыменных глаголов с суффиксом -ту-. Для всех остальных конструкций ЯКА признак "отторжимая/неотторжимая принадлежность" нерелевантен. Таким образом, категория отторжимой/неотторжимой принадлежности (которую часто называют универсальной семантической категорией), выражаемой во многих языках грамматическими средствами, в алеутском языке представлена как "скрытая категория" (Б. Уорф).

б) -дига-/-зига- "А имеет хорошее М": сайги-с "ружье" (мн. ч.) – адан' сайги-зига-ку-х' "у моего отца хорошее ружье" (букв. "отец-мой ружье-хорошее-имеет"); ча-х "руки" (дв. ч.) – утин' ча-зига-ку-х' "у моего мужа умелые руки" (букв. "муж-мой руки-хорошие-имеет-он"); чух'так'а-с "одежда" (мн. ч.) – айагаа чух'така-дига-ку-х' "его-жена одежду-красивую-имеет-она";

⁷⁵ Только в ЯКА.

⁷⁶ Любопытно, что этот глагол является формально производным от ма- "делать", образован от него при помощи рассмотренного выше суффикса -г'и-. Собственно говоря, основа глагола ма- заполняет законное место именной основы, валентность же суффикса -г'и- заполняется именем-обладаемым в предложении, то есть, в отличие от рассматриваемого случая образования отыменных глаголов, где одна из валентностей заполняется на уровне "внешнего синтаксиса", а другая внутри словоформы, обе валентности -г'и- в глаголе ма-г'и- заполняются на уровне предложения.

7) -луг'- "А имеет плохое М": кита-х "ноги" (дв. ч.) – кита-луг'-ику-х' "у него плохие (больные) ноги"; к'уйх'и-х' "кашель" – к'уйх'и-луг'-на-х' "ты сильно кашлял"; кимла-х' "живот" – аник'дух' кимла-луг'-на-х' "у ребенка был понос" (букв. "ребенок живот-плохой-имел"). Примеры, которыми мы располагаем, дают основание предположить, что и в этом случае способность рассматриваемой морфемы, сочетаться с той или иной корневой морфемой связана с отношением отторжимой/неотторжимой принадлежности. Однако это словообразовательное средство относится в ЯКА к малоупотребительным (отмирающим?). Информанты с готовностью подтверждают правильность имеющихся примеров и дают их перевод, но неохотно образуют новые словоформы.

8) -ну- "S издает запах (подобно) М": к'а-х' "рыба" – к'а-ну-на-х' "пахло рыбой": w^ax' (w^ag'-и-х') "дым" – w^ag'-ну-на-х' "пахло дымом"; слах' "воздух", "ветер" – слаг'-ну-ку-х' "потянуло свежим воздухом, ветерком" (букв. "воздухом-пахнет"); асх'алакна-х' "труп"⁷⁷ – асх'алакна-ну-к'али-х'та-ку-х' "уже смердит" (И II: 39), букв. "трупом-пахнуть-начало"). Во всех имеющихся в нашем материале примерах первый актанта глагола, включающего морфу морфемы -ну-, является "безличным", семантически пустым.

9) -лг'и- "А снабдил Р М-ом": таан'а-х' "вода" – видрах' таана-лг'и-да "налей в ведро воды" (букв. "ведро водой-снабди"); айага-х' "женщина", "жена" – Петропаавловска-м илагаан тин айага-лг'и-ку-х' "он взял себе жену из Петропавловска" (букв. "из Петропавловска себя женой-снабдил-он"); аса-х' "имя" – анаа аник'дуун аса-лг'и-ку-х' "мать дала ребенку имя" (букв. "мать-его ребенка-своего именем-снабдила-она"). Очевидно, после именных основ на согласный суффикс должен иметь вид -сх'и- (ср.: Bergsland, Dirks 1981: 78), поскольку начальный согласный по происхождению является конечным согласным формы интенционала (см. п. 4.3.13 этой главы), то есть суффикс представляет собой "застывший стык" аналитического сочетания – формы интенционала и вспомогательного глагола). Однако тот факт, что набор имен с основой на согласный в АЯ очень ограничен, а также то, что все именные

⁷⁷ Это слово в ЯКА неупотребительно, обычно говорят айунах' "покойник", ср. айу- "упасть" + суффикс причастия -на- (см. п. 3.2.2 в разделе 2 главы 3). Мы приводим этот пример, чтобы показать, как образовал глагол с интересующим нас суффиксом переводчик Евангелия от Иоанна.

основы имеют тенденцию к унификации по гласному типу, надежных примеров с вариантом -сх'и- получить не удалось;

10) -нааг'- "А добывает М": са-х' "птица" – ан'алим һу-зуу са-нааг'и-ку-с "целый день птиц-добывали-мы(они)"; ала-х' "кит" – кадим һадан анг'аг'ина-с ала-нааг'-на-с "в давние времена люди китов-добывали-они"; ису-х' "нерпа" – ису-нааг'-иин'ан аг'и-ку-к' "я буду охотиться на нерпу";

11) -Дтха- "S находится в М", где М – имя с локативным значением (об этом классе слов см. раздел 6 главы 2): wa- "здесь, прямо передо мной в пределах досягаемости" – wa-атха-ку-х' "он находится здесь"; ама- "далеко, вне поля зрения" – ама-атха-к'ада-да "подойди ближе" (букв. "далеко-быть-перестань"); һаку- "там, вверху, но не в вертикальном направлении от говорящего" – криисам куган са-х' һаку-утха-ку-х' "птица находится там, вверху, на крыше"; к'ага- "там, на востоке" – айх'аасис к'ага-атха-на-с "лодки были там, на востоке". Как отмечалось выше, продуктивной деривативной морфемой, транспонирующей имена в глаголы, является морфема -г'и-. С помощью этой морфемы образуются также глаголы от имен с локативным значением: сада- "там, вне помещения" – аник'ду-т сада-г'и-ку-с "твои дети находятся на улице"; ика- "здесь, в помещении, невидимый" – агиидамас ика-г'и-ку-с "гости-наши находятся здесь (например, в соседней комнате)". Отличие глаголов с морфемой -г'и- от глаголов, в которых представлена морфема -Дтха-, состоит, по нашим наблюдениям, в следующем: значение морфемы -Дтха- содержит указание на то, что субъект действия до того, как занять в пространстве положение, определяемое мотивирующим именем, находился в другой точке и предпринял некоторые усилия для перемещения в искомую точку; глаголы же, в которых представлена морфема -г'и-, лишь констатируют факт нахождения субъекта в точке, определяемой мотивирующим именем;

12) -Дну- "S движется в направлении М", где М – имя с локативным значением: ука- "здесь, внутри, в помещении". – ука-ану-ку-с "они двигаются сюда, в дом"; сака- "там, внизу, на берегу моря, в вертикальном направлении от говорящего" – агитаада-н' сака-ану-ку-х' "товарищ-мой движется-вниз (к берегу); тана-х' "земля", "остров" – суна-х' тана-ану-ку-с "корабль движется к берегу"; танасха- "летнее жилище для охоты и рыбной ловли" (употребляется только в притяжательной форме) – танасха-ану-ку-х' "он едет в летнее жилище" (последние два примера представляют собой два "исключения", когда глагол образуется не от указательного слова;

13) -Дг'а- "S достигает М", где М – имя с локативным значением: хин'а- "там, недалеко, в поле зрения" – аник'дух' хин'а-аг'а-ку-х' "ребенок добрался дотуда"; к'ика- "там, недалеко, за пределами помещения" – кииска-х' к'ика-аг'а-ку-х' "кошка вышла из дома"; хама- "там недалеко, невидимый (за каким-либо предметом)" – киин хама-аг'а-л?", "кто там находится?", "кто туда забрался?".

В "Школьной грамматике аткинского диалекта алеутского языка" К. Бергсланда и М. Диркса выделяется еще две морфемы, не представленные в наших полевых материалах. Для полноты картины приведем их в нашей работе, позаимствовав примеры из "Школьной грамматики" (Bergsland, Dirks 1981: 78; см. также: Bergsland 1980):

14) -тхаг'и- "А овладевает М-ом": к'а-х' "рыба" – к'а-тх'аг'и-ку-х' "он поймал рыбу"; к'ава-х' "сивуч" – к'ава-тхаг'и-т? "ты добыл сивуча?"; ула-х' "дом" – ула-тхаг'и-т? "ты нашел дом?".

15) -ли- "А лишает Р М-а": чимчи-с "остатки пищи во рту" – агалина-н' чимчи-ли-ку-к' "из-моих-зубов остатки-пищи-удаляю-я"; утхи-с "пепел" (мн. ч.) – утхи-дгуси-х' утхили-ку-х' "из-пепельницы пепел-удаляет-он" (в ЯКА имя утхи-дг'уси-х' имеет значение "ведро для золы"; значение пепельница передается заимствованием из русского).

Во всех пятнадцати перечисленных выше случаях рассмотренные значения, очевидно, могут быть выражены не при помощи деривативных глагольных морфем, а аналитически, то есть с отыменным глаголом можно соотносить некоторое "полноценное" предложение с глаголом, значение которого синонимично значению того или иного транспонирующего суффикса. Как и всегда, о полной синонимии речь идти не может, однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

Если условно принять предполагаемое полное предложение за исходное, то во всех случаях образование отыменного глагола происходит от имени, занимающего в предложении П2. Таким образом, все морфемы, образующие отыменные глаголы таким способом, являются двухвалентными, образуемые ими глаголы – одноместными. В трех случаях (морфемы -х'та-, -лг'и-, -ли-) производный отыменной глагол, является двухместным и, соответственно, образующие их морфемы – трехвалентными.

4.3.2. Мультипликативность⁷⁸

Эта категория представлена показателем -мих-//-мига-/ -михта-. Не сочетается с показателем констати́ва (нулевой показатель).

Основное средство выражения мультипликативного значения – суффикс -мих-//-мига-/ -михта-, присоединяемый к семейфактивам: тайаг'ум туга-ку-у "мужчина ударил-(кулаком)-его" – тайаг'ум туга-михта-ку-у "мужчина бьет-(кулаком)-его"; иглук'ах' ката-на-х'т "шкуры коснулся-ты" – иглук'ах' ката-михта-на-х'т "шкуру ощупывал-ты"; игачин' кит-и-ку-х' "мышца-моя сократилась" – игачин' кит-михта-ку-х' "мышцу мою сводит судорога". Суффикс -мих-//-мига-/ -михта- влияет на аспектуальную характеристику основы: присоединяясь к предельным основам, он делает их неопредельными.

Общим для всех глаголов с суффиксом -мих-//-мига-/ -михта- является семантический признак "движение". Давая более дробную семантическую классификацию глаголов с этим суффиксом, можно выделить транзитивы со значением физического воздействия субъекта на объект ("бить ногой": "бить рукой", "бить кулаком", "толкать", "трясти", "брызгать"), а также интранзитивы, обозначающие движение телом/частью тела ("дрожать", "прыгать" и др.), звуки, издаваемые голосом ("хрипеть", "откашливаться" и др.), световые явления ("мигать", "мелькать" и др.).

Мультипликативное значение в АЯ может передаваться и лексически: к'уйх'и- "кашлять"⁷⁹; чам- "скрести", "скоблить"; чак'ух- "жевать"; чмат- "месить", "смешивать"; адгилах- "землетрясение" (глагол); худг'у- "тяжело дышать", "закашляться", "поперхнуться"; ичах- "капать", "падать каплями" – хитх'а- "прибой" (глагол); агих- "тереть", "причесываться"; айг'ах'- "дрожать" и др. Пример: хигасхал тин' айг'ах'-т-и-ку-к' "я за-

⁷⁸ Категории мультипликативности, дистрибутивности I, дистрибутивности II и узитативности описываются с использованием некоторых терминов и понятий, разработанных в (Храковский 1989). Подробная характеристика множественности ситуаций в ЯКА содержится также в (Головко 1989; Golovko 1997).

⁷⁹ Существует также глагол к'алх'и-мих- "откашливаться", "прокашливаться", однако исходная форма глагола не восстанавливается: -мих- включен в состав корня. В этом случае, а также во многих лексических мультипликативах (к'уйх'и- "кашлять", чак'ух- "жевать", чмат- "месить" и др.) звуковой облик слова, связан со звукоизображением.

мерз и задрожал" (рефлексив). Для лексических мультипликативов в основном характерны те же семантические признаки, что и для глаголов с морфологическим показателем мультипликатива.

В некоторых случаях суффикс -мих/-мига/-михта-, присоединяясь к глагольным основам со значением перемещения в пространстве, может выражать значение альтернатива. В приводимых примерах значение производного глагола не сводится к простому повторению действия, обозначенного исходным глаголом, а предполагает связанное с ним антидействие, движение в противоположном направлении: айх'аасих' так'и-ку-х' "лодка повернула" – айх'аасих' так'и-мига-ку-х' "лодка виляет, двигается то влево, то вправо"; кииг'уусим һан'ада аг-и-ку-х' букв. "он совершил движение вверх по отношению к горе" – кииг'уусим һан'ада аг-мигда-ку-х' букв. "он двигается то вверх, то вниз по отношению к горе".

4.3.3. Дистрибутивность I и дистрибутивность II

В ЯКА существуют две морфологические категории, по-разному выражающие дистрибутивность. Дистрибутивность I представлена показателем -тух'/-тух'са. Дистрибутивность II – показателем -ла-. Обе морфологические категории рассматриваются вместе, чтобы нагляднее продемонстрировать их отличия.

Дистрибутивные глаголы обеих категорий не употребляются с констативом. Присоединение показателей дистрибутива к глагольной основе, возможно, каким-то образом влияет на ее аспектуальную характеристику (делает ее неопредельной). Однако говорить здесь о каких-то определенных закономерностях, как в случае с мультипликативами, не представляется возможным. Переводы дистрибутивных глаголов на русский язык (имеется в виду вид и время глагола) даются ниже в том виде, в каком были получены от информантов (все они, разумеется, свободно владеют русским языком).

В зависимости от числа актантов выделяются так называемые субъектный и объектный дистрибутивы. Примеры субъектного дистрибутива: улаам илагаан хаадагнаах'с һит-на-с "они выбежали из своего дома" – улаам илагаан хаадагнаах'с һи(т)-тух'са-на-с "они повыбежали из своего дома"; һузун'ис айх'аасин'ис айх'а-на-с "все лодки-их уплыли" – һузун'ис айх'а-асин'ис айх'а-туг'-на-с "все лодки-их поуплывали"; һаанус асх'а-ку-с "красная-рыба (мн. ч.) подохла" – һаанус асх'а-ла-ку-с "красная-рыба (мн. ч.) передохла"; лаафким һадан к'ан'у-ку-с

"в магазин вошли-они" – лаафким һадан к'ан'у-ла-ку-с "в магазин входят-они (один за другим)". Примеры объектного дистрибутива: к'идух' к'игаг-на-х "веревку перерезал-он, ср. к'иигас к'игах-туг'-на-х" "траву (мн. ч.) косил-он"; майааг'нах' н'иин иглук'ас аг'-и-ку-х' "охотник им шкуры дал" – майааг'анах' н'иин иглук'ас ах'-тух'са-ку-х' "охотник им шкуры роздал"; чамах' һунки-на-х' "бутылки (или любую емкость) перевернул-он", ср. голубис акичх'иилух'танас исхан'ис һунки-ла-на-х' "скамьи продающих голубей опрокинул" (М 11: 15), букв. "голубей продающих места-их поопрокидывал-он"; л'ах' укуускис чачи-ку-х' "мальчик окна закрыл" – л'ах' укуускис чачи-ла-ку-х' "мальчик окна позакрывал".

Показатели рассматриваемых категорий могут передавать разновидности дистрибутивного значения:

1. Дисперсив. Примеры на субъектный дисперсив: санх'ух' тат-и-ку-х' "пузырь лопнул" – санх'ух' та(т)-тух'са-ку-х' "пузырь лопнул (в разных местах)"; имйаг'их' суса-х'та-ку-х' "леска – перепутавшаяся" (-х'та- – субъектный результатив) – имйаг'их' суса-ла-х'та-ку-х' "леска – перепутавшаяся (в разных местах)"; ситхин'ин кдах' сих'т-и-на-х' "под-ними лед сломался" – ситхин'ин кдах' сих'(т)-тух'са-на-х' "под-ними лед сломался (в разных местах)"; й'аагах' сихса-ку-х' "палка раскололась надвое" – й'аагах' сихса-ла-ку-х' "палка расщепилась". Нам удалось обнаружить всего один глагол с суффиксом -ла- в значении объективного дисперсива: й'аагах' чах(т)-та-ку-к' "у меня палка треснула (в одном месте)", букв. "я имею палку треснувшей (в одном месте)" (-та- – посессивный результатив) – йаагах' чах(т)-та-ла-ку-к' "у меня палка треснула (в нескольких местах)".

2. Диверсатив. Это значение отмечено только в одном примере с суффиксом -ла- (объективный диверсатив): аник'дум микаасин'ис чамлум куган чиг-ла-х'та-ку-с "детские игрушки по полу разбросаны" (-х'та- – субъектный результатив). Исходная форма глагола не восстанавливается, ср. аник'дум микаасин'ис чамлум куган чигли-ку-х'т "детские игрушки по полу разбросал-ты".

3. Квазидистрибутив. Значение субъектного квазидистрибутива передается суффиксом -ла- в рефлексивах: тин чу-ку-к' "я оделся" – тин чу-ла-ку-к' "я одеваюсь" (в несколько приемов); ин'тих' н'аан тин чачи-ку-х' "одеялом закрылся-он" – ин'тих' н'аан тин чачи-ла-ку-х' "одеялом закрывается-он (в несколько приемов)". Значение объектного квазидистрибутива также передается суффиксом -ла-: чматих' чиси-ку-к' "хлеб

разломил-я" – чматих' чиси-ла-ку-к' "хлеб крошу-я"; айагах' улух' чачи-ку-х' "женщина мясо прикрыла" – айагах' улух' чачи-ла-ку-х' "женщина мясо прикрывает (в несколько приемов, с разных сторон)".

Значение показателя -ла- с одной и той же глагольной основой можно трактовать по-разному в рамках сферы дистрибутивной множественности в зависимости от количества участников ситуации: к'ин'у-ла-к'а-нин' "перечеловал-их-я" (объектный дистрибутив), но к'ин'у-ла-к'а-н' "целовал-ее-я" (объектный квазидистрибутив); исхам илагаан саам^лас игу-ла-ку-х' "из-гнезда яйца извлекает-он" (объектный дистрибутив), но к'агалг'ит к'учигн'ин к'ук'дах' игу-ла-ку-х' "из-под ногтей грязь выковыривает-он" (объектный квазидистрибутив); л^ах' укууских' чачи-ла-ку-х' "мальчик окно закрывает (прикладывает усилия несколько раз в разных точках, например, в ситуации, когда окно плохо закрывается)" (объектный квазидистрибутив), но ср. пример с этим глаголом выше со значением объектного дистрибутива. Можно предположить, что в зависимости от изменения числа актанта реализуется значение субъектного или объектного дистрибутива.

Итак, сфера дистрибутивной множественности обслуживается в ЯКА показателями двух различных категорий: -тух'/-тух'са- и -ла-. Функции их различны. Это с очевидностью следует из того факта, что допускается сочетание этих двух суффиксов в пределах одной словоформы: к'уганах' сих'(т)-тух'са-ла-ку-х' "камень ломается", "крошится"; хакан канагаан к'уганас и(т)-тух'са-ла-ку-с "сверху камни осыпаются"; н'иин ах'-тух'са-ла-ку-нин' "им раздаю-их-я". Возможно, путем такого сочетания достигается эффект своеобразного "дистрибутива в квадрате": -тух'/-тух'са- показывает, что действие совершается дистрибутивно множеством участников ситуации или квазидистрибутивно в случае с одним участником, а -ла- указывает на то, что таких дистрибутивных действий несколько и что они имеют место одно за другим в последовательные моменты времени. Число примеров на сочетание -тух'/-тух'са и -ла- в нашем материале ограничено (не более чем от пяти глагольных основ). Приведем еще несколько примеров, показывающих, что -тух'/-тух'са- и -ла- представляют два разных дистрибутива: нузун'ис айх'аасин'ис айх'а-ла-на-с "все лодки-их поуплывали (одна за другой, в отличие от похожего примера выше)"; уламдих илагаан хаадагнаах'с ит-ла-на-с "они выбежали из своих домов (один за другим, в отличие от похожего примера выше); ситхин'ин кдах' сих'т-и-ла-на-х' "под-

ними лед разламывался" (ср. похожий пример выше), в нашем материале с этим глаголом зафиксировано сочетание рассматриваемых морфологических показателей с дистрибутивным значением -тух'/-тух'са и -ла-: ситхин'ин кдах' сих'(т)-тух'са-ла-ку-х' "под-ними лед разламывался (дисперсивными порциями, в последовательные моменты времени)". Разграничение двух суффиксов дистрибутива по временному признаку (одномоментность и последовательность) приводит к выводу о том, что в АЯ квазидистрибутивное действие, видимо, может мыслиться только как совершаемое в последовательные моменты времени: -тух'/-тух'са- ни в одном случае не передает значения квазидистрибутива.

Важно отметить, что любое действие, выражающее множественность ситуаций, может итерироваться, то есть показатель узитатива -за-/да- (см. п. 4.3.20) свободно сочетается с каждым из суффиксов -мих'/-мига-/михта, -тух'/-тух'са- и -ла- в пределах словоформы: ан'алим һузун'ис адах' л'аан туга-михта-за-Ø-х' "каждый день отец сына-своего бьет"; асхинуку-чан' чматих' иси-ла-зу-за-Ø-х' "дочь-маленькая-моя хлеб режет-хорошо"; к'илах'тал к'илаа тайаг'ус һах'(т)-тух'са-за-на-с "рано утром мужчины вставали, имели обыкновение вставать". Возможность таких сочетаний показывает, что мультипликатив, дистрибутив и узитатив относятся к разным морфологическим категориям.

4.3.4. Результативность

Данная морфологическая категория представлена показателем -х'та- (после согласных -та-), который передает значение субъектного и посессивного результатов⁸⁰. В случае так называемого субъектного результата "субъект состояния (выраженный подлежащим при сказуемом со значением состояния) соответствует субъекту предшествующего действия" (Недялков, Яхонтов 1983: 9). Ср. примеры от одноместных глаголов: убиидах' к'ан'а-ку-х' "обед сварился" – убиидах' к'ан'а-х'та-ку-х' "обед сварившийся"; сах' ига-ку-х' "птица взлетела" – сах' ига-х'та-ку-х' "птица летает (находится в воздухе)"; исух' члаг'-и-ку-х' "нерпа нырнула (с всплеском)" – исух' члах'-(х')та-ку-х' "нерпа (нырнула и) находится под водой"; таан'ах'

⁸⁰ Здесь используются некоторые термины и понятия, разработанные в коллективной монографии (Типология результативных конструкций 1983); подробно способы выражения результативного значения в ЯКА рассматриваются в (Golovko 1988).

һуг'даг-и-ку-х' "вода закипела" – таан'ах' һуг'дах-(х')та-ку-х' "вода - кипяченая". Если результативная форма образуется от транзитивов, то Р, как правило, обозначает часть S (в широком смысле: что-либо ему принадлежащее или находящееся с ним в непосредственном контакте). Результат действия отражается в данном случае не столько на Р, сколько на S. Такой результатив называется посессивным (Недялков, Яхонтов 1983: 9, 17).

"Лексическое наполнение" транзитивов, образующих посессивные результативы в алеутском языке, в основном совпадают с кругом значений, выделяемых в работе (Недялков, Яхонтов 1983: 17), однако это касается только непроемных транзитивов: асх'удгих' чух'так'ас амг'их'син'ис чу-ку-х' "девушка надела красивую одежду" – асх'удгих' чух'так'ас амг'их'син'ис чу-х'та-ку-х' "девушка носит красивую одежду"; майааг'нах' сайгис су-ку-х' "охотник ружье взял" – майааг'нах' сайгис су-х'та-ку-х' "охотник ружье держит"; иклас так'у-ку-к' "дрова взял в охапку я" – иклас так'у-х'та-ку-х' "дрова держу в охапке я"; кииним субакан'ис һаман уку-на-х'т? "чьих собак увидел ты там? – кииним субакан'ис һаман уку-х'та-на-х'т? "чьих собак там видел-ты?", "на-чьих собак там смотрел-ты?; ин'тих' н'аан тин чачи-ку-х' "он прикрылся одеялом" – ин'тих' н'аан тин чачи-х'та-ку-х' "он лежит, закрытый одеялом", букв. "одеялом при-помощи себя закрытым-имеет-он".

Если образование посессивных результативов происходит от производных каузативных основ, то имеет место резкое расширение лексической базы для образования посессивных результативов (во всех случаях в словоформе место между корневой морфой и морфой результата занято морфой фактитивной каузации -т-, которая ассимилирует перед показателем результата -х'та-: сараайам наган субаакан' к'ан'у-ку-х' "в сарай собака-моя вошла" – сараайам наган субаакан' к'ан'у-т-и-ку-к' "в сарай собаку-мою войти-заставил-я" – сараайам наган субаакан' к'ан'у-та-ку-к' (*к'ан'у-т-х'та-ку-х') "у меня собака в сарай загнана", букв. "в сарай собаку-мою загнанной-имею-я"; кита-ких алг'а-ку-х' "ноги-его (дв. ч.) – босые" – китакин алг'а-т-и-ку-х' "он разувается" (букв. "ноги-две-свои обнаженными-делает-он") – китакин алг'а-та-ку-х' (*алг'а-т-х'та-ку-х') "у него ноги босые", букв. "ноги-свои-две обнаженными-имеет-он"; к'ах' инка-ку-х' "рыба висит" – к'ах' инка-т-и-ку-к' "рыбу повесил-я" – к'ах' инка-та-ку-к' (*инка-т-х'та-ку-к') "у меня рыба повешена" (букв. "рыбу повешенной-имею-я"; тичих аага-та-х'тичих (*аага-т-х'та-х'тичих) "будьте готовы!"

(букв. "себя готовыми-имейте-вы"), ср. паасха-х' аага-т-на-х "пасху приготовили-они-двое" (Л 22: 13); тин аг'а-та-лака-н (*аг'а-т-х'та-лака-н) "скрытно" (букв. "себя видимыми-не-имея"), ср. агитаадан' тин аг'а-т-и-ку-х' "мой товарищ показался" (букв. "себя видимым-сделал-он"), ср. также аг'а-ку-х' "он виден", "его видно". Возможны случаи лексикализации посесивных результатов, то есть такие случаи, когда наличие показателя результата обязательно в любой словоформе с данным корнем. В таких случаях показатель результата на синхронном уровне входит в состав корня: анах' анухта-лагада! "ни о чем не-думай!; идах'та-к'а-н'-улах "я его знаю" ⁸¹.

Значение показателя субъектного результата имеет специфическую реализацию в том случае, если показатель субъектного результата появляется в глаголах со значением перемещения в пространстве. Показатель субъектного результата в данном случае свидетельствует о том, что субъект совершил перемещение в пространстве и вернулся в исходную точку: хадан хуйа-ку-х' "к-нему ушел-он" – хадан хуйа-х'та-к'а-а "к-нему сходил-он"; Мииднам хадан икаану-на-х' "на (остров) Медный уехал-он" – Мииднам хадан икаану-х'та-х' "на (остров) Медный съездил-он"; л'ан' Петропаавловсках' н'у-на-х' "сын-мой в-Петропавловск приехал" – л'ан' Петропавловсках' н'у-х'та-на-х' "сын-мой в Петропавловск съездил (приехал и уехал)"; хадинин' к'ан'у-ку-с "ко-мне вошли-они" – хадинин' к'ан'у-х'та-ку-с "ко мне заходили-они (зашли и вышли)"; к'анкудим иламиин' ага-х'та-дуука-ку-х'т "трижды отречешься от меня" (М 14: 30), букв. "трижды от-меня уйдешь-ты (уйдешь и вернешься)", ср. ага-ку-х' "ушел-он".

В нашем материале есть несколько глаголов, которые, не имея значения передвижения в пространстве (или, по крайней мере, значений, которые традиционно относились бы к этому кругу значений), ведут себя подобно глаголам в приведенных выше примерах. Принимая показатель субъектного результата, они означают действие с возвратом в исходное состояние (положение): лан' чаан кумси-ку-х' "мой-сын руку-свою поднял" – л'ан' чаан кумси-х'та-ку-х' "мой-сын рукой-своей взмахнул (т.е. поднял и опустил)"; аник'дух' айу-масу-ку-х' "ребенок упал-наверное" (-масу- – см. 4.18) – аник'дух' айу-х'та-масу-ку-х' "ребенок падал-наверное (т.е. падал и вставал)"; асхинух' хала-ку-х' "девушка повернула голову" – асхи-

⁸¹ Этот глагол употребляется только с одним из показателей отрицания.

нух' хала-х'та-ку-х' "девушка оглянулась (т.е. повернула голову и снова отвернулась)". Во всех приведенных примерах глаголы имеют значение движения телом (частью тела). Судя по реализации значения показателя -х'та-, можно утверждать, что в алеутском языке глаголы перемещения в пространстве и глаголы, означающие движение телом (частью тела), относятся к одному семантическому классу. Особняком стоит транзитив со значением "посылать"⁸²: сну-х'та-к'а-н' "посылал-его-я" (т.е. он сходил и вернулся)", ср. Исуусах' алах сну-ку-х' "Иисус посылает двоих" (М 11: 1).

Некоторые аткинские глаголы с показателем -х'та- (Bergsland 1980), значения которых можно трактовать как выражающие действие с возвратом в исходное состояние, не подтверждаются беринговскими информантами. Глагол умла-х'та-ку-х' 1) "проснулся на некоторое время"; 2) "является проснувшимся" – опознается беринговцами только во втором значении. Глагол тага-х'та-ку-х' переводится не как "приземлился на некоторое время", а "находится на земле. Правильным переводом предложения слах' ихса-х'та-ку-х' является, с точки зрения наших информантов, "успокоился", "успокоившийся", а не "ветер успокоился на некоторое время". Последние три примера подтверждают справедливость нашего предположения о том, что показатель субъектного результата маркирует возврат S в исходное положение только с глаголами движения (в широком смысле).

Некоторые корневые морфемы со значением перемещения в пространстве, сочетаясь в словоформе с показателем -х'та-, могут реализовывать (вероятно, в зависимости от контекста) оба рассмотренные выше значения: 1) "чистый" субъектный результатив; 2) движение с возвратом в исходную точку. Примеры: Мииднам һадан айух-(х')та-ку-х' "на (остров) Медный съездил-он," ср. адан айух-(х')та-ку-х' "отец-мой – в море (является-уехавшим-на-лодке)", ср. также айуг-и-ку-х' "он уехал на лодке"; л'ан' агиитал алаг'ум исхан һуйа-х'та-ку-к' "я иду с моим сыном на берег" (букв. "с сыном-моим моря-берег-на являюсь-идушим-я"), ср. һуйа-х'та-аса-к'а-н' "сходил с ним я" (о значении -Дса- см. п. 4.2.3 в разделе 1 главы 3), ср. һуйа-ку-х' "он пошел".

⁸² Этот глагол не опознается современными аткинцами, вместо него используется һуйа-х'та-чх'и-ку-н "посылал-его-ты" (һуйа- "идти", -х'та- "посессивный результатив", -чх'и- "пермиссивная каузация"). Командорские алеуты употребляют оба глагола.

Показатель -х'та- может редуплицироваться. В нашем материале имеются примеры такой редупликации лишь на базе двух глагольных корней, поэтому нельзя с уверенностью говорить о значении, передаваемом удвоением -х'та-. Не исключено, что редупликация здесь придает глаголу общефактическое значение, сходное с общефактическим значением классического перфекта: Петропаавловсках' н'у-х'та-х'та-на-к' "в-Петропавловске бывал-я (приезжал)", ср. Петропаавловсках' н'у-х'та-ку-к' "я съездил (и вернулся) в Петропавловск", ср. также Петропаавловсках' н'у-ку-к' "я приехал в Петропавловск"; лиидах' тачим уку-х'та-х'та-маз-улах "никогда ничего такого мы не видали" (М 2: 12), букв. "подобного никогда не-видели-мы", ср. уку-х'та-ку-мас "мы это видим", ср. также уку-мас "мы это увидели (нашли)".

В заключение этого параграфа отметим совпадение рассмотренного здесь показателя субъектного/посессивного результата -х'та- с суффиксом, образующим отыменные глаголы ("иметь М в качестве Р", см. п. 4.3.1 в этой главе). Не вызывает сомнения общее происхождение этих омонимичных суффиксов. С нашей точки зрения есть даже основания рассматривать оба случая (и посессивный результатив, и соответствующие отыменные глаголы) как реализацию с различными по своей семантике основами одного и того же значения суффикса -х'та- (см. об этом также: Golovko 1986).

4.3.5. Каузативность

Данная категория представлена шестью показателями, занимающими порядки 4 и 6 (об особенностях заполнения этих порядков см. п. 4.1.3 в этой главе). Морфологический показатель каузации увеличивает валентность исходного глагола на единицу (синтаксический механизм каузативации рассматривается в п.4 раздела 1 главы 3; здесь приводятся только примеры, иллюстрирующие употребление каждого морфологического показателя и показывается отличие их друг от друга).

Рассмотрим значение каждого из показателей каузации:

1. -т- — обозначает фактитивную каузацию⁸³ (единственным источником изменений на уровне каузативной ситуа-

⁸³ Рассматривая морфологическую категорию каузатива, мы исходим в основном из принципов и пользуемся терминологией, применяемой в коллективной монографии (Типология каузативных конструкций 1969; о каузативе в ЯКА см. также: Головкин 1986г).

ции является так называемый каузативный субъект, в отличие от случая пермиссивной каузации). Примеры: асх'а-ку-х' "он мертвый" – асх'а-т-и-ку-у "он его убил" (-и- - эпенгтеза); агитаада айу-на-х' "товарищ-его упал" – агитаадаан айу-т-на-х' "товарища-своего повалил-он"; камгим чух'тадаа һики-на-х' его шапка (букв. "головы одежда") пропала" – к'анан' камгим чух'тадаа һики-т-на-х' "где он потерял свою шапку?"; иклах' һуса-ку-х' "бревно катится" – анг'аг'инас иклах' һуса-т-и-ку-с "люди катят бревно"; амг'инах ага-на-х' "двое дручунов ушли" – амг'инах даг'икин ага-т-нах "я развел драчунов", букв. "драчунов-двоих соединенность уйти-заставил-я".

В ЯКА есть ряд транзитивов, включающих показатель каузации -т-, которые не имеют некаузативных исходных коррелятов. Однако считать показатель каузатива -т- входящим в состав корневой морфемы в данном случае нельзя, так как ряд других производных от того же корня (это, как правило, глаголы, включающие другие показатели каузации) позволяют вычленивть в каждом конкретном случае каузативную морфему -т-. Примеры: алк'ух' сух'тал субаакаан к'иса-т-на-х'т ? "чем ты привязал собаку?"; субааках' алаг'ум исхан кууских' суга-т-на-х' "собака по берегу моря кошку гоняла"; к'уганам ситхан укинах' аг'у-т-и-ку-х' "под камень нож спрятал-он"; анах' асхинуун агих-т-са-Ø-х' "мать свою-дочь причесывает (обычно, всегда)"; чаайах' тин дах'-т-на-х' "музыка прекратилась" (последний глагол образует только квазирефлексивы, о рефлексивизации см. п. 4.1 в разделе 1 главы 3).

Выделяется группа глаголов, в которых морфологический показатель -т- слился с корнем, то есть эти глаголы не имеют некаузативных коррелятов. В синхронном плане эти глаголы имеют непроеизводную основу на -т- и их следует рассматривать как некаузативные. В эту группу входят глаголы, обозначающие неконтролируемое действие: к'уганак' ит-на-х' "камень упал"; таан'ах' кит-и-ку-х' "вода просачивается"; санх'ух' тат-и-ку-х' пузырь лопнул". Трактовать эти глаголы в современном ЯКА как двухместные невозможно: ср. согласование типичное для случая топиализации A/S, а не P: һузумас уйт-и-ку-с "нас всех тошнит" (-с – мн. ч.). В группе глаголов со значением передвижения в пространстве также выделяется ряд глаголов с основой на -т-: улан' илагаан һит-на-х' "он вышел из моего дома"; ун'иин ут-и-ку-х' "твоя сестра спускается (с пригорка)".

2. -дгу- – эта морфема обозначает фактативную каузацию и находится в отношении дополнительной дистрибуции с

-т-, коррелируя с ней по числу "каузируемых субъектов" ("каузировать многих"): айага-х' иглук'а-х' к'ака-т-и-ку-х' "женщина шкуру сушит" – айага-х' иглук'а-с к'ака-дгу-ку-х' "женщина шкуры сушит"; тайаг'у-х' к'а-х' инка-т-на-х' "мужчина рыбу (ед. ч.) повесил" – тайаг'у-х' к'а-с инка-дгу-на-х' "мужчина рыбу (мн. ч.) развесил". Введение этого суффикса в словоформу обуславливает появление показателя мн. ч. имени, занимающего в предложении позицию П2 (см. раздел 1 главы 3). Обратное, однако, неверно, то есть возможны примеры: айага-х' иглук'а-с к'ака-т-и-ку-х' "женщина шкуры сушит (высушила)"; тайаг'у-х' к'а-с к'ака-т-на-х' "мужчина рыбу повесил". Таким образом, между употреблением -т- и мн. ч. актанта нет жесткой зависимости. Такие примеры показывают, что значение -дгу- скорее следует связывать не с множественностью одного из актантов, а с множественностью ситуаций: если употребляется -т-, то имеет место одна каузативная ситуация, если употребляется -дгу- – множество каузативных ситуаций. Окончательно убеждают в этом примеры, в которых при наличии в глаголе -дгу- второй актант оформляется показателем ед. ч.: укууски-х' чам'и-дгу-ку-х' "окно конопатит он" (объектный дисперсив)⁸⁴; малих ун'а-дгу-к'ада-амах, исхah'... ким-чх'и-на-с "...и прокопав ее [крышу], спустили постель" (М 2: 4) (объектный дисперсив); куум й'у-дгу-ку-у "на-себя проливает-ее-он" (объектный квазидистрибутив).

3. -ни- – данный показатель обозначает фактитивную каузацию. В отличие от морфем -т- и -дгу-, в случае которых каузация практически всегда контактная, -ни- передает значение дистантной каузации. В ЯКА в большинстве случаев фактитивная дистантная каузация имеет место при одушевленном каузируемом актанте. Показатель -ни- образует каузативные глаголы только от интранзитивов: асх'аг'-на-х' "он болел" – асх'аг'-ни-к'а-а "он его заразил"; хатаг'-на-к' "я был испуганный" – сабааках' тин' хатаг'-ни-на-х' "собака меня напугала"; атх'у-н'ис йааги-ку-с "пальцы-его шевелятся" – анг'аг'инах' атх'удих йааги-ни-на-х' "человек пальцами-своими шевелит" (последний пример интересен и еще и тем, что мысленное прика-

⁸⁴ Здесь используются терминология, применяемая в коллективной монографии (Типология итеративных конструкций 1989). См. также подразделы 4.3.2 и 4.3.3, посвященные морфологическим категориям дистрибутивности и мультипликативности, а также публикации (Головко 1989; Golovko 1997).

зание своим собственным пальцам пошевелиться трактуется в ЯКА как неконтактная каузация).

4. -йа- — каузацию, выражаемую этим показателем, можно также охарактеризовать как фактитивную. Данный показатель обозначает попытку каузации. Образует каузативные глаголы от интранзитивов: чх'ууг'ис тасх'ида-ку-с "белье (plu-galia tantum) выглаженное" (букв. "гладкое") — айаган' чх'ууг'ис тасх'ида-йа-ку-х' "моя жена белье гладит" (букв. "старается, пытается сделать гладким"); айх'аасих' умна-ку-х' "лодка — без щелей", букв. "лодка — целая, плотная" — агитаадан' айх'аасин умна-йа-ку-х' "мой отец лодку-свою конопатит" (букв. "старается сделать плотной"); ...һаман сула-йа-лих... "искушая Его..." (М 8:11; 10:2), букв. "того ошибиться-пытаясь. заставить".

5. -чх'и- — передает значение пермиссивной каузации. Источником изменений на референтном уровне является каузируемый актанта, а роль каузирующего актанта сводится к допущению/недопущению этих изменений. Не разбирая детально оттенки актуализации пермиссивного значения, которые, очевидно, как и вообще в случаях с пермиссивной каузацией в различных языках, обусловлены контекстом (Недялков, Сильницкий 1969: 38), укажем лишь, что положение о том, что морфема, выражающая пермиссивность, обычно может выражать и фактитивность (Недялков, Сильницкий 1969: 29), справедливо и для ЯКА. В определенных случаях показатель -чх'и- может также иметь значение ассистивности (помощь). Показатель -чх'и- образует каузативные глаголы как от интранзитивов, так и от транзитивов. Примеры образования каузативных глаголов от интранзитивов: агидас к'а-ку-с "гости едят" — агидас к'а-чх'и-их'т "накорми гостей"; аник'дух' садаг'и-ку-х' "ребенок находится-на-улице" — аник'дух' садаг'и-чх'и-да "отпусти ребенка на улицу", "разреши ребенку находиться на улице". Примеры образования каузативных глаголов от транзитивов: һаг'у-к'а-н' "я это надел на спину (например, рюкзак)" — н'ус һаг'у-чх'и-к'а-а "он помог мне надеть это на спину"; чаган илан удг'итих' чу-чх'и-их'тичих "дайте перстень на руку его" (Л 15: 22), букв. "на руку-его кольцо наденьте-вы", ср. ас-х'удгих' удг'итих' чу-ку-х' "девушка кольцо надела".

6. -ниса- — данный показатель, наименее частотный из всех, имеет пермиссивное значение ожидания наступления некоторого действия/состояния. Образует двухместные транзитивы от интранзитивов: исух' к'аса-ку-х' "нерпа вынырнула" — майааг'нах' исух' к'аса-ниса-ку-х' "охотник ждет, когда нерпа

вынырнет"; ак'ла-ку-х' – ак'ла-ниса-ку-н' "я жду, когда/что он рассердится". Примеры на образование трехместных каузативов от (квази)рефлексивов: тин' асх'а-ни-ку-к' "я устал" – н'ус тичих асх'а-ниса-ку-к' "я от вас устал"; анг'аг'инас н'ус тичих асх'а-ниса-ку-к' "жаль Мне народа" (М 8: 2), ср. тин йаг-ни-л "умилосердившись" (М 1: 41); имис ак'ми-ниса-мас "мы на него рассердились", ср. тин ак'ми-т-на-х' "он осердился" (Л 15: 28).

4.3.6. Пассив/имперсонал

Данная категория представлена четырьмя морфологическими показателями. Рассматриваемые в этом разделе морфемы являются маркерами пассивного преобразования, целью которого является устранение из синтаксической структуры предложения ИГ А/С (подробно синтаксические особенности образования пассивной/имперсональной конструкции рассматриваются в п. 4.3 раздела 1 главы 3).

Здесь приводятся морфологические показатели пассива/имперсонала и фразовые примеры:

1. -г'и- (-аг'и- – после основ на согласный) – передает значение так называемого результативного пассива/имперсонала. Образуется только от транзитивов. Не существует ограничений на употребление глаголов с показателем результативного пассива/имперсонала в том или ином времени ⁸⁵. Примеры: тайаг'ух' укинах' чумли-ку-х' "мужчина нож точит" – укинах' чамли-г'и-ку-х' "нож наточен"; аяага-н' к'а-с чиисти-ку-х' "моя-жена чистит рыбу" – к'а-с чиисти-г'и-ку-с "рыба почищена"; аваза-с ула-х' агу-на-с "рабочие строили дом" – улах' агу-г'и-на-х' "дом был построен"; к'а-с к'игда-ку-к' "рыбу вешаю-я (на крючки для просушки)" – к'а-с к'игда-г'и-ку-с "рыба повешена (на крючки для просушки)".

Следует отметить одну важную особенность, отличающую этот показатель от других показателей пассива / имперсонала: значение прошедшего времени в глаголах с этим показателем всегда передается суффиксом -на- (как в глаголах 1 спряжения), а не -к'а-, как в глаголах 2 спряжения и в глаголах с другими показателями пассива/имперсонала (кроме показателя -на-, см. ниже в этом разделе). Из показателей грамматического времени, с которыми употребляется результативный пассив/имперсонал, самый частотный – констатив (нуле-

⁸⁵ В работе (Golovko 1986) не были представлены примеры употребления в прошедшем времени.

вой показатель): картина-х' асху-г'и-Ø-х' "картина прибита (гвоздем)"; стульчика-х' сих'и-г'и-Ø-х' "стул сломан".

Все приведенные выше примеры отражают синтаксическую структуру, присущую пассивному преобразованию. Однако все они могут быть легко преобразованы в имперсонал (в этом случае глагол-сказуемое получает показатель 3 л. ед. ч. I спряжения (-х'), о сущности этого преобразования см. п. 4.3 в разделе 1 главы 3). Приведем только примеры с мн. ч. Р (с ед. ч. Р противопоставление пассив-имперсонал нейтрализуется): к'а-с чиисти-г'и-кух' букв. "рыб (мн. ч.) почищено"; к'а-с к'игда-г'и-ку-х' букв. "рыб (мн. ч.) повешено (на крючки)".

Если показателю результативного пассива/имперсонала предшествует конечный согласный основы -т-, то /т /~ /ч/: ху-зяяина-х' сабаака-х' к'иса-т-на-х' "хозяин собаку привязал" – сабаака-х' к'иса-ч-а-г'и-х' "собака привязана" (/а/ - эпентеза, см. раздел 2 в главе 1); сабаака-х' к'агна-х' аг'у-т-на-х' "собака кость спрятала" – к'агна-х' аг'у-ч-а-г'и-ку-х' "кость спрятана"; инка-ч-а-г'и-л "повешенный" (Л 23: 29), ср. к'ах' инка-т-и-ку-х' "рыбу повесил-я" (-и- – эпентеза).

2. -лга- (после основ на согласный -сха-)⁸⁶ – передает значение акционального пассива. В глаголах прошедшего времени стандартный показатель прошедшего времени -на- заменяется на -к'а-. Содержательное объяснение этой замены подыскать трудно; очевидно, причины кроются в диахронии (напомним, что оба показателя прошедшего времени имеют причастное происхождение). Укажем лишь, что этим же показателем передается значение прошедшего времени в глаголах II спряжения; он же выражает предшествование в полипредикативных предложениях с причастиями. Отметим одновременно, что такая замена в пассивных глаголах с -лга- (-сха-) не является строгой. В некоторых случаях (правда, их абсолютное меньшинство) информанты могут употреблять показатель прошедшего времени -на-. Какой-либо системы в этих откло-

⁸⁶ Относительно этого показателя необходимо сделать два замечания. В диахроническом отношении начальный согласный современного показателя пассива/ имперсонала представляет собой конечный согласный глагола в конъюнктиве. Очевидно, раньше пассивная конструкция представляла собой аналитическое образование: конъюнктив + несуществующий в современном алеутском языке вспомогательный глагол. Вариантов с увулярным -лг'а- (-сх'а-), отмечаемых для современного атк. д. (Bergsland 1994), в ЯКА нет.

нениях от "нормы" не существует. Вполне вероятно, что они имеют идиолектный характер. Примеры употребления показателя -лга- (-сха-): книигис һила-ку-с "мы читаем книги" – книиги-с һила-лга-ку-с "книги читаются" (или имперсонал: книигис һила-лга-ку-х' букв. "книги читаемо"); агитаадан' тин' киду-на-х' "мой-товарищ мне помог" – киду-лга-к'а-к' букв. "мне поможено"; алга-с сам-ииг'ан аг'-и-ку-х' "он будет считать морских котиков" – алга-с сам-сха-аг'ин аг'-и-ку-с "котики будут посчитаны" (или имперсонал: алга-с сам-сха-аг'ан аг'-и-ку-х' букв. "котиков будет посчитано"). При помощи показателя -лга- (-сха-) без ограничений образуются формы имперсонала от любого интранзитива (глагол при этом всегда оформляется показателем 3 л. ед. ч. I спряжения -х'): саг'а-ку-х' "он спит" – саг'а-лга-ку-х' букв. "спится"; ава-ку-х' "он работает" – ава-лга-ку-х' букв. "работается"; уйут-на-х' "его тошнило" – уйу(т)-сха-к'а-х' "тошнило"; тайаг'ус Мииднам һадан айуг-за-на-с "мужчины на (остров) Медный ездили (обычно)" – Мииднам һадан айух-сха-за-к'а-х' букв. "на Медный ездилося (обычно)".

В одном случае показатель -сха- употребляется не после основ на согласный: если ему предшествует морфема со значением пермиссивной каузации -чх'и-: анагим кайагнан'ис н'ус кумси-чх'и-сха-ату-за-лакаг'-и-х' "мне не любят (имперсонал – -х', показатель 3 л. ед. ч.) позволять поднимать тяжелые вещи".

3. -г'а- этот показатель служит средством образования пассива/имперсонала от субъектных и посессивных результатов, а также от двухместных производных отыменных глаголов, имеющих толкование "иметь М в качестве N" (см. п. 4.3.1. в этой главе), или, другими словами, при помощи этого показателя образуется пассив/имперсонал от любых производных глаголов с суффиксом -х'та- (независимо от того, какое значение он имеет). При этом сам суффикс -х'та- не представлен в производном глаголе. Такая "узкая специализация" показателя -г'а-, связанная с нарушением классического агглютинативного принципа "одна морфема – одно значение", очевидно, может иметь только диахроническое объяснение. Примеры: сунам һак'анаа уку-х'та-ку-к' "я вижу приближающийся корабль" – сунам һак'анаа уку-г'а-ку-х' "виден приближающийся корабль"; Никоольскам к'усан самалета-х' ига-х'та-ку-х' "над Никольским летает самолет" – Никоольскам к'усан ига-г'а-ку-х' букв. "над Никольским летается"; лудаа алах л'а-х'та-ку-х' "его старший брат (или: ее старшая сестра) имеет двоих

сыновей" – алах л^а-г^а-ку-х' букв. "два сына имеется"; хин'-акух асх'удгих дас амг'их'син'ис да-х'та-ку-х "у этих двух девушек красивые глаза" (букв. "эти-дв. ч. девушки-дв. ч. глаза красивые в качестве-глаз-имеют-дв. ч.") – да-с амг'их'син'ис да-г^а-ку-х букв. "красивые глаза имеются-дв. ч."; на примере последнего предложения покажем, что, как и в других случаях с алеутским пассивом, его легко можно преобразовать в имперсонал: дас амг'их'син'ис да-г^а-ку-х' букв. "красивые глаза имеется-ед. ч.).

4. -на- этот показатель отличается от всех рассмотренных прежде всего тем, что не может образовывать имперсонал: во всех случаях имеет место согласование ИГ, выражающей Р, с глаголом-сказуемым. Ограничений на употребление в том или ином времени нет, однако для выражения прошедшего времени, так же, как и в случае с результативным пассивом/имперсоналом, используется показатель -на-. В качестве толкования значения пассива с показателем -на- предлагается следующая формулировка: "Р такой, что V". Примеры: к'алгада-х' ала-ку-с букв. "мы нуждаемся в еде" – к'алгадах' ала-на-ку-х' букв. "в еде есть потребность", букв. "еда такая, что нужна"; Иван ан'аза-Ø-к' "я получаю выгоду (помощь) от Ивана" – Иван ан'аза-на-Ø-х' "Иван такой что от него получаешь помощь", букв. "Иван такой, что выгоден". В глагольной словоформе показатель пассива -на- часто сочетается с суффиксом -Дту- "хотеть" (см. раздел 4.1.3.1 этой главы): хаанух' к'а-ату-ку-к' букв. "красную-рыбу есть-хочу-я" – хаанух' к'а-ату-на-ку-х' "красная рыба – вкусная", букв. "красная рыба такая, что (ее) есть хочется"; куган ун'учи-иту-на-с букв. "на-нем сидеть-хотели-мы" – куган ун'учи-иту-на-на-х' "на нем было удобно сидеть", букв. "он был такой, что на нем хотелось сидеть".

4.3.7. Косвенный залог

Данная категория (с достаточно условным названием) представлена четырьмя морфологическими показателями. Рассматриваемые в этом разделе морфемы являются маркерами такого преобразования, целью которого является добавление или устранение из синтаксической структуры предложения ИГ Р, а в одном случае (см. п. 2 ниже) одновременно добавляется ИГ Р и (так же, как в случае с пассивом, устраняется ИГ А/С) – подробно синтаксические особенности образования этих производных конструкций рассматриваются в п. 4.2.3 раздела 1 главы 3).

Здесь приводятся морфологические показатели этой категории и фразовые примеры:

1. -Дса- (после т, д, м – -уса-; после основ на другие согласные – -аса-): укааг'акук' "я сюда (в помещение) вошел" – асхинун' укааг'а-аса-кук' "я сюда (в помещение) с дочерью вошел" ("я сюда дочь привел"); агитаадан' айгаг-и-кух' "друг-мой идет" – агиитадан' сумах' айгаг-аса-ку-х' "друг-мой сумку несет"; анаа иг'ана-на-х' "Его мать сердилась" – анаа л'аан иг'ана-аса-на-х' "Его мать сердилась на своего сына"; амг'икух' "Он дерется" – Пеетя л'ах' амг'и-иса-ку-х' "Петя с мальчиком подрался"; улуудакух' "Он красный" – аамгих' улууда-аса-ку-х' "Он красный от крови" (букв. "кровью красный"); ааг'а-на-к' "Я сделал зря" – ааг'а-аса-к'а-н' "Я это зря сделал"; й'аагах' аду-ку-х' "Палка длинная" – й'аагах' алах миитрах аду-ута-ку-х' "Палка имеет длину два метра"; айага-х' асу-х' имда-ку-х' "Женщина наполнила кастрюлю" – айага-х' асум н'аан таан'ах' имда-аса-ку-х' "Женщина наполнила кастрюлю водой";

2. -Дла- (после т, д, м – -ула-; после основ на другие согласные – -ала-): аникдух' чачи-ку-х' "он / она ребенка укрыл(а)" – ин'тих' аник'дум н'аан чачи-ила-ку-х' "Ребенка укрыли одеялом", "Ребенок укрыт одеялом" (ср. также: ин'тих' аник'дум н'аан чачи-иса-ку-х' букв. "он/она одеяло на ребенка накрыл(а)", о -Дса- см. в предыдущем пункте);

3. -к'аг'и- (после -т- – -хаг'и-): хакаталакаг'ин' "я этого не знаю" – хаката-к'аг'и-лакаг'ик' "я не знаю (ничего)";

4. -Дта- (после основ на согласный -аата-) – с "качественными глаголами" добавляет актант, выражающий размер, вес и т.п.: й'аагах' аду-ку-х' "Палка длинная" – й'аагах' алах миитрах аду-ута-ку-х' "Палка имеет длину два метра".

4.3.8. Сходство

Значение показателей данной категории -ма- "тоже" и -ма- "такой же" подробно рассмотрены в п. 4.1.3.1 в разделе 4 этой главы.

4.3.9. Квалитативность

Данная категория представлена пятью показателями, характеризующими действие с точки зрения качества его выполнения:

1. -ду- – значение этой морфемы можно дать следующее толкование: "А/С быстро делает (Р)". Примеры: авазам хузун'ис авана-с "все рабочие работали" – авазам хузун'ис ава-ду-на-с "все рабочие работали-быстро"; угин' к'а-ку-х'

"муж-мой ест" – угин' к'а-ду-ку-х' "муж-мой ест-быстро"; алк'ул тунух'танааг'-и-х'т? "почему говорить-пытаешься-ты?" – алк'ул тунух'та-ду-нааг'-и-х'т? "почему говорить-быстро-пытаешься-ты?".

Отмечен один пример, в котором можно заподозрить лексикализацию показателя -ду-. От основы им- "перевернуть" существует производная основа им-ду- "катить", "перекатывать": ...танам куган ачихсих, һуг'ух' алигасалих тин им-ду-на-х' "он упал на землю и валялся, испуская пену" (М 9:20) (рефлексив); ср. также: ...к'умнам к'ам'иган һадан к'уганах' им-ду-л һин'ааг'атнах' "привалил камень к двери гроба" (М 15:46) букв. "к двери гроба камень перекатывая туда-передвинуться-заставил-он". Значение -ду- здесь можно было бы интерпретировать как мультипликативное, однако основа им-ду- в нашем материале единственная, с которой этот суффикс дает такое значение. Возможно, что мы имеем дело с лексикализацией, сопровождающейся сдвигом суффиксального значения из области качественной модификации действия в область его количественной модификации.

2. -зу- "А/С хорошо делает (Р)": камлиг-за-Ø-х' "стреляет-обычно-он" – камлиг-зу-за-Ø-х' "стреляет-хорошо-обычно-он"; укинаан иси-ку-х' "нож-твой режет" – укинаан иси-зу-ку-х' "нож-твой режет-хорошо"; айаган' ч'матих' агуза-Ø-х' "жена-моя хлеб делает-обычно" – айаган' ч'матих' агу-зу-за-Ø-х' "жена-моя хлеб делает-хорошо-обычно". Вероятно, -зу- и -ду- происходят из одного морфологического показателя, ср. случай нейтрализации значения "быстро", разобранный в главе 1.

3. -йука(т)- – данный показатель реализуется в форме -йукат-, вероятно, лишь в тех случаях, когда сразу за ним следует любой показатель времени (это предположение требует дополнительной проверки; мы рассматриваем -йукат- как факкультативный вариант). Толкование значения: "А/С с давних пор делает (Р)". Примеры: к'а-к'али-ку-х' "есть-начал-он" – к'а-йука-к'али-ку-х' "есть-давно-начал-он"; анг'аг'и-на-с "жили-мы" – һин'аматал тимас ачихалакан анг'аг'и-йукат-на-с "мы не учились и жили так с давних пор" (Орлова 1931), букв. "так-делая себя не-уча жили-с-давних-пор-мы"; айагаа чух'так'ас катуги-ку-х' "жена-его одежду (мн.) вытряхивает" – айагаа чух'так'ас катуг-йукат-и-ку-х' "жена-его одежду вытряхивает-с-давних-пор (т.е. уже долго)".

4. -йуwaar'- – "А/С в течение краткого периода времени делает (Р)". В аткинском диалекте эта морфема имеет вид -йугааг'- (Bergsland-Dirks 1981: 90), то есть аткинскому задне-

язычному щелевому согласному в ЯКА соответствует лабиовелярный щелевой сонант w). Примеры: алиг'нах' awa-за-Ø-х' "старик работает-обычно" – алиг'нах' awa-йуааг'-за-Ø-х' "старик понемножку работает" (букв. "старик работает-в-течение-краткого-периода-времени-обычно"); айгагин'ан аг'и-ку-к' "я похожу", "я буду ходить" – айгаг-йууааг'-ин'ан аг'и-ку-к' "похожу-немного я"; аник'дуун имис кумси-х'та-чх'и-к? "поддержать твоего ребенка?" (букв. "ребенка-твоего для-тебя поднятым-заставлю-быть-я?") – аник'дуун имис кумси-х'та-чх'и-йууааг'-и-к? "поддержать немного твоего ребенка?";

5. -даг'ит- – в наших полевых материалах отсутствуют примеры с этим показателем. В очерке Г.А. Меновщикова он содержится в значении "A/S часто делает (P)" (Меновщиков 1968: 399): укааг'ах'та-даг'ит-са-Ø-х' "часто приходит", ср. укааг'а-х'та-за-Ø-х' "приходит-обычно-он"; алуг'-даг'ит-са-Ø-х' "часто пишет", ср. алуг'-за-Ø-х' "пишет-обычно-он". Примеры, приводимые в "Школьной грамматике" Бергсланда и Диркса, укладываются в следующее толкование: "A/S быстро (в течение краткого периода времени) делает (P)" (ср. значение морфемы -ду- "быстро (с большой скоростью)"). Примеры (Bergsland, Dirks 1981: 88): улам наган к'ан'у-даг'ит-и-ку-х' "он быстро вошел в дом", ср. к'ан'у-ку-х' "вошел-он"; асх'ати-даг'ит-ада! "убей быстро!", ср. асх'ат-и-да! "убей!".

4.3.10. Достоверность

Данная категория представлена показателем -за-/-да-/-са- (после -т-) "A/S действительно делает (P)": каазна-к'ада-ку-к' "курить-перестал-я" – каазна-за-к'ада-ку-к' "курить-действительно-перестал-я"; тин н'у-уту-ку-к' "я хочу ходить к тебе в гости" (букв. "тебя посещать-хочу-я") – тин н'у-за-ату-ку-к' "я, действительно, хочу ходить к тебе в гости"; л'ам киду-ку-у "сын помогает-ему" – л'ам киду-за-ку-у "сын, в самом деле, помогает ему". Заслуживает внимания факт материального сходства показателя достоверности с показателем узитатива (о соотношении этих двух показателей см. подробнее п. 4.3.20 ниже).

4.3.11. Фазовость

Данная категория представлена двумя показателями, значения которых выражают фазы начала и прекращения действия:

1. -к'али- (после -г- и -м- – -кали-, после -т- – -хали-) "A/S начинает делать (P)": л'ан' шкоолиг'и-ку-х' "мой сын хо-

дит в школу", букв. "сын-мой в-школе-находится" — л^ан' шкоолиг'и-к'али-ку-х' "мой сын начал ходить в школу"; ан'а-ачаг'и-на-с "пели-мы" — чаайах' микалакан ан'ачаг'и-к'али-на-с "музыка прекратилась и мы начали петь", букв. "музыка играть-перестав петь-начали-мы"; аwasиин инати-ку-х' "работу-свою закончил-он" — аwasиин инати-к'али-ку-х'⁸⁷ "работу-свою заканчивать-начал-он";

2. -к'ада- (после -г и -м — -када-, после -т — -хада-) "Х прекращает делать (У)": кимдуг-и-ку-х' "дождь-идет" — ким-дух-када-ку-х' "дождь-идти-перестал"; масиинах' атхаг'и-ку-х' "машина-исправная" — масиинах' атхаг'и-к'ада-ку-х' "машина поломалась", букв. "исправной-быть-перестала"; укух'та-ку-н' "вижу-его-я" — укух'та-к'ада-ку-н' "я его уже не вижу", букв. "видеть-перестал-его-я".

4.3.12. Потенциальность

Данная категория представлена двумя показателями, значения которых определяют действие как возможное или желаемое для субъекта:

1. -Дка- (после основ на согласный — -иика-) "Х может/должен делать (У)": аник'дух' хила-на-х' "ребенок читал" — аник'дух' хила-ака-на-х' "ребенок умел читать", букв. "читать-мог"; кимдух-када-ку-х' "дождь-перестал" — кимдух-када-ака-ку-х' "дождь, должно быть, перестанет" (букв. "дождь-перестать-должен").

Словоформы, содержащие морфу -Дка- и морфу не-будущего времени, видимо, включают в структуру своего значения пермиссивность. Поэтому в большинстве случаев они переводятся информантами на русский язык словосочетанием, в состав которого входит слово "можно": масиинас атхах'с чийа-ку-х' "машину (мн. ч.) чинит-он" (букв. "машину исправляя соединяет-он") — масиинас атхах'с чийа-ака-ку-х' "машину можно (возможно) починить" (это предложение может быть понято, в зависимости от контекста, так: "ему можно починить машину"); укууских' хахси-ку-х'т "окно-открыл-ты" — укуу-

⁸⁷ Здесь возможна также форма инат-хали-ку-х', поскольку основа оканчивается на /t/. В данном случае наша информантка предпочла выровнять основу по гласному типу, добавим эпентезу /i/. Вообще в случае с эпентезой нормальной длительности ее использование или неиспользование очень часто определяется вкусом говорящего: в расчет, видимо, принимается прежде всего ритмическая структура, а также другие факторы.

ских' хахси-ика-ку-х'т "тебе можно открыть окно" или "ты можешь (способен) открыть окно", "у тебя есть возможность открыть окно".

Если действие, выражаемое глаголом с показателем -Дка-, относится к плану настоящего времени, то в большинстве случаев глагол оформляется не показателем небудущего времени, а показателем констати́ва (нулевой показатель -Ø-). Вероятно, это связано со спецификой значения морфемы -Дка-, в частности, с выражаемым ей модальным значением, для которого категория времени, скорее всего, периферийна. Ограничения, накладываемые на употребление показателей времени в глаголах с рассматриваемой морфемой, очевидно, некоторым образом связаны с отмеченной закономерностью. Ср. примеры, когда информанты в сочетании с -Дка- предпочитают констатив небудущему времени: илга-ку-н'-улах "я его не ищу" – илга-ака-Ø-н'-улах "я не могу его найти"; хин'ан к'уг-анах' кумси-ку-к' "этот камень поднял-я" – хин'ан к'уганах' кумси-ика-Ø-к' "этот камень поднять-могу-я".

4.3.13. Интенциональность

Данная категория представлена показателем -нааг'- "А/S пытается/намеривается делать (Р)": тин' адалууса-ку-х'т "ты меня обманываешь", букв. "ради-меня лжешь-ты" – тин адалууса-нааг'-ику-х'т "меня обмануть-пытаешься-ты"; атхаза-к'а-ан "схватил-его-ты" – атхаза-наах'-к'а-ан "схватить-пытался-его-ты" улам наган тин' аг'ииса-на-с "в доме меня оставили-они" – улам наган тин' аг'ииса-нааг'-на-с "в доме меня оставить-пытались-они". Отметим, что показатель интенциональности совпадает с другим показателем, образующим глаголы от именных основ (имеет значение "добывать", "охотиться" – см. п. 3.1.1 выше). Несомненная семантическая близость этих показателей говорит, как минимум об их общем происхождении. Можно рассматривать их и как один показатель, реализующий то или иное значение, в зависимости от семантики основы.

4.3.14. Интенсивность

Данная категория представлена семью показателями:

1. -Дчхуза- (-иичхуза- – после основ на согласный) "А/S интенсивно делает (Р)": аник'дус к'асха-на-с "дети смеялись" – аник'дус к'асха-ачхуза-на-с "дети смеялись-очень"; саг'а-зу-за-Ø-х'т "спишь-хорошо-обычно-ты" – саг'а-зу-учхуза-Ø-х'т "спишь-хорошо-очень-обычно-ты"; агитаадаан саку-на-Ø-х'

"товарищ-твой худой" – агитаадаан сакуна-ачхуза-Ø-х' "товарищ-твой худой-очень"; туга-михта-к'а-н'ис "били-его/их двоих/их-они", букв. "били-кулаками-многократно-его-они" – туга-михта-ачхуза-к'а-н'ис букв. "били-кулаками-многократно-сильно-они-его" (мы приводим только один из возможных вариантов перевода – это касается личных показателей, см. подробно п. 3.1.2.4 в разделе 1 главы 2).

2. -Дгамахси- (в двух случаях имеет вид -Дгамаг-) – данный показатель встречается только в глаголах, обозначающих качество, размер, величину предмета. Предлагается следующее толкование: "S в чрезмерной степени обладает некоторым качеством" или "S обладает некоторым качеством больше условной нормы". Примеры: агитаадаан сакуна-Ø-х' "товарищ-твой худой" – агитаадаан сакуна-агамахси-Ø-х' "товарищ-твой худой-чересчур"; сах' садаг-и-ку-х' "птица жирная" – сах' садаг-и-игамаги-ку-х' "птица жирная-слишком"; к'идуун аду-ку-х' "веревка-твоя длинная" – к'идуун аду-угамахси-ку-х' "веревка-твоя длинная-слишком".

3. -лах'си- – имеет значение, сходное со значением морфемы -Дчхуза-, однако употребляется лишь с отрицанием. Примеры в наших материалах немногочисленны: к'айа-лака-к' "я не высокий" – к'айа-лах'си-лака-к' "я не очень высокий"; ик-лах' тумтату-лака-х' "бревно-не-толстое" – ик-лах' тумтату-лах'си-лака-х' "бревно не-очень-толстое"; аду-лака-х' "он не длинный" – аду-лах'си-лака-х' "он не очень длинный".

4. -наах'та- – данный показатель встречается только в глаголах, обозначающих качество, размер, величину предмета. Предлагается следующее толкование: "A/S обладает некоторым качеством (свойством) больше условной нормы". Примеры немногочисленны: й^аагах' аду-ку-х' "палка длинная" – й^аагах' аду-наах'та-ку-х' "палка длинновата"; слаг-и-ку-х'т "ты широкий" – слаг-и-наах'та-ку-х'т "ты широковат"; агитаадаам илагаан аду-наах'та-ку-х' "он немного выше (букв. "длиннее") своего товарища".

5. -Дгуза-/Дгиза- (если предшествующий гласный -у)⁸⁸ "A/S как раз (именно, точно) делает (P)". В ЯКА используется в основном как именной суффикс (см. раздел 3.3 этой главы), однако наши информанты подтвердили аткинские фразы (Bergsland, Dirks 1981: 92–93): адалу-угуза-г'ула-х'т ии? "ты точно не лжешь?" (возможно также: адалу-угиза-г'ула-х'т ии?), ср. адалу-г'ула-х'т? "ты не лжешь?"; тидих к'айаата-агуза-ку-х

⁸⁸ Такое расподобление, однако, факультативно, см. пример ниже.

"они двое как раз одинакового роста", ср. тидих к'айаата-ку-х "они двое одинакового роста".

6. -нуук'и- "S в очень малой степени (в меньшей степени, чем это предполагает значение суффикса -наах'та- – см. выше) обладает качеством (свойством) больше условной нормы". Число глаголов с этим показателем ограничено: аду-ку-х' "он длинный" – аду-нуук'и-ку-х' "он чуть-чуть длинноват"; слаг-и-ку-х' "он широкий" – слаг-и-нуук'и-ку-х' "он чуть-чуть широковат".

7. -Дда-/ада (после согласных) "A/S делает (P) с интенсивностью меньше условной нормы". В нашем материале нет новых примеров с этим показателем, все примеры представляют собой словоформы из (Bergsland, Dirks 1981: 88; Bergsland 1980), подтвержденные, однако, нашими информантами: игах'тах' ⁸⁹ ким-ада-ку-х' "самолет тихонько спускается", ср. ким-и-ку-х' "он спускается"; айх'а-ада-ку-х' "он тихонько едет на лодке", ср. айх'а-ку-х' "он едет"; амус ихлу-уда-ку-с "одежда – мешковатая", ср. ихлу-ку-х' "он – свободный, слабо натянутый". Ср. употребление этого же (омонимичного?) показателя с именными основами в значении "подобие N" – см. п. 3.3.2 выше в этой главе.

4.3.15. Повторность

Данная категория представлена показателем -Дг'ута- (-ииг'ута- – после основ на согласный). Предлагается следующее толкование: "A/S опять делает (P)": машинас сих'т-и-ку-х' "машина поломалась" – машинас сих'т-ииг'ута-ку-х' "машина поломалась-опять"; угиин ак'лах'та-аг'ан а-на-х' "мужа-своего ругать будет она" – угиин ак'лах'та-аг'ута-аг'ан а-на-х' "мужа-своего ругать-снова-будет-она"; авал'икук'аан' тин' асх'ани-ку-к' "я работал, пока не устал" (букв. "работать-продолжал-я (пока) себя утомил-я") – авал'икук'аан' тин' асх'ани-иг'ута-ку-к' "я работал, пока опять не устал".

2.3.3.16. Континуативность

Данная категория представлена показателем -л'и- "X продолжает делать (У)". Примеры: Иван саг'а-ку-х' "Иван спит" – Идан саг'а-л'и-ку-х' "Иван продолжает спать", "Иван все еще спит"; тин' укух'таамис аг'-на-х'т "меня увидишь-ты" – тин' уку-х'та-л'и-имис аг'-на-х'т "ты меня еще увидишь" (букв.

⁸⁹ В ЯКА это слово не используется, употребляется заимствование из русского – самалётах'.

"меня видеть-будешь-продолжать ты"); чам^ах' имда-ку-к' "чашку (любой сосуд) наполняю-я" – чам^ах' имда-л^и-ку-к' "чашку (любой сосуд) наполнять-продолжаю-я".

4.3.17. Отдаленность во времени

Данная категория представлена показателем -зааг'у- ("A/S недавно (только что) делал (P)"). Этот показатель не употребляется в глаголах в форме будущего времени. Он встречается в глаголах как в небудущем, так и в прошедшем времени. Употребленный в прошедшем времени, этот показатель означает, что говорящий оценивает действие, обозначаемое глаголом, как актуальное, имеющее непосредственное отношение к моменту речи: кимдуг-на-х' "шел дождь" – кимдуг-и-зааг'у-на-х' "недавно шел дождь"; л^аан садаг'-на-х' "сын-твой на-улице-был" – л^аан садаг'-и-зааг'у-на-х' "сын-твой на улице-только-что-был"; укааг'а-ку-х' "он пришел" – укааг'а-зааг'у-ку-х' "он только что пришел".

4.3.18. Завершенность

Данная категория представлена показателем -маайа- "A/S наконец делает (P)": аник'дух' хила-ку-х' "ребенок читает" – аник'дух' хила-маайа-ку-х' "ребенок наконец читает (т.е. научился)"; лаафким н^аан анаг'ис ваг'ааса-ку-с "в магазин (букв. "для магазина") товары привезли-они" – лаафким н^аан анаг'ис ваг'ааса-маайа-ку-с "в магазин товары привезли-наконец-они"; улах' агууг'ан аг'и-ку-с "дом строить будут-они" – улах' агу-маайа-аг'ан аг'и-ку-с "дом строить-наконец будут-они"; умла-ку-х'т "ты проснулся" – умла-маайа-ку-х'т "наконец ты проснулся".

4.3.19. Вероятность

Данная категория представлена показателем -масу- "A/S, вероятно, делает (P)": алиг'наа каазна-за-Ø-х' "дед-его курит-обычно" – алиг'наа каазна-масу-за-Ø-х' "дед-его курит-наверное-обычно"; кимдух-када-аг'ан аг'и-ку-х' "дождь перестанет" – кимдух-када-масу-уг'ан аг'и-ку-х' "дождь, наверное, перестанет"; тин' адалу-уса-нааг'-ииг'ута-ку-х'т "ты меня опять пытаешься обмануть", букв. "для-меня лгать-пытаешься-опять-ты" – тин' адалу-уса-нааг'-ииг'ута-масу-ку-х'т "ты, наверное, опять пытаешься обмануть меня".

4.3.20. Узитативность

Данная категория представлена показателем -за/-да/-са- (после -т-) "А/S обычно делает (Р)". В словоформе морфа рассматриваемой морфемы не может быть представлена одновременно с морфой морфемы -ку- "небудущее время", а также с показателем отрицания актуального действия -лака(г')-, что, вероятно, объясняется несовместимостью одновременного выражения значений узитативности и настоящего времени. Примеры: акинах'си-на-к' "мне было жарко" – акинах'си-за-на-к' "мне обычно (всегда) было жарко"; агиитал тунух'та-к'а-й-улах "с-ним не-разговаривал-он" – агиитал тунух'та-за-к'а-й-улах "с-ним не-разговаривал-обычно-он"; клуубам хадан хуйа-ку-х' "в клуб идет-он" – ан'алим хузун'ис клуубам хадан хуйа-за-Ø-х' "каждый день в клуб ходит-обычно-он"; ан'алим хузун'ис ава-за-ан'ан аг'-и-ку-к' "каждый день я буду работать".

Сочетание показателя узитатива с показателем отрицания неактуального действия (употребляется в прошедшем, будущем временах и констативе) дает значение "никогда", "обычно не": акинах'си-за-г'ула-Ø-к' "мне никогда не бывает жарко", ср. акинах'си-ку-к' "мне жарко"; ан'ачаг'и-за-на-г'ула-м аначаг'-и-за-Ø-х' "она (раньше) никогда не пела (а теперь) поет (регулярно, обычно, всегда) поет".

"Сильным" контекстом часто служат зависимые формы глагола со значением условия (см. п. 3.3.3 в разделе 2 главы 3): халул агуун амгих' акиитах' халу-за-на-х' "если шила, то до ночи шила"; аник'дус чиг'анам илан микал агумдих тидих чиг'ни-за-Ø-с "если дети в ручье играют, то промокают". К "сильным" контекстам можно также отнести значение "безостановочно", "непрерывно", передаваемое рефлексивом тин дах'т-⁹⁰ с отрицанием: аник'дух' айа-за-л тин дах'(т)-(х')та-за-Ø-г'ула-х' "ребенок все время падает", букв. "ребенок падая не останавливается".

Предложения, в которых содержится глагольная словоформа с показателем узитатива, часто содержат обстоятельства времени, точнее, обстоятельственные значения (они могут выражаться и суффиксально в глаголе). Эти значения могут характеризовать цикличность действия, "привязывать" действие к некоторому периоду времени. Однако подчеркнем, что не эти средства создают значение узитативности. Так, убрав обстоятельства из приведенных выше примеров, получим:

⁹⁰ В диалекте о. Атка не опознается, ср. (Bergsland 1980).

клуубам хадан хуйа-за-Ø-х' "он обычно, всегда ходит в клуб"; ава-за-ан'ан аг'-и-ку-к' "я постоянно буду работать".

Имея специализированный морфологический показатель узитатива, ЯКА как бы не стремится дублировать его функции при помощи различных обстоятельственных слов: в нем отсутствуют исконно алеутские слова, соответствующие русским "обычно", "никогда", "всегда", "часто", "регулярно" и т.п. В современном ЯКА для передачи соответствующих значений (по существу дублирующих значение показателя итератива) часто используются русские заимствования. Немногочисленные алеутские обстоятельственные слова опознаются беринговскими информантами, но едва ли употребляются, ср. л'ас агиичигаан алаг'ум ачидан микал ак'адагумдих к'айам ку-ган татал'им мика-аг'ута-за-Ø-с "мальчики иногда играют на берегу, а иногда на сопке" (Bergsland, Dirks 1981: 140); букв. "мальчики иногда на берегу играют, а если нет, то на сопке вновь опять они играют"; при этом слова с значениями обстоятельств времени являются производными: агиичигаан "иногда" — от агиича "другой", "еще один", "какой-то"; тата-л'и-м "все вновь и вновь" включает показатель континуатива -л'и-).

В работах (Меновщиков 1968: 399) и (Bergsland 1970: 10) указывается на возможность удвоения показателя узитатива, однако без подробного разбора таких случаев и даже почти без примеров. В нашем материале нет примеров с редуцированным показателем узитатива, их не удалось получить и в результате лингвистических экспериментов. Возможно, значение, передаваемое удвоенным показателем итератива, относилось к числу периферийных и поэтому оказалось утраченным.

Выше, в п. 4.3.10, отмечалось, что показатели узитатива и достоверности не имеют внешних отличий. Реализация этих значений происходит благодаря различной дистрибуции соответствующих морфем: показатель достоверности сочетается только с показателем небудущего времени -ку-, в то время как для показателя узитатива это сочетание запрещено. Существует теоретическая возможность трактовать эти два показателя не как два различных показателя, а как один с различной реализацией значения в зависимости от дистрибуции (на том основании, что для прошедшего времени нам не удалось получить словоформ, где были бы представлены оба показателя одновременно — за- + -за-), однако мы воздерживаемся от такой интерпретации, поскольку материала по ЯКА у нас не достаточно, а примеры из атк. диалекта (тоже немногочисленные) выглядят противоречиво (так, во многих случаях -за-

реализует значение узитативности в словоформах с показателем небудущего времени -ку-). Этот вопрос требует дополнительного изучения.

4.3.21. Предсказательность

Данная категория представлена показателем -дуука-/зуука-/суука- (после -т-), значение которого можно определить как "предсказание о действии, которое не состоится", и сформулировать в виде толкования "не должно (не может) случиться так, чтобы А/С делал (Р)".

Показатель категории предсказательности употребляется только в сочетании с одним из показателей категории отрицания (см. п. 4.3.22). При этом показатель отрицания актуального действия указывает на то, что действие не состоится с высокой степенью вероятности: сунах' кидуг-и-ку-х' "корабль утонул (тонет)" – сунах' кидуг-и-зуука-лакаг'-и-х' "корабль не утонет"; аслих'т-и-ку-н' "встретил-его-я" – аслих'т-суука-лакан' "не-встречу-его-я"; Мииднам һадан ук'ит-ииг'ута-ку-с "на (остров) Медный вернулись-опять-мы" – Мииднам һадан ук'ит-ииг'ута-дуука-лака-с "на (остров) Медный не-вернемся-опять-мы".

Показатель отрицания неактуального действия в сочетании с показателем категории предсказательности и нулевым показателем констати́ва указывает на то, что действие, возможно, не состоится (у говорящего отсутствует уверенность в этом): каазна-Ø-х' "курит-он (постоянно)" – каазна-зуука-Ø-г'-улах "курить-видимо-не-будет-он"; һин'ан асх'удгих' айагачхизам сугданаа а-зуука-Ø-г'-улах "эта девушка красивой женщиной не-будет", ср. һин'ан асх'удгих' айагачхизам сугданаа а-ака-Ø-г'-улах "эта девушка красивой женщиной не-должна (не может)-быть".

В п. 4.2.2.1 этой главы, посвященном способам выражения отнесенности действия (состояния) к плану будущего, отмечалось, что аналитические формы, перечисленные в п. 4.2.2.1, не употребляются с показателями отрицания. Единственным способом указать на то, что действие в будущем не произойдет (состояние не наступит), является описанное в этом подразделе использование показателя -дуука-/зуука-.

4.3.22. Отрицание

Данная категория представлена показателем -лака-/лакаг'- (в императиве и оптативе -лага-) "отрицание актуального действия" и -улах "отрицание неактуального действия".

Примеры, иллюстрирующие отрицание актуального действия: саг'ал к'ун'туг-и-ку-х' "он спит (сейчас) и храпит", букв. "спя храпит-он" – саг'ал к'ун'туг-и-лака-х' "он спит (сейчас) и не храпит"; аник'дух' садаг'ииг'утал ан'али-ку-х' "ребенок опять сегодня (и в данный момент тоже) на улице", букв. "ребенок на-улице-опять-будучи сегодня-есть" – аник'дух' садаг'ииг'утал ан'али-лака-х' "ребенок сегодня опять не на улице (т.е. не гуляет, а сидит дома)".

В императиве и оптативе (см. подробнее п. 4.2.2.2 и п. 4.2.2.3 в этой главе) используется только показатель отрицания актуального действия (причем важно отметить, что его форма при этом несколько иная: -лага-): кида-лага-да "не-плачь"; асхинуун сим'и-лага-да букв. "дочь-твою не-бей"; ам'айах'та-лага-ак'а-ан "не-спрашивай-ка-его-ты"; хин'ан айа-гам улаган хадан к'ан'у-лага-ах'т букв. "в этой женщины дом не-входи-ка".

Отрицание неактуального действия удобнее всего проиллюстрировать, трансформировав примеры, приведенные выше: саг'ал агуун к'ун'туг-и-за-Ø-г'-улах "когда он спит (если спит), то обычно не храпит"; аник'дух' садаг'и-за-Ø-г'-улах "ребенок на-улице-обычно-не-бывает".

Показатель отрицания неактуального действия имеет одну интересную особенность, отмеченную К. Бергсландом и М. Дирксом (Bergsland, Dirks 1981: 13–17). В максимальной морфологической модели он занимает крайний правый порядок и имеет, по существу, статус энклитики⁹¹. Все примеры с этим показателем, приведенные выше, отражают построенную модель. Однако крайнее правое положение -улах в словоформе

⁹¹ Диахронически -улах является производным от протоэсколеутского глагола *у- "быть", ср. глагол с соответствующим значением в эскимосских языках, а также в аттуанском диалекте и в языке алеутов о. Медный (его алеутскую основу составляет аттуанский диалект, см.: Golovko, Vakhtin 1990) с отрицательным показателем *-лах, то есть тем самым показателем, который в современном АЯ развился в показатель отрицания актуального действия -лака-/лакаг'- (в своем "первозданном" виде он сейчас выступает в императивных и оптативных формах: -лага-). Таким образом, до того, как в АЯ произошло оформление -улах в качестве энклитики со значением отрицания неактуального действия, это значение выражалось аналитической конструкцией, состоящей из зависимой формы глагола и глагола у- "быть" с показателем отрицания. Далее энклитический показатель в рамках выравнивания системы продолжал эволюционировать и стал использоваться как суффиксальный.

присуще в аткинском диалекте только "старому" языку (Bergsland, Dirks 1981: 13–17). В современном беринговском диалекте (так же, как и в современном аткинском) показатель отрицания неактуального действия выступает не только энклитикой, но и суффиксом, занимая место между показателем времени и показателями лица-числа: уку-х'та-к'а-г'ула-Ø-н' "не-видел-его-я", ср. укух'та-к'а-н'-улах – перевод тот же; а́ва-на-г'ула-с "не-работали-мы", ср. а́ва-на-з-улах – перевод тот же; сух'та-к'а-г'ула-а-н "не-держал-его-ты", ср. сух'та-к'а-а-н-улах – перевод тот же. Очевидно, переезд части алеутов с о. Атка на о. Беринга состоялся в тот момент, когда переход энклитики -улах в суффикс -г'ула- (то есть речь может идти о процессе выравнивания системы по аналогии: -улах, единственная энклитика в АЯ, "переосмыслилась" как суффикс и заняла тот же порядок, что и показатель отрицания неактуального действия) еще не был завершен, так как в современной речи беринговцев отражены оба варианта. Какой-либо закономерности в выборе того или иного варианта установить не удалось. Сами информанты не отдают предпочтения ни одному из них, хотя и осознают слова с отрицанием-энклитикой как "более старые". Таким образом, рассматривая два варианта использования показателя отрицания неактуального действия, как и в некоторых других случаях употребления более старых и более поздних форм, можно говорить о стилистических различиях⁹².

Раздел 5. Числительные

В современном ЯКА используются в основном алеутские числительные первого десятка. Все остальные числительные опознаются информантами, но употребляются достаточно редко: их вытесняют русские числительные.

⁹² Обычно, рассматривая бесписьменные языки, не говорят о стилях, хотя, на наш взгляд, любой факт языкового варьирования (выбор между синонимичными синтаксическими конструкциями, "старыми" и "новыми" грамматическими формами, "исконными" и заимствованными словами и т.п.) предполагает такую возможность. В случае появления письменности, стандартизации и т.д. эти стилистические различия, существующие в устной речи, закрепляются, усиливаются, получают развитие: выстраиваются (и постоянно обновляются) иерархически организованные "синонимические ряды" синтаксических конструкций, лексем.

Числительные первого десятка: атак'ан "один", алах "два", к'анкус "три", сичин' "четыре", чаан' "пять", атуун' "шесть", улуун' "семь", к'амчиин' "восемь", сичиин' "девять", хаазак⁹³ (о синтаксических правилах связи слов см. раздел 1 главы 3).

В атк.д. от числительных первого десятка (1–9) конверсивным способом образуются глаголы со значениями "добыть Num.", "насчитать Num.": атак'а-ку-х' "он/она добыл(а) / насчитал(а) что-л. одно"; исуг'ис сичи-ку-х' "он добыл четырех нерп"; итх'айгис сичиин'и-на-х' "он добыл девять оленей" (Bergsland, Dirks 1981: 48). Этот способ образования глаголов утрачен в ЯКА.

Числительные второго десятка образуются при помощи сочетания притяжательного сочетания слова хатих' "десять"⁹⁴ в относительном падеже (=имя-обладатель) и числительных первого десятка (без притяжательных показателей): хатим атак'ан "одиннадцать"; хатим алах "двенадцать"; хатим к'анкус "тринадцать"; хатим сичин' "четыренадцать"; хатим чаан' "пятнадцать" и т.д.

От числительных первого десятка образуются числительные, отвечающие на вопрос к'анаан'идим? "сколько раз?": атак'адим (вариант: атак'идим) "один раз", "однажды"; алгидим "два раза", "дважды"; к'анкудим "три раза", "трижды"; сичидим "четыре раза", "четырежды"; чаан'идим "пять раз"; атуун'идим "шесть раз"; улуун'идим "семь раз"; к'амчиин'идим "восемь раз"; сичиин'идим "девять раз"; хатидим "десять раз"⁹⁵.

⁹³ Не вдаваясь подробно в проблему происхождения числительных, отметим лишь самые очевидные вещи: показатели дв. ч. -х в алах "два" и мн. ч. -с в к'анкус "три" (ср. аттуанское и медновское к'анкус: -н – регулярный показатель мн. ч. в этих диалектах); чаан' "пять" соотносится с чан' "моя рука"; числительные атуун' "шесть", улуун' "семь", к'амчиин' "восемь", сичиин' "девять" с диахронической точки зрения, очевидно, являются составными (второй компонент во всех случаях – чаан' "пять"): атак'ан "один" + чаан' > атуун', алах "два" + чаан' > улуун' "семь", к'анкус + чаан' > к'амчиин' "восемь", сичин' + чаан' > сичиин' "девять".

⁹⁴ В атк.д. это слово стало использоваться и при счете до десяти вместо хаазак "десяток" (Bergsland, Dirks 1981: 48).

⁹⁵ Подобная форма не образуется от счетного слова хаазак "десяток".

Эти числительные в сочетании с *hаtих'* "десять" выражают следующие значения: *алгидим hаtих'* "двадцать", *к'анкудим hаtих'* "тридцать", *сичидим hаtих'* "сорок" и т.д. (*атак'-адим* "один раз" не может образовать такое сочетание). Сочетание *hатидим hаtих'* "десять раз десять" в значении "сто", строго говоря, возможно, и признается информантами правильным, однако едва ли употребляется. Для передачи этого значения используется слово *сисах'* "сто". Промежуточные числительные до ста образуются из сочетания составных числительных, отвечающих на вопрос *к'анаан'идим?* "сколько раз?" и числительных первого десятка: *алгидим hаtих'* *атак'ан* "двадцать один", *алгидим hаtих'* *алах* "двадцать два", *алгидим hаtих'* *к'анкус* "двадцать три" и т.д. Возможно образование *hатидим сисах'* в значении "тысяча", однако реально употребляется заимствованное слово *тиисичах'*. Точно так же вместо возможного *тиисичидим* *тиисичих'* используется *милиуунах'* "миллион".

При порядковом счете используется сочетание количественного слова и специального слова *hiисих'*, маркирующего порядковый счет (при этом в числительных первого десятка обязательно удлинение (акцентная выделенность) гласной первого слога: *аалах hiисих'* "второй", *к'аанкус hiисих'* "третий", *сиичин' hiисих'* "четвертый" и т.д. Для обозначения первого при порядковом счете существует специальное слово *итаан'их'* "первый" (после которого следует имя, оформленное так, как оно оформляется в позиции абс. п.): *итаан'их'* *улах'* "первый дом", *итаан'их'* *угии* "ее первый муж". В ЯКА утрачен другой способ порядкового счета при помощи притяжательного сочетания имени и количественного числительного (с показателями притяжательности): *ан'али-с к'анку-у* "третий день" (Bergsland, Dirks 1981: 49).

К счетным словам можно также отнести *инааг'улиитих'* "последний" (ср. *ина-* "кончиться", *иссякнуть*).

Слова *алаалус* "двойной", *к'анкуулус* "тройной", употребляемые в атк.д. (Bergsland, Dirks 1981: 49), беринговскими информантами не опознаются.

Раздел 6. Указательные слова

В диалектах АЯ, так же как и во всех эскимосских языках (см., напр., Jacobson 1984), много специальных корней с локативной семантикой (в работах на русском языке их также называют указательными местоимениями). Перед началом полевой работы у нас были опасения, что такой "ненужный" в

современной жизни⁹⁶ класс слов мог подвергнуться эрозии, список релевантных признаков – упроститься и т.д.. Однако наши немногочисленные пожилые информантки, никогда в жизни не занимавшиеся охотой или какой-нибудь другой сложной деятельностью вне помещения, блестяще опровергли излишне прямолинейные объяснения связи языковых структур с внеязыковой реальностью. Выяснилось, что из 29 указательных слов, отмеченных во всех известных материалах по АЯ, они опознают слова с локативной семантикой, образованные на базе 23 (!) корневых морфем⁹⁷. При помощи таких слов говорящий характеризует положение различных объектов в пространстве по отношению к себе (заметим, что этот класс алеутских слов, кажется, изучен лучше всего: Bergsland 1969; Bergsland 1973; Меновщиков 1976). Некоторые из них выражают также временные отношения.

Для указательных слов ЯКА релевантны следующие признаки: 1) близость – удаленность от говорящего; 2) видимый – невидимый; 3) выше – ниже – на одном уровне с говорящим; 4) движущийся – неподвижный; 5) протяженный – не протяженный в пространстве; 6) в помещении – вне помещения; 7) объект расположен поперек – вдоль по отношению к говорящему; 8) прямо – сбоку от говорящего. Все указанные признаки, объединяясь в различных сочетаниях, характеризуют значение каждого конкретного указательного слова.

В современном ЯКА некоторые послелогии, отмеченные в более ранних материалах по ЯКА и в атк.д. (см. подробно: Bergsland 1973), не опознаются. Перечислим здесь только те корневые морфемы с указательной семантикой, которые являются относительно частотными и достаточно свободно употребляются нашими информантами: 1) *wa-* "здесь, в непосредственной близости от говорящего, на одном уровне, в пределах досягаемости"; 2) *ума-* "здесь, в непосредственной близости от говорящего, но невидимый"; 3) *хин'а-* "недалеко от говорящего, прямо перед ним (может относиться к предмету разговора, напр., этот человек и т.д.)"; 4) *hawa-* "тот, отно-

⁹⁶ Расхожее объяснение такой разветвленной системы дейктических средств сводится к тому, что алеутам (эскимосам и др.) необходимо было во время охоты координировать свои передвижения, сообщая об этом партнерам, и т.п.

⁹⁷ Похоже, что в атк.д. также не все они одинаково употребительны, ср. Bergsland 1973; Bergsland, Dirks 1981: 37–43.

сительно недалеко от говорящего, в движении"⁹⁸; 5) хама- "тот, далеко, невидимый, скрытый за чем-л. или упоминавшийся ранее в рассказе"; 6) ука- "этот, внутри помещения, в котором находится говорящий"; 7) ика- "тот, далеко, расположенный поперек по отношению к говорящему"; 8) ику- "тот, далеко, сбоку от говорящего"; 8) уда- "этот, близко, расположенный поперек по отношению к говорящему"; 9) ака- "тот далеко, но видимый или далеко отстоящий во времени"; 10) аку- "тот, далеко, в стороне от говорящего, в движении"; 11) һика- "тот, высоко над говорящим, под углом к нему, например, на пригорке или на высоком берегу, если говорящий находится в море"; 12) һака- "тот, прямо над говорящим, высоко над ним или в воздухе или на крутой горе, крыше"; 13) сака- "тот, находящийся в вертикальном направлении вниз от говорящего – или под горой, или в море (если говорящий в лодке)"; 14) к'ика- "близко от говорящего, но невидимый (напр., за стеной, за дверью и т.п.)"; 15) к'ику- "тот, недалеко, сзади, потому невидимый"; 16) к'ака- "тот, не очень далеко, вне помещения (говорящий – в помещении)"; 17) к'аку- "тот, не очень далеко, в соседнем помещении (в соседней комнате и т.п., сам говорящий – в помещении)".

Таблица 12. Указательные слова атк.д.
в сравнении с современным ЯКА

		А		В	С	Д
I		ука		уда	wa	uma
		(a)	(b)			
II	(i)	к'ика	к'ику	к'ига		
	(ii)	к'ака	к'аку	к'ага		
III	(i)	ика	ику		ин'а	
	(ii)	ака	аку	ага	awa	ама
IV	(i)	һика	һику		һин'а	
	(ii)	һака	һаку	һага	һава	һама
V	(i)		укна	уна		
	(ii)	сака				

В таблице 12 приведены семантические признаки, релевантные для указательных слов АЯ в том виде, как они представлены в работе (Bergsland 1973). Первая группа признаков: (I) в поле зрения говорящего vs. (II) вне поля зрения говоряще-

⁹⁸ В атк.д. также может, употребляясь в форме ед. ч. в финальной позиции после глагола, относиться к множественным объектам (Bergsland, Dirks 1981: 40).

го; (III) на одном уровне с говорящим; (IV) выше уровня говорящего; (V) ниже уровня говорящего или в направлении моря; (i) поперек по отношению к говорящему; (ii) вдоль по отношению к говорящему. Вторая группа призраков: (A) Положение: (a) перпендикулярно; (b) горизонтально; (B) протяженный; (C) в движении; (D) невидимый.

Слова, не опознаваемые сегодня в ЯКА, даны курсивом.

Достаточно самого поверхностного взгляда на приведенный список корней с локативной семантикой, чтобы предположить, что они являются составными и могут члениться на более мелкие значимые элементы, которые можно соотнести с перечисленными выше семантическими признаками (/i/ ~ /a/, /Ø/ ~ /h/ и т.д.. Мы не делаем этого здесь прежде всего потому, что детальный анализ этих слов представлен в работе (Bergsland 1973). Заметим также, что выделяемые в составе указательных слов элементы (как и сами составные слова) имеют разную частотность, поэтому количество примеров в нашем материале в некоторых случаях ограничено. Сосредоточим внимание прежде всего на возможных формах этих слов и на синтаксических позициях, которые они могут занимать.

Указательные слова имеют три формы: падежную, локативную и аблативную:

6.1. Падежные формы

Указательные слова могут заполнять одну из именных позиций⁹⁹, если они маркированы показателями числа и падежа (эти показатели не совпадают с соответствующими именными показателями): в абс. п.: -н — ед. ч.; -кух — дв. ч.; -кус — мн. ч.; в отн. п. самостоятельной формой маркируется только ед. ч. — -Дн; дв. ч. и мн. ч. в отн. п. не маркируется самостоятельной морфологической формой (ср. такую же ситуацию с падежным оформлением имен, см. п. 3.2.2.1 этой главы).

Проиллюстрируем сказанное на примере одного из указательных слов:

Таблица 13. Падежные формы указательного слова *wa-*

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
Абс.п	<i>wa-n</i>	<i>wa-kux</i>	<i>wa-kuc</i>
Отн.п	<i>wa-an</i>	<i>wa-kux</i>	<i>wa-kuc</i>

⁹⁹ О еще одном употреблении указательных слов (в исходной форме, в предикативной функции, см. п. 3.1.1 в разделе 1 главы 3).

Примеры: *һама-н тин' анагнах'* букв. "тот меня ударил"¹⁰⁰; *wa-кух сукук'* "я взял две-эти [вещи]"; *wa-кус укух'такук'* букв. "этих вижу-я"; *һин'а-а-н тайаг'у-м идах'таг'ула-а* "этот человек знает это (его)"; *ука-н н'ух'танаг'улах'* "он здесь не бывал"; *һин'а-а-н саапка-а чукух'т* "этого шапку (т.е. принадлежащую ему) надел-ты".

Указательные слова могут быть оформлены притяжательными показателями и занимать позицию имени-обладаемого в притяжательном сочетании: *wan-иин укух'т-анак'* букв. "это твое (т.е. принадлежащее тебе) видел-я"; *л^амис һин'ан-ии танам куган укукук'* "сына-твоего это (т.е. принадлежащее ему) нашел-я" *вайа-н'ис акик'анин' улааг'аас-анак'* букв. "эти купленные-мною домой-принес-я"

Указательные слова в непритяжательной форме могут использоваться в качестве модификатора имени, находясь в препозиции к имени и согласуясь с ним по числу: *һама-н л^ах' тин' анагнах'* "тот мальчик меня ударил"; *wa-кус анг'аг'инас укух'такук'* "этих людей вижу-я"; *ука-н улах' н'ух'танаг'улах'* "этот дом он не посещал"; *һин'а-а-н тайаг'у-м саапка-а чукух'т* "этого человека шапку надел-ты".

¹⁰⁰ Отметим частотность подобных предложений в переводе Евангелий. В том случае, когда в евангельских текстах русское местоимение "он" в любой форме ("его", "ему" и т.д.) относится к Иисусу Христу (и, соответственно, пишется с заглавной буквы) переводчики не считали возможным передать соответствующее значение только при помощи глагольных личных окончаний (видимо, прежде всего потому, что их невозможно каким-либо адекватным образом выделить на письме) и постоянно использовали указательные слова (в основном *һаман*), написанные с заглавной буквы. Этот способ сам по себе был, видимо, правомерен: такая конструкция, очевидно, существовала в АЯ и раньше. Однако вряд ли она была столь частотной. Не исключено, что она использовалась как альтернативный способ поддержания референции (с другой актуализацией, по сравнению со специфическим алеутским способом, описанным в главе 3). Таким образом, подобные предложения имеют в тексте Евангелий не свойственную им частотность: из маркированных они становятся нормой, то есть при общем высоком качестве перевода имеет место некоторая искаженность (по крайней мере, неестественность) текстов. Можно предположить, что, если бы АЯ продолжал нормально развиваться, не подвергаясь сильному иноязычному влиянию, и, если бы со временем выработался литературный АЯ, то мы имели бы все основания говорить, как и в случае с большинством других языков, о влиянии переводов канонических текстов на формирование литературного языка.

6.2. Локативная форма

Морфологический показатель локатива для послелогов – -н' (после указательной основы *һи*- "здесь"¹⁰¹ обязательна долгота: *һи-и-н'*). Примеры указательных слов в позиции обстоятельства места: *wa-н'* *тунух'тал ун'учикус* "мы здесь сидим и разговариваем"; *ику-н'* *чаликух'* "здесь (прямо передо мной) рыбачит-он"; *һака-н'* *ун'учикух'* "он наверху сидит (например, на крыше)".

От указательной основы *ука*- "здесь внутри" существует производная основа с непродуктивным суффиксом *-лг'а*- *ука-лг'а*-, которая также имеет локативную форму на -н (как у послелогов) и аблативную форму, образуемую по общему для указательных слов правилу (см. п. 6.3 ниже). Она обозначает место (поселок), где живет говорящий: *ука-лг'а-н* "здесь, где я живу"; это слово по понятным причинам чрезвычайно часто встречается в речи наших информантов и неоднократно встречается в примерах, иллюстрирующих различные аспекты грамматики ЯКА.

Указательные слова в форме локатива могут использоваться как самостоятельно (например, в приведенных примерах), так и в качестве модификаторов (находится в препозиции к модифицируемому имени): *һака-н'* *ула-м крииса-ган ку-га-н ун'учикух'* "там-наверху на крыше дома сидит-он".

6.3. Аблативная форма

Морфологический показатель аблатива для указательных основ – *-Дх /-Дган*. Вариант *-Дх*, очевидно, более старого происхождения, употребляется гораздо реже. Бергсланд указывает на вариант *-Дган* как на пришедший в атк.д. из уналашкинского диалекта; в таком случае надо признать, что это случилось до отделения ЯКА от атк.д., так как в современном ЯКА вариант *-Дган* – доминирующий. Примеры: *һин'а-ах* (или предпочтительнее: *һин'а-ага-н*) *тичих айх'атнас* "отсюда они уехали"; *һака-ага-н к'уганах'* *итнах'* "сверху камень упал"; *wa-ага-н хаадагнааг'иичим* "давай убежим отсюда".

¹⁰¹ Мы по необходимости даем здесь только краткие переводы алеутских указательных слов. Такие переводы, мягко говоря, условны: не менее четырех корней с локативной семантикой приходится переводить на русский язык словом "здесь", остальные двадцать один – словом "там" (чтобы полнее представлять себе значение каждого указательного слова см. перечисленные в начале этого раздела релевантные семантические признаки).

Указательные слова в локативе и аблативе могут включать суффикс -л^и- (см. п. 4.3.16 в этой главе, см. п. 3.3.1.2 в разделе 2 главы 3 – об использовании этого показателя для выражения синтаксической связи между частями полипредикативного предложения), в данном случае реализующий значение "именно", "как раз": wa-л^и-га-н (локатив) агах'танах' "именно-здесь он родился"; wa-л^и-гаах (wa-л^и-га-ага-н – аблатив) амаанукух' "именно отсюда уехал он".

От основ с локативной семантикой при помощи показателя -й могут образовываться специальные формы, используемые для привлечения внимания собеседника; в этом случае они занимают в предложении начальную позицию. В ЯКА такие формы образуются в основном на базе двух основ – wa- и hin'a-: вай айукух' "смотри, он упал (здесь, рядом)"; hin'ай айгагикух' "смотри, он идет (вон там)".

Основы с указательной семантикой, как и все без исключения классы основ в АЯ, очень продуктивны. Так, от них могут при помощи регулярных средств образовываться глаголы со значением перемещения (или нахождения) в определенной точке пространства (см. подраздел 4.3.1 этой главы). Ср. также глагол waма- с приблизительным переводом "делать сейчас, в данный момент" (ср. глагольную основу ма- "делать"), который привязывает действие (состояние) к настоящему моменту (используется только в позиции конечного сказуемого): уйминалакан вамакук' "я сейчас себя плохо чувствую" (Bergsland 1980: 159), букв. "здоровым-не-являясь сейчас-делаю-я".

Производные формы, образуемые в атк.д. на базе основ с указательной семантикой и выражающие временные обстоятельственные значения (wa-й-а-ам "сейчас", wa-л^и-им "прямо сейчас", хама-л^и-им "в прошлом, вайа-зааг'у-ум "недавно" в ЯКА едва ли употребляются (вытеснены русскими заимствованиями), хотя и без труда опознаются.

Некоторые из рассмотренных выше слов с указательной семантикой могут выступать в предикативной функции и занимать позицию конечного сказуемого – подробнее см. п. 3.1.1 в разделе 1 главы 3.

Раздел 7. Послелогои

В ЯКА насчитывается более двадцати¹⁰² послелогов (в нашем случае мы не рискуем называть точную цифру, так как для ЯКА в отдельных случаях дело сводится к опознанию разными информантами послелогов, зафиксированных ранее). Они передают в основном различные пространственные и временные значения, хотя нередко используются также для выражения значения инструмента, причины, эталона сравнения, предмета разговора.

Некоторые послелогои используются для связи частей сложного предложения (см., напр., п. 3.3.2.2.1.3 в разделе 2 главы 3).

Перечислим все отмеченные в ЯКА послелогои:

1) һад- "по направлению к"; 2) кад- "перед"; 3) агал- "позади"; 4) к'уса- "над"; 5) ача- "внизу"¹⁰³; 6) ан'а- "сбоку"; 7) к'удг- "над"; 8) ситх- "под"; 9) ку- "на поверхности"; 10) ил- "в", "около"; 11) наг- "в", "внутри (не замкнутого пространства, напр., в лодке)"; 12) синиг- "в", "внутри (замкнутого пространства, напр., в голове, в теле)"; 13) к'ала- "на дне"; 14) һат- "за пределами"; 15) сад- "вовне", "вне (помещения)"; 16) алихт- "в середине", "в центре"; 17) утм- "в середине", "в центре"¹⁰⁴; 18) к'уч(х)- "среди", "между"; 19) чидаг'- "около"; 20) даг'- "прилегающий вплотную к", "прикрепленный к"; 21) к'ула- "для", "о", "из-за".

Послелогои выступают только в притяжательных сочетаниях с именами (в позиции имени-обладаемого). Они имеют три морфологические формы – притяжательную, локативную и аблативную.

7.1. Притяжательные формы

В притяжательной форме основы послелогов выступают в своей исходной форме плюс гласный, используемый в каждом конкретном послелогое во всех формах в качестве эпентезы, который удлиняется в необходимых случаях в соот-

¹⁰² В АЯ всего насчитывается чуть менее тридцати послеложных основ (Bergsland 1980).

¹⁰³ В атк.д. имеет также значение "в устье (реки)" (Bergsland, Dirks 1981: 34).

¹⁰⁴ Различие в значениях алихт- и утм- выяснить не удалось. Очевидно, оно когда-то существовало, однако в современном ЯКА эти послелогои полностью взаимозаменяемы.

ветствии с парадигмой притяжательных форм (см. п. 3.2.3 в этой главе).

Употребление послелогов в притяжательной форме ничем не отличается от употребления имен в притяжательном сочетании в позиции имени-обладаемого (см. п. 3.2.3 выше, а также п. 2.1 в разделе 1 главы 3). Собственно говоря, употребление послелогов в притяжательной форме в позиции имени-обладаемого никак не обнаруживает их специфики как послелогов. Только возможность появления их помимо притяжательного сочетания в локативной и аблативной формах указывает на эти морфемы как на особый класс. Послелог в притяжательной форме возможен только в ИГ в позиции П1 и П2 (см. главу 3). Примеры: виидра-м нага-а имдаг'илаках' букв. "ведра внутренность пустая" (разумеется, возможно и предложение близкое по смыслу, но без послеложного имени: виидрах' имдаг'илаках' "ведро пустое"); киимидгих' хин'акух ула-х к'учиг-и-ких к'ук'дах' тукукух "осенью пространство между этими двумя домами грязное" (букв. "богато грязью" – дв. ч.); стоолаг'и-м куга-а тасх'ида-ку-х' "поверхность стола гладкая-и-блестящая"; суна-м хада-а укух'такух' "он смотрит в направлении корабля"; ча-кин' ку-ких укух'тазада "взгляни на руки мои (И 20:27); стоолаг'и-м куга-а ката-ку-к' "я коснулся поверхности стола"; ку-у ахсхаакалакаг'их' "мимо него нельзя пройти", букв. "мимо-него пройдено-не-может-быть"; агали-н' укух'такук' "я смотрю назад", букв. "на-мой-тыл смотрю-я"; картоофеля-м хан'ада чачида букв. "закрой верх картошки"; хин'ан ситх-а-а ахсхааг'ан ин'ааг'икух' "здесь внизу придется пройти (т.е. спуститься с горы)".

7.2. Локативные формы

Таблица 14. Лично-числовая парадигма послелогов в локативной форме

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	-мин'	—	-н'ин
2 л.	-мис	-мдих	-мчих
3 л.	-н	-кин	-н'ин
3 л. R	-Дм	-мах/-мдих/-мчих	-мах/-мдих/-мчих

Послелогии, имеющие основу на гласный, присоединяют все приведенные в таблице окончания без каких-либо промежуточных операций. Послелогии, оканчивающиеся на согласный, присоединяют эти же окончания через эпентезу. Эта

эпентеза может быть различной, причем отмечены как междиалектные, так и внутридиалектные различия. Ср. лично-числовую парадигму послелога наг- "внутри" в локативной форме, приводимую в (Bergsland, Dirks 1981: 30) – Таблица 15, и ее же в ЯКА – Таблица 16:

Таблица 15. Парадигма послелога наг- в атк. д.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	наг-мин'	–	наг-и-н / наг-и-н'ин
2 л.	наг-мис	наг-и-мдих	наг-и-мчих
3 л.	наг-а-н	наг-и-кин	наг-и-н / наг-и-н'ин
3 л. R	наг-и-им	наг-мах / наг-и-мдих / наг-и-мчих	наг-мах / наг-и-мдих / наг-и-мчих

Таблица 16. Парадигма послелога наг- в ЯКА

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	наг-и-мин'	–	наг-и-н'ин
2 л.	наг-и-мис	наг-и-мдих	наг-и-мчих
3 л.	наг-а-н	наг-и-кин	наг-и-н'ин
3 л. R	наг-и-им	наг-мах / наг-и-мдих / наг-и-мчих	наг-мах / наг-и-мдих / наг-и-мчих

Стяженная форма 1 л. мн. ч. и 3 л. мн. ч. наг-и-н не употребляется носителями ЯКА (скорее всего, это более позднее образование). Лично-числовые показатели в ЯКА не могут присоединяться без эпентезы (ср. формы 1 л. ед. ч. и 2 л. ед. ч.). Так же, как и в атк.д., единственной возможной эпентезой в 3 л. ед. ч. является /а/.

Таблица 17. Парадигма послелога had- в атк. д.

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	had-а-мин'	–	had-а-н'ин
2 л.	had-а-мис	had-а-мдих	had-а-мчих
3 л.	had-а-н	had-а-кин	had-а-н'ин
3 л. R	had-а-а-м	had-а-мах / had-а-мдих / had-а-мчих	had-а-мах / had-а-мдих / had-а-мчих

Сравним лично-числовую парадигму другого послелога с основой на согласный had- "по направлению к" в атк.д. (Таблица 17, Bergsland, Dirks 1981: 30) и ЯКА (Таблица 18).

Таблица 18. Парадигма послелого *һад*- в ЯКА

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>һад-и-мин'</i>	—	<i>һад-и-н'ин</i>
2 л.	<i>һад-и-мис</i>	<i>һад-и-мдих</i>	<i>һад-и-мчих</i>
3 л.	<i>һад-а-н</i>	<i>һад-и-кин</i>	<i>һад-и-н'ин</i>
3 л. рефл.	<i>һад-а-ам</i>	<i>һад-а-мах / һад-и-мдих / һад-и-мчих</i>	<i>һад-а-мах / һад-и-мдих / һад-и-мчих</i>

Во всех случаях, кроме 3 л. ед. ч. и кореферентных 3 л. ед. ч., когда используется эпентеза /а/, эпентезе /а/ в атк.д. регулярно соответствует эпентеза /и/ в ЯКА.

Проиллюстрируем употребление локативных форм послелогов (употребляются только в притяжательных сочетаниях в позиции имени-обладаемого, но без притяжательных показателей): *кад-и-мин'* *аник'дус хаадагнааг'икус* "впереди-меня дети бегут"; *агал-и-мис ун'учикух'* "позади-тебя сидит-он"; *уучкиин диваанам ач-а-н акух* "твои-очки – за диваном" *һин'ан амуун синиг-а-н һуклугида* "в (= внутрь) эту тряпку заверни (это)"; *коомнатам алихч-а-н анах'* *алакан* "в центре комнаты ничего нет"; *аг'луусих'* *виндрам к'ал-а-н акух'* "ковш - на дне ведра"; *икун һач-а-н дриисвалгаакакух'* букв. "вокруг здесь надо галькой посыпать"¹⁰⁵; *аник'дуун ан'-и-мис ах'талагада* "своего-ребенка около-себя не-держи"; *чидаг'-и-мин'* *тин ун'учи-т-и-да* "около-меня садись"; *һакаан к'удг-а-н к'аниигих'* *акух'* "наверху [напр., на вершине горы] есть снег"; *һакаан кан'-а-н авалгааг'ан аг'икух'* "наверху этого он будет работать"; *алах креесла-х к'учиг-и-кин стоолах'* *аг'ада* "поставь стол между двумя креслами"; *асхинух'* *наг-и-мах ах'такус* "они дочь у себя держат"; *алк'ух'* *стоолам куг-а-н ах'?* "что на столе?"; *алуг'асин'* *кармаанамис ил-а-н акух'* "мой карандаш у тебя в кармане"; *самолетах'* *һак'алакан мал Петропаавловскам һад-а-н айх'азуукаг'улак'* "самолет не прибыл, поэтому я не по-

¹⁰⁵ Этот пример демонстрирует отсутствие жестких границ между различными классами слов ("частями речи") в ЯКА: при необходимости информанты не задумываясь образуют без специальных транспонирующих суффиксов глагол в форме имперсонала (-лга- в сочетании с 3 л. ед. ч. -х') с сугубо глагольным суффиксом -Дка- "мочь", "быть должным" от чисто именной, казалось бы, основы *дриисва-х'* "галька". В нашем материале нет глагола *дриисвал* "посыпать галькой" (в обоих словарях Бергсланда это слово также не зафиксировано).

лечу в Петропавловск"; стуульчикам ситх-а-н киисках' акух' "под столом – кошка"; столам к'ус-а-н лаампам сугданаа акух' "над столом красивая лампа"; кусугоорам һан'ада-н к'иигам к'айатуу акух' "на поверхности холма высокая трава"; ак'ичаг'их'¹⁰⁶ стиинам даг'-а-н амничада "снимок к стене прикрепи".

Во всех приведенных примерах послелогои передают пространственные значения. Ср. несколько примеров с послелогоми передающими временное значение: гоодам алихчан аник'дус каниикулазас'¹⁰⁷ "в середине года у детей каникулы"; алах урооках к'учиг-и-кин перемеенах' азах' "между двумя уроками бывает перемена".

7.3. Аблативные формы

Аблативные формы послелогов образуются на базе локативных форм. Морфологический показатель аблатива – долгота гласного во всех случаях, кроме 3 л. ед. ч. (-гаа-); возможны также небольшие различия в эпентических гласных (в зависимости от типа основы) и разночтения в выборе между "старыми" и "новыми" формами. Общее значение аблативных форм – движение прочь, в сторону. Ср. лично-числовую парадигму послелога наг- "внутри" в аблативе:

Таблица 19. Парадигму послелога наг- в аблативе

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>наг-и-м-и-ин'</i>	–	<i>наг-и-н'-и-ин</i>
2 л.	<i>наг-и-м-и-ис</i>	<i>наг-и-мдих</i>	<i>наг-и-мч-и-их</i>
3 л.	<i>наг-а-га-а-н</i>	<i>наг-и-к-и-ин</i>	<i>наг-и-н'-и-ин</i>
3 л. R	<i>нагим-и-им</i>	<i>наг-и-м-а-ах / наг-и-м-аг-ан / наг-и-мд-и-их / наг-и-мч-и-их</i>	<i>наг-и-м-а-ах / наг-и-м-аг-ан / наг-и-мд-и-их / наг-и-мч-и-их</i>

Примеры с послелогоми в аблативе: наг-и-ми-и-с асх'у-дгим амгих'сии һитикух' "от тебя (то есть из твоего дома) кра-

¹⁰⁶ Имя ак'ичаг'их' "снимок", "фотография", букв. "снятое" (-г'и-результативный пассив), представляет собой кальку с соответствующего русского слова, ср. ак'и-т- (производная каузативная основа) "снимать", "сдирать". В других алеутских диалектах это слово не отмечено.

¹⁰⁷ Примечание выше по поводу "неожиданного" глагола дрии-свалгаакакух' в полной мере относится и к этому глаголу: каниику-лаза-Ө-с "каникулы(иметь)-DISTR-HABIT-CONST-PL", ср. имя каниикулас "каникулы").

сивая девушка вышла"; Иван наг-и-ми-и-м һитикух' "Иван от себя (т.е. из своего дома) вышел"; к'ах' акваариум ила-га-а-н игуда "вытащи рыбку из аквариума"; Иван Петян илагаан сах' микаасих' "Иван у Пети (букв. "от Пети") отнял игрушку"; киисках' стульчикам ку-га-а-н агакух' "кошка спрыгнула со стула"; һин'акус анг'аг'инас илага-га-ан (илагамдних, илагам-чийх) һитикус "эти люди от-себя (из своего дома) вышли"; чакин кармаанамис наг-а-гаа-н игуда "вытащи руки из карманов".

Ср. также примеры с послелогоми, передающими не пространственные отношения: илгун' илгумис ила-га-а-н к'айаатакух' "мой внук выше твоего внука" (букв. "от твоего внука"); к'ула-га-а-н тунух'тааг'ин аг'икус "об этом будем разговаривать"; иглук'ам исхана-га-а-н к'ичитиг'уках' атхазанах' "за шкуру он получил много денег"; атх'уун укинам ил-а-га-а-н исикух' "он палец ножом (букв. "от ножа") порезал"; слум агал-а-га-а-н waаг'ааг'ин анас букв. "после лета они приедут".

Следует отметить, что на употребление послелогов в ЯКА чрезвычайно сильное влияние оказывает русский язык¹⁰⁸, ср. хотя бы один пример (такие примеры очень многочисленны): к'учх-и-мдих ак'лал тидих атхиталакаг'ис "между-собой ругаться не-перестают" (значение послелога к'учх- "между" в АЯ языке связано с выражением пространственных отношений").

7.4. Сочетание двух послелогов

Большинство послелогов может оформляться показателем отн. п. и образовывать притяжательные сочетания с послелогом һад- "по направлению к", при этом этот послелог занимает позицию имени-обладаемого: к'усам һад-а-а укух'такук' "я смотрю вверх", букв. "я вижу направление верха"; кадим һадан ун'учикух' "он сидит впереди", букв. "он сидит на направлении переда". Такие сочетания встречаются редко.

7.5. Послелог с суффиксом -Дг'и-. Определение при имени

Некоторые послелогии могут образовывать особые формы при помощи суффикса -Дг'и-: илу-уг'и-х' "внутренний"; саду-уг'и-х' "внешний"; к'уса-аг'и-х' "верхний"; ачу-уг'и-х' "нижний" и т.д. Они могут быть определением при имени, образуя словосочетание особым способом (см. п. 2.2 в разделе

¹⁰⁸ В атк.д. легко обнаружить похожие кальки с английского.

1 главы 3) – путем соположения с именем: к'усааг'их' укуу-ских' "верхнее окно"; илууг'их' куумнатах' "внутренняя комната".

7.6. Послелог с суффиксом -мудаг'-, указывающим направление движения

Некоторые послелогии могут присоединять суффикс -мудаг'-, указывающий направление движения: агал-мудаг'-а-н "назад", кад-мудаг'-а-н "вперед", к'уса-мудаг'-а-н "вверх" и т.д. Ср. глагол: агал-мудаг'-и-ку-х' "двигается назад" и т.п.

7.7. Особый случай: исха-

В ЯКА есть слово исха-, которое может принимать формы, свойственные как имени, так и послелогу. Реализуясь в качестве имени, оно имеет значение "место" (и как самые распространенные конкретные реализации этого значения – "постель" и "гнездо"): исхаам куган тин к'уйунах' "он лег на свое место", "он лег в свою постель"; ср. также исха-н' "мое место", "моя постель", исхаан "твое место", "твоя постель", сам исха-а "гнездо птицы", исха-чхиза-х' "хорошее место"; однако ср. примеры, в которых эта же основа принимает формы, типичные для послелогов: локативную – алаг'ум исхан "на берегу моря"; аблативную – алаг'ум исханагаан "от берега моря".

Раздел 8. Морфологически неизменяемые слова

Прежде всего необходимо отметить, что выделение нами особого класса морфологически неизменяемых слов (для краткости мы будем также называть их частицами) для АЯ небесспорно. Таких слов в АЯ чрезвычайно мало, они довольно неоднородны и разделить их на какие-то подклассы затруднительно. Тем не менее мы приведем ниже такую, пусть достаточно условную, классификацию.

8.1. Модальные частицы

Название "модальные частицы", вероятно, не самое удачное для данной группы слов прежде всего потому, что модальные значения характеризуют не только попавшие в этот раздел морфологически неизменяемые слова, но и частицы, оказавшиеся в других разделах. И даже те частицы, которые мы сочли возможным классифицировать как модальные, различаются по некоторым существенным параметрам.

Пожалуй, первым кандидатом в этот класс может служить слово кум (кума). Бергсланд высказал предположение (Bergsland 1994: 236), что эта частица (у Бергсланда – *particle*: Bergsland 1997: 104) появилась в АЯ в позднейший период, после начала активных контактов между русскими и алеутами, и что она представляет собой заимствованную из русского языка частицу "бы" (см. также: Головкин 1998: 521). В фонетическом отношении такую адаптацию этой русской частицы следует признать вполне возможной (ср. например, алеут. *тукуулких* < русск. "топорик" или алеут. *тулуума* < русск. "здорово"). В пользу этого предположения говорит и тот факт, что кум (кума) – одно из немногих неизменяемых слов (частиц) в АЯ вообще и, пожалуй, единственное неизменяемое слово, выполняющее грамматическую функцию – образование специальной синтаксической конструкции, передающей значение нереализуемого условия (см. п. 3.3.3.2, раздел 2, глава 3).

В эту же группу слов с оговорками можно включить слово кай (кайих) "тоже, также", как правило, акцентирующее, усиливающее значение суффикса с таким же значением -ма- (см. п. 4.3.8 в разделе 4 главы 2), ср. пример из самой популярной сегодня в Никольском алеутской песни "Агитаадан" "мой друг", "мой товарищ" (об алеутских песнях см. также: Бондарева 1966; Асиновский, Вахтин, Головкин 1983): *тин' аг'иисасхуунулах кай тин маасамаан'ан анак'* "если ты меня не покинешь, тебя я тоже не покину", букв. "если меня не покинешь-ты, так-же с-тобой сделаю я". Между частицами кай (кайих) и кум (кума), попавшими в эту группу, есть принципиальное различие: в отличие от кум (кума), имеющей грамматическую функцию, кай может быть опущено без нарушения смысла синтаксической конструкции.

Точно так же структурно необязательным является слово тааман "только после того как": *к'ак'адагумис тааман тин к'уйуух'т* "только после того как поешь, ложись спать". Если опустить слов тааман в приведенном предложении, то оно останется синтаксически правильным и будет переводиться на русский следующим образом: "после того как поешь, ложись спать". То есть употребление тааман связано с "усилением" значения следования двух ситуаций одной за другой: говорящий подчеркивает, что порядок действий не должен быть нарушен. По происхождению слово тааман, очевидно, связано с указательной основой тама- "тот, там (в том числе ранее упомянутый)", см. раздел 6 выше), по форме (-н) – с локативом.

Последним в этом разделе рассмотрим слово татал^иим "и вновь", "все снова". В нашем материале не встретилось оригинальных примеров употребления этого слова, приведем пример из АД, опознанный нашими информантами: л^ас агии-чигаан алаг^ум ачидан микал ак^адагумдих к^айам куган татал^иим микааг^утазас "мальчики иногда играют на берегу, а иногда на холме" (Bergsland 1980: 140), букв. "мальчики сначала на-берегу моря играют когда-(если)-заканчивают-они на холме снова играют-обычно-они". Употребление татал^иим здесь также только усиливает значение, уже выраженное показателем необязательной морфологической категории повторности -Дг^ута- "опять", "снова" (см. п. 4.3.15 в разделе 2 главы 2) в конечном глаголе. Безоговорочно признать это слово морфологически неизменяемым трудно. Во-первых -Дм – это показатель 3 л. ед. ч. при кореферентных субъектах. Во-вторых, в состав татал^иим входит показатель категории континуатива -л^и-. В атк. д. это слово встречается в исходной форме татаам "снова", которое носители ЯКА не опознают.

8.2. Союзы

Единственный несомненный кандидат в эту группу – ама "и"; этот союз не может связывать предикаты и служит только для связи двух имен: Сааша ама Мааша "Саша и Маша"; к^ах^а ама улух^а "рыба и мясо". Очевидно, союз ама имеет общее происхождение с указательным корнем ама- (һама-) "следующий за".

Другой кандидат в союзы – асхуунулах "или"; часто выступает в сокращенной форме асхуун: Сааша асхуун(улах) Мааша "Саша или Маша"; к^ах^а асхуун(улах) улух^а "рыба или мясо". Он также служит только для связи двух имен и не может связывать предикаты. По происхождению асхуунулах представляет собой образование на базе вспомогательного глагола а- "быть" в форме конъюнктива ас (основа на согласный ат-) с показателем условия (-гу-) и энклитическим отрицанием -улах. Таким образом, значение альтернативности ("или") в АЯ интерпретируется как "если не" ("Саша если не Маша"; "рыба если не мясо" и т.д.). В отличие от разобранных выше слова ама "и", существует меньше оснований считать в современном АЯ асхуун(улах) морфологически неизменяемым словом: составным показателем -схуунулах (причем, что важно, допускающим и сокращенный вариант -схуун) может оформляться и основа глагола в условных конструкциях с отрицанием (см. п. 3.3.3 в разделе 2 главы 3).

Упомянутая выше форма (но уже без всяких дополнительных показателей) вспомогательного глагола а- "быть" в конъюнктиве ас / асих (устаревшая форма) (основа ат-) "с", "совместно с", "вместе с", возможно, может рассматриваться как еще один кандидат в союзы; передает значение совместно-го действия: агитаадан' ас алаг'ум исхан ун'учикук' "я сижу с моим другом на берегу". Здесь, однако, возникает не меньше сомнений относительно того, является ли это слово морфологически неизменяемым. Дело в том, что от глагола а- "быть" при помощи различных морфологических средств в АЯ образуется чрезвычайно много слов с самыми разнообразными значениями. Оказывается не всегда просто определить, является та или иная форма застывшей или живой, возникшей на базе продуктивной модели. Впрочем, это касается не только производных от глагола а- "быть", ср. несомненно производное слово агитал (см. п. 3.2.3 в разделе 2 главы 3), употребляющееся как полный синоним только что рассмотренного выше слова ас (от основы агит- "другой", "иной" образуется чрезвычайно много производных)¹⁰⁹.

8.3. "Наречия" со значением времени

Начать этот раздел следует с опровержения его названия: наречий как части речи в АЯ нет. Сирконстантные значения выражаются именем (как правило, в "исходной форме" — абс. п., ед. ч.) в позиции обстоятельства (подробнее см. главу 3), но эти имена не являются морфологически неизменяемыми. Оправдывает название раздела только то, что в речи наших информантов очень часто встречаются русские наречия "всегда", "часто", "никогда" и т.п. Однако определить, является ли подобное употребление закрепившимся в языке заимствованием или смешением кодов, не всегда просто. Здесь мы не рассматриваем этот вопрос.

8.4. Частицы, употребляемые в вопросах и ответах

Общий вопрос строится при помощи вопросительной частицы ии (подробно см. п. 8 в разделе 1 главы 3). В случае положительного ответа используется неизменяемое слово аан'

¹⁰⁹ Точно так же можно трактовать как кандидата в союзы слово сух'тал, которое в форме конъюнктива (-л — см. п. 3.2.3, раздел 2, глава 3), следуя за именем с соответствующей семантикой, регулярно передает значение инструмента (ср. значение корневой морфемы су- "взять"; результативной формы сух'та- "держат").

"да", в случае отрицательного – нан'аа "нет". При этом морфологически неизменяемым является только нан'аа "нет"; от основы со значением "да" образуется (без дополнительных транспонирующих суффиксов) глагол аан'а- со значением "согласиться" (ср. также результатив от этого глагола аан'ах'та- "быть согласным").

8.5. Междометия

Самое частотное междометие, использовавшееся нашими информантками, – аа (с аспирацией) может выражать удивление, смешанное с недоверием ("да что вы!", "да неужели", "ну да!"), легкий испуг ("ой!"). Другое популярное междометие – ай: выражает удивление, смешанное с неудовольствием (ср., впрочем, русское местоимение ай с тем же значением), ср. из перевода Евангелия от Луки: ай, ангитакун'ис азулах "о, глупцы!" (Л 24: 25), букв. "не имеющие мыслей, ума". В атк.д. отмечено междометие уу (восклицание при боли или испуге), которое Бергсланд трактует как заимствованное из русского. Это междометие используется и нашими информантами, однако в условиях языкового сдвига трудно различить заимствования и смешение кодов. Пожалуй, единственным междометием русского происхождения, вошедшим в ЯКА как заимствование (оно есть и в атк.д.), является слово, отличающееся от современного русского с таким же значением: абаба (употребляют, когда холодно).

В этой группе можно выделить три морфологически неизменяемых слова – команды, которые подавались собачьим упряжкам¹¹⁰: майна "стой!"; һу "налево"; таг'а "направо", "вперед (трогаться с места)". Вероятно, эти слова в ЯКА позднего происхождения: в атк.д. их нет, за исключением таг'а в значении "давай", "вперед". И в ЯКА, и в атк.д. таг'а (в атк.д. в этой функции используется и в форме тах') также выполняет еще одну функцию, типичную для тех слов, которые мы выше отнесли к разряду модальных частиц: оно усиливает значение противительности: тутакун' тах' укух'талакаг'ин' "я это слышал, но не видел". Однако тах' не является структурообразующим элементом этой синтаксической конструкции: оно легко может быть опущено, при этом конструкция с противи-

¹¹⁰ Когда мы работали в Никольском в 1980-е годы, в селе не было уже ни одной собачьей упряжки. Однако приводимые ниже слова (они были записаны Г.А. Меновщиковым в экспедиции 1963 года: Меновщиков 1968; Меновщиков 1977) были легко опознаны.

тельным значением (см. п. 3.3.2.1.2.1 в разделе 2 главы 3) сохранится.

8.6. Энклитика со значением отрицания

О значении и употреблении энклитического показателя отрицания -улах см. п. 4.3.22 в этой главе).

Раздел 9. Личные местоимения

Разряд личных местоимений в ЯКА представлен объектными и косвенно-объектными местоимениями. Для удобства изложения таблицы представлены в разделе 1 главы 3, посвященной синтаксису, – см. п. 3.1.2.1 и п. 3.1.3. О трех неопределенных местоимениях (киинта "кто-то", алк'ух'та "что-то" и кана(а)нта "какой-то"), представляющих собой новообразования, возникшие под влиянием русского языка на базе алеутских вопросительных слов, см. п. 8.2 в разделе 1 главы 3.

Раздел 10. Вопросительные слова

Для удобства изложения все вопросительные слова ЯКА с примерами, иллюстрирующими особенности их употребления и представляющими все возможные формы, даны в разделе 1 главы 3, посвященной синтаксису, – см. п. 8.2).

ГЛАВА 3.

СИНТАКСИС

Основные принципы описания синтаксиса

Мы исходим из того, что первичное описание языка, в особенности языка исчезающего, должно ставить перед собой две задачи. Основной целью является фиксация возможно большего объема материала: вся фактическая информация об исчезающем языке в буквальном смысле слова не имеет цены. Вторая задача – подать материал в форме, удобной для читателя. Материал должен быть классифицирован в соответствии с какой-либо теоретической схемой, описан с использованием определенной системы понятий и терминологии.

Эти два требования часто противоречат друг другу: первое требует подхода от формы к значению, поскольку только этот подход гарантирует полную адекватность представления материала именно данного языка; при описании от формы есть уверенность, что языку не будет навязана никакая внешняя схема, что его материал будет охвачен полностью. Однако такое описание может оказаться неудобным для читателя – не специалиста по данному языку, в особенности для типолога; оглавления многочисленных книг, параграфы в которых называются, например, "формы на -на-/-к'а-", абсолютно ничего не говорят читателю. Если же в качестве приоритетной избрана задача удобства описания для читателя, то есть если, скажем, тот же параграф будет называться "Формы прошедшего времени", то встает вопрос: какую схему избрать, чтобы, по возможности, не исказить материал?

Можно утверждать, что какая-то степень искажения неизбежна при любой схеме, однако задача состоит в том, чтобы это искажение было минимальным. Прежде всего, из описания должны быть устранены все те понятия, выработанные в традициях описания иносистемных языков, относительно которых нет типологического подтверждения их универсальности, и в особенности те, относительно которых есть подтверждение их неуниверсальности. Сюда относятся понятия и термины, специфичные для той или иной традиции описания, для тех или иных языковых семей или языковых типов, такие как "вид", "артикл", "наклонение", "причастный оборот", "подлежащее", "придаточное предложение" и т.п. Язык описания должен быть по возможности универсален; следует использовать лишь те термины, относительно которых наименее вероятны терминологические споры и различные понимания. Схема описания, по нашему мнению, должна быть при этом наиболее нейтральна, наименее, так сказать, "заметна", играть сугубо вспомогательную, подчиненную главной задаче роль.

Так, при описании простого предложения мы сознательно не пользуемся терминами "подлежащее" и "прямое дополнение", поскольку неуниверсальность этих понятий широко известна (см., например: Keenan 1976, VanValin 1977, Schachter 1977; Кинэн 1982; Кинэн, Комри 1982; Кибрик 1979). Вместо этих терминов мы будем пользоваться понятием синтаксических позиций А, S и Р, учитывая оформление ИГ, заполняющих эти позиции в зависимости от их соответствия единицам семантического уровня (Агенс, Субъект, Пациенс, Адресат и др.), а также в зависимости от коммуникативной организации предложения.

Наличие в ЯКА большого числа разнообразных нефинитных форм и особенности их функционирования полностью исключают, далее, возможность использования при описании сложного предложения таких терминов, как "придаточное предложение", "причастный оборот" и т.п. Критерии разграничения "оборотов", "осложненных оборотов", "придаточных предложений" и т.п. для ЯКА совершенно не ясны, да и вряд ли выработка таких критериев, попытка обязательно вписать материал нового языка в прокрустово ложе традиционной схемы имеет какой-то смысл. Описывая алеутский синтаксис, мы используем понятие "предикативной единицы" (ПЕ), которая определяется как "аналог модели простого предложения, подвергающийся закономерным изменениям в силу вхождения в состав единицы более высокого уровня" (Скрибник 1989: 8),

ср. также (Черемисина, Колосова 1987: 16–19), где этот вопрос разобран подробно. Предложения, далее, подразделяются на монопредикативные (МПП), включающие одну ПЕ, и полипредикативные (ППП), включающие более одной ПЕ. Мы отдаем себе отчет, что указанный подход в чисто теоретическом плане отнюдь не дает однозначных ответов на все вопросы. В частности, объем понятия "закономерное изменение" в приведенном выше определении не вполне ясен: можно ли, например, считать "закономерным изменением" превращение глагола в прилагательное в предложении типа "Я люблю сырые овощи", то есть, другими словами, можно ли считать это предложение полипредикативным, состоящим из ПЕ "я люблю овощи" и ПЕ "овощи сырые"? Если для русского языка этот вопрос достаточно "академический", то для ЯКА он стоит весьма остро, поскольку класса прилагательных в этом языке нет вообще, все качественные значения выражаются либо глаголами от "качественных" именных основ, либо притяжательным сочетанием двух имен (см. п. 3.2.3 в главе 2, п. 2.1 в главе 3), и проблема, считать ли эти именные формы "закономерным изменением" глаголов (или наоборот?), никак не может быть названа несущественной для этого языка. Еще одна проблема – всегда ли две глагольные формы соответствуют двум ПЕ? Для языка с распространенной системой "конструкций с предикатными актантами" в понимании, принятом в книге (Категории 1983), или для языка с большим числом аналитических форм этот вопрос имеет большое значение. Однако этот подход, тем не менее, удобен, так как позволяет принять для каждого конкретного случая конвенциональное решение, задав списком те единицы, которые включаются или не включаются в понятие ПЕ в данном описании. Более подробно принципы классификации предложений рассматриваются во введении к разделам 1 и 2 настоящей главы.

Необходимо сделать еще одно предварительное замечание. В некотором смысле монопредикативные предложения, рассматриваемые в Разделе 1, не являются нормой для ЯКА. Конечно, грамматически они являются совершенно правильными и свободно встречаются в речи, в особенности диалогической; однако для повествовательных текстов нормой являются полипредикативные предложения, объединенные в длинные (иногда чрезвычайно длинные, см.: Bergsland 1970: 10) периоды, которые часто ставят исследователя в затруднительное положение при попытках определения границ предложения. Такая ситуация, видимо, неизбежна, когда исследо-

ватель имеет дело с бесписьменным языком или с языком, лишенным длительной литературной традиции. Формальным подтверждением того, что МПП воспринимается носителями как коммуникативно незаконченное, является тот факт, что информанты часто, особенно если просить их перевести с русского, оформляют глагол-сказуемое не показателем финитного глагола, а показателем зависимой формы на –л (см. п. 4.2.2.7 в главе 2). Так, совершенно правильными являются предложения, в которых конечную позицию занимает глагол в "конъюнктиве" ("деепричастие одновременного действия"): л^а-х' саг'а-л "Мальчик спит"; асхину-х мика-л "Две девочки играют".

Наряду с выбором наиболее нейтральной схемы описания существует и другая сторона проблемы: необходимость учета тех индивидуальных черт, которые отличают описываемый язык от множества других. В случае с алеутским языком некоторые особенности его синтаксического устройства заставляют вносить существенные изменения в описание, вводить новые единицы описания, в частности – единицы коммуникативного уровня.

До относительно недавнего времени исследования коммуникативной организации высказывания на материале бесписьменных и младописьменных языков практически не проводились. Считалось, что исследования в этой области возможны лишь после тщательного изучения языковых структур на синтаксическом и семантическом уровнях¹¹¹. Это было связано прежде всего с отсутствием хорошо разработанного понятийного и терминологического аппарата для описания коммуникативного уровня высказывания¹¹². Проведенные в последние годы исследования способов маркировки темы высказывания (см. одну из первых работ на эту тему: Subject and Topic 1976) значительно расширили круг привлеченных для

¹¹¹ Исключением здесь является, если говорить о языках Сибири, описание юкагирского языка, сделанное Е.А. Крейновичем, который отказался от традиционных схем и применил в описании систему понятий из области теории актуального членения предложения (Крейнович 1982); см. продолжение и развитие этой линии описания синтаксиса юкагирского языка в работах Е.С. Масловой, напр.: Maslova 2003).

¹¹² Ср. высказывание У. Чейфа: "Синтаксические аргументы или, по крайней мере, некоторые из них легче поддаются классификации и вызывают меньшие споров. Содержательные аргументы заводят нас в трясину неопределенности" (Чейф 1982: 280).

анализа языков, включив сюда и бесписьменные языки и, хотя и не смогли выработать окончательно понятийный и терминологический аппарат, наметили новые перспективы в этом направлении.

Раздел 1. Монопредикативные предложения (МПП)

1. Вводные замечания

Описание структуры предложения обычно предполагает выделение двух уровней анализа: синтаксического, на котором выражаются поверхностные синтаксические отношения, то есть отношения между синтаксическими актантами, и семантического, на котором рассматриваются отношения между партиципантами ситуации, или семантическими актантами. Как правило, при анализе предложения в большей или меньшей степени учитываются и коммуникативные отношения. Однако трактовка коммуникативных отношений, отвечающих за способ "упаковки" информации в предложении (Чейф 1982) не совпадает в разных работах. Можно выделить три основных подхода к проблеме: 1) точка зрения на коммуникативный уровень не формулируется и эти отношения вообще не учитываются при анализе; 2) коммуникативные отношения интерпретируются в рамках понятия "коммуникативная организация предложения", но самостоятельным коммуникативный уровень не признается; 3) выделяется самостоятельный коммуникативный уровень.

Сторонники второго подхода обосновывают неправомерность выделения коммуникативного уровня тем, что традиционно выделяемые способы выражения коммуникативных отношений (порядок слов, интонация, семантическая структура, морфологические показатели) относятся к различным уровням языковой системы, а также тем, что представления о коммуникативных отношениях обычно строятся на основе различных содержательных оппозиций: данное – новое, известное – неизвестное и др. (см., напр.: Айхенвальд 1984: 11–12).

Представляется, однако, что приведенные точки зрения не находятся в непримиримом противоречии. При анализе языков, в которых коммуникативные отношения регулярным образом выражаются на поверхностном уровне (ср., напр., "языки с выдвиганием топики" в работе [Ли, Томпсон 1982] или упомянутый выше юкагирский язык) имеет смысл выделять самостоятельный коммуникативный уровень с коммуни-

кативными ролями. К составу и числу этих ролей можно, вероятно, подходить по-разному, однако ясно, что исходным пунктом такой системы является противопоставление "топик – фокус". Выделение самостоятельного коммуникативного уровня не делает бессмысленным понятие коммуникативной организации предложения. Коммуникативные роли, получающие поверхностное выражение, проявляются, как правило, прежде всего на синтаксическом уровне; однако они могут получать определенное выражение и с помощью средств других языковых уровней.

Для целей настоящего описания необходимо ввести два противопоставления элементов коммуникативного уровня: топик – не топик и тема – не тема. Тема (в понимании этого термина мы следуем за лингвистами Пражской школы, см.: Матезиус 1967, Firbas 1974) в ЯКА "отвечает" за распределение (актуализацию / неактуализацию) информации внутри некоторого единого целого (синтагмы, предложения, высказывания, периода; подробнее см.: Головки 1989а; Головки 2007а). Она может быть выражена формальными средствами: порядком слов (особенно см. п. 3 в разделе 1 главы 3), специальными выделительными словами (см., напр., п. 8.1 в главе 2), заголовочными конструкциями (см. п. 4 в разделе 1 главы 3), вероятно, интонацией.

Топик, в отличие от темы, представляет старую информацию – "ориентир" (ср. термин *orientation*: Нунэн 1982). Выбор говорящим некоторой составляющей в качестве топика (ориентира) "мотивируется желанием говорящего связать данную предикацию с предыдущим текстом или фоном к данному тексту путем уточнения сущности, относительно которой имеет смысл утверждать то, о чем говорится в остальной части предикации" (Нунэн 1982: 366). Роль топика "состоит в том, чтобы ограничить применение главной предикации некоторой определенной областью. Топик устанавливает пространственные, временные или личностные рамки, в пределах которых верна главная предикация" (Чейф 1982: 309)¹¹³. Топик "отвечает" за целостность *текста* – за правильную увязку между собой целых отрезков текста, в рамках которого информация ак-

¹¹³ Некоторая расплывчатость последнего определения отражает достаточно типичную ситуацию: дать строгое определение коммуникативным категориям оказывается непростой задачей (см. об этом: Тестелец 2001: 463).

туализуется нужным говорящему образом при помощи ее тематизации.

Когда писался первый вариант настоящей книги, использование понятия "топик" при описании грамматики языка было далеко не общепринятым. Сегодня такой подход отражен в учебниках, ср.: "В некоторых языках тема выступает как особый член предложения, наряду с подлежащим, дополнением и сказуемым. Тема как элемент грамматической структуры клаузы, как член предложения называется топи́ком" (Тестелец 2001: 462). Набор языков, на которых базируется это определение, однако, очень ограничен: как правило, упоминаются китайский и японский (Там же). Представляется, что АЯ представляет собой гораздо более яркий случай языка, демонстрирующего важность рассматриваемого понятия. Бесспорно, топик в АЯ – элемент грамматической структуры предложения, но при этом его вряд ли можно определить как грамматикализовавшуюся тему; темо-рематическая структура характерна для любого предложения АЯ, при этом она не является грамматикализованной, а топик формально никак не связан с темой. Грамматикализовавшийся топик взял на себя часть функций, которые в большинстве других языков берет на себя подлежащее. Несколько забегаая вперед, заметим, что топик в ЯКА выполняет столь существенную функцию, как контроль кореферентных связей (это, в свою очередь, объясняет причины отсутствия в ЯКА класса анафорических местоимений).

Итак, столь пристальное внимание, уделяемое нами понятиям коммуникативного уровня, в частности понятию топика, не случайно. Как мы постараемся показать в дальнейшем, существуют веские основания отнести ЯКА к "языкам с выдвижением топика" (*topic-prominent languages* в терминологии Ч. Ли и С. Томпсон, или топи́ко-подчеркивающим (русское соответствие этого термина предложено в работе [Николаева 1984: 113]). О возможности подхода к алеутскому языку как к языку этого типа упоминает М. Форте́сью (Fortescue 1985)¹¹⁴, который опирается на подробное описание синтаксических механизмов алеутского языка, представленное в работах К. Бергсланда (Bergsland 1969, 1970, 1979; Bergsland, Dirks 1981)¹¹⁵. На специфичность "анафорического согласования" в

¹¹⁴ Автор пользуется в своей работе термином "тема", однако в рамках функциональной грамматики С. Дика, которой он придерживается, данный термин соответствует нашему термину "топик".

¹¹⁵ См. также более позднюю публикацию: (Bergsland 1998с).

АЯ обратил внимание также Дж. Лир (Leer 1987a; 1987b). Этот вопрос рассматривается также в более ранних работах одного из авторов данного раздела (Головко 1986б; 1989а; 1989б; 1996а; 2008а).

Представляется, что синтаксис ЯКА может быть описан с достаточной степенью полноты лишь через анализ соответствий элементов семантического уровня элементам коммуникативного уровня и элементам синтаксического уровня.

2. Способы связи слов

В ЯКА существует два способа связи (двух и более) слов в именных позициях (об этом см. также: Вахтин, Головко 1991). Основным, наиболее распространенным, охватывающим всю систему языка является подчинение. Вторым, значительно менее распространенным, является примыкание.

2.1. Подчинительные сочетания

2.1.1. Форма притяжательного сочетания

Подчинительный тип связи строится на посессивных сочетаниях. Морфологическое оформление получают и "хозяин", и "слуга" (Холодович 1979: 296); формально главное слово стоит в притяжательной форме, формально зависимое – в относительном падеже (см. п. 3.2.2.1 в главе 2). Сочетание двух имен почти всегда (исключения см. в п. 2.2 ниже) оформляется посессивным словосочетанием (ПС) независимо от того, каковы семантические отношения между словами: посессивные, атрибутивные или иные, ср. укина-м када-а "кончик ножа", тайаг'у-м камги-и "голова человека", исуг'и-м айага-а "самка тюленя", ула-м ан'та-а "половина дома", таан'а-м акина-а "горячая вода" (букв. "воды горячесть"), айага-м амгих'си-и "красивая женщина", ула-м к'айа-а "высокий дом", чух'так'а-с тагада-н'ис "новая одежда" и др. Формально зависимое слово также может иметь показатель принадлежности: асхину-н' ан'уна-а "моя взрослая дочь", асхину-н' аник'ду-у "ребенок моей дочери", ча-н' атх'у-н'ис "пальцы моей руки".

В именах собственных в ЯКА (в отличие от всех других диалектов АЯ) показатель относительного падежа либо –н, либо отсутствует: Мииша-н укина-а или Мииша укина-а "Мишин нож", Пеетя-н ада-а или Пеетя ада-а "отец Пети". Учитывая, что в фольклорных текстах и в современном АЯ оформление притяжательных имен собственных не отличается от оформления имен нарицательных (Bergsland 1959), можно

предположить, что появление показателя –н объясняется влиянием русского языка (ср. Мишин, Петин). Формы имен собственных без притяжательного показателя в сочетаниях типа Пеетя ада-а "отец Пети" может объясняться тем, что в сочетаниях такого типа имя собственное всегда означает обладателя, и его оформление было бы избыточным; в связи с этим можно вспомнить такое типологически распространенное явление, как различное положение имен нарицательных и имен собственных на шкале активности (Silverstein 1976: 122) и связанное с этим различное поведение этих групп имен в различных синтаксических процессах.

2.1.2. Симметричные и несимметричные ПС

Для характеристики соотношения формальной и содержательной структур ПС существенно, является ПС симметричным или нет. Поясним используемый термин.

С формальной точки зрения все приведенные выше ПС включают главный член, имя в абс. п. в притяжательной форме, и зависимый член – имя в относительном падеже:

тайаг'у-м	алиг'и-и	"старый мужчина"
мужчина-REL	старость-POSS	

Однако семантически главное слово не обязательно совпадает с формально главным. Здесь возможны два случая:

а) формально главное слово совпадает с семантически главным:

ада-м	ула-а	"дом отца"
отец-REL	дом-POSS	

Формально и семантически главным является слово улаа "дом". Такие сочетания будем называть симметричными;

б) Формально главное и семантически главное слово не совпадают:

саам^ла-м	к'ум^а-а	"белое яйцо"
яйцо-REL	белое-POSS	

Формально главное слово – "белое" (букв. "белизна"), семантически главное – саам^лам "яйцо". Такие сочетания будем называть несимметричными.

Как и везде, здесь возможны промежуточные, переходные и сомнительные случаи. Таких примеров немного, ср. обычный способ выражения значения "вместилище – содержимое": аниисим куруупкаа "коробок спичек" (симметричное сочетание), и то же семантическое отношение, трактуемое как

атрибутивное: чам^ам мулукаа "бутылка молока", "молочная бутылка" (несимметричное сочетание) — но не *мулукам чам:аа "бутылка молока"!

Разделение ПС на симметричные и несимметричные существенно для описания числового согласования членов ПС (см. ниже).

Формально главное слово ("определение") в несимметричных сочетаниях способно быть "полномочным представителем" всего сочетания, ср.: *хин'ан укинах' ануусаах'т!* тагадах' имис акиин'ан анак' "Выброси этот нож! Я тебе новый куплю", где "новый" оформлено как беспритяжательное имя тагадах' букв. "новизна", ср. *укинам тагадаа "новый нож"*.

2.1.3. Числовые показатели в ПС

В симметричных ПС главное и зависимое слово присоединяют показатели числа независимо друг от друга: *асх'удги-м ча-а* "рука девочки", *асх'удги-м ча-ких* "две руки девочки", *айага-м имли-н'ис* "волосы (мн.) женщины", *са-с исха-н'ис* "гнезда птиц", *са-х исха-а* "гнездо двух птиц" и т.д.

В несимметричных ПС число показано один раз, в формально главном слове (то есть в том, которое оформляется притяжательными показателями): *л^а-м ан'уна-а* "большой мальчик" (оба имени оформлены показателями ед. ч.) — *л^а-м ан'уна-н'ис* "большие мальчики" (мн. ч. показано только в формально главном имени при помощи притяжательного показателя —н'ис, формально зависимое имя имеет показатель отн. п., ед. ч. —м); ср. такую же пару: *ча-м иг'ана-а* "сильная (букв. "пугающая", "страшная") рука" — *ча-м иг'ана-ких* "сильные (дв. ч.) руки". Если в ПС формально зависимым оказывается имя, которое употребляется только как *pluralia tantum*, оно все равно принимает показатель ед. ч., отн. п. —м: *к'ичити-м иг'айуна-н'ис* "много денег" (ср. *к'ичити-с* "деньги" — абс. п., мн. ч., *pluralia tantum*).

Такой способ присоединения числовых показателей легко объясним: в симметричных ПС речь идет о двух независимых субстантивах ("рука" и "девочка", "гнездо" и "птица"), каждый из которых (с учетом естественных ограничений) может иметь любую числовую характеристику. В несимметричных сочетаниях речь идет об одном субstantиве и его признаке ("мальчик" и "большой", "рука" и "сильная"). Числовая характеристика всего ПС едина и выражается один раз в формально главном слове.

Если в несимметричных ПС есть только одна возможность маркировать мн. ч. (в формально главном слове – см. выше), то в симметричных ПС, помимо описанной выше маркировки в формально главном слове, возможен показатель мн. ч. в формально зависимом слове (отн. п., мн. ч. –с). Маркирование / немаркирование мн. ч. в формально зависимом слове в симметричных ПС определяет трактовку этих сочетаний как посессивных или атрибутивных:

аник'ду-с	микаси-н'ис	"игрушки детей"
ребенок-PL.REL	игрушки-PL.POSS	
аник'ду-м	микааси-н'ис	"детские игрушки"
ребенок-SG.REL	игрушки-PL.POSS	
исуг'и-с	иглук'а-н'ис	"шкуры нерп"
нерпа-PL.REL	шкура-PL.POSS	
исуг'и-м	иглук'а-н'ис	"нерпичьи шкуры"
нерпа-SG.REL	шкура-PL.POSS	

Нужно подчеркнуть, что разбиение сочетаний на симметричные и несимметричные не совпадает, как видно из примеров, с разбиением их на посессивные и атрибутивные.

В речи современных носителей ЯКА данное разграничение в маркировании числа наблюдается не всегда, что, возможно, связано с эрозией грамматической системы ЯКА в условиях языкового сдвига, ср. саам^ла-м к'ум^а-а "белое яйцо", и два равноправных для ЯКА варианта: саам^ла-м к'ум^а-н'ис и саам^ла-с к'ум^а-н'ис "белые яйца", – в отличие от атк.д., где только первый вариант отмечен как правильный (Bergsland, Dirks 1981: 27). Не исключено, однако, что такая "ошибка" может иметь "естественное" объяснение: в отличие от симметричных ПС, маркирование / немаркирование зависимого члена несимметричного ПС по числу лишено смысловозначительной функции и не делит ПС на посессивные и атрибутивные.

Если имя существует в единственной числовой форме *pluralia tantum*, его числовой показатель переходит к формально главному слову: сайги-с "ружье" и "ружья"¹¹⁶; сайги-с укунак "Я увидел ружье/ружья", но ср. сайги-м тагада-н'ис "новое ружье" и "новые ружья"; плаатий-с "платье" и "платья"¹¹⁷, ср. плаатий-м чух'таг'а-н'ис "ношеное платье" и "ношенные платья". Ср. также употребление имен *pluralia tantum* (на-

¹¹⁶ В атк.д. возможно ед. ч. сайгих'.

¹¹⁷ В атк.д. это заимствование имеет несколько другую форму и употребляется в ед. ч.: плаатих'.

пример, плаатйи-с) и "обычных" имен, способных принимать показатели всех чисел (например, рубааха-х' "рубашка", рубааха-х "две рубашки", рубааха-с "рубашки"): плаатйи-м чилгих'та-н'ис "порванное платье" и "порванные платья", но рубааха-м чилгих'та-а "порванная рубашка" и рубааха-с чилгих'та-н'ис "порванные рубашки".

2.1.4. Сочетание трех и более имен

В случаях, когда главное слово двухсловного сочетания оказывается зависимым от какого-либо третьего слова, возникают "двухступенчатые" сочетания:

ана-м чам^а-ган руучка-а
 мать-SG.REL₁ чашка-SG.REL₂ ручка-3SG.POSS
 "ручка чашки матери"

В таких сочетаниях формально главное слово стоит в абс. п. притяжательной формы, формально зависимое – в "первом относительном падеже (-м), а "среднее" имя ("хозяин" левого и "слуга" правого) – в так называемом "втором относительном падеже" (-ган). Внутренняя структура трехсловных сочетаний может быть трех типов:

а) "Сращение" двух симметричных сочетаний: Тааня-н ана-а "мать Тани" + ана-м агитаада-а "подруга матери" → Тааня-н ана-ган агитаада-а "подруга Таниной матери"; перестановка слов, то есть оформление второго из возможных главных имен показателем –ган ведет к изменению смысла: Тааня-н агитаада-ган ана-а "мать Таниной подруги";

б) "сращение" двух несимметричных сочетаний: ула-м тагада-а "новый дом" + ула-м улуда-а "красный дом" → ула-м тагада-ган улуда-а "новый красный дом" или ула-м улуда-ган тагада-а "красный новый дом" – сочетания синонимичны; в этом случае сращение двух ПС может дать любой из двух вариантов: любое из двух формально главных имен может стоять в форме на –ган;

в) "сращение" симметричного сочетания с несимметричным: к'а-м камги-и "голова рыбы" + камги-м ан'уна-а "большая голова" → к'а-м камги-ган ан'уна-а "рыба с большой головой"; ср. также: к'а-м ан'уна-ган камги-и "голова большой рыбы".

Если в ПС в позиции обладателя оказываются два имени, то оба они оформляются относительным падежом: Тааня-н и Пеестя-н ула-а "Танин и Петин дом". Аتك.д. расходится в этом

пункте с ЯКА, ср. Пиитра-х' ама¹¹⁸ Мариийа-м ана-а "мать Питера и Марии", где только последнее имя принимает показатель относительного падежа (Bergsland, Dirks 1981: 21).

2.1.5. Возможности заполнения именных позиций в ПС

С помощью ПС оформляется не только сочетание двух имен, но и сочетание имени с послелогом, ср.: айх'ааси-м нага-н "в лодке", стуульчика-с к'учига-н "между стульями", й'аага-м илага-ан "из дерева". Позицию формально главного элемента в этих сочетаниях занимают послелогии в форме локатива (-н) или аблатива (-Дн). Возможно также употребление основы послелога по модели "обычного" сочетания двух имен в ПС: стуульчика-с к'учига-а "пространство между стульями", айх'ааси-м нага-а "пространство, место внутри лодки" (подробнее см. п. 7 в главе 2).

ПС является единственным способом оформления сочетаний с целым классом имен, которые могут иметь только притяжательную форму, ср. анг'аг'ина-м हुзу-н'ис "все люди", к'а-м ан'а-а "половина рыбы (разрезанной вдоль)", айх'ааси-м агиитака'а-а "другая лодка" (подробнее см. п. 3.2.3 в главе 2).

Возможны цепочки из нескольких имен с пространственным значением ("послеложных основ"), когда одно из них играет роль "знаменательного" имени, а второе – роль послелога, ср.: агали-м хада-н ун'учикух' "он сидит позади", ср.: ула-м агала-н "по направлению за дом" (Bergsland 1980: 6); ан'а-м хада-а аг'икунин' "я их отложил в сторону", ср.: чаасим ан'а-а "полчаса", букв. "сторона часа" (Bergsland 1980: 24), ср. вариант: ан'а-м хада-н аг'икунин' "я их отложил в сторону"; кади-м хада-н ун'учикух' "он сидит впереди" (ср. кади-мин' "передомной"); к'уса-м хада-а укух'такух' "он смотрит вверх", ср.: плита-м к'уса-н "над плитой" (Bergsland 1980: 120).

Возможны также цепочки из "знаменательного" имени и нескольких послелогов, ср.: лаафки-м агала-н хада-а укух'такух' "я заглянул за магазин", букв. "по направлению позади магазина".

Послелогии могут сочетаться с именными группами из нескольких существительных: ула-м ан'уна-а улууда-ган нага-

¹¹⁸ Это слово, используемое в атк.д. для связи двух имен (см.п. 8.2 в главе 2), не только опознается нашими информантами, но и иногда используется, однако чаще оно заменяется заимствованным из русского союзом "и".

н анг'аг'икук' "я живу в большом красном доме". В этом случае довольно трудно дать объяснение синтаксических связей, оставаясь в пределах ПС из четырех членов. Скорее всего, следует анализировать структуру всего предложения, при этом выделяя ПС из двух членов ула-м ан'уна-а "большой дом" как топиализованное (вынесенное в аппозицию). Тогда наличие "второго относительного падежа" (-ган) в следующем за ним притяжательном сочетании улууда-ган нага-н указывает на соотношенность этого ПС с топиализованным. В переводе на русский это, возможно, следует передать следующим образом: "большой дом, красноты-его в живу-я" (подробно см. п. 3.1 в разделе 1 главы 3).

С помощью ПС оформляются также сочетания имен с вопросительными словами: киини-м субаака-н'ис "чья собаки" (ср. киин "кто"), алк'у-м илги-и "что за запах" (ср. алк'ух' "что").

По типу ПС оформляются сочетания имен с косвенно-объектными местоимениями (см. п. 3.1.2 в разделе 1 главы 3): ана-а-м н'аан "(к) своей матери", л^а-с н'иин "(к) мальчикам".

Как ПС оформлены сочетания имен с порядковыми числительными: кадууг'и-м аник'ду-у "первый ребенок", аалах нииси-м айага-а "вторая жена".

Этим же способом оформляется сочетание имени с причастием: анг'аг'ина-м камлигдана-а "стреляющий человек", тайаг'у-м саг'ана-н'ис "спящие мужчины", анг'аг'ина-м агиида-ган укааг'ак'а-а "пришедший в гости мужчина" (-на- и -к'а- — показатели прчастий, см. п. 3.2.2 в разделе 2 главы 3).

Несколько забегаая вперед, следует отметить, что притяжательный тип связи (с некоторыми модификациями, показанными выше) — основной, или, не очень преувеличивая, можно сказать, единственный, способ связи между словами в АЯ.

2.2. Примыкание

Этот тип связи используется для единственного вида словосочетания: сочетания имени существительного с количественными числительными и их аналогами, ср.: атак'ан тайаг'у-х' "один мужчина", алах тайаг'у-х "двое мужчин", к'анкус тайаг'у-с "трое мужчин", чаан' тайаг'у-с "пятеро мужчин" и т.д. Слова, входящие в эти сочетания, не принимают ни относительного падежа, ни притяжательных форм. Единственный переменный показатель — число: -х', -х, -с.

Отметим, что имя в сочетании с нумеративом хаазак "десяток" всегда имеет показатель ед. ч.: хаазак тайаг'у-х' "десяток мужчин" (неверно *ха:зак тайаг'у-с!). Это относится и к сочетанию имен со словом иг'айунах' "много", "сильно", ср. иг'айунах' тайаг'у-х' "много мужчин".

Имя, сочетающееся с числительным, может стоять в притяжательной форме, но эти формы не имеют отношения к оформлению сочетаний имен с числительными: атак'ан алуг'и-х' "одно письмо", атак'ан' алуг'и-н' "одно мое письмо", к'анкус субаака-с "пять собак", Пеетка-н к'анкус субаака-н'ис "пять Петькиных собак".

Из порядковых числительных в ЯКА с помощью при-мыкания присоединяется к именам числительное итаан'их' "первый"¹¹⁹: итаан'их' л'ах' "первый мальчик", итаан'их' уги-и "первый муж", но ср. пример из атк.д., где это имя занимает позицию имени-обладаемого и оформлено притяжательными показателями: агалуган итан'и-и "его/ее первый зуб" (Bergsland, Dirks 1981: 49).

2.3. Сочетание двух и более слов в падежной позиции

Все приведенные в этом параграфе сочетания могут занимать в предложении падежную позицию, например позицию относительного падежа. При этом словосочетание трактуется как одна именная группа, и показатель второго относительного падежа -ган присоединяется к формально главному члену сочетания: ун'и-н' л'а-а "сын моей сестры" – ун'и-н' л'а-ган укух'так'аа "сын моей сестры видел это"; ада-н' браата-ган л'а-а "сын брата моего отца" – ада-н' браата-ган л'а-ган укух'так'а-а "сын брата моего отца видел это".

3. Базовые синтаксические конструкции

Будем различать конструкции базовые и производные. Базовые конструкции не являются результатом усложнения каких-либо иных конструкций или других базовых конструкций, все их члены обязательны. В составе базовой конструкции МПП всегда присутствует только одна позиция сказуемого, заполняемая финитным глаголом. Кроме того, в составе МПП имеется одна или более приглагольных именных позиций: П1, П2, П3 и т.д. Порядок позиций фиксированный – в

¹¹⁹ Отметим, что существует и глагол итаан'ил "быть первым", образующийся без транспонирующих суффиксов.

том смысле, что глагол всегда занимает конечную позицию: N1 - N2 - N3 - ... - V¹²⁰. Тип конструкции определяется в первую очередь свойствами глагольной словоформы (или аналитической формы) в позиции сказуемого. МПП базовой структуры должна содержать в позиции сказуемого исходную глагольную форму, то есть форму, которая не образована ни от какой другой, морфологически более простой, реально существующей в языке или иногда гипотетической формы, с помощью синтаксически релевантных (то есть затрагивающих валентность глагола) показателей.

3.1. Типы конструкций МПП и топиковое согласование¹²¹

По числу актантов различаются одно-, двух- и трехместные предикаты и, соответственно, одно-, двух- и трехместные базовые конструкции.

3.1.1. Конструкции вида П1 + V

Одноместные конструкции могут выражать действие, состояние, переход в состояние, качество. Непереходный глагол в позиции сказуемого оформлен показателями I спряжения. Семантический актант S в 3 л. выражен ИГ в абс. падеже в притяжательной или беспритяжательной форме. Рассмотрим несколько примеров, в которых П1 заполнена именем в беспритяжательной форме: л^а-х' саг'а-ку-х' "Мальчик спит"; асхину-х мика-ку-х "Две девочки играют"; тайаг'у-с ава-на-с "Мужчины работают"; Иваан хаага-лакаг'-и-х' "Иван не голоден"; имли-с аду-ку-с "Волосы длинные". Во всех этих примерах топик совпадает с ИГ, выражающей S и занимает единственную позицию П1. Это отражает общее для ЯКА правило: топик всегда занимает начальную позицию в предложении в том случае, когда он не находится в предыдущем предложении и, таким образом, ясен из предшествующего контекста. В случае совпадения топики с единственной именной группой в

¹²⁰ В уналашкинском диалекте, впрочем, определенное подлежащее может следовать за ним, например, в тексте, где речь идет более чем об одном человеке: ... иисанах'₍₁₎ кин'ууг'их'₍₂₎ тайаг'ух'₍₃₎ "... сказал₍₁₎ молодой₍₂₎ мужчина₍₃₎" (Bergsland 1989a: 9). См. также ниже об "особом случае" (конструкция "Это есть N"), когда в предикативной функции выступают слова с указательной семантикой.

¹²¹ Предварительное изложение представленных здесь интерпретаций см. в работах: (Головки 1986б; 1989а; 1989б; 1996а; 2007а).

предложении, как в примерах выше, топик не выделяется никакими формальными средствами (пауза, интонация и др.) Это естественно: во-первых, в самом предложении нет альтернативного кандидата на роль топика, и, во-вторых, этот элемент является наиболее типичным для заполнения позиции топика, ср. шкалы ситуационной субъектности (Keenan 1976, Comrie 1978, Ван Валин, Фоли 1982; Козинский, Соколовская 1984). По общему правилу (Greenberg 1966) более частотные значения выражаются менее маркированными членами оппозиции.

Приведенные примеры не указывают явным образом на выдвижение топика и на первый взгляд демонстрируют традиционное согласование подлежащего и сказуемого по лицу и числу, ср. одинаковые показатели числа имен и третьего лица глаголов: -х' ед. ч., -х дв. ч., -с мн. ч. Как уже было сказано выше, в ЯКА нет анафорических местоимений 3 лица, поэтому предложения с эллиптированной ИГ в позиции П1 получают следующие значения: саг'а-ку-х' "Он/она/оно спит"; мика-ку-х' "Они двое играют"; ава-на-с "Они работают"; хаага-лакаг'-и-х' "Он/она/оно не голоден/голодна/голодно"; аду-ку-с "Они длинные".

Если эллиптированная ИГ представляет собой имя, осложненное некоторыми оценочными именными суффиксами, существенными для характеристики действия, эти суффиксы могут в случае опущения имени перейти в морфемную структуру сказуемого, ср.: саг'а-аклу-ку-х' "Он негодный спит", ср. л^а-аклу-х' саг'а-ку-х' "Негодный мальчишка спит", но невозможно *л^а-х' саг'а-Дклу-ку-х'; мика-куча-ку-х' "Они двое маленьких играют", ср. асхину-куча-х мика-ку-х' "Две маленькие девочки играют", но невозможно *асхину-х мика-куча-ку-х ; ава-лг'у-на-с "Они большие работали", ср. тайаг'у-лг'у-с ава-на-с "Большие мужчины работали", но невозможно *тайаг'у-с ава-лг'у-на-с.

Во всех приведенных примерах возможно факультативное выделение топика с помощью паузы (показана вертикальной чертой), ср.: л^а-х' | саг'а-ку-х'; асхину-х | мика-ку-х; тайаг'у-с | ава-на-с; Иваан | хаага-лакаг'-и-х'; имли-с | аду-ку-с. По-видимому, наиболее удачным переводом этих предложений являются русские предложения "Мальчик, он спит", "Две девочки, они играют", "Мужчины, они работают", "Иван, он сейчас не голоден", "Волосы, они длинные".

Если S представлен 1 или 2 лицом, то лицо актанта показано в глаголе-сказуемом с помощью соответствующих суффиксов: айаг-и-на-к' "Я шел"; аалу-ку-х'т "Ты улыбаешь-

ся, смеешься" и т.д. Во всех подобных случаях приходится, видимо, говорить об "автоматической топиализации" 1 и 2: лица, что не противоречит особому положению этих лиц в любой семантической иерархии (ср.: Silverstein 1976, Comrie 1978). В частности, способность какого-либо элемента предложения быть топиком определяется прежде всего коррелирующими между собой признаками данности и предупомянутости (Паршин 1983: 198–199). В данном случае можно, по-видимому, говорить о своего рода "ингерентной" данности и предупомянутости 1 и 2 лиц.

Рассмотрим теперь случаи, когда топик в предложении маркируется формальными средствами. Обратимся прежде всего к предложениям, в которых П1 заполнена притяжательными формами имен: л'а-н' саг'а-ку-х' "Мой сын спит"; асхи-ну-кин мика-ку-х' "Твои две дочери играют"; хуйу-н'ис ава-на-с "Их старшие братья работают"; хуйу-н'ис ава-на-х' "Ее старший брат работает"; имли-н'ис аду-ку-с "Их волосы длинные"; имли-н'ис аду-ку-х' "Ее¹²² волосы длинные". В первых четырех примерах, на первый взгляд, представлено простое согласование подлежащего со сказуемым. Показательны, однако, последние два примера, в которых показатель -х' в глаголе отражает не число S, а число посессора S, эксплицитно не выраженного в предложении, но, очевидно, ясного из предыдущего контекста: в предложении имли-н'ис аду-ку-с "Их волосы длинные" посессор – 3 л., мн. ч., поэтому глагол оформлен показателем 3 л. мн. ч. -с. То, что -с в этом примере согласуется именно с посессором, а не с именем со значением "волосы" (тоже 3 л., мн. ч.), хорошо видно, если мы меняем число посессора имли-н'ис аду-ку-х' "Ее волосы длинные". Здесь показатель 3 л., ед. ч. в глаголе -х' указывает на лицо-число посессора (ее волосы), эксплицитно не выраженного в предложении (но, очевидно, ясного из контекста).

Рассмотрим предложение (пример из: Bergsland 1959): Атак'ан (1) тайаг'у-х' (2) или-н'иин (3) аг'и-ила-к'а-с (4), атаахлигах' (5) хи-ила-х'та-да-х' (6). Туку-н'ис (7) а-на-с (8) а-х'та-ку-с (9).

Один (1) мужчина (2) из-них (3) оставлен-был (4), Атахлигах (5) называемый (6). Вождь-их (7) был (8) оказывается (9).

¹²² В АЯ род не выражен, поэтому это предложение может также иметь значение "Его волосы длинные"; мы, однако, не даем для каждого такого примера перевод "его/ее" или "он/она/это".

Притяжательный показатель мн. ч. посессора -н'ис в имени туку-н'ис ⁽⁷⁾ "их вождь", занимающем П1 при одноместном сказуемом, соотносится с показателем мн. ч. -с в а-на-с ⁽⁸⁾ а-х'та-ку-с ⁽⁹⁾ "был оказывается". Показатель мн. ч. -с в производной глагольной форме аг'и-ила-к'а-с ⁽⁴⁾ "был оставлен" соотносится с мн. ч. посессора (аблативная форма) или-н'и-и-н ⁽³⁾ "из них". В обоих случаях (так же, как и в уже приведенных выше примерах) посессор S, не выраженный специальным словом, задает не только форму притяжательного показателя имени, но и показатель числа в глаголе. Этот посессор во всех перечисленных примерах является топиком, контролирующим глагольное согласование¹²³.

ЯКА, являясь языком с выдвижением топика, что само по себе является достаточно редким явлением, демонстрирует типологически уникальное явление: согласование глагола-сказуемого с топиком¹²⁴. Топик в ЯКА выполняет, таким образом, важнейшую *грамматическую* функцию – контроль корреферентных связей, которую в подавляющем большинстве языков берет на себя подлежащее.

Принципиально важной оказывается здесь выраженность / невыраженность посессора в предложении: асх'удги-м хуйу-н'ис ава-ку-с "Старшие братья девушки работают", но ср.: хуйу-н'ис ава-ку-х' "ее старшие братья работают"; асх'удги-с хуйу-н'ис ава-ку-с "Старшие братья девушек работают", но ср.: хуйу-н'ис ава-ку-с "их старшие братья работают". Из приведенных примеров видно, что, если посессор эксплицитно представлен в предложении, то согласование сказуемого происходит с именем-обладаемым, которое, очевидно, и выражает топик в этом предложении; если же посессор непосредственно в предложении не представлен, то сказуемое согласуется именно с непредставленным (но ясным из контекста) обладателем, который и является в данном случае топиком. Это демонстрирует, на наш взгляд, текстообразующую,

¹²³ Представляется, что в отношении АЯ уместна именно такая трактовка; явление, с которым мы имеем дело, шире, чем просто согласование через границу ИГ, в частности, согласование глагола не с его актантом, а с посессором актанта, засвидетельствованное в некоторых языках (см. об этом: Тестелец 2001: 400).

¹²⁴ Строго говоря, это явление но вполне подпадает под традиционное определение согласования, однако мы не хотели бы обсуждать здесь этот вопрос подробно; ср., впрочем, термин *anaphoric agreement* в работе (Fortescue 1985).

анафорическую роль топики в ЯКА. Если в предложении имя-обладаемое соотносится с посессором из предыдущего предложения, то посессор становится топиком последующего предложения; "увязка", соотношение этих двух предложений выражается посредством показателя числа в сказуемом последующего предложения.

Говоря о МПП с одноместными предикатами в функции сказуемого, следует затронуть вопрос о "безличных" предложениях, выражающих, как правило, атмосферно-метеорологические явления и явления, связанные с изменениями освещенности и температуры в течение суток: *hug'naaza-ku-x'* "Тепло"; *k'in'ana-ku-x'* "Холодно"; *slag'u-ku-x'* "Сильно дует (о ветре)"; *chig'du-ku-x'* "Имеет место (идет) прилив"; *saalu-ku-x'* "Сухо (стоит сухая погода)"; *kimdug-i-ku-x'* "Идет дождь"; *tax't-i-ku-x'* "Темнеет". Глагол-сказуемое в подобных предложениях всегда оформлен показателем 3 л., ед. ч. I типа спряжения, который в этих случаях является нереперентным.

Несмотря на внешнее сходство, эти предложения не имеют ничего общего с предложениями с эллипсисом типа *saq'a-ku-x'* "Он спит", в которых показатель -x' соотносится с топиком, представленном в предшествующем предложении. П1 в "безличных" предложениях не может быть заполнена.

Синтаксическую и семантическую неоднородность безличных предложений и предложений с эллиптированным именем можно проиллюстрировать на примерах из (Bergsland 1989a: 10), ср.: *aiyan'i-ku-x'* "Туман (стоит туман)" и *hak'a-ku-x'* "Он подходит". Если поставить эти предложения в позицию дополнительной предикативной единицы в полипредикативном предложении (см. п. 3.2 в разделе 2 главы 3), то их предикаты получают оформление показателем дубитатива -Дх'та- (см. п. 3.2.4 в разделе 2 главы 3), а топики этих предложений будут по-разному контролировать выбор личных показателей главного глагола, ср.: *hak'a-x'ta hak'ata-lakaq'-i-n'* "Я не знаю, подходит ли он"; *aiyan'i-x'ta hak'ata-lakaq'-i-k'* "Я не знаю, стоит ли (имеет ли место) туман". В первом примере показатель -н' из парадигмы II спряжения указывает на S – 1 л., ед. ч. и одновременно соотносится с (ясным из контекста) 3 л., ед. ч. (он подходит), которое и является топиком; во втором примере показатель -к' из парадигмы I спряжения указывает на 1 л., ед. ч. как на топик.. Топикализация 1 лица в последнем предложении единственно возможная в данном случае: за "пустым" показателем 3 л., ед. ч. -х' в *aiyan'i-ku-x'* "Туман (стоит,

имеет место туман)" не стоит никакого реального 3 лица, которое могло бы быть топикализовано: такая топикализация указывает на нереферентность предиката.

Еще одной иллюстрацией отличия "безличных" предложений от МПП с эллиптированной ИГ, может служить образование квазирефлексивов на базе псевдокаузативов от безличных глаголов (см. подробно п. 4.1.2 в разделе 1 главы 3).

Следует заметить, что, помимо выделения класса безличных предложений, в ЯКА выделяется класс безличных глаголов. При этом любой безличный глагол может быть конечным сказуемым только в безличном предложении, однако обратное неверно: не во всяком безличном предложении сказуемым является безличный глагол. Так, в примерах выше глаголы *слаг'у-* "дует сильный ветер", *тах'т-* "темнеет", *кимдуг-* "идет дождь", *саалу-* "стоит сухая погода" являются безличными, то есть, если они занимают позицию сказуемого, то П1 всегда заполнена нулем. Глаголы же *хуг'нааза-* "является теплым", *к'ин'ана-* "является холодным", *чиг'ду-* "покрывается водой" могут быть сказуемыми и безличных, и личных предложений¹²⁵. В примерах, наподобие приведенных выше безличных предложений, они ведут себя как обычные безличные глаголы, а в примерах, которые приводятся ниже, как сказуемые обычных МПП: *таан'ах' к'ин'ана-ку-х'* "Вода холодная"; *таан'ах' тин к'ин'ана-т-и-ку-х'* "Вода становится холодной" (букв. "вода себя каузирует стать холодной"); ср. пример топикализации 3 л., ед. ч. (опущено слово *таан'ах'* "вода"), что отражается на личном показателе финитного глагола: *к'ин'ана-х'та хах'ата-лака-н'* "Я не знаю, холодная ли она".

Необходимо упомянуть еще две специфические разновидности МПП с одноместными предикатами, косвенно связанные с рассмотренными "безличными" предложениями. В ЯКА возможны плеонастические предложения типа *сла-х' сла-ку-х'* "Дует ветер"¹²⁶, где П1 занята именем, образованным от того же корня, что и глагол в позиции сказуемого. Это явление типологически достаточно хорошо известно. При этом в ЯКА этот тип предложения не является распространенным. Носите-

¹²⁵ Следует заметить, что П1 при глаголе *чиг'ду-* может быть заполнена единственным именем *агух'* "литораль (прибрежная полоса, местн. лайда)": *агух' чиг'ду-ку-х'* "Прибрежная полоса покрылась водой"; "Имеет место прилив".

¹²⁶ Возможно также *слах' сла-л* с тем же значением; об этом см. ниже.

ли ЯКА, признавая грамматическую правильность подобных предложений, отдают предпочтение предложениям с незаполненной П1: сла-ку-х' "Дует ветер". При этом совершенно нормальными являются предложения, в которых П1 заполнена именем, образованным от основ с "атмосферно-метеорологическим значением", от которого может быть образован и "безличный" глагол, а при этом в функции сказуемого используется финитный глагол от основы ма- "делать" (перевод условен, так как значение этого глагола далеко не во всех случаях может быть адекватно передано по-русски): һуг'нааза-х' ма-ку-х' "Тепло" (букв. "тепло имеет-место", "тепло происходит"); айан'и-х' ма-ку-х' "Стоит туман (букв. "туман имеет место", "туман происходит").

Как мы уже упоминали в начале этого раздела, короткие, "законченные" МПП с финитным глаголом в конце не вполне естественны для бесписьменного ЯКА. Информанты, порождая МПП, довольно часто оформляют глагол-сказуемое не показателем финитного глагола, а показателем зависимой формы на -л (см. п. 3.2.3 в разделе 2 главы 3): л'а-х' саг'а-л "Мальчик спит", асхину-х мика-л "Две девочки играют". Интересно, что, в то время как для предложений с выраженным или эллиптированным заполнением П1 способ оформления предиката МПП показателем нефинитной формы -л является возможным, для предложений с нулевым заполнением П1 при "безличном" предикате он является предпочтительным: һуг'нааза-л "Тепло"; к'ин'ана-л "Холодно"; слаг'у-л "Дует сильный ветер". Это верно и для плеонастических предложений типа сла-х' сла-л "Дует ветер". В данном случае, видимо, важным оказывается то, что "нефинитный" конъюнктив (-л), показывая лицо (в данном случае 3 л., ед. ч.), не характеризует действие/состояние в отношении времени.

Здесь же рассмотрим конструкции типа "Это есть N" и "N1 есть N2" с одноместным глаголом от основы а- "быть, являться, находиться".

Конструкция "Это есть N". Предложения этой конструкции образуются по модели: N + глагол а- "быть". Примеры: стуула-х' а-ку-х' "Это стол"; стуула-н' а-ку-х' "Это мой стол"; улам улудаа а-на-х' "Это был красный дом". Интересно, что у этой конструкции есть параллельная конструкция, в которой позицию глагола от основы а- "быть" заполняет указательное слово һин'а "это" или һама "то", выполняющее предикативную функцию: к'уганах' һин'а "Это вот – камень"; к'уганах' һама "Вот то – камень"; уг'ин' һин'а "Это вот мое" (букв. "моя-

собственность это-вот"); уг'ин' хама "Вот то – мое" (букв. "моя-собственность вот-то"). Специфика этих предложений состоит в том, что в них отсутствует глагол.

Возможны предложения, в которых есть и вспомога-тельный глагол от основы а- "быть", и указательное слово, причем глагол здесь имеет нефинитную причастную форму. Подобная конструкция, видимо, является уникальной, предназна-ченной только для выражения подобных смыслов, ср.: адаа ан' хин'а "Я его отец"; адаа аан хин'а "Ты его отец"; адаа аг'улан' хин'а "Я не его отец". В этих предложениях личные показатели, которыми оформлены причастные формы, также контролируются топиком: -н' первом и третьем примерах, а также -Дн во втором, указывая на 1 л., ед. ч. и 2 л., ед. ч. соот-ветственно, анафорически соотносятся с не представленным непосредственно в предложении посессором 3 л., ед. ч. имени ада-а "его отец".

Конструкция "N1 есть N2". В такой конструкции пози-цию сказуемого занимает глагол а- "быть", "являться". Примеры: л'ан' ачихазах' а-ку-х' "Мой сын – учитель", букв. "сын-мой учитель есть-он"; исуг'их' алаг'ум алгаа а-Ø-х' "Тюлень – морское животное"; Вааля ачиханах' а-ку-х' "Валя – учитель-ница"¹²⁷; айагаа айагам укутанаа а-Ø-х' "Его жена – заботливая женщина"; чан' а-ку-с "Нас пятеро", букв. "пять есмь-мы; алах а-аг'ан а-на-с "Нас будет двое" и т.п.

3.1.2. Конструкции вида П1 + П2 + V

3.1.2.1. Заполнение именных позиций.

Топикализация А

Позиция сказуемого заполнена двухместным глаголом, П1 заполнена ИГ, выражающей семантический актанта А, П2 – ИГ, выражающей семантический актанта Р. Если А совпадает с топиком, то оба именных члена предложения в не-притяжательной форме оформлены абсолютным падежом, а сказуемое – личными показателями I спряжения, отражающими согласование с топиком (=А), при этом А и Р различаются благодаря фиксированному порядку слов А-Р-Рг: л'а-х' асхи-ну-х' киду-ку-х' "Мальчик девочке помогает"; айага-х' кваасна-х' тигмихта-на-х' "Женщина тесто месила"; тайаг'у-х' сабаака-х' туга-ку-х' "Мужчина собаку ударил"; анг'аг'ина-с суна-х'

¹²⁷ В ЯКА ачиханах' и ачихазах' "учитель / учительница" являются двумя абсолютно равноправными вариантами.

укух'та-ку-с "Люди смотрят на (видят) корабль"; аник'ду-х алиг'на-х' тута-ку-х "Двое детей слушают старика"; аник'ду-х униика-х' тута-ку-х' "Двое детей слушают сказку"; ачихана-х' аник'ду-с ачиха-ку-х' "Учитель учит детей".

Позиция Р (П2) может быть заполнена личным объектным местоимением 1 или 2 лица: л^а-х' тин киду-ку-х' "Мальчик тебе помогает"; аник'ду-х тимас тута-ку-х' "Двое детей нас слушают"; ачихана-х' тичих ачиха-ку-х' "Учитель вас учит".

Таблица 1. Объектные местоимения

	Ед.ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>тин'</i>	—	<i>тимас</i>
2 л.	<i>тин</i>	<i>тидих</i>	<i>тичих</i>

Если А 1 или 2 лица, то его лицо и число отражено в личных показателях глагола, а П2 занята ИГ, выражающей Р: раанах' тахула-ку-к' "Я перевязываю рану"; аник'дух' кумсих'та-на-х'т "Ты ребенка держал (на руках)".

Во всех приведенных в этом параграфе примерах с А, материально выраженным в предложении, топик, совпадающий с агенсом, может быть вынесен в предшествующее предложение (то есть ясен из контекста, эллиптирован) и при этом он сохраняет функцию контроля кореферентных связей ("согласование глагола с топиком"): асхину-х' киду-ку-х' "(Он) девочке помогает"; кваасна-х' тигмихта-на-х' "(Она) тесто месила"; аник'ду-с ачиха-ку-х' "(Он) детей учит"; тин киду-ку-х' "(Он) тебе помогает"; тичих ачиха-ку-х' "(Он) вас учит".

В работе (Bergsland, Dirks 1981: 11) приводятся примеры предложений, в которых П1 заполняют имена с локативным значением, ср.: асхину-х' чиг'ана-х' чали-ку-х' "Девочка в речке рыбачит" (ср. асхину-х' чали-ку-х' "Девочка рыбачит"); тайаг'у-х' к'айа-х' хан'а-ку-х' "Мужчина в гору поднимается" (ср. тайаг'у-х' хан'а-ку-х' "Мужчина поднимается (вверх)"). Некоторые предикаты в атк.д. — от основ чали- "рыбачить", хан'а- "подниматься", так же как и глаголы от основ хила- "читать", к'а- "есть", таан'а- "пить" и др. (из числа тех, которые относятся к классу лабильных, то есть таких, глаголы от которых способны выступать в различных базовых конструкциях предложения без специальной маркировки изменения валентности) — могут иметь валентность на локатив. При этом наши информанты, носители ЯКА, признают эти предложения понятными, но предпочитают употреблять эти глаголы как одноместные, выражая те же значения с помощью сочетаний имен с после-

логами: асхину-х' чиг'анам ил-а-н чали-ку-х' "Девочка в речке рыбачит"; тауаг'у-х' к'айа-м куг'-а-н һан'а-ку-х' "Мужчина в гору поднимается". Наиболее вероятным объяснением изменения модели управления в ЯКА по сравнению с атк.д. в этих случаях, по-видимому, является влияние русского языка.

ИГ в позициях П1 и П2 могут быть оформлены притяжательными показателями в абс. п.: л^а-н' асхинуун киду-ку-х' "Мой сын твоей дочери помог"; айагаа кваасна-х' тигмихта-на-х' "Его жена тесто месила"; ачихана-х' аник'ду-мас ачиха-ку-х' "Учитель наших детей учит"; аник'ду-кин' тин тута-ку-х' "Двое моих детей тебя слушают"; раана-а тахула-ку-к' "Я его рану перевязываю". Различение А и Р в данном случае, как и в непритяжательных формах, становится возможным благодаря порядку слов.

3.1.2.2. Топикализация посессора А

На первый взгляд, все приведенные в данном параграфе примеры демонстрируют согласование сказуемого с ИГ в П1; однако на самом деле и здесь мы имеем дело с "согласованием с топиком". Покажем это на следующих примерах: л^а-н'ис асхинуун киду-ку-х' "Его/ее сыновья твоей дочери помогают"; л^а-н'ис асхинуун киду-ку-с "Их сыновья твоей дочери помогают". Посессор А (то есть топик, известный из предшествующего контекста) контролирует оформление глагола числовыми показателями: в первом предложении посессор А в ед. ч. ("его/ее"), и поэтому глагол имеют показатель ед. ч. 1 спряжения (-х'), несмотря на то, что А – мн. ч. ("сыновья"); во втором предложении посессор мн. ч. ("их"), и глагол согласован с ним – он имеет показатель мн. ч. 1 спряжения (-с).

Помещение посессора непосредственно в предложение означает, что топиком становится А, и глагол начинает согласовываться с ним (а не с посессором, как в предыдущих примерах); в обоих случаях глагол сказуемое получает показатель мн. ч. -с (I спряжение): айага-м л^а-н'ис асхинуун киду-ку-с "Сыновья женщины помогают твоей дочери"; айага-с л^а-н'ис асхинуун киду-ку-с "Сыновья женщин помогают твоей дочери".

Позиции П1 и П2 могут заполняться и трехчленными именными группами с притяжательными формами имен: ана-н' сиистра-ган асхину-у укух'та-ку-к' "Я вижу дочь сестры моей матери"; ана-н' сиистра-ган асхину-у тин' укух'та-ку-х' "Дочь сестры моей матери видит меня".

Если участвующее в ситуации 3 лицо является одновременно А и посессором Р, то Р оформляется специальным показателем кореферентности (иногда его называют "возвратным показателем 3 лица"): ана-х' аник'ду-ун илах'та-ку-х' "Мать любит своего ребенка"; ана-х' аник'ду-т илах'та-ку-х' "Мать любит своих детей", ср.: ана-х' аник'ду-у илах'та-ку-х' "Мать любит ее (другой женщины) ребенка" и ана-х' аник'ду-н'ис илах'та-ку-х' "Мать любит их (других женщин) детей". Эти показатели (-Дн и -т) совпадают с теми, которые используются в качестве притяжательных со 2 лицом обладателя в позиции абсолютного падежа (при топиализации А). Ср. также примеры, в которых топиализуемые 1 л. и 2 л. А являются посессорами по отношению к посессору Р: ана-н' уйули-и чу-на-к' "Я надела косынку моей матери"; ана-мис уйули-и чу-на-х'т "Ты надела косынку своей матери", букв. "матери-твоей косынку-ее надела-ты"; ср. также: уйули-ин "твоя косынка".

Если в ситуации участвуют два третьих лица, причем первое из них является одновременно А и посессором по отношению к посессору Р, эксплицитно выраженному в предложении, то посессор Р получает специальные показатели кореферентности с 3 лицом А, ср.: асхину-х' ана-ам уйули-и чу-на-х' "Девочка надела косынку своей матери", букв. девочка матери-своей косынку-ее надела"; ср.: асхину-х' ана-ган уйули-и чу-на-х' "Девочка надела косынку ее (другой девочки) матери"; асхину-с ана-мчих уйулии уку-на-с "Девочки нашли косынку своей матери"; асхину-с ана-н'ис уйулии уку-на-с "Девочки нашли косынку их (других девочек) матери".

Объяснение совпадения показателей 2 и 3 лица, возможно, кроется в диахронии: показатели 2 лица обладателя стали использоваться как показатели кореферентности для 3 "возвратного" лица. Если принять это допущение, то становится ясно, почему ЯКА выработал специальный ряд показателей для притяжательных форм со 2 лицом обладателя: этот ряд позволяет избежать двусмысленности (см. подробно ниже анализ случаев топиализации Р).

3.1.2.3. Топикализация Р

Рассмотрим возможности топиализации актанта, занимающего П2 в двучленной конструкции, то есть Р. Следует сразу оговориться, что рассматривать этот случай в разделе, посвященном базовым конструкциям, можно лишь условно. Мы делаем это для удобства изложения.

Обратимся вначале к примерам с беспритязательным оформлением А и Р. В случае топиализации Р ИГ, которой он выражен, строго говоря, не может быть представлена в предложении: предложения типа *л^а-м асхину-х' киду-ку-у "Мальчик девочке помогает" безусловно не являются грамматичными в ЯКА. Это дало повод И.И. Мещанинову, который работал с алеутскими материалами В.И. Иохельсона, считать конструкцию вида асхину-м киду-ку-у "Девочка ему помогает" неполной, производной от рассмотренной выше (Мещанинов 1975: 152). Следует заметить, однако, что те же предложения с вынесенной в аппозицию ИГ топиализованного Р признаются информантами совершенно правильными: квасна-х' | айага-м тигмихта-к'а-а "Тесто, женщина месила его"; асхину-х' | л^а-м киду-ку-у "Девочка, мальчик ей помогает"; сабаака-х' | тайаг'у-м туга-ку-у "Собака, мужчина ударил ее"; суна-х' | анг'аг'ина-с укух'та-ку-у "Судно, люди видят его"; алиг'на-х' | аник'ду-х тута-ку-у "Старик, двое детей слушают его"; униика-х' | аник'ду-х тута-ку-у "Сказка, двое детей слушают ее"; аник'ду-с | ачихана-м ачиха-ку-н'ис "Дети, учитель учит их"; аник'ду-с | ачихана-м ачиха-ку-ких "Двое детей, учитель учит их". В приведенных выше предложениях топиализованный Р выражен именем в абсолютном падеже и обязательно отделен от предложения паузой (на письме показана вертикальной чертой). Следует решительно подчеркнуть, что в случае отсутствия явной паузы все приведенные выше предложения становятся неграмматичными (и, соответственно, отвергаются информантами как неверные). Могут, по-видимому, существовать два подхода к интерпретации предложений данного типа. Можно считать паузу границей предложения; тогда предложение, в котором представлена ИГ, выражающая А, будет неполным, но соотносением определенным образом с Р, представленным в предшествующем контексте. Другой вариант – считать паузу не границей предложения, а особым средством выделения топиализованного Р¹²⁸.

¹²⁸ Вопрос интерпретации, в общем-то, следует признать схоластическим. Достаточно вспомнить русские предложения, которые обычно выбираются для демонстрации топики: "Маша, она пришла (с так называемым именительным темы – они типичны для разговорной речи, но не для письменной); ср. также перевод предложения с топиком с китайского: "Те деревья стволы большие" (Тестелец 2001: 462–463). В обоих русских предложениях, топик обязательно выделяется паузой (на письме, как правило, запятой). При этом при желании можно, как и

ИГ, выражающая А, оформлена в этих предложениях относительным падежом. Глагол-сказуемое оформлен показателями II типа спряжения и "согласуется" с топикализованным Р в числе. Несколько забегаая вперед, отметим, что I тип спряжения используется только при согласовании с топикализованным А или посессором А, а II тип – в случаях согласования со всеми другими топикализованными семантическими ролями. Такое распределение функций трудно назвать неожиданным: А – это семантический актанта, который топикализуется чаще всего, он является, так сказать, "нормальным" топикализирующимся элементом. Топикализация любого другого семантического элемента менее частотна и, следовательно, должна быть формально маркирована. Обращает на себя внимание совпадение показателей абсолютного и относительного падежей непритяжательных форм имени в двойственном и множественном числах. Попытка функциональной интерпретации этого совпадения будет сделана ниже.

3.1.2.4. Правило иерархии чисел

Возможна ситуация, когда ни А, ни Р не выражены эксплицитно в предложении, но известны из предшествующего контекста, то есть каждый из них может претендовать на роль топика. Рассмотрим, как в этом случае устроено глагольное согласование.

В предложениях, в которых ни агенс, ни пациенс материально не выражены, механизм согласования с топиком перестает работать, и согласование глагола с актантами происходит в соответствии с "правилом иерархии чисел" (см. также: Головки 1989а; Головки 1989б; см. также п. 3.2.3 в главе 2). Показатель числа глагола зависит от числа эллиптированных актанта следующим образом: если хотя бы один из них имеет множественное число, то согласование происходит по множественному числу, то есть мн. ч. доминирует над дв. ч. и ед. ч. Если "сталкиваются" дв. ч. и ед. ч., то согласование происходит по дв. ч., то есть дв. ч., в свою очередь, доминирует над ед. ч. Таким образом, правило имеет вид: МН. Ч. > ДВ. Ч. > ЕД. Ч. В алеутском примере со значением "Мальчики помогли ему" ИГ, выражающая А, имеет показатель мн. ч. -с, а глагол анафорически соотносится с Р, эксплицитно не представлен-

в случае с алеутскими примерами выше, поднять вопрос о грамматичности этих предложений, хотя любому носителю русского языка хорошо известно, что в устной речи они встречаются на каждом шагу.

ном в предложении (показатель ед. ч. — долгота гласного): л^а-с кидуку-у; однако если эллиптирована ИГ, выражающая А, то мн. ч. эллиптированной ИГ обязательно отражается в сказуемом, кидуку-н'ис "Они помогли ему" — то есть в случае, если эллиптированы и А, и Р, согласование происходит с тем актантом, который имеет большее число. Последний пример может также означать: "Он помог им", или "Они двое помогли им", или "Они помогли им двоим", или "Они помогли им". Выбор значения второго предложения зависит от предшествующего контекста, показатель -н'ис в глаголе указывает лишь на то, что А или Р (или оба) имеют мн. ч.. Ср. также: л^а-м кидуку-н'ис "Мальчик помог им"; л^а-х кидуку-у "Два мальчика помогли ему"; кидуку-ких "Они двое помогли ему", последнее предложение может выражать также следующие смыслы: "Он помог им двоим", "Они двое помогают им двоим". Выбор значения последнего предложения так же, как и в предыдущем случае, зависит от предшествующего контекста, то есть здесь хотя бы одна из эллиптированных ИГ выражает актант дв. ч. Ср. также примеры, где ИГ А и Р имеют дв. и мн. числа: л^а-х кидуку-н'ис "Два мальчика помогли им"; л^а-х кидуку-ких "Два мальчика помогли им двоим"; л^а-х кидуку-у "Два мальчика помогли ему"; л^а-с кидуку-н'ис "Мальчики помогли им"; л^а-с кидуку-ких "Мальчики помогли им двоим"; л^а-с кидуку-у "Мальчики помогли ему".

Справедливости ради следует признать, что, если исходить из того, что глагол-сказуемое всегда согласовано с топи́ком, то в этих случаях придется считать, что в каждом предложении топи́ком является тот актант, число которого стоит выше в иерархии. Однако такая трактовка кажется несколько неестественной.

Отметим еще раз, что анафорическое согласование с топи́ком, представленное в АЯ, явление нетривиальное, не типичное для большинства известных языков, в том числе и для родственных алеутскому эскимосских языков. Диахронический анализ не входит в задачи этой работы, поэтому отметим лишь, что эргативный строй предложения, свойственный большинству эскимосских языков, исторически, несомненно, предшествовал тому, что мы имеем сегодня в АЯ (см.: Bergsland 1989a; 1997b).

3.1.2.5. Падежное оформление актантов

Если топи́кализуются А, то, как указывалось выше, непряжательные формы ИГ А и Р маркируются в зависимости

от числа актантов: -х' — ед. ч., -х — дв. ч., -с — мн. ч. Если топикизуется Р, то в дв. и мн. ч. ИГ А маркируется теми же показателями -х и -с. В ед. ч. А в этом случае маркируется показателем -м. Это позволяет избежать двусмысленности выражения, то есть помогает различить А и Р во всех случаях.

Рассмотрим примеры: л^а-м кидуку-у "Мальчик помогает ему"; кидуку-у "Он помогает ему"; *л^а-х' кидуку-у "Мальчику помогает он". Последнее предложение неграмматично; Р не может быть топиком, так как глагол в предложении имеет показатели II спряжения. Однако это предложение в случае, если ИГ топикизованного Р вынесена в аппозицию и отделена от предиката паузой (то есть эта ИГ фактически выносится за границу предложения), становится вполне правильным: л^а-х' | кидуку-у "Мальчик_(i), он_(i) ему_(i) помогает".

Совпадение маркировки ИГ семантического актанта А в дв. и мн. числах при топикизованном Р и при топикизованном А, очевидно, можно объяснить тем, что смешение А и Р здесь невозможно: если бы в примерах л^а-с кидуку-у "Мальчики помогли ему" и л^а-х кидуку-у "Двое мальчиков помогли ему" имена с показателями -х и -с выражали топикизованный Р, то глагол обязательно согласовывался бы с ними, то есть имел бы показатели I спряжения.

Двусмысленность, однако, возможна в случаях: л^а-с кидуку-н'ис и л^а-х кидуку-ких. Эта двусмысленность может быть снята только при помощи паузы после имени. Отсутствие паузы означает, что в этих предложениях л^а-х и л^а-с представляют А, а топикизуется Р, и перевод предложений, соответственно, "Мальчики помогают ему" и "Два мальчика помогают ему". Наличие паузы позволяет отождествить л^а-с и л^а-х с топикизованным Р, и глагольный показатель следует рассматривать как согласующийся с ними; переводы в этом случае, соответственно, "Два мальчика, он им-двоим помогает" и "Мальчики, он им помогает". Единственное остающееся в этом случае средство различения, пауза, несомненно, является менее надежным средством, чем морфологическое маркирование, поэтому опасность смешения А и Р теоретически остается. Однако необходимо учесть, что такое смешение возможно, пожалуй, только в изолированном употреблении предложений наподобие приведенных выше. В речи двусмысленность снимается благодаря контексту.

Таким образом, показатель -м передает значение ед. ч. А, когда последний не является топиком. Показатель -х' передает значения: 1) ед. ч. А, когда он является топиком, и

2) ед. ч. Р, когда топи́ком является А. Показатели -х и -с при этом обслуживают значение дв. и мн. чисел А и Р во всех случаях топи́кализации. Очевидно, противопоставление двух форм, -х' и -м, дает основания усмотреть здесь проявление категории падежа. В данном случае мы следуем традиции, оставляя за этими формами названия, принятые в работах Бергсланда и Меновщикова по алеутскому языку: абсолютный и относительный падеж.

Обычно при описании синтаксических падежей их значения не определяются; считается, что это возможно только в отношении локативных и иных "косвенных" падежей, ср., например (Курилович 1962). Одним из достоинств коммуникативно-дискурсивного подхода, разрабатываемого в (Subject and Topic 1976; Word Order 1975; Mechanisms 1977; Givón 1979) и в более поздних работах, является то, что он дает возможность интерпретации значений чисто синтаксических падежных форм.

Следует отметить, что в отношении показателей числа и падежа ЯКА отстывает от агглютинативных принципов: эти значения не выражаются разными морфологическими сегментами. Эти факты можно трактовать как свидетельство того, что в ЯКА падеж и число представляют собой одну грамматическую категорию. Данный вывод подтверждается и существующим в языке противопоставлением рядов показателей притяжательных форм имени (см. п. 3.2 в разделе 3 главы 2).

3.1.2.6. Оформление актантов в притяжательной форме

Если топи́кализуется А, то ИГ, выражающие и семантический актант А, и семантический актант Р, оформляются одним рядом притяжательных показателей в зависимости от лица и числа обладателя и обладаемого (см. таблицу в п. 3.2.3 главы 2). Различение между А и Р, как и в случае с непритяжательными формами, возможно благодаря фиксированному порядку слов.

Если топи́кализуется Р и глагол-сказуемое согласуется с его ИГ по числу, то ИГ, выражающая А, принимает другой ряд притяжательных показателей, "показателей относительного падежа". Это верно всегда в отношении форм со 2 лицом обладателя -мис, -мдих, -мчих и т.д. (см. таблицу в п. 3.2.3, раздел 3, глава 2). Ниже мы вернемся к этим формам.

В притяжательных формах с 3 лицом обладателя также существует особый ряд показателей, которым оформляется

ИГ, выражающая А, в том случае, если агенс не является топиком: л^а-ган кидуку-у "Его(i) сын помогает ему(j)"; л^а-н'ин кидуку-н'ис "Их_(i) сын помогает им_(j)" или "Их_(i) сыновья помогают им_(j)". Эти два ряда притяжательных форм служат для преодоления двусмысленности в предложении, в котором сталкиваются три разных третьих лица: 3 лицо А, 3 лицо Р и 3 лицо посессора А. Как уже отмечалось выше, когда 3 лицо А совпадает с 3 лицом посессора Р, ИГ, выражающая Р, имеет специальные показатели кореферентности – показатели "3 возвратного лица": л^а-х' ада-ан кидуку-х' "Мальчик своему отцу помогает"; ада-х' ла-т кидуку-х' "Отец своим сыновьям помогает".

Выше в этом разделе (п. 3.1.2.2) было показано, что эти показатели те же самые, которые используются как притяжательные с 2 лицом обладателя в позиции абсолютного падежа, когда топикизуется А. Если принять допущение, что объяснение этого совпадения кроется в диахронии (разумное функциональное объяснение найти оказывается затруднительно), то становится понятно, почему ЯКА пришлось выработать специальный ряд показателей для притяжательных форм со 2 лицом обладателя, когда топикизуется А. Этот специальный ряд во 2 лице помогает избежать двусмысленности: снимает опасность смешения 2 лица обладателя с показателями кореферентности 3 лица. Смешения семантических ролей А и Р здесь быть не может.

Ср. пример: ада-мис кидуку-у "Твой отец помогает ему". Если бы не существовало этого специального ряда, то фраза ада-ан кидуку-у могла бы значить 1) "Твой отец ему помогает", и 2) он своему отцу помогает. Смысл "Он помогает твоему отцу" может быть передан только следующим образом: ада-ан кидуку-х'. Топиком здесь является 3 лицо ед. ч., эксплицитно выраженное в предыдущем высказывании. Следует заметить, однако, что наличие у одного ряда показателей двух разных функций в данном случае все равно приводит к двусмысленности: последний пример, помимо указанного перевода, может означать "Он помогает своему отцу". Снятие этой референциальной двусмысленности возможно только на фоне более широкого контекста.

Опасности аналогичного смешения для притяжательных форм с 1 лицом обладателя нет, так как соответствующие показатели имеют только одну функцию. Поэтому у притяжательных форм с 1 лицом обладателя нет еще одного ряда показателей для тех случаев, когда согласование в глаголе-

сказуемом происходит с другим актантом. Примеры: л^а-н' асхину-с кидуку-х' "Мой сын девочкам помогает"; асхину-с | л^а-н' кидуку-н'ис "Девочки, мой сын помогает им".

В предпоследнем примере топиком является л^а-н', и с ним согласуется глагол-сказуемое; в последнем примере топикизуется уже не А, а Р, и глагол-сказуемое согласуется с ИГ, выражающей Р, причем глагольный показатель берется из другой парадигмы (II тип спряжения). Смещение семантических ролей здесь невозможно прежде всего из-за возможности переключения на другой тип спряжения (и, соответственно, маркировки топикизации той или иной семантической роли); ср. еще примеры, где оба актанта имеют ед. ч.: л^а-н' асхину-х' кидуку-х' "Мой сын девочке помогает" и л^а-н' кидуку-у "Мой сын помогает ей". Смещение семантических ролей здесь невозможно, второе предложение не может быть понято как "Он помогает моему сыну" (букв. "мой сын, помогает он ему"). Этот смысл может быть передан только следующим образом: л^а-н' кидуку-х' – с глагольным показателем I типа спряжения, контролируемым топикизованным А 3 лица ед. ч.

3.1.2.7. Топикализация посессора Р

Топикализироваться может посессор семантической роли Р. Ср. два примера: агитаада-н' суунги-н'ис суку-к' "Я взял вещи моего друга" и агитаада-н' | суунги-н'ис суку-н' "Мой друг | я взял его вещи". В последнем примере топикизуется посессор Р агитаадан' "мой друг", контролирующий глагольное согласование. Ср. еще примеры: кууски-х' л^а-м маадугаг'и-и атхаазана-х' "Кошка поймала овсянку (птичку) мальчика" и л^а-х' | кууски-м маадугаг'и-и атхаазак'а-а "Мальчик | кошка схватила его овсянку." В первом предложении топикизуется роль А (куски-х' "кошка", абс. п.), П2 заполнена притяжательным сочетанием л^а-м маадугаг'и-и "мальчика овсянка-его"; глагольное согласование контролируется топиком, и глагол имеет показатель -х' I спряжения, 3 л. Во втором предложении топикизован посессор Р, контролирующий глагольное согласование (II спряжение, показатель -Д 3л. ед. ч.). В этом предложении не может возникнуть двусмысленности, в частности, словосочетание кууски-м маадугаг'и-и не может быть понято как притяжательное "овсянка кошки", занимающее П1 или П2: если бы такое притяжательное сочетание занимало П1, оно оформлялось бы другими показателями ("второй относительный падеж"); а если бы оно претендовало на П2, то

должно было бы быть вынесено в аппозицию и отделено паузой.

3.1.3. Конструкция вида П1 + П2 + П3 + V

В конструкциях этого вида П1 и П2 заполняются ИГ в абс. п. и/или в отн. п. (в зависимости от топикализуемой роли – как в конструкциях, рассмотренных в предыдущем разделе), а П3 заполняется именной группой, включающей специальный маркер (н'аан для 3 л. ед. ч.; см. полную парадигму в таблице ниже в этом параграфе). Такая маркировка позволяет различить синтаксические актанты в позициях П2 и П3.

Число непроектируемых трехместных глаголов в ЯКА очень невелико. В качестве примера рассмотрим предложения с трехместным глаголом от основы аг'- 1) давать что кому; 2) класть что куда. Первое значение реализуется, если П3 заполнена именной группой со значением лица, второе – если П3 заполнена именной группой со значением места расположения, ср.: л^а-х' асхину-м н'аан канфиита-х' аг'-и-ку-х' "Мальчик дал девочке конфету"; л^а-х' кармаанам наган канфиита-х' аг'-и-ку-х' "Мальчик положил в карман конфету" ("дал карману конфету"). Во втором случае локативное значение передается сочетанием имени с послелогом наган "в". В обоих примерах топикализован А (л^а-х'), контролирующий глагольное согласование (-х' - I спряжение), ИГ которого занимает жестко заданную позицию П1. П3 занята ИГ семантического актанта Р в абс. п., П2 в первом примере занята ИГ (сочетанием имени с адресатно-объектным маркером), выражающей D; во втором примере П2 занята сочетанием имени с послелогом, выражающим семантическую роль D (локатив, в отличие от адресата в первом примере).

Порядок слов в предложениях этой конструкции не является жестким относительно позиций П2 и П3: ИГ, занимающие эти позиции, могут меняться местами, причем эти перестановки связаны с определенностью / неопределенностью (идентифицируемостью / неидентифицируемостью) семантических сущностей, выражаемых именными группами в этих позициях. Ср. два примера, приведенных выше, и следующие два примера: л^а-х' канфиита-х' асхину-м н'аан аг'-и-ку-х' "Мальчик дал конфету девочке" и л^а-х' канфиита-х' кармаанам наган аг'-и-ку-х' "Мальчик положил конфету в карман". Следует обратить внимание на то, что и в этих двух параллельных примерах топик один и тот же и соответствует А. Выделенность именно этого элемента жестко определяется обязатель-

ным согласованием с глаголом. Однако выражение коммуникативных отношений в ЯКА не ограничивается только грамматикализованной топиализацией. Еще одним средством коммуникативной организации смысла высказывания в ЯКА является изменение порядка слов (тем более значимого для ЯКА, что порядок слов в нем достаточно жесткий). Актуализация информации, содержащейся в предложении, связана с определенностью / неопределенностью (идентифицируемостью / неидентифицируемостью) семантических ролей (об этом см. также: Головки 1989а; Головки 1989б).

Алеутский материал подтверждает неоднократно отмеченную ранее (например, У. Чейфом) многокомпонентность выражения коммуникативных отношений. Приведенные примеры дают основание утверждать, что в ЯКА помимо грамматикализованной топиализации есть как минимум еще одно средство коммуникативной организации смысла предложения. Вероятно, оно связано с оппозициями "данное – новое", "определенное – неопределенное" и находит соответствие с понятиями темы и ремы.

Возможность топиализации семантического актанта D в предложениях с трехместными глаголами-сказуемыми, по нашим наблюдениям, связана с определенностью семантической роли, претендующей на топиализацию. Имеется устойчивая тенденция топиализовать только ту семантическую роль, которая является определенной (идентифицируемой)¹²⁹: канфиита-х' | л^а-м асхину-м н^аан аг'-и-ку-у "Конфета, мальчик девочке дал ее"; канфиита-х' | л^а-м кармаана-м наган аг'-и-ку-у "Конфета, мальчик положил ее в карман".

В этих предложениях топиализуется семантическая роль Р, контролирующая глагольное согласование (II спряжение). При этом ИГ, выражающая А, оформляется показателем отн. п. -м (ед. ч.).

Если топиализуется семантическая роль D, то она должна отвечать условию определенности (идентифицируемости). При этом изменяется порядок слов: асхину-х' | л^а-м канфиита-х' н^аан аг'-и-ку-у "Девочка, мальчик дал ей конфету"; кармаана-х' | л^а-м канфиита-х' наган аг'-и-ку-у "Карман, мальчик положил в него конфету". Положение маркера н^аан

¹²⁹ Если судить по примерам, приводимым в (Bergsland, Dirks 1981: 32–33), можно было бы сказать, что это не тенденция, а жесткое правило. Мы не формулируем это положение в качестве жесткого правила только потому, что не имеем достаточного числа информантов.

однозначно указывает, что топикализуемый D занимает в предложении позицию непосредственно перед глаголом. Порядок слов в последних двух примерах с топикализацией D указывает на то, что исходными (с нормально топикализуемым A), точнее немаркированными, являются предложения л^а-х' канфиита-х' асхину-м н^аан аг'-и-ку-х' "Мальчик дал конфету девочке" и л^а-х' канфиита-х' кармаана-м наган аг'-и-ку-х' "Мальчик положил конфету в карман", а не л^а-х' асхину-м н^аан канфиита-х' аг'-и-ку-х' "Мальчик дал девочке конфету" и л^а-х' кармаанам наган канфи:та-х' аг'-и-ку-х' "Мальчик положил в карман конфету", то есть D может топикализоваться только в том случае, если оно отвечает условию определенности (идентифицируемости). Предложения с другим порядком слов при топикации D неграмматичны. Алеутский материал заставляет по-новому взглянуть на высказывавшееся ранее положение, согласно которому определенность / неопределенность не имеет связи с топикализацией, ср.: "... Условие определенности не является логически необходимым для топикации" (Паршин 1983: 198). Связь между определенностью / неопределенностью и топикализацией в ЯКА, хотя и не является прямой и однозначной (ср. два различных механизма для топикации и тематизации), все же существует.

Если на роль топики претендуют два или три актанта (то есть два или все три актанта выражены в предшествующем контексте), то возможны следующие варианты:

1) На роль топики претендует Р и А. Рассмотрим пример: л^а-м н^аан аг'-и-ку-у "Мальчик дал его (ее, это) ему (ей)". Здесь нет числового конфликта: и Р, и D стоят в ед. ч.; л^а-м н^иин аг'-и-ку-н'ис "Мальчик дал его (ее, это)/их им"; ср. также: л^а-м н^аан аг'-и-ку-н'ис "Мальчик дал их ему/ей". Здесь действует правило иерархии числе (см. п. 3.1.2.4 в этом разделе): мн. ч. актанта, претендующего на топикализацию, отражено в глагольном показателе (-н'ис), а также в случае, если это D, отражено дополнительно в форме маркера н^иин.

2) На роль топики претендуют А и D. В этом случае всегда топикализуется А и правило иерархии чисел не применяется: н^аан канфиита-х' аг'-и-ку-х' "Он дал ему конфету"; н^иин канфиита-х' аг'-и-ку-х' "Он дал им конфету"; в этом случае, как и всегда, когда топикализуется А, возможна альтернативная актуализация, связанная с определенностью (идентифицируемостью) D (в первых двух примерах D неопределенный): канфиита-х' н^аан аг'-и-ку-х' "Он дал ему конфету"; канфиита-х' н^иин аг'-и-ку-х' "Он дал им конфету".

3) На роль топики претендуют А и Р. Рассмотрим примеры: асхину-м н'аан аг'-и-ку-у "Он его (ее, это) дал девочке" и асхину-м н'аан аг'-и-ку-н'ис "Он (она)/они дал(и) девочке его (ее, это)/их". В этом случае также действует правило иерархии чисел: из двух семантических актантов, претендующих на роль топики, глагольное согласование контролирует тот из них, число которого "старше" в иерархии (см. п. 3.1.2.4 в этом разделе). Предложения этого типа могут быть двусмысленными. Ср.: тайаг'у-м н'аан аг'-и-ку-у (1) "Мужчина ему (это) дал" (2) "Мужчине (он) (это) дал". В (1) тайаг'ум "читается" как А, н'аан – как маркер эллиптированного D, Р эллиптирован, и его лицо и число показано в глаголе; в (2) тайаг'ум н'аан "читается" как D, А и Р эллиптированы, число Р показано в глаголе.

В ЯКА (как и в атк. д.) существует тенденция во втором случае сливать имя и маркер в своеобразную синтагму, функционально подобную форме косвенного падежа, ср.: тайаг'ум н'аан > тайаг'умаан. При этом, естественно, возникает путаница, так как в быстрой речи такое слияние возможно в обоих случаях. Специально проведенные с информантами лингвистические эксперименты выявили, что оба варианта – раздельный и слитный – могут употребляться в обоих значениях, в обеих синтаксических конструкциях, но что при предъявлении их информантам слитный вариант, как правило, опознается как (2), а раздельный – как (1). В ЯКА, следовательно, слитный вариант статистически опознается как D, а раздельный – как А, что совпадает со "старым языком" в атк. д. (Bergsland, Dirks 1981: 32–33), хотя, в отличие от него, это не жесткое правило. Существование такого правила (в случае ЯКА его нестрогость отчасти компенсируется контекстом) очень существенно: оно обеспечивает различие А и D. Частично это различие достигается следующим образом. Возьмем пример: л'а-с н'иин ах'-к'а-н'ис "Мальчики дали его/их им". Здесь претендентами на роль топики являются Р и D (случай 1), поэтому действует правило иерархии чисел (в этом примере по крайней мере D имеет мн. ч. – на это указывает маркер н'иин). Если ИГ л'ас н'иин выражает D (то есть на роль топики претендуют А и Р), то пример (со слитной формой) л'азиин ах'-к'а-а означает "Мальчикам он дал его", а пример (со слитной формой) л'азиин ах'-к'а-н'ис выражает смысл "Мальчикам он/они дал(и) его", то есть здесь также "работает" правило иерархии чисел.

4) На роль топики претендуют одновременно А, Р и адресат. Случай этот редкий и не вполне ясный. Создается впе-

чатление, что здесь, так же, как в предыдущих ситуациях, действует правило иерархии чисел, ср.: н'аан аг'-и-ку-у "Он его (ее, это) дал ему (ей)"; н'аан аг'-и-ку-н'ис "Он (она)/они дал(и) его (ее, это)/их ему (ей)".

Таблица 2. Парадигма маркеров D

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1 л.	н'ус (н'усин')	–	н'иин
2 л.	имис	имдих	имчих
3 л.	н'аан	икин	н'иин

В случае кореферентности семантических ролей А и D в 3 л. используются показатели: ед. ч. игиим (иим); дв. и мн. ч. имдих, имчих.

Примеры с 1 и 2 лицом адресата: л^а-х' канфиита-х' н'ус аг'-и-ку-х' "Мальчик конфету мне дал"; л^а-х' н'ус канфиита-х' аг'-и-ку-х' "Мальчик мне конфету дал"; л^а-х' канфиита-х' имчих аг'-и-ку-х' "Мальчик конфету вам дал"; л^а-х' имчих канфиита-х' аг'-и-ку-х' "Мальчик вам конфету дал".

В случае с 1 л. и 2 л. ПЗ не может быть заполнена и, следовательно, невозможна топиализация адресата; при этом топиализация Р вполне допустима: л^а-м н'ус аг'-и-ку-у "Мальчик дал его (ее, это) мне"; л^а-м имчих аг'-и-ку-у "Мальчик дал его (ее, это) вам"

Совпадение маркеров 1 л. и 3 л. во мн. ч. не может привести к двусмысленности, ср.: л^а-х' канфиита-х' н'иин аг'-и-ку-х' "Мальчик конфету нам дал", где топиализован А, но л^а-м канфиита-х' н'иин аг'-и-ку-н'ис "Мальчик конфету им дал", где топиализован D (на мн. ч. указывает н'иин), контролирующий глагольное согласование.

Таким образом, если на роль топики оказывается два претендента, то предпочтение отдается А только в одном случае – если его "конкурентом" оказывается D (случай 2); во всех остальных случаях (А и Р, Р и D) предпочтение не отдается ни одному из актантов. "Шкала ситуационной субъектности" и другие иерархии активности здесь "не работают". В этих случаях действует правило иерархии чисел.

4. Производные синтаксические конструкции

На основе базовых конструкций МПП образуются производные конструкции. В МПП производной конструкции в позиции сказуемого стоит производная финитная глагольная

форма, то есть форма, включающая, помимо основы и показателей времени и лица, синтаксически релевантные суффиксы. Под синтаксически релевантными суффиксами будем понимать морфологические показатели, меняющие валентностную структуру глагола.

Основными синтаксическими процессами, связывающими исходную (базовую) и производную конструкции, являются: 1. детранзитивация; 2. транзитивация; 3. каузация; 4. пассивизация.

4.1. Детранзитивация

Как следует из изложенного выше, в ЯКА действует правило, согласно которому в глаголе II спряжения обязательно отражено заполнение двух позиций – А и Р – либо лексически, либо морфологически, то есть фактом выбора парадигмы II спряжения. Это означает, что в ЯКА невозможна "простая" детранзитивация типа английской $Ag + P + V_{trans} \rightarrow S + V_{de-trans/refl}$, например, *She washed the dishes* → *She washed*, или *He fights his enemy* → *He fights*.

Тот же самый эффект достигается в ЯКА при помощи нескольких средств:

4.1.1. Рефлексивные маркеры

Основным средством детранзитивации является в ЯКА "рефлексивные маркеры", используемые в собственно рефлексивных конструкциях, а также для декаузативации.

4.1.1.1. Рефлексивные маркеры в рефлексивах

Детранзитивация может достигаться за счет образования с помощью маркеров рефлексивизации рефлексивных форм глаголов. В линейной последовательности рефлексивный маркер всегда непосредственно предшествует глаголу: между ними не могут быть помещены никакие другие компоненты предложения. Таким образом, рефлексивный маркер формально близок префиксу. В качестве маркеров рефлексивизации используются объектные местоимения (см. п. 3.1.2.1 выше). В ЯКА отсутствуют объектные местоимения 3 лица; их функцию выполняют показатели II спряжения (см. п. 4.2.1 в главе 2). При рефлексивизации в качестве маркеров кореферентности Р и А для 3 лица используются те же объектные маркеры, что и во 2 лице: в ед. ч. используется маркер *тин*, во 2 л. мн. ч. – маркеры *тидих* или *тичих* (какого-либо различия в значении здесь нет): ср. *айага-х' аник'ду-х' аму-на-х'* "Женщина одевает

ребенка" и айага-х' тин аму-ку-х' "Женщина одевается"; айайга-с аник'у-с "Женщины одевают детей" и айага-с тидих (тичих) аму-ку-с "Женщины одеваются".

Отметим, что предложение айага-с тидих (тичих) аму-ку-с "Женщины одеваются" может быть в определенных контекстах прочитано как реципрок: "Женщины одевают друг друга". Еще примеры: ср. асхинух' кин'ууг'их' чамг'у-на-х' "Девочка младшего (брата) умыла" и асхину-х' тин чамг'у-на-х' "Девочка умылась" Ср. также: асхину-с тидих (тичих) чамг'у-на-с "Девочки умылись" или, менее вероятно, "умыли друг друга". Предложение асхину-х тидих (тичих) чамг'у-на-х с глаголом в дв. ч. представляет собой реципрок: "Две девочки умыли друг друга".

Если S в рефлексиве 1 или 2 лица, то в качестве маркеров кореферентности в П2 используются соответствующие объектные местоимения: тин' чамг'у-ку-к' "Я умываюсь"; тимас чамг'у-ку-с "Мы умываемся"; тин чамг'у-ку-х'т "Ты умываешься"; тидих чамг'у-ку-х'тидих "Вы двое умываетесь"; тичих чамг'у-ку-х'тичих "Вы умываетесь".

Из приведенных предложений видно, что маркеры кореферентности для 2 и 3 лиц одни и те же. Последние два примера могут в определенном контексте быть прочитаны как "Вы двое (вы) умываете друг друга", то есть в ЯКА не существует специализированных средств образования реципрока. Единственный чисто реципрокальный случай: асхину-х тидих чамг'у-ку-х "Две девочки умывают друг друга", когда S имеет дв. ч., а в качестве маркера кореферентности используется объектное местоимение также дв. ч.

Таким образом, предложения с кореферентным заполнением П1 семантически и формально производны и представляют собой рефлексив от предложений с некореферентным заполнением П1. Направления семантической и формальной производности здесь совпадают.

4.1.1.2. Рефлексивные маркеры как средство декаузативации

Детранзитивация глаголов в ЯКА может достигаться также за счет декаузативации (см. также: Головки 1986г). Средством декаузативации является система рефлексивных маркеров, описанная в предыдущем пункте, без каких-либо отклонений в правилах употребления. При формальном сходстве с механизмом рефлексивации процесс декаузативации имеет существенные содержательные отличия.

Предложение с некорреферентным заполнением П2 представляет собой каузатив от предложения с корреферентным заполнением П1; семантически первое производно от второго, а формальная производность направлена в противоположную сторону. Каузатив при этом может быть формально производным или непроизводным. Ср. пример с формально непроизводным каузативом: адан' асхинух' ачихакух' "Мой отец учит девочку" и асхинух' тин ачихакух' "Девочка учится". Здесь для детранзитивации использован механизм рефлексивации: во втором примере семантические актанты А и Р имеют один референт (асхинух'), маркер тин занимает П2, указывая на корреферентность актантов и детранзитивируя двухместный глагол ачиха- "учить". При этом по значению второй пример — это не рефлексив от первого ("учится", разумеется, не равно "учит себя"; ср. асхину-х' тин чамг'у-на-х' "дочь умылась" — "чистый" рефлексив).

Объектные маркеры, используемые как маркеры корреферентности, меняют формы лица и числа в зависимости от лица и числа А (корреферентного в этих конструкциях Р): асх'удги-с тидих ачихаку-с "Девочки учатся" (букв. "девочки себя учат"); тин' ачиха-ку-к' "Я учусь" (букв. "меня учу-я"); тин ачиха-ку-х'т "Ты учишься" (букв. "тебя учишь-ты"); тимас ачиха-ку-с "Мы учимся" (букв. "нас учим-мы"); тичих ачиха-ку-х'тих "Вы учитесь" (букв. "вас учите-вы").

Если П1 занята объектным маркером 2 л. дв. ч., то, независимо от числа глагола (дв. или мн.) этот глагол может выражать значение реципрока: тидих ачиха-ку-х "Они двое учатся" или "Они двое учат друг друга"; тидих ачиха-ку-с "Они учатся" или "Они учат друг друга".

Ситуация с оформлением рефлексива при декаузативации в 1 и во 2 лицах достаточно тривиальна. Интересно, что здесь, как и в рефлексиве, в случае с 3 лицом, для маркирования корреферентности используются объектные местоимения 2 лица. Ср. пример с мн. ч.: асхину-с тидих ачиха-ку-с "Девочки учатся"; асхину-с тичих ачиха-ку-с "Девочки учатся". Каждое из этих предложений может быть в определенном контексте быть прочитано как реципрок: "Девочки учат друг друга".

Детранзитивироваться с помощью описанного механизма могут как лексические каузативы типа ачиха- "учить", так и многочисленные морфологические каузативы с показателями -т-, -дгу-, -ни-, -йа-, -ниса- (но не пермиссив -чх'и-, см. п. 4.3.5 в главе 2 и п. 4.2 ниже в этой главе), ср.: чам^а-х' чх'а-на-х' "Сосуд был полный" — чам^а-х' чх'а-т-на-к' "Я наполняю

сосуд" – чам^а-х' тин чх'а-т-на-х' "Сосуд наполнился"; киду-х' туги-ку-х' "Веревка расправлена, натянута" – айага-х' киду-х' туги-т-и-ку-х' "Женщина натягивает, расправляет веревку" – киду-х' тин туги-т-и-ку-х' "Веревка натягивается"; л^а-х' саг'а-ку-х' "Мальчик спит" – ана-х' л^а-х' саг'а-ни-ку-х' "Мать мальчика усыпляет (=укладывает спать)" – л^а-х' тин саг'а-ни-ку-х' "Мальчик засыпает ("усыпляется")"; куурича-с асх'а-на-с "Курицы были мертвые" – уук'учиин'и-х' куурича-с асх'а-дгу-на-х' "Песец куриц умертвил" – куурича-с тичих асх'а-дгу-на-с "Курицы умерли (поумирали)" и т.п. Везде в приведенных предложениях А и Р, которые в каузативной конструкции имеют разных референтов, в производной конструкции с объектным маркером имеют общего референта.

4.1.2. Детранзитивация и инхоативность

Если производная конструкция рассматриваемого типа образована от конструкции с производным каузативным глаголом-сказуемым с показателями -т- и -ни-, то заполнение П1 объектным маркером вносит в семантическую структуру глагола сему инхоатива в том случае, если основа глагола неопредельная¹³⁰), ср.: тутусин' нана-ку-х' "Мое ухо болит" – тутусин' тин нана-т-и-ку-х' "Мое ухо заболело"; л^а-х' айаг'и-ку-х' мальчик стесняется – л^а-х' тин айаг'и-т-и-ку-х' "Мальчик застенялся"; ачихаза-х' сахта-на-х' "Ученик ленился" – ачихаза-х' тин сахта-ни-на-х' "Ученик стал лениться"; хаага-на-х' "он был голоден" – тин хаага-ни-на-х' "он взалкал" (М 11:12; Л 4:2). В типологическом отношении такая ситуация является достаточно распространенной (см.: Недялков, Сильницкий 1969).

Инхоативность, характерная для глаголов в этой конструкции, особенно ясно видна на примере "метеорологических" и других неререферентных глаголов: слаг'у-ку-х' "Дует ветер" – слаг'у-т-и-ку-х' "Начинает дуть ветер"; кимдуг-и-ку-х' "Идет дождь" – кимдух-т-и-ку-х' "Начинается дождь". Образованный от таких глаголов псевдокаузатив, естественно, не может иметь в позиции П1 объектного маркера (маркера коререферента

¹³⁰ Как отмечалось выше, диагностическим средством для определения предельности глагольной основы в ЯКА является ее способность образовывать форму субъектного результата (см. п. 4.3.4 в главе 2). Этот способ "работает" и в большинстве других языков, хотя, как показано в работе (Плунгян 1990: 55–63), могут существовать исключения.

ности), так как вообще не имеет референтов. (То, что показатель -х' в этих глаголах отличается от формально такого же показателя 3 л. в референтных глаголах, было показано в п. 3.1.1 в этом разделе).

4.1.3. Каузативные глаголы с обязательным заполнением П1 рефлексивным маркером

Следует отметить, что в ЯКА существует ряд глаголов, при которых П1 не может быть заполнена ничем, кроме объектного маркера, ср.: тин хааза-ку-х' "он удивился", "он удивленный"¹³¹; тин хаага-ни-ку-х' "Он проголодался", "он взалкал" (М 11:12; Л 4:2), суна-х' тин дах'-т-на-х' "Пароход остановился". Морфологически все три глагола в приведенных выше примерах различны. В первом примере глагол формально непроизводный; во втором он производный от реально существующего хаага- "быть голодным" (последний употребляется без объектного маркера); в третьем он формально производный от основы *дах'-, не употребляющейся без объектного маркера. Общим для трех конструкций является обязательное заполнение П1 объектным маркером, который и в этом случае является маркером кореферентности и, строго говоря, не является детранзитивирующим, так как без него глагол не существует.

Следует заметить, что ни один из трех глаголов не существует без обязательного заполнения П1 маркером кореферентности, то есть не может существовать предложения с этими глаголами в функции сказуемого и с референтным заполнением П1. В данном случае создается эффект "ложной деривационной истории", причем в двух из приведенных примеров она усложнена, поскольку в глагол введен еще и каузативный показатель: не существует *хаага-ни- "заставить голодать" и *дах'-т- "остановить". Ср. еще два подобных примера: алаг'ум таан'аа тин нига-т-на-х' букв. "Вода моря замерзла" (букв. "се-

¹³¹ Интересно отметить, что в современном АЯ не опознается производная от этой основы форма, употребленная Л. Саламатовым при переводе Евангелия от Марка: ан'аг'инам हुзуу тин хааза-ни-на-х' "весь народ изумился" (М 9:15). Возможно, в АЯ никогда и не существовало такой формы, а употребление неологизма понадобилось переводчику для внесения значения инхоативности в стативный глагол тин хааза- "быть изумленным". Это новообразование следует признать неудачным именно по той причине, что введение -ни- в исходные глаголы, имеющие обязательное заполнение П1 объектным маркером, невозможно.

бя заморозила"); садан' тин һуг'на-т-на-х' "Снаружи потеплело". Не существует глагола *һига-т- "замораживать" (возможно только һига-чх'и- с пермиссивным значением), хотя формально он образован от һига- "быть замерзшим" транзитивным показателем -т-, ср. алаг'ум тан'аа һига-на-х' букв. "Вода моря – замерзшая". Точно так же не существует глагола *һуг'на-т- "согревать" (возможно только һуг'на-йа- "греть [над огнем]"). Более того, не существует исходного глагола *һуг'на- быть теплым¹³². Еще один пример формально непроизводного глагола, не употребляющегося без заполнения П1 маркером кореферентности: тин к'уйу-на-х' "Он лег, улегся (спать)", ср. также: тин' к'уйу-на-к' "Я улегся", тин к'уйу-на-х'т "Ты улегся" и т.д. Не существует глагола *к'уйу- "уложить".

Здесь же отметим, что в ЯКА существует ряд глаголов с основной на -т-, которые нельзя трактовать как основы с морфологическим каузативом -т- (по крайней мере, на синхронном уровне, см. п. 4.3.5 в главе 2; см. также: Головкин 1986г). Это одноместные глаголы, и П1 при них может заполняться только ИГ, соответствующей S: айх'аасим мотоораа сих'т-на-х' "Мотор лодки сломался", к'уганах' кусугоорам илагаан ит-на-х' "Камень с горы упал", таан'ах' кит-и-ку-х' "Вода течет", санх'у-с тат-и-ку-с "Пузыри лопнули", анг'аг'ина-с һузу-н'ис уйут-и-ку-с "Всех людей тошнит". Эти глаголы, как правило, обозначают действия, не зависящие от воли человека. Не представляется возможным рассматривать предложения с ними как такие, в которых каузатором является "стихия", то есть трактовать их как "безличные" с каузативными глаголами в позиции сказуемого и с нулевым топиком: приведенные примеры с мн. ч. однозначно подтверждают, что глагольное согласование в них указывает на топиализацию S.

4.1.4. Детранзитивирующий показатель -к'аг'и-

Другим способом детранзитивации исходного глагола сказуемого является показатель -к'аг'и- (после -т- – -хаг'и-): л^а-х' анаан тута-ку-х' "Мальчик слушает свою мать" – л^а-х' тута-к'аг'и-ку-х' "Мальчик послушный"; суна-х' уку-к'али-т ии? "Ты уже видишь (букв. видеть-начал) корабль?" – уку-к'аг'и-

¹³² Ср. имя (употребляющееся только в притяжательной форме) һуг'на- "подветренная сторона", а также "параллельный" глагол һуг'нааза- "быть теплым" (первоначально, по-видимому, означавший "быть таким, что с подветренной стороны").

к'али-т ии? "Ты начал видеть (что-то)?"; са-х' асх'а-т-лага-да!
 "Не убивай птицу!" – асх'а-т-хаг'и-лага-да! "Не убий!".

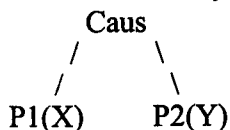
4.2. Транзитивация

В данном подразделе рассматриваются производные конструкции, глагол-сказуемое в которых представляет собой морфологически производную глагольную форму, содержащую такой синтаксически релевантный суффикс, который увеличивает валентность исходной глагольной основы на единицу. Такая трансформация может быть достигнута при помощи двух групп суффиксов, рассмотренных выше среди других глагольных категорий (см. п. 4.3.5 и п. 4.3.7 в главе 2).

4.2.1. Каузативы от одноместных глаголов

Существующие в ЯКА каузативные морфологические показатели (см. подробнее п. 4.3.5 в главе 2; см. также: Головкин 1986г) позволяют образовать разнообразные по значению каузативные конструкции от исходных с одноместным глаголом-сказуемым, ср.: чх'ууг'инин' к'ака-ку-с "Мое белье сухое" – чх'ууг'инин' к'ака-дгу-ку-к' "Я сушу (на улице) белье"; л'ах' к'а-ку-х' "Мальчик ест" – айагах' л'аан к'а-чх'и-ку-х' "Женщина кормит своего сына"; умла-ку-х' "Он бодрствует" – умла-йа-ку-н' "Я его бужу"; к'уганах' танам куган ит-на-х' "Камень на землю упал" – к'уганах' танам куг'ан ит-хи-на-к' "Я уронил на землю камень"; асх'аг'-на-х' "Он болел" – асх'аг'-ни-к'а-а "Он его заразил"; исух' к'аса-ку-х' "Нерпа вынырнула" – майааг'нах' исух' к'аса-ниса-ку-х' "Охотник ждет, когда нерпа вынырнет".

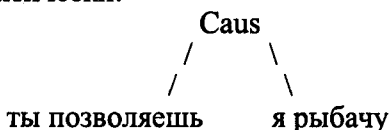
Из материала типологического анализа разноструктурных языков известно, что с семантической точки зрения каузативная трансформация представляет собой операцию создания макроситуации, включающей по меньшей мере две простые ситуации, связанные отношением каузации:

Каузативное преобразование не затрагивает семантического статуса актантов исходной конструкции, а просто добавляет новую валентность (см.: Недялков, Сильницкий 1969: 6–7; ср. также анализ эскимосских каузативных конструкций в работе: Вахтин 1995: 80–87). В ЯКА элемент, вводимый в производную конструкцию, также интерпретируется как каузатор (Caus), а элемент S, занимавший П1 в исходной конструкции,

занимает ее и в производной. При этом синтаксически элемент, вводимый при каузативном преобразовании, занимает крайнюю левую позицию П2, то есть оформляется как ИГ А, а синтаксический статус элемента, заполняющего П2, меняется. Это наглядно проявляется, когда П2 заполнена ИГ 1 или 2 лица, то есть когда П1 заполнена "объектным маркером", ср.: чали-ку-к' "Я рыбащу" – тин' чали-чх'и-и-х'т! "(Ты) позволь мне порыбачить!"; асх'аг'-на-х'т "Ты болел" – тин асх'аг'-и-ни-на-х' "Он тебя заразил" (напомним, что в предложениях с одновалентным глаголом и S 1 или 2 лица (наподобие первого из приведенных выше), в соответствии с нашим анализом, П2 занята нулем S).

Семантически:

Синтаксически:

$$\text{SB}_1 - \text{V}_{\text{int}} \xrightarrow{+ \text{Caus}} \text{SB}_2 - \text{DO} (= \text{SB}_1) \text{V}_t^{133}$$

4.2.2. Каузативы от двухместных и трехместных глаголов

Производные каузативные формы от транзитивов образуются каузативным суффиксом -чх'и-, совмещающим значения пермиссивной и ассистивной (и редко фактитивной) каузации: адгайус чали-ку-с "Они ловят горбушу" – н'иин адгайус чали-чх'и-ку-с "Мы разрешаем (букв. "даем") им ловить горбушу"; анах' агиитудаа чамг'у-на-х' "Мать умыла ее (другой женщины) брата" – асхинух' анаам н'аан агиитудаан чамг'у-чх'и-на-х' "Дочь заставила свою мать (разрешила своей матери?) умыть своего брата"; ула-мас уку-на-х' "Он видел наш дом" – л^а-н' тайаг'ум н'аан улаамас уку-чх'и-на-х' "Мой сын показал мужчине наш дом".

¹³³ См. (Comrie 1976: 263), где автор предлагает иерархию синтаксических позиций, демонстрируемую шкалой SB – DO – IO – OC (субъект – прямой объект – не прямой объект – косвенный элемент) и правило, согласно которому синтаксический субъект некаузативной конструкции занимает в производной каузативной конструкции самую левую не занятую позицию на этой шкале.

Из приведенных примеров видно, что в случае образования каузативных конструкций заполнение П1 также остается неизменным: Р исходной конструкции в П1 остается в производной конструкции также Р в той же позиции, и при этом А исходной конструкции, семантически оставаясь А, синтаксически занимает, в полном соответствии с приведенной выше иерархией Комри, ближайшую свободную позицию и оформляется адресатно-косвенным маркером.

Предложение с каузативным глаголом-сказуемым, производным от транзитива, имеет вид, обычный для предложений с трехместным глаголом (см. п. 3.1.3 выше).

Следует отметить, что в предложениях этого типа, как и в предложениях с производными трехместными глаголами, существует определенная степень свободы порядка слов, что, видимо, связано с различной актуализацией смысла высказывания: тайаг'у-х' сума-х' хаг'у-на-х' "Мужчина надел (на спину) рюкзак" – Дорофей тайаг'ум н'аан сумах' хаг'у-на-х', ср. также: Дорофей сумах' тайаг'ум н'аан хаг'у-на-х' "Дорофей помог мужчине надеть (на спину) рюкзак".

Особого внимания заслуживает образование производных каузативных конструкций от рефлексивов и квазирефлексивов, то есть таких предложений, в которых П1 исходной конструкции занята объектным маркером, выполняющим функцию маркера кореферентности при декаузативизации. В этих случаях каузативная трансформация меняет валентностную структуру глагола, затрагивает заполнение П1. Сравнивая схему (1) деривации предложений первой пары предложений, приводимых ниже, с одной стороны, и схему (2) деривации предложений второй пары предложений, приводимых ниже, с другой, можно наглядно видеть различное "поведение" синтаксических процессов в конструкциях с П1, занятой референтным элементом и "рефлексивным маркером": анах' агии-тудаа чамг'у-на-х' "Мать помыла ее брата" – асхинух' анаам н'аан агиитудаан чамг'у-чх'и-на-х' "Дочь заставила свою мать помыть своего брата".

(1) мать брат мыть \Rightarrow дочь мать брат мыть-Caus
SB OD V SB IO OD V_{caus}

И ср. каузативное предложение, образованное от рефлексива: асхинух' тин аму-ку-х' "Девочка оделась" – анах' асхинуун аму-чх'и-ку-х' "Мать одела свою дочь" (не *анах' асхинуун тин аму-чх'и-ку-х'):

(2) дочь себя одевать \Rightarrow мать дочь одевать-Caus
SB "OD" V SB OD V_{caus}

При этом преобразование типа (1) также возможно, но дает другой результат, ср. следующий пример и схему (3): анах' асхинуум н'аан тин аму-чх'и-ку-х' "Мать заставила свою дочь одеть себя (т.е. мать)"

(3) \Rightarrow мать дочь себя одевать-Caus
SB IO "OD" VCaus

То, что исходным для каузативного предложения с морфологическим каузативным показателем -чх'и- является именно предложение с рефлексивом или квазирефлексивом, хорошо видно на тех примерах, в которых это рефлексивное предложение само является производным: улух' нига-на-х' "Мясо было замерзшее" – улух' тин нига-т-на-х' "Мясо замерзло" (букв. "мясо себя заморозило"), и айагах' улух' нига-ти-чх'и-на-х' "Женщина заморозила мясо" (существенно, что не *айагах' улух' тин нигатичх'инах' "женщина сделала так, что мясо заморозило себя"); имлии аду-ку-х' "Ее волосы длинные" – имлии тин аду-т-и-ку-х' "Ее волосы растут ("становятся длинными", "удлиняются") – имлии аду-т-и-чх'и-ку-х' "Она отпустила волосы" ("позволила стать длинными", "позволила удлиниться"); л^ах' саг'а-ку-х' "Мальчик спит" – л^ах' тин саг'а-ни-ку-х' "Мальчик засыпает" – анах' л^аан саг'а-ни-чх'и-ку-х' "Мать укладывает спать своего сына ("делает так, чтобы уснул")", и ср.: анах' л^аан саг'а-ни-йа-ку-х' "Мать своего ребенка усыпляет" ("укачивает").

Видно, что при преобразованиях этого типа каузативная морфа словоформы, образующей (квази)рефлексив, сохраняется в производной словоформе, и при этом маркер (квази)рефлексива опускается с сохранением соответствующего значения.

Кроме описанных выше, в ЯКА существуют аналитические каузативные конструкции от двухвалентных глаголов, которые рассматриваются в п. 3.3.2.2 главы 3; здесь приведем только один пример: аник'дух' идигадах' сукух' "Ребенок взял конфету" – анах' аник'дум н'аан идигадах' суух'т ма-т-на-х' "мать дала ребенку конфету" ("дала взять", букв. "мать для-ребенка конфету взял-чтобы сделать-заставила").

Попутно можно отметить, что каузативные маркеры участвуют в некоторых других синтаксических процессах, например, в декаузативизации, причем этой декаузативизации не всегда предшествует реальная каузативизация (эффект ложной деривационной истории), см. подробно п. 4.1.1.2 в этом разделе. При декаузативизации и рефлексивизации присутствие в

словоформе каузативных маркеров привносит значение инхоативности (см. также: Golovko 1993b).

4.2.3. Транзитивы с показателем -Дса-

Транзивирующий показатель -Дса-/-уса-/-аса- (см. морфонологические правила в п. 2 главы 1) является очень распространенным в ЯКА средством увеличения на единицу валентности глагола. Этот показатель может добавляться как к основе одноместного глагола, и тогда производный глагол – двухместный, так и к основе двухместного глагола, и тогда производный глагол – трехместный. Производные двух- и трехместные конструкции с этими глаголами синтаксически ничем не отличаются от исходных конструкций с двухместными и трехместными глаголами (см. п. 3 выше в этой главе). Синтаксически новый актанта, вводимый суффиксом -Дса-, всегда занимает П1. Семантически он является чаще всего D, а бывший единственный актанта одноместного глагола S становится А.

4.2.3.1. Транзитивация одноместных глаголов

Примеры транзитивации одноместных глаголов разных лексико-семантических групп.

Глаголы движения: к'ан'лаах' игах'та-ку-х' "Ворон летит" – к'ан'лаах' кууричах' игах'та-аса-ку-х' "Ворон летит с курицей (в когтях), ворон несет курицу"; айгаг-и-ку-х' "Он идет" – сумам игнатуу айгаг-аса-ку-х' "Он идет с тяжелой сумкой, несет тяжелую сумку"; тайаг'ух' укааг'а-на-х' "Человек вошел" – тайаг'ух' н'иин чм'атих' укааг'а-аса-на-х' "Человек нам принес хлеба, вошел к нам с хлебом"; Иваан вааг'а-ку-х' "Иван приехал" – Иваан л'аан вааг'а-аса-ку-х' "Иван приехал с сыном, привез сына". Отметим попутно отличие подобных предложений от комитативных, т.е. выражающих совместное действие, ср.: лаафким хадан агитаадан' агиитал хуяа-ку-к' "Я с другом (совместно – агиитал) иду в магазин" vs. лаафким хадан агитаадан' хуяа-аса-ку-к', которое может быть понято только как "Я несу друга (иду с другом на руках или на спине) в магазин". Здесь же отметим отличие рассматриваемых предложений от каузативных. Так, для первого предложения выше исходным является не кууричах' игах'та-ку-х' "Курица летит", что было бы естественно для каузативной макроситуации, а предложение к'ан'лаах' игах'та-ку-х' "Ворон летит". Добавление -Дса- дает "чистую" транзитивацию.

Глаголы чувства, эмоционального состояния и умственной деятельности: анаа иг'ана-на-х' "Его мать сердилась" – анаа л^аан иг'ана-аса-на-х' "Его мать сердилась на своего сына"; аангичикаада-за-Ø-к' "Я всегда думаю" – аангичикаада-аса-за-Ø-н' "Я всегда о ней думаю".

Глаголы состояния: саг'а-ахт'! "спи" – саг'ачхизах' саг'а-аса-ах'т "Спокойной ночи", букв. "сном-хорошим спи".

Глаголы активного контактного действия: амг'икух' "Он дерется" – Петя л^ах' амг'и-иса-ку-х' "Петя с мальчиком подрался"; ср. также реципрок: тидих амг'и-иса-ку-с (или: тидих амг'и-иса-ку-х – дв. ч.) "Они дерутся друг с другом"; адаа ава-ку-х' "Его отец работает" – адаа айх'аасин ава-аса-ку-х' "Его отец чинит свою лодку", букв. "работает над лодкой"; л^ас амнихта-на-с "Мальчики бросали, кидались" (ср. русск. "кидаться", "бросаться") – л^ас айх'аасим наган чугух' амнихта-аса-на-с "Мальчики бросали в лодку песок"; тайаг'ус ачхух'такус "Мужчины раздают (занимаются раздачей)" – тайаг'ус сам саам^лан'ис ачхух'та-аса-ку-с "Мужчины раздают птичьи яйца".

Есть примеры, когда -Дса-, присоединяясь к глаголам, вводит актант со значением инструмента: к'аси-ку-'с "Они ловят рыбу" – запуурах' к'аси-иса-ку-с "Они ловят рыбу запором (вид временной плотины)" (Bergsland, Dirks 1981: 85). Информанты ЯКА признают такие предложения правильными, однако сами практически не используют этот способ выражения значения инструмента. Поясним, какой способ выражения значения инструмента является наиболее распространенным в ЯКА. Это отыменной глагол с суффиксом -Дса- в форме конъюнктива ("деепричастие одновременного действия", см. п. 4.2.2.7 в главе 2 и п. 3.3.1.1 в разделе 2 этой главы): к'ах' чаг'и-иса-л су-ку-х' "Я взял рыбу рукой". В данном случае -Дса-, строго говоря, не является транзитиватором: он валентен на именную основу (в данном случае ча-х' "рука"), от которой образован глагол, ср. к'ах' сукук' "Я рыбу взял". Интересно, что возможно предложение к'ах' чаг'ил сукук' "Я рыбу рукой взял". Отличие его от предложения выше заключается в различной актуализации: в предложении с формой чаг'иисал содержится имплицитная контрастивность ("взял рукой, а не вилкой, ложкой и т.п."). Глагол чаг'ил (без транзитиватора -Дса-) обозначает "действие рукой вообще", в то время как форма с транзитиватором -Дса- чаг'иисал обозначает действие рукой в конкретной ситуации"; последнее значение, видимо, некоторым образом связано с определенностью.

Глаголы активного бесконтактного действия: адалу-нааг'-ииг'ута-масу-ку-х'т "Ты, наверное, опять стараешься поступить нечестно" (букв. "поступить.нечестно-пытаешься-опять-наверное-ты") – тин' адалу-уса-нааг'-ииг'ута-масу-ку-х'т "Ты, наверное, опять стараешься меня обмануть", букв. "поступить нечестно по отношению ко мне"; к'аалааг'нааг'-и-ку-с "Они дразнятся" – л'ах' к'аалааг'нааг'-аса-ку-с "Они мальчика дразнят".

Глаголы речи: матал тунумка-ату-за-на-г'ула-х' "Он обычно не любил рассказывать" – матал анг'агинат тунумка-аса-ату-за-на-г'ула-х' "Он обычно не любил рассказывать о своей жизни"; тунух'такус "Они разговаривают" – унан'ам ум-суу тунух'та-аса-ку-с "Они разговаривают на алеутском языке".

Качественные глаголы: улуудакух' "Он красный" – аамгих' улууда-аса-ку-х' "Он красный от крови" (букв. "кровью красный"). Если в качестве подгруппы выделить "количественные" глаголы, то есть такие, которые характеризуют объект с точки зрения его размеров и т.п., то появившийся в результате транзитивации новый актант имеет достаточно нетривиальное значение меры сравнения: й'аагах' аду-ку-х' "Палка длинная" – хин'ан й'аагах' алах миитрах сайгис илагаан аду-уса-ку-х' "Эта палка на два метра длиннее ружья", букв. "эта палка два метра (=мера сравнения) от ружья (=эталон сравнения) длинная"; л'ах' к'айа-ку-х' "Мальчик высокий" – л'ах' миитрам ан'аа асхинум илагаан к'айа-аса-ку-х' "Мальчик на полметра выше девочки", букв. "мальчик полметра от девочки высокий". Здесь необходимо заметить, что анализ глаголов данного типа как производных от одноместных глагольных основ аду- "быть длинным", к'айа- "быть сильным" и т.п. создает определенные сложности. Дело в том, что именные группы сайгис илагаан "от ружья", "по сравнению с ружьем", асхинум илагаан "от девочки", "по сравнению с девочкой" в этих предложениях являются обязательными, то есть неправильно *хин'ан й'аагах' алах миитрах аду-уса-ку-х' или *л'ах' миитрам ан'аа к'айа-аса-ку-х'. Это означает, по-видимому, что актант, обозначающий эталон сравнения в данных конструкциях, является синтаксическим актантом глагола (альтернативный анализ этих предложений см. в п. 4.2.3.3 в этом разделе ниже).

Мы отдаем себе отчет в том, что, характеризуя добавляющийся актант производной конструкции как Р, мы несколько упрощаем дело, так как за этим символом скрываются разные семантические сущности. Так, семантика Р при пред-

катах речи отличается от семантики этого элемента во всех других примерах. Ср. еще несколько предложений: ааг'а-на-к' "Я сделал зря" – ааг'а-аса-к'а-н' "Я это зря сделал"; ...анг'им һагйааулах... амилгим аг'йаан'инаа имад-уса-к'адаам, һамаан нагаан һитнах' "...возгласив громким голосом, дух нечистый вышел из него" (М 1: 26), ср.: имат-на-х' "Он крикнул"; ак'и-на-х' "Он убежал" – танасхан ак'и-иса-на-х' "Он убежал "в ост-ров" (местн.)", то есть "в тундру".

4.2.3.2. Суффикс -Дса- с двухместными глаголами

Присоединяясь к глагольным двухместным основам, показатель -Дса- выполняет функцию "продвигающего" суффикса. В производной семантической структуре инструмент реализуется как обязательный семантический актанта D, а семантические актанта А и Р сохраняются. На поверхностном уровне семантический актанта Р, который в исходной конструкции был выражен ИГ, оформленной как П2, в производной конструкции выражен ИГ, оформленной как П3 (маркировка показателем н'аан). Ср.: анах' аник'дух' чачи-ку-х' "Мать укрыла ребенка" – анах' ин'тих' аник'дум н'аан чачи-иса-ку-х' "Мать одеялом укрыла ребенка" ("одеяло накрыла для ребенка"); в быстрой речи аник'думаан – см. выше п. 3.1.3 в этом разделе).

Ср. теперь примеры, в которых необязательный элемент семантической структуры (инструмент) выражен другими средствами, по сравнению с примерами выше: анах' ин'тих' сух'тал аник'дух' чачи-ку-х' "Мать укрыла одеялом ребенка"; анах' ин'тиг'иисал аник'дух' чачи-ку-х' (перевод тот же). Относительно последнего примера см. объяснение в предыдущем параграфе. В предпоследнем примере для выражения значения инструмента использовано сочетание имени с формой "деепричастия одновременного действия" от производного глагола су-х'та- "держат" (ср. су- "взять (рукой)"), букв. "одеяло держа укрыла". Последний способ выражения значения инструмента чрезвычайно частотен в ЯКА.

Ср. еще примеры увеличения валентности двухместных глаголов: аяага-х' асу-х' имда-ку-х' "Женщина наполнила кастрюлю" – аяага-х' асум н'аан таан'ах' имда-аса-ку-х' "Женщина наполнила кастрюлю водой"; аяагах' асух' улиг-и-ку-х' "Женщина кастрюлю трет" – аяагах' асум н'аан чх'уух' улиг-аса-ку-х' "Женщина трет губкой кастрюлю"; аяагах' сабааках' анаг-и-ку-х' "Женщина ударила собаку" – аяагах' сабаакам н'аан й^аагах' анаг-уса-ку-х' "Женщина палкой ударила собаку".

Отметим попутно, что и в предложениях этого типа заметно влияние русского языка. Предложения описанной выше структуры могут заменяться на предложения, представляющие собой буквальный перевод соответствующих русских предложений. Пример: асум наган таан'ах' имда-аса-ку-х' "В кастрюлю воду набирает" (асум наган "в кастрюлю" – имя с послелогом), ср. исходное предложение: асух' имда-ку-х' "Он/она наполняет кастрюлю".

(Квази)рефлексивы также могут быть базой для образования производных конструкций этого типа с суффиксом -Дса-, ср.: тин ачиха-ку-х' "Он учится" – умсумас иим ачиха-аса-ку-х' "Он учится нашему языку"; тин' нат-и-ку-к' "Я ударился" – чан' н'ус над-уса-ку-к' "Я ударил себе руку"; тин' к'аг'а-ку-к' "Я радуюсь" – н'ус к'аг'а-аса-ачхуза-ку-н' "Я благодарен за это", букв. "я очень радуюсь этому". В последнем примере на продвижение указывает показатель -н' 1 л. ед. ч. X 3 л. ед. ч. (II спряжение). Рефлексивные местоимения тин', тин и др., занимающие П2 в исходных конструкциях, при введении суффикса -Дса- вытесняются в косвенную позицию П3 (и соответственно имеют вид н'ус, иим и др. – см. п. 3.1.3 выше), а П2 заполняется новым элементом. Механизм, таким образом, не отличается от того, который регулирует этот тип деривации во всех двухместных глаголах.

В некоторых случаях для производного глагола с -Дса- не восстанавливается исходная форма, хотя и существует соответствующая именная основа, ср.: аса-аса- "назвать дать (кому-л.) (какое-л.) имя": анах' л'ам н'аан Михаил аса-аса-ку-х' "Мать назвала своего сына Михаил". Не существует глагольной основы *аса- "дать имя", есть только асах' "имя"; что касается глагольных основ, то на базе именной основы возможны лишь производные отыменные глаголы аса-лг'и- "дать кому-л. имя", букв. "снабдить кого-л. именем"; аса-х'та- "иметь какое-л. имя", букв. "иметь что-либо в качестве имени": об отыменных глаголах см. п. 4.3.1 главы 2.

Есть глаголы с суффиксом -Дса-, для которых не восстанавливается ни исходная глагольная, ни именная основы: аг'и-иса- "покидать, оставлять", ср. пример из популярной на Командорских островах песни: агитаадан', тин' аг'и-иса-лага-ах'т! "Товарищ мой, не покидай меня!". Хотя исходного глагола *аг'и- или *аг'- с соответствующим значением в ЯКА не существует, правомерность выделения здесь показателя -Дса- не вызывает сомнений на фоне существования других глагольных форм: аг'и-х'та-аса-л букв. "иметь покинутым" (посес-

сивный результатив, см. п. 4.3.4 в главе 2); ср. также пассив аг'и-ила-, см. п. 4.3.6 в главе 2; ср. также с глагольной формой с уступительным значением: улам наган тин' аг'и-нааг'-аса-ку-г'-а-ан хит-и-на-к' "Хоть он и стремился оставить меня в доме, я вышел (наружу)" – подробно см. п. 3.3.2.2.2 в этой главе.

4.2.3.3. Транзитивация качественных глаголов

Вернемся теперь к анализу предложений с качественными глаголами, выражающими меру сравнения, представленными выше в п. 4.2.3.1. Учитывая вышеизложенные факты относительно не существующего исходного глагола для аг'ииса-, можно предложить несколько иную трактовку деривационной истории этих предложений. Согласно этой трактовке, исходным для них можно считать предложения со сказуемым – производным глаголом с транзитиватором -Дта- (специализированный суффикс, добавляющий актанта, выражающий размер, вес и т.п.: й^аагах' аду-ку-х' "Палка длинная" – й^аагах' алах миитрах аду-ута-ку-х' "Палка имеет длину два метра"; ср. также: й^аагах' алах миитрах сайгис илагаан аду-уса-ку-х' "Эта палка на два метра длиннее ружья". Такой подход позволяет снять проблему, возникающую при интерпретации производных качественных глаголов с -Дса-. Добавление -Дса- к основе качественного глагола не увеличивает валентность исходного одноместного глагола сразу на две единицы. Между одновалентной глагольной основой аду- и трехвалентной аду-уса- есть промежуточное звено – двухвалентная основа аду-ута-. Следует отметить, что подобная трехступенчатая цепочка увеличения глагольной валентности характерна только для качественных глаголов, причем для тех, которые допускают при себе ИГ со значением размера, веса, расстояния и под. Ср. еще примеры: хин'ан ханих' к'амда-ку-х' "Это озеро глубокое" – хин'ан ханих' чаан' миитрас к'амда-ата-ку-х' "Это озеро пять метров в глубину" – хин'ан ханих' чаан' миитрас Сараанам илагаан к'амда-аса-ку-х' "Это озеро на пять метров глубже Саранного (озера)"; к'ан' атуун' килограамас игна-ата-ку-х' "Моя рыба весит шесть килограммов" – к'ан' атуун' килограамас к'амис илагаан игна-аса-ку-х' "Моя рыба на шесть килограммов тяжелее твоей рыбы". В отношении последнего примера стоит заметить, что в ЯКА не существует глагола *игна- "весить", "иметь вес", есть только имя игна-х' "вес", "тяжесть"; однако ср. отыменную глагольную основу игна-ту- "быть тяжелым", "иметь большой вес" (см. п. 4.3.1 в главе 2).

Отметим важную особенность производных качественных глаголов с показателем -Дса- в отличие от качественных глаголов с показателем -Дта-: ИГ, выражающая семантический актант D, маркируется при первых с помощью аблативной формы послелого ил- "в" (см. п. 7.3. в главе 2).

4.2.3.4. Суффикс -Дса- и инструментальная валентность

Как уже отмечалось, в АЯ суффикс -Дса- может вводить инструментальную валентность: к'аси-ку-с "Они ловят рыбу" – запуурах' к'аси-иса-ку-с "Они ловят рыбу забором (вид временной плотины)" (Bergsland, Dirks 1981: 85). Наши информанты признают такие предложения правильными, однако сами практически не используют этот способ выражения значения инструмента. Подробнее о способах выражения значения инструмента см. выше, в частности п. 4.3.2.1 ("Глаголы активного контактного действия").

4.3. Пассивизация

Пассивная трансформация в ЯКА – одна из самых интересных. Синтаксическим содержанием пассивной трансформации в ЯКА является образование производной конструкции, в которой А подчеркнуто устранен из плана выражения, хотя в плане содержания сохраняется "память" о том, что данное действие не произошло само собой, а кем-то совершено. Обязательным формальным средством образования пассивной конструкции является добавление к основе глагола одного из многочисленных пассивных суффиксов (см. п. 4.3.6 главы 2; см. также: Golovko 1986; Головко 2008б).

В ЯКА существует два типа пассива: собственно пассив – преобразование исходной двучленной конструкции, и то, что обычно называют безличным пассивом – образуется от одноместных и двухместных глаголов. Следует заметить, что эти два типа конструкций существуют параллельно и в каком-то смысле независимо друг от друга.

4.3.1. Безличный пассив

Образование безличного пассива возможно как от одноместных, так и от двухместных глаголов. Примеры на безличный пассив от одноместных глаголов: к'ида-ку-х' "Он/она плачет" – к'ида-лга-ку-х' букв. "Плачется"; амаатхам хадаан айх'а-ку-с "Мы едем на лодке далеко" – амаатхам хадаан айх'а-лга-ку-х' букв. "Далеко едется на лодке"; хадамин' хуйа-на-х'

"Ко мне он подошел" – хадамин' хуйа-лга-к'а-х' букв. "Ко мне подождено".

Для безличного пассива характерно отсутствие числового согласования между глаголом-сказуемым и именем, занимающим П1: показатель -х' является семантически пустым в том смысле, что он не имеет референта в реальной действительности¹³⁴. Однако следует сказать, что прагматической особенностью безличного пассива является то, что все без исключения информанты при переводе предложений наподобие приведенных выше на русский язык пользуются местоимением 1 л. мн. ч.: "Мы плачем", "Мы далеко едем на лодке", – или, в ситуации, когда это невозможно, местоимением 3 л., мн. ч.: "Ко мне они подошли". Безличный пассив, таким образом, имплицитно связан с множественностью S.

Безличный пассив может образовываться и от предложений с двухместными глаголами: плиитах' ани-ку-к' "Я растопил печь" – плиитах' ани-лга-ку-х' "Печь растапливается". В исходной конструкции в П2 стоит ИГ, выражающая Р, и она же стоит в П1 в производной конструкции; целью пассивного преобразования здесь является устранение А из плана выражения: пузаарах' кууг'ал анг'аг'ина-с коолокола-х' туга-на-с "Когда пожар начался, люди ударили в колокол" – пузаарах' кууг'ал коолокола-х' туга-лга-к'а-х' "Когда пожар начался, ударили в колокол"; айага-с к'а-с чиистил к'ака-т-и-ку-с "Женщины рыбу чистят и сушат" – к'а-с чиисти-лга-л к'ака-сха-ку-х' букв. "Рыба (мн.) чистится и сушится"; угуроода-с хилги-к'али-ика-ку-с "Мы/они должны начать копать огород(ы) (pluralia tantum)" – угуроода-с хилги-лга-к'али-ика-ку-х' "Пора начинать копать огород(ы)" (букв. "огороды копать-должно-быть-начато"); алк'умаан аник'ду-с ачиха-лга-да-х'? "Чему обучаются дети?", букв. "чему детей обучено?", ср.: ачихана-х' аник'ду-с самних'т ас ачиха-ку-х' "Учитель учит детей считать".

¹³⁴ В отношении ЯКА можно говорить о классе "безличных предложений". Предложения этого класса имеют разную деривационную историю, однако объединены тем, что глагол-сказуемое в них оформлен семантически пустым показателем -х', формально совпадающим с показателем 3 л., ед. ч. I типа спряжения. Этот показатель можно также интерпретировать как показатель согласования с нулевым топиком. См. о безличных предложениях п. 3.1.1 в разделе 1 главы 3; там же приводится диагностическая трансформация, позволяющая отличать личные предложения от безличных.

Отсутствие согласования Р с глаголом по числу повидимому, указывает на то, что Р не является в этих предложениях топиком. Здесь, видимо, можно говорить о "нулевом топике".

Безличный пассив как от одно-, так и от двухместных глаголов объединяет одна существенная особенность: целью любого пассивного преобразования в ЯКА является порождение такой конструкции, в которой из синтаксической структуры исключена ИГ, соответствующая А (для двухместных) или S (для одноместных глаголов), или, иными словами, устранена ИГ, выражающая актора. Пассивное преобразование, таким образом, является одним из средств организации коммуникативного смысла высказывания.

4.3.2. Личная пассивная конструкция

Глагол-сказуемое в предложениях этого типа маркирован теми же пассивными показателями, что и безлично-пассивные предложения. В этом случае, так же, как и в безлично-пассивных предложениях, устраняется А, но при этом глагол начинает согласовываться с именем, выражающим Р. Ср. измененные предложения, которые приводились в предыдущем разделе для иллюстрации форм безличного пассива: к'а-с чисти-лга-л к'ака-сха-ку-с букв. "рыбы (мн.) чистятся и сушатся"; угуроода-с хилги-к'али-ика-ку-с "Пора начинать копать огороды", букв. "огороды копать-должны-быть-начаты"; алк'умаан аник'ду-с ачиха-лга-да-Ø-с? "Чему обучаются наши дети?"

Если в исходной конструкции имя Р представлено 1 или 2 лицом, то в этом случае также возможны две разных трансформации: л^а-с тин' киду-ку-с "Мальчики мне помогают" – тин' киду-лга-ку-х' "Мне помогают", букв. "мне поможено" (безличный пассив), и тин' киду-лга-ку-к' "Мне помогают", букв. "Я поможен" (личный пассив). тин киду-на-к' "Я тебе помог" – тин киду-лга-к'а-х' "Тебе помогли", букв. "тебе поможено" (безличный пассив), и тин киду-лга-к'а-х'т букв. "ты поможен" (личный пассив).

Если следовать логике рассуждений, используемой нами для описания структуры ЯКА, то придется признать, что в собственно пассивных предложениях, в которых глагол согласован с именем Р, Р является топиком. При этом в безлично-пассивных предложениях Р не является топиком, поскольку глагол с ним не согласуется. Однако в отличие от предложений, рассмотренных в п. 3.1.2.3, когда топиализуемому Р

приходится конкурировать с А и, во избежание двусмысленности, его топиказизация маркируется специально выбором типа спряжения, в данном случае в этом нет необходимости, так как, благодаря пассивному преобразованию, возможный "конкурент" Р на роль топики – А – из предложения устранен. В глаголе с пассивным показателем не может быть никаких других личных показателей, кроме суффиксов I типа спряжения.

Без сомнения, функция пассивного преобразования в ЯКА лежит в коммуникативной плоскости. Наличие двух вариантов такого преобразования – собственно пассива и безличного пассива – дает более широкие возможности для варьирования коммуникативного смысла предложения.

Другая существенная особенность пассивных предложений, упоминавшаяся выше (см. п. 4.3.6 в главе 2), – это обязательное употребление в качестве показателя прошедшего времени суффикса -к'а- (а не -на-), сочетающегося в пассивных формах с показателями лица I типа спряжения, что невозможно в активных глагольных формах. Употребление именно этого показателя (который, напомним, оформляет двухместные глаголы прошедшего времени II типа спряжения), возможно, является своеобразной "памятью" о том, что исходная структура включает два семантических элемента: А и Р, хотя синтаксически выражен лишь Р. Другое, более традиционное объяснение: пассив прошедшего времени некоторым образом увязан с формами причастий завершенного действия (см. п. 3.2.2 в разделе 2 главы 3), однако это объяснение не функционально и может иметь лишь диахронический смысл.

Пассивное преобразование исходных трехместных конструкций принципиально не отличается от описанного выше. Здесь также устраняется А и допускается собственно пассивное и безлично-пассивное преобразование. Примеры: л'а-х' асхинум н'аан канфиитас аг'-и-ку-х' "Мальчик дал девочке конфеты" – асхинум н'аан канфиита-с ах'-сха-ку-х' "Девочке дали конфеты", букв. "Девочке конфеты дано"; или асхинум н'аан канфиита-с ах'-сха-ку-с "Девочке дали конфеты", букв. "девочке конфеты даны"; л'а-х' кармаанам наган канфиита-с аг'-и-ку-х' "Мальчик положил конфеты в карман" – кармаанам наган канфиита-с ах'-сха-ку-х' букв. "В карман конфеты положено", или кармаанам наган канфиита-с ах'-сха-ку-с "В карман конфеты положены".

Различия между собственно пассивным и безлично-пассивным вариантом также коммуникативные: вероятно, наличие двух

конструкций обеспечивает выбор между топиализацией Р или "нулевой топиализацией".

В пассивных конструкциях от трехместных глаголов, так же, как в исходных конструкциях, допустима вариативность порядка слов, что обусловлено, по-видимому, различной актуализацией информации. Так, в каждом из приведенных выше предложений возможна перестановка Р и D: канфиита-с асхинум н'аан или асхинум н'аан канфиита-с, канфиита-с кармаанам наган или кармаанам наган канфиита-с.

Следует специально остановиться на образовании производных пассивных конструкций от двухместных и трехместных глаголов, включающих каузативный показатель -чх'и-. Маркерами пассивного преобразования в этих случаях могут выступать как показатель -лга-, так и показатель -сха-. Показатель -чх'и- образует производную глагольную основу на гласный, поэтому морфологически употребление здесь -сха-, который обычно появляется только после основ на согласный, типом основы объяснить нельзя¹³⁵: анг'а'гинам агиидаган укааг'ак'аа к'а-чх'и-ку-к' "Я кормлю человека, пришедшего в гости" – анг'а'гинам агиидаган укааг'ак'аа к'а-чх'и-сха-ку-х' букв. "Человек, пришедший в гости, кормится (=кормим)", однако ср.: сабааках' к'а-чх'и-лга-ку-х' "Собака кормится"; анаа асхинуум н'аан чуулких чу-чх'и-на-х' "Мать своей дочери чулки надела" – асхинуум н'аан чуулких чу-чх'и-сха-к'а-х' букв. "дочери чулки (дв. ч.) надето", однако это предложение возможно также с другим показателем пассива: асхинуум н'аан чуулких чу-чх'и-лга-к'а-х' букв. "Дочери чулки надето"; айх'аасин'ин хузун'ис айухтух'-чх'и-ку-с "Они заставили все их лодки выйти в море" – айх'аасин'ин хузун'ис айухтух'-чх'и-сха-ку-с "Все их лодки «были заставлены» выйти в море" – трансформированный пример из текста в сборнике (Atkan Historical Traditions, Book 3, p. 63): однако возможно также: айухтух'-чх'и-лгаа-ку-с перевод тот же.

Особым образом маркируется пассивное преобразование конструкций с двух- и трехместными глаголами, образованными посредством транзитиватора -Дса- (см. п. 4.2.3 в этом разделе). Пассивным маркером здесь во всех случаях является показатель -Дла-, при этом он объединяет в себе функцию пассива (устранение А) и транзитивирующей морфемы -Дса- (ко-

¹³⁵ Вероятно, именно поэтому К. Бергсланд выделяет особый составной пассивный показатель -чх'исха- (Bergsland, Dirks 1981: 83; Bergsland 1997: 176).

торая при пассивизации заменяется на -Дла-): аник'дух' чачи-ку-х' "он/ она ребенка укрыл(а)" – ин'тих' аник'дум н'аан чачи-иса-ку-х' букв. "он/она одеяло на ребенка накрыл(а)", и ср. пассив: ин'тих' аник'дум н'аан чачи-ила-ку-х' "Ребенка укрыли одеялом", "Ребенок укрыт одеялом". В последнем предложении с введением суффикса -Дла- устраняется А.

При образовании пассивной конструкции от предложений с рефлексивами и квазирефлексивами вместе с А из предложения устраняется и (квази)рефлексивный маркер, указывающий на кореферентность актантов: хаадагнаах'с тин хуг'нат-и-ку-х' "Он бегал и согрелся" – хаадагнаах'-сха-л хуг'нат-и-лга-ку-х' (перевод тот же); аваачхузам агалагаан тин саг'а-ни-ку-х' "После тяжелой работы он засыпает" – аваачхузам агалагаан саг'а-ни-лга-ку-х' букв. "После тяжелой работы засыпает"; тимас хатаг'-ни-на-с "Мы испугались" – хатаг'-ни-лга-на-с "Мы испугались" (букв. "у нас произошел испуг").

Отмечено несколько примеров, в которых А сохраняется при пассивном преобразовании: к'агаан айагаа нииг'уг'им илаан айага-г'а-к'а-х' букв. "Восточная женщина взята-женой аткинским алеутом" (Bergsland 1959: 58)¹³⁶. В этом предложении А выражен словосочетанием имени с послелогом илаан в аблативе; такие примеры исключительно редки.

В ЯКА есть другой, чрезвычайно любопытный способ сохранения А в пассивном предложении. Эти предложения, при всем их своеобразии, совершенно грамматичны, хотя и имеют ограниченную сферу применения: в исходной конструкции могут быть только глаголы с общей семантикой "приобретения" типа су- "взять", атхааза- "схватить", при этом пассив образуется непосредственно от основы имени, выражающего А. Более подробно об этих предложениях см. в п. 4.3.6; здесь приведем только один пример: сабааках' л'ам микаасии кихта-на-х' "Собака взяла (в зубы) игрушку мальчика" – л'ам микаасии сабаака-лга-к'а-х' букв. "Игрушка мальчика собако-взята".

В заключение отметим, что в пассивных конструкциях ЯКА регулярно употребляются две глагольные формы, образованные от глагольной основы заместительного глагола ма- "делать" пассивными показателями -лга- и -сха-: чаайуутут? – аан', ма-ку-к' "Хочешь чаю? – Да, хочу", и ср.: нигайам

¹³⁶ Головка выражает признательность К. Бергсланду, который в комментариях к первому варианту статьи (Golovko 1986) обратил его внимание на этот пример.

к'ин'анаа ма-лга-ку-х' "Сильный холод стоит", букв. "делается"; чайях' ма-лга-ку-х' "Музыка играет" (букв. "делается"). Возможно также предложения с теми же значениями без пассива: нигайам к'ин'анаа макух' "Сильные морозы стоят": чайях' ма-ку-х' "Музыка играет", – однако такие примеры встречаются реже. Оба варианта (с показателем пассива и без него) употребляются, как правило, для сообщения о происходящих атмосферно-метеорологических явлениях, а также о явлениях, так сказать, "приравненных" к ним (музыка, радио, телепередача, шум и под.). При одном и том же смысле, выражаемом глаголами, образованными от основ ма- и ма-лга- в приведенных примерах ("происходить", "иметь место"), различие между ними заключается, возможно, в различной топиализации: в примерах с активной конструкцией топиализуется единственный актант, а в примерах с пассивом – "нулевой топик". Такая трактовка соотносится и с употребительностью двух типов предложений: вероятно, атмосферно-метеорологические и подобные им явления и должны выражаться предложениями с "нулевым топиком".

Глагол с другим показателем пассива ма-сха- настолько близок по значению к ма-лга- ("происходить", "иметь место", "делаться"); что эти две формы практически всегда взаимозаменяемы. В отличие от ма-лга-, глагол ма-сха- имеет другую деривационную историю и по формальным основаниям должен быть образован от основы ма-т-. Глагол ма-т- (в "деепричастной" форме ма-с) имеет значение "причинять", "предпринимать", "каузировать сделать", а также "соглашаться (сделать)" и "обещать (сделать)"; он также выполняет определенные синтаксические функции в полипредикативных предложениях – см. п. 3.3.2.1.1.2 в этой главе).

5. Распространенные предложения

5.1. Необязательное заполнение позиции ПЗ

Существуют глаголы, которые допускают необязательное заполнение позиции ПЗ. Механизм заполнения и семантика вводимого необязательного синтаксического элемента совпадает с описанными в п. 3.1.3 этой главы: используется специальный маркер (парадигма дана там же) в случае, если в ролевую структуру вводится адресат (в широком смысле – покрывающем и роль бенефактива), и послелог – если в ролевую структуру вводится локатив. Получаемая синтаксическая конструкция не отличается от описанных в п. 3.1.3.

5.1.1. Введение адресата

Примеры с необязательным адресатом / бенефактивом при одноместных и двухместных глаголах: н'усин' сукун' "Я взял это себе"; сах' имис сунах'т ии? "Ты взял себе утку?"; Иван сах' игиим сукух' "Иван взял себе утку"; л'ас сах' имдих сукус "Мальчики взяли себе утку"; агитаадан' н'усин' ан'аачаг'инах' "Мой друг мне (для меня) спел"; Иван унанах' н'иин ак'ан'ис "Иван был у них (букв. "им") поваром"; л'ах' анг'аг'инас н'иин унанах' "Мальчик для этих людей готовил"; н'аан малгакух' алакан "Для него ничего нет"; имис хахсидуукаг'улах' хин'а "Он тебе не откроет" (опущено *дверих* "дверь" – вероятно под влиянием русского языка); н'усин' хахсидуукаг'улах'т "Ты мне не откроешь" (опущено *дверих* "дверь" – возможно, под влиянием русского языка).

5.1.2. Введение локатива

5.1.2.1. Локатив, выраженный именем с послелогом

Примеры с необязательным локативом от одноместных и двухместных глаголов представляют собой сочетание "вещественного" имени с каким-либо пространственным именем или с послелогом (см. п. 7 главы 2). Как и любое другое сочетание двух имен в ЯКА, сочетание имени с послелогом оформляется с помощью притяжательной конструкции: к'уганах' алаг'у-м нага-н итнах' "Камень в море упал"; аник'дукиин ула-м агала-н микакух' "Твои двое детей играют позади дома".

Глаголы перемещения в пространстве могут иметь при себе две ИГ с локативным значением, если одна из них включает послелог в аблативной форме; в этом случае в предложении оказывается выраженной и начальная, и конечная точки движения: к'уганах' алаг'у-м нага-н кииг'ууси-м илага-а-н итнах' "Камень в море со скалы упал". Допускается мена порядка слов, вызывающая другую актуализацию информации в предложении: к'уганах' кииг'ууси-м илага-а-н алаг'у-м нага-н итнах' "Камень со скалы в море упал". Ср. еще примеры: к'ананта¹³⁷ анг'аг'инах' чигаг'-и-мин' аг'атикух' "Какой-то чело-

¹³⁷ Слово к'ананта "какой-то" (возможно, к'анаанта – на базе формы отн. п. к'анаан) представляет собой новообразование, употребляемое только в ЯКА: алеутское вопросительное слово к'анан "какой", "который" (о вопросительных словах см. раздел 8 ниже) + русская частица *-то* дает неопределенное местоимение по образцу русского "какой-то". Это совершенно новое в морфологическом отношении образо-

век ко мне подошел" (чидаг'а "пространство около, граница, край чего-л."), букв. "Какой-то человек вблизи-меня появился"; чугух' мешуука-м илага-а-н й'укух' "Песок высыпался из мешка"; Миидна-м хада-а укух'такук' "Я смотрю в сторону (острова) Медного"; тана-м ан'а-н айх'анас "Возле берега ("под берегом") поплыли"; чиг'ана-м хан'ада хигитиикак' "Я могу перепрыгнуть через ручей"; к'ан'лааг'их' ула-м к'уса-н аг'ах'такух' "Ворон кружит над домом"; тамааках' стуули-м ку-га-н чилгинак' "Я насыпал табак на стол".

5.1.2.1.2. Топикализация одноместных глаголов

Правила топиализации те же, которые были описаны в п. 3.1.3. Тем не менее есть смысл остановиться на этом и здесь, так как топиализация локатива дает возможность продемонстрировать согласование с топиком одноместных глаголов, в том числе и такого, как глагол от основы а- "быть", ср.: канфиита-х' кармаана-м наган а-ку-х' букв. "Конфета в кармане находится"; кармаана-х' | канфиита-м наган а-ку-у "Карман | конфета в нем находится". Топикализация локатива, как видно из приведенных примеров, происходит по общему правилу. Глагольное согласование (II тип спряжения, так как топиализуется не А) контролируется топиком-локативом. Подобные примеры с очевидностью показывают, что два существующие в ЯКА типа спряжения никак не связаны с переходностью/непереходностью. Названия "субъектное спряжение" и "субъектно-объектное спряжение" (использовавшиеся ранее в некоторых работах других авторов применительно к тем двум парадигмам которые мы здесь называем I спряжением и II спряжением) не только не отражали бы существа дела, но, напротив, вводили в заблуждение. Ср.: еще примеры: велосипеедас¹³⁸ куган айх'аакаг'улах'т? – нан'аа, куган айх'ааканин' "На вело-

вание вызвало также появление нетипичного для АЯ синтаксического сочетания слов: к'ана(а)нта анг'аг'инах' "какой-то человек". Ранее соответствующие значение "неопределенности" (нереферентности) одного из актантов выражались (и продолжают выражаться в остальных алеутских диалектах, см. Bergsland 1997: 178–185) в основном при помощи аналитического сочетания одной из форм (причастия на -на- или настоящего времени) "главного" глагола в сочетании с вспомогательным глаголом а- "быть".

¹³⁸ Так, в примере, полученном от нашей информантки: имя в форме мн. ч. Возможно, в ее идиолекте это имя *pluralia tantum*; другие информантки употребляют это заимствование из русского языка в ед. ч.

сипеде ты не умеешь ездить? – Нет, умею (букв. «на-нем ездить-могу-я»): -нин' указывает на 1 л. ед. ч. и на 3 л. мн. ч. опущенного в этом предложении, но известного из контекста велосипедас); Иван улам илагаан хитикух' "Иван вышел из дома" – Иван илагаан хитикуу "Иван из него вышел"; л^ас Вааля хадан хин'ааг'ах'танас "Мальчики ходили туда к Вале" – л^ас хадан хин'ааг'ах'так'аа "Мальчики ходили туда к ней", но ср.: Вааля хадан хин'аг'ах'так'аа "Он ходил туда к Вале" (не "Валя ходила туда к нему"!); тайаг'ус хадан'ин хуйакук' "Я иду к людям" – хадан'ин хуйакунин' "Я иду к ним"; ср. также: хадимин' хуйакус "Они идут ко мне".

В работе (Bergsland 1989a) отмечается, что в современном языке описанный выше принцип не всегда соблюдается строго. Для ЯКА он также проводится не вполне последовательно: у некоторых информантов возможны отклонения от него, не складывающиеся, впрочем, ни в какую определенную систему. Причиной этих отклонений, несомненно, является ситуация языкового сдвига.

5.1.2.1.3. Взаимодействие топиализации с другими средствами актуализации информации

Рассмотрим, как взаимодействует топиализация с другими средствами актуализации информации в предложении. Ср.: к'алгадах' стуулуг'им куган акух' "Еда находится на столе" – к'алгадам куган акуу "Еда на нем находится". Во втором предложении топиком является локатив, в то время как в первом топиализуется А. Рассмотрим в этом ряду еще один производный пример: к'алгадах' куган акуу "На нем находится еда" Казалось бы, он должен быть неграмматичным: ИГ к'алгадах' оформлена показателем абсолютного падежа, что кажется странным в сочетании с II типом спряжения глагола-сказуемого. Однако информанты признают это предложение правильным. Дело здесь в том, что последний пример не является производным от первого предложения: исходным для него будет предложение типа стуулуг'им куган к'алгадах' а-ку-х' "На столе находится еда" – с другой, по сравнению с первым предложением, актуализацией¹³⁹. И для предложения стуулуг'им куган к'алгадах' а-ку-х' "На столе находится еда" возможна топиализация "определенного" локатива, однако предложение с топиком-локативом в этом случае будет выгля-

¹³⁹ О возможности изменения актуализации при помощи мены порядка слов см. также выше в п. 5.1.2.1.

деть не *(стуулуг'их') | куган к'алгадах' акух', так как с послелога предложение начинаться не может, а к'алгадах' куган акуу. Абсолютный падеж к'алгадах' в нем указывает на неопределенность, неидентифицируемость ИГ. Не вполне ясно, распространяются ли эти правила на другие глаголы или только на глагол от основы а- "быть". У информантов нет на этот счет единого мнения. Так, предложение *кууских' ситхан ун'учикуу "под ним сидит (какая-то) кошка" (аналогичное в структурном отношении приведенному выше) было отвергнуто двумя независимыми информантами как неправильное.

Отметим попутно, что в предложениях с локативными значениями особенно часто встречаются примеры, когда трудно сказать, является ли данное значение послелога исконно алеутским или перед нами результат русской интерференции; подозрение вызывают даже случаи, которые, казалось бы, не совпадают с соответствующими русскими примерами управления, например: л'ан' куган канууг'ин' нанакух' "За сына (букв. "о сыне, на сына") у меня сердце болит"; к'ин'анам илан анг'идгаг'ил "На морозе он кричит", букв. "в морозе"; гидгим-илан хакан' анк'ах'талагада! "На ветру не стой!", букв. "в ветре".

5.1.2.2. Локатив, выраженный указательным словом

Локативное значение может передаваться указательными словами (см. п. 6 главы 2) в форме локатива или аблатива. Приведем примеры с некоторыми из этих слов в обеих формах: (1) ван' "здесь"¹⁴⁰ (лок.), вааган (waax) "отсюда" (абл.): адан' ван' саг'акух' "Мой отец здесь спит"; вааган (waax) айгагиин'ан аг'икук' "Я отсюда уйду"; (2) икун' "сюда" (лок.), икууган (икуух) "отсюда" (абл.): икун' к'ан'унах' "Он сюда зашел"; икууган (икуух) хаадагнааг'икух' "Он отсюда убегает"; (3) укан' "здесь", укааган (уках) "отсюда", ср. два предложения, выражающих один и тот же смысл: укан' аг'ах'так' "Я здесь родился" и укааган аг'ах'так' "Я здесь родился" – оба признаются информантами абсолютно грамматичными, их буквальный перевод, соответственно выглядит так: "здесь я появился" и "отсюда я появился". В позиции локатива может находиться указательное слово в специальной форме (образована от производного глагола с соответствующим значением – см. раздел 6 главы 2), указывающей направление: сакан'удаг'ан укух'такух' "Он смотрит вниз".

¹⁴⁰ Подробно о значении указательных слов см. раздел 6 главы 2.

5.1.3. Инструмент, средство, материал, выраженные именем с послелогом

В ЯКА существует способ выражения указанных значений сочетанием имени с послелогом в аблативной форме – илагаан "изнутри", "от". Примеры немногочисленны: чаан укинам илагаан исикух' "Он порезал руку ножом", букв. "от ножа"; уламас й'аагам илагаан агуг'их' "Наш дом из дерева сделан".

5.2. Определения

Собственно говоря, этот параграф можно было бы не выделять: вся необходимая информация о выражении определения в ЯКА помещена в п. 3.2.3 главы 2, посвященном притяжательным словосочетаниям, и в п. 2 ("Способы связи слов") раздела 1 главы 3. Там отмечалось, что притяжательная конструкция является практически единственным средством сочетания двух имен в АЯ, в том числе и тогда, когда одно из них является определением к другому.

Здесь хочется лишь еще раз упомянуть о существовании в ЯКА так называемых качественных глаголов, то есть глагольных форм, образованных от основы имен с качественной семантикой парадигматическими средствами, без специальных транспонирующих показателей. Ср.: чаайум акинаа "горячий чай" – чаайух' акинакух' "Чай горячий"; к'авам ан'унаа "большой сивуч" – к'авах' ан'унакух' "Сивуч большой"; аамг'им улуудаа "красная кровь" – аамгих' улуудах' "Кровь красная"; укинам иг'анаа "острый нож" – укинах' иг'анах' "Нож острый"; слукас к'алаг'ин'ис "много чаек" – слукас к'алаг'икус "Чаек много"; ачихазам суганг'ии "молодой учитель" – ачихазах' суганг'икух' "Учитель молодой".

5.3. обстоятельственные значения

Почти все обстоятельственные значения выражаются в ЯКА с помощью предикатов, см., например, п. 3.2.3, раздел 2 главы 3 о функциях зависимых форм на -л (так называемое деепричастие одновременного действия). Однако в АЯ существует ограниченное число форм (чрезвычайно незначительное), которые ведут себя как "наречия", например: амгих' к'ун'туг'нах'т "Ночью ты храпел"; к'илах' алаг'ум исхан хадан утанак' "Утром я ходил(а) на берег". В двух приведенных примерах обстоятельственные значения выражены именами амгих' "ночь" и к'ила-х' "утро" в абс. п., ед. ч. Здесь следует отметить некоторые отклонения от атк.д. Так, значение "утром" в

атк.д. передается тем же именем, но в форме отн. п., ед.ч: к'ила-м (Bergsland 1980: 115), что, вообще говоря, не имеет разумного объяснения. Возможно, это следует считать специальной "наречной" формой имени¹⁴¹. Подобные "наречные" (?) образования сохранились и в ЯКА. Так, второй (второго порядка) отн. п. от того же имени к'ила-ган выражает значение "один день от момента речи" и в сочетании с глагольной основой саг'а- "1.спать, 2. происходить с интервалом в одну ночь от момента речи" может передавать, например, следующие смыслы: к'илаган *hak'aag'an* саг'а-на-х' "Он придет завтра"; к'илаган саг'акалакан саг'а-на-к' "Вчера я не мог спать". Спецификация на предмет отнесенности к плану прошедшего или будущего достигается за счет использования разных зависимых глагольных форм: в предпоследнем примере употреблен интенционал (так наз. деепричастие намерения) *hak'a-ag'an* (см. об употреблении этой формы для образования аналитических форм будущего времени в п. 4.2.2 главы 2), в последнем примере на месте этой формы стоит конъюнктив (так наз. деепричастие одновременного действия – подробнее об этих формах см. п. 4.2.2.7 главы 2). При одной и той же финитной форме глагола с показателем прошедшего времени -на- (саг'а-на-х') отнесенность к плану будущего или прошедшего достигается за счет выбора нужной формы наклонения у зависимой глагольной формы.

В целом следует отметить, что количество "наречных" форм, выражающих обстоятельственные значения, в ЯКА чрезвычайно невелико и употребляются они очень редко. Приведенные выше примеры – практически все, что нам удалось записать. Для выражения соответствующих значений, как правило, используются русские заимствования. Соответствующие аткинские формы в отн. п. (см. выше) и в аблативе не опознаются: амгаах алах сигналам илан *waag'al* амахсис "они вернулись в двенадцать часов ночи" (амгаах "ночью" – аблатив). Бергсланд предполагает, что аблатив в данном случае выражает контрастивность, применительно к приведенному примеру: в двенадцать часов ночи, а не дня (Bergsland 1997: 198). При этом следует отметить, что обстоятельства времени, выраженные притяжательным сочетанием имени с послелогом (алах сигналам илан "в двенадцать часов"), используются в

¹⁴¹ Бергсланд предлагает диахроническое объяснение этой формы: рефлекс общезскимосского локативного падежа (Bergsland 1997: 198).

ЯКА достаточно регулярно; вероятно, они представляют собой вторичные образования, развившиеся по аналогии с соответствующим способом выражения локативных значений (см. примеры выше в п. 5.2.1.1).

В заключение этого раздела еще раз подчеркнем, что в АЯ практически отсутствуют неизменяемые слова (наречия или наречные образования)¹⁴² для выражения сирконстантных значений, как это имеет место в русском языке. При этом немногочисленные традиционные алеутские средства в ЯКА почти совсем исчезли и оказались вытесненными соответствующими русскими. Трудно сказать, можно ли их во всех случаях трактовать как заимствования или, по крайней мере, в некоторых примерах мы имеем дело со смешением кодов.

6. Отрицание в предложении

В ЯКА есть два показателя отрицания: -г'ула/-улах и -лака(г')- (см. о них подробно в п.п. 4.3.22, 4.2.2.1, 4.2.2.3.1 главы 2). Отметим здесь еще раз, что показатель -лака(г')- употребляется только в глаголах и относит действие к плану актуального настоящего времени (моменту речи), при этом он несовместим с показателем не-будущего времени -ку-: уйух'та-лакаг'-и-н' "мне это не нравится (о еде)", ср. уйух'та-ку-н' "мне это нравится (о еде)". В полипредикативных предложениях (см. раздел 2 этой главы), в тех случаях, когда глагольная форма получает показатель отн. п., показатель отрицания стоит перед падежным: хах'талакаг'им умлааг'ан аг'икух' "он еще не встал, но скоро проснется" (-м – показатель отн. п.).

Показатель -г'ула/-улах также может быть показателем глагольного отрицания, но только в прошедшем времени (при этом показатель прош. вр. в глаголе сохраняется): уйух'та-к'а-г'ула-а "Он это любил (о еде)"; нан'аа, тин хатаг'ни-к'а-г'ула-н' "Нет, я его не испугал", а также в констативе (нулевой показатель: адалу-Ø-г'ула-к' "Я не вру (вообще, никогда)". Как отмечалось выше (см. п. 4.3.22 главы 2), особенностью этого показателя отрицания является то, что он может выступать и как суффикс (-г'ула-) , и как энклитика (-улах, см. подробно п. 8.6 раздел 8 главы 2). Это относится и к ЯКА, и к атк. д. Энклитика, видимо, более старая форма, переосмысление (и, соответственно, изменение позиции в словоформе) ее как суффикса – более позднее явление. Ср. примеры, параллельные тем, которые были приведены выше: уйух'та-к'а-й-улах "Ему это нрави-

¹⁴² О морфологически неизменяемых словах см. раздел 8 главы 2.

лось (о еде)"; нан'аа, тин хатаг'ни-к'а-г'ула-н' "Нет, я его не испугал". Оба варианта признаются информантами абсолютно правильными, оба они являются вполне употребительными в ЯКА и, насколько можно судить по литературе, в атк. д. С точки зрения синтаксиса, конструкции с отрицанием и без него ничем не отличаются друг от друга.

В АЯ есть несколько глаголов, которые не употребляются без показателя отрицания. При этом их нельзя считать некими застывшими формами глагола, поскольку, в зависимости от грамматического времени, выбирается один или другой показатель отрицания: ср.: идах'та-лакаг'-и-н' "я это знаю"; идах'та-к'а-г'ула-н' "я это знал". Непроизводного глагола без показателя отрицания (*идах'та-) не существует.

Выше шла речь об отрицании предикации. Если отрицается актанта, то отрицательный показатель -улах-/г'ула- также присоединяются к глаголу. Например, приведенный выше пример нан'аа, тин хатаг'ни-к'а-г'ула-н' "Нет, я его не испугал" может быть понят и как выражающий смысл "Нет, это не я его испугал". Ср. предложение, полученное от информантов в качестве перевода предложения с "фокусом контраста": хатаг'ник'а-г'ула-ан, а тин' хатаг'нинах'т "Ты не его напугал, а меня".¹⁴³

Если отрицается определение, то показатель отрицания -улах-/г'ула- присоединяется к соответствующей ИГ в суффиксальной форме (перед падежными показателями): улам чида-г'ула-ган, улуудаган илан анг'аг'ик' "Не в зеленом доме, а в красном я живу"; аник'дум кадуг'и-г'ула-а "не первый ребенок".¹⁴⁴ Случай, когда отрицается принадлежность, не отлича-

¹⁴³ Информантка, вероятно, добавила факультативный русский союз "а" "для усиления" (без этого "лишнего" союза предложение представляет чистую алеутскую синтаксическую структуру), хотя и без него предложение не могло бы быть понято иначе. Этот пример еще раз демонстрирует неприемлемость использования только переводного метода при сборе полевых данных, особенно на той стадии языкового сдвига, которая характеризует ситуацию с ЯКА. Очевидно, что русский союз "а" появляется здесь только из-за влияния русского предложения-стимула. О методах сбора лингвистической информации подробнее см. во Введении.

¹⁴⁴ Разумеется, если количественная или качественная характеристика выражается в глагольной форме, то показатель отрицания входит в ее состав: имлин'ис аду-г'-улах хин'а, исиг'икух' "У нее не длинные, а обрезанные волосы".

ется от только что рассмотренного: отрицательный показатель присоединяется к имени, выражающему предмет обладания. анамас укуушки-г'ула-а "не мамино окно" (букв. "нашей-матери не-окно"); л^а-г'ула-н' "не мой сын", ср. полное предложение л^ан' а-г'-улах һин'а "Это не мой сын", где отрицание присоединено к предикату" (а- "быть"). Из приведенных примеров видно, что отрицание с ИГ всегда выражается показателем -г'ула-/улах, при этом в ЯКА отрицание с именами чаще выражается энклитикой -улах (в отличие от только что приведенных примеров), например: анам улаган-улах укуушкин "окно не мамино дома" (букв. "мамино не-дома окно-его") – -улах стоит после показателя второго относительного падежа (относительный падеж второго уровня) -ган. Ср. также пример из перевода Евангелия от Св. Марка: Агууг'умулагаан "(но) не Богу" (М 10: 27)¹⁴⁵; еще один пример из того же источника на отрицание с местоимением: тин' улах "не я" (М 14: 19).

7. Предложения с отыменными глаголами

В п. 4.3.1 главы 2 шла речь о суффиксальном образовании глаголов с различными значениями от именных основ, наподобие: л^ах' "сын, мальчик" – л^а-г'и- "иметь сына". Предложения, имеющие такие глаголы в позиции сказуемого, обладают рядом синтаксических особенностей. Приведем примеры подобных предложений (подробнее см. в указанном параграфе): айх'ааси-х'си-ку-к' "Я делаю, строю лодку"; ула-г'и-ку-х' "Он находится дома, в доме "; л^а-г'и-ку-х' "У него есть сын"; алк'ух' аса-х'та-х'т? "Как тебя зовут?", букв. "что ты имеешь в качестве имени?"; ада-х'та-ку-н' "Он мой отец", букв. "я его имею в качестве отца"; асхинух' аса-лг'и-ку-х' "Он дочери дал имя"; адах' асхинуун уги-лг'и-на-х' "Отец выдал дочь замуж", букв. "отец дочь-свою мужем-снабдил "; скувуруутках' чаду-лг'и-ку-х' "Сквородку она заливает жиром", букв. "снабжает жиром".

Не во всех случаях вполне ясным оказывается смысловое соотношение (различие) конструкции с отыменным глаголом и "полной" конструкции, ср.: айх'аасих' сараайа-лг'и-ку-к'

¹⁴⁵ Обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае клитика отрицания вклинивается между именем в относительном падеже агууг'у-м "Бог" и маркером актанта D н^аан (см. 3.1.3 выше в этой главе); приведенный пример из Евангелия представляет собой стяженную форму (своего рода фонетическую транскрипцию) сочетания Агууг'ум улах н^аан).

"Я положил лодку в сарай", букв. "лодку осараил" и айх'аасих' сараайам наган аг'икук' "Я положил лодку в сарай". В разделе 4.3.1 главы 2 (см. также: Головкин 1983) отмечалось, что на уровне внутреннего синтаксиса словоформы можно рассматривать деривативные морфемы, образующие отыменные глаголы, как предикаты, валентности которых заполняются внутри словоформы и вне ее, на уровне внешнего синтаксиса предложения. С этой точки зрения почти все рассмотренные в этом параграфе морфемы-предикаты двухвалентны, причем вторая валентность заполняется именной основой, включенной в состав глагольной словоформы. Разумеется, "полную" конструкцию типа айх'аасих' сараайам наган аг'икук' "Я положил лодку в сарай" нельзя считать исходной для "свернутой" отыменной.

Единственная трехместная морфема-предикат в ЯКА – показатель -(х')та- "X имеет Y такой, что Y есть M": хин'акус книигис атак'ан руублих' аки-х'та-ку-с "Эта книга стоит один рубль" (ср. аки-х' "цена", "стоимость", "плата"). Третья валентность может заполняться числительным: сичин' аник'ду-х'та-х' "У нее девять детей"; сичин' л'а-х'та-с "У них четыре сына".

Можно говорить, что в конструкциях типа айх'аасих' сараайа-лг'и-ку-к' "Я положил лодку в сарай", букв. "лодку осараил", по сравнению с конструкциями типа айх'аасих' сараайам наган аг'икук' "Я положил лодку в сарай", глагол образован от основы одного из именных членов предложения. Возникает два вопроса: (1) от какого члена предложения возможно такое образование? и (2) что происходит с именами, определяющими этот именной член предложения, если от него образован глагол? Типологические исследования по различным языкам дают основания утверждать, что статистической универсалией в устройстве механизма образования отыменных глаголов (и шире – инкорпорации вообще) является "эргативный" принцип, а именно: инкорпорируется имя (или, другими словами, отыменной глагол образуется от имени), являющееся в исходном предложении S или P, но никогда не инкорпорируется имя, являющееся A (Comrie 1978; Dixon 1979 и др.). Это верно для образования отыменных глаголов, например, в эскимосском языке (Вахтин 1995: 122), для инкорпорации в чукотском (Недялков 1982), для образования сложных слов в русском языке, ср.: падает снег (S) → снегопад; поет песню (P) → песнопение, но невозможно образование сложного слова на базе A.

Как показывает наш материал, в алеутском языке этот принцип нарушен (об этом вскользь упоминалось в п. 4.3.6). Наряду с предложениями, в которых глагол образуется от основы имени Р, возможны и предложения, в которых основа глагола образована от основы А: киисках' сах' атхаза-на-х' "Кошка птицу поймала" – сах' кииска-лга-к'а-х' "Кошка птицу поймала", букв. "Птица окошкова" (разумеется, формально первое предложение не является исходным для второго, с отыменным глаголом; речь может идти лишь об иллюстрации производности глагольной формы). Следует отметить, что глаголы этого типа представляют собой не совсем обычные отыменные глаголы. Их особенностью, по сравнению с другими отыменными глаголами (перечисленными выше в этом параграфе, а также в п. 4.3.1 главы 2), является то, что они образуются от именных основ с помощью пассивного показателя -лга-, "нормальная" функция которого – устранение агенса (см. п. 4.3.6 главы 2). Здесь мы снова сталкиваемся с понятием "ложной деривационной истории": морфологический механизм работает таким образом, как будто существует предикат, выраженный переходным глаголом *кииска- "кошколовить", при котором якобы возможен агенс ("кто") и пациенс ("кого ловят"), и якобы суффикс -лга- устраняет этот агенс из предложения¹⁴⁶.

Ср. еще примеры: улум илаа угунук'ан', кииска-лга-к'а-х' "Кусок мяса я оставила (букв. "забыла"), а кошка его стащила"; идигадам хин'а к'ан'ис л'а-лга-к'а-с "Конфеты мальчик взял"? букв. "сладкая вот еда (мн. ч.) мальчиковзята (мн. ч.)"; микаасих' асхину-лга-к'а-х' букв. "Игрушка девочкоунесена". Общее значение отыменных глаголов такого типа – "присвоить" ("схватить", "поймать", "взять", "утащить", "унести" и т.п.).

В заключение этого параграфа отметим еще одну синтаксическую особенность отыменных глаголов. Если имя, от основы которого образуется глагол, имеет в исходной конструкции определение-существительное, то оно может сохраняться в предложении, но, как правило, предложение в этом

* 146 Представить себе обратную последовательность применения трансформационных процедур вряд ли возможно: если бы существовал глагол "ловить", который пассивизировался бы с устранением агенса, а затем из этого предложения получалось бы предложение с отыменным глаголом, то неясно, как может глагол быть образован от основы ИГ А, который уже устранен из исходной конструкции.

случае, по оценке информантов, получается стилистически не вполне удачное. Так, предложение ан'уна-а айх'ааси-х'си-кук' "Я строю большую лодку", букв. "большество-ее лодку-делаю-я" (ср. притяжательное словосочетание "айх'ааси-м ан'уна-а "большая лодка") признано информантами правильным, но "неуклюжим"; однако ср. стилистически и грамматически правильное имйаг'и-и тагада-ку-х' "Он ловит новой удочкой" где глагол образован от основы определения, а не определяемого (ср. притяжательное словосочетание имйаг'и-м тагада-а "новая удочка"). Возможно, именно для преодоления этой стилистической шероховатости иногда используются плеоназмы типа айага-чхиза-м укуутана-а айага-х'та-аг'ан анах' "У него будет очень красивая жена", букв. "жену-красивую красивую (буквально: такую, что на нее приятно смотреть) женой-иметь будет-он" (вместо сомнительного *укутанаа айаг'ах'таган анах').

Интересно, что возможно и "пустое" заполнение позиции корня при "суффиксе-предикате", ср. укинас ма-г'и-ку-х' "У него есть ножи"; укинам ан'унаа ма-г'и-ку-к' "У меня есть большой нож"; укинах' маг'и-лака-х' "У него нет ножа". Здесь суффикс -г'и-, в норме валентный на именную основу (см. выше), имеет заполнение этой валентности десемантизированной (заместительной) основой ма- (общее значение "делать")¹⁴⁷.

8. Вопросительные предложения

В вопросительных предложениях сохраняется базовый для ЯКА порядок слов – SOV. В вопросительных предложениях в глаголах, занимающих конечную позицию, могут употребляться констатив, прошедшее или одно из будущих времен (см. п. 4.2.2 главы 2). Если действие/состояние, выражаемое глаголом, относится к плану настоящего, то употребляется глагол в конъюнктиве (см. п. 4.2.2.7 главы 2). В вопросительном предложении невозможно использование глагола с показателем не-будущего времени -ку-.

8.1. "Общий" вопрос

Если вопрос требует ответа аан' "да" или нан'аа "нет" (то есть если задается так называемый общий вопрос), то в качестве маркера вопросительного предложения используется вопросительная частица ии, произносимая с повышающейся интонацией: л^аан к'ам ан'унаа улааг'аасанах' ии? "твой сын

¹⁴⁷ Ср. аналогичное поведение десемантизированной основы пи- с показателями отыменных глаголов в эскимосском языке: (Вахтин 1995).

принес (домой) большую рыбу?" – аан' (улааг'аасанах') "да (он принес)"/ нан'аа (улааг'аасана-г'ула-х') "нет (он не принес); л'ах' микал ии? "мальчик играет?" – аан' (мика-ку-х') "да (он играет)"/ нан'аа (мика-лакаг'-и-х') "нет (он не играет)"; асхину-ун һин'акус книигис һила-аг'ан аг'-и-ку-х' ии? "твоя-дочь будет читать эту книгу?" – аан' (һила-аг'ан аг'-и-ку-х') "да (она будет читать)"/нан'аа (һила-аг'ан аг'-и-ку-х') "нет (она не будет читать)".

В ответе на общий вопрос возможно употребление глагола-заместителя ма- "делать": л'аан к'ам ан'унаа улааг'аасанах' ии? "твой сын принес домой большую рыбу?" – аан', манах' "да (принес)"/ нан'аа, улааг'аасанаг'улах' "нет, не принес"; л'аан саг'ал ии? "твой сын спит?" – аан', макух' "да (спит)"/ нан'аа, саг'алакаг'их' "нет, не спит".

Вопросительная частица ии используется также для актуализации любого компонента предложения в общем вопросе (при этом сохраняется исходный порядок слов): л'аан ии к'ам ан'унаа улааг'аасанах'? "твой сын принес (домой) большую рыбу?"; л'аан к'ам ан'унаа ии улааг'аасанах' "твой сын принес домой большую рыбу?"; часто ии кинум һадан айгагзах'т? "ты часто в кино ходишь?"

8.2. "Специальный" вопрос. Вопросительные слова

В ЯКА есть набор вопросительных слов, при помощи которых можно задать специальные вопросы к любому компоненту предложения: киин "кто", алк'у- "что", к'ана- "какой", "который"¹⁴⁸, "где"; к'а(а)та- "где". В специальных вопросах возможно факультативное употребление вопросительной частицы ии. Приведем примеры, иллюстрирующие употребление каждого из приведенных вопросительных слов:

1) киин "кто": употребляется, если вопрос задается об одушевленных актантах; указание на то, к какому актанту задается вопрос, происходит за счет порядка слов: киин л'ан' кидул? "кто помогает моему-сыну?"; л'ан' киин кидул? "кому помогает мой-сын?"; киин һин'а? "кто это?" (здесь предикативные функции выполняет указательное слово һин'а, см. п. 3

¹⁴⁸ На базе этих трех основ в ЯКА под влиянием русского языка образовались неопределенные местоимения киинта "кто-то", алк'ух'та "что-то" и кана(а)нта "какой-то": алеутское вопросительное слово + русская частица -то. Появление этих новообразований привело к вытеснению исконных алеутских средств выражения нереперентности, см. об этом выше в сноске к п. 5.1.2.1.

главы 2); киин агук'аа? "кто сделал-это?"; киин а-Ø-х'т? "кто ты?". Вопросительное слово киин может занимать позицию имени-обладателя, при этом в ЯКА отмечен вариант с показателем отн. п., не встречающийся в атк.д. – кииним: киин(им) л'аа к'ам ан'унаа улааг'аасанах'? "чей сын принес большую рыбу?". Формы дв. ч. киинкух и мн. ч. киинкус опознаются нашими информантами, но встречаются редко. Возможно, в этом также проявляется влияние русского языка.

2) алк'у- "что": при помощи этого слова задается вопрос о неодушевленных актантах, при этом вопросительное слово оформляется соответствующим показателем числа-падежа: алк'у-х' имис һиик'? "что тебе сказать (я должен)?"; л'аан алк'у-х' улааг'аасанах'? "что твой-сын принес (домой)?"¹⁴⁹; л'аан алк'у-м ан'унаа улааг'аасанах' букв. "что большое принес (домой) твой сын?"; алк'у-м кигик'аа? букв. "что (т.е. какое животное или насекомое¹⁵⁰) его укусило?"; алк'у-м самалееттаа игах'тал? "какой самолет летит?"; алга-м алк'у-у сунах'т? букв. "морского-котика что (какую часть) взял-ты?"; алк'у-с сих'инах'т? "что (мн. ч.)¹⁵¹ ты разбил?"; алк'у-с мал һин'амах'т? "что это ты делаешь?"; алк'у-х' һин'а? "что это?".

Конъюнктив от вопросительной основы алк'у- в зависимости от контекста может выражать следующие смыслы: 1. неодушевленный актанта, как бы свернутый в глагольную форму конъюктива, если конечный глагол – транзитив: алк'ул камлихтат? "во что ты стрелял?"; алк'ул һин'амах'т? "что ты делаешь?", "что ты себе позволяешь?"; 2. "почему", если конечный глагол – интранзитив или если актанта так или иначе выражен в предложении: алк'у-л камлигит? "почему ты стрелял?"; алк'ул сук'аг'улаа? "почему ты не взял это?" Финитный

¹⁴⁹ В таких вопросах информанты довольно часто нарушают порядок слов (алк'ух' л'аан улааг'аасанах'? - перевод тот же), что является результатом русского влияния. Нарушение порядка слов именно в таких вопросах легко объяснимо: из-за одушевленности одного из актантов и неодушевленности другого нет опасности искажения смысла: невозможно понять приведенное алеутское предложение с нарушением порядка слов как "что принесло (домой) твоего сына?" (разумеется, если не предполагать, что может быть буквально переведено соответствующее русское идиоматическое предложение).

¹⁵⁰ В атк.д. для обозначения укуса насекомого употребляется специальный глагол киглукс (Bergsland 1980; ср. также: Bergsland, Dirks 1981: 45).

¹⁵¹ Формы дв. ч. для этого вопросительного слова не отмечено.

глагол в констативе с показателями 2 лица, образованный от основы алк'у-, выражает следующий смысл: алк'у-х'т? "что ты делаешь?".

В ЯКА (так же, как и в атк.д.) существует по всей видимости лексикализовавшаяся форма 2 лица алк'улих'тах'т? "что с тобой?" (с отрицательной коннотацией), в состав которой входит суффикс отыменных глаголов -лих'та- "обрабатывать", "готовить" (см. п. 4.3.1 в главе 2).

В ЯКА существует производная от алк'у- глагольная основа алк'ут-, которая в форме конъюнктива или финитного глагола соответствует русскому "как": алк'ус агукат? "как ты это сделал?" Финитный глагол с показателем результата от этой основы выражает следующий смысл: алк'утат? "как ты (себя чувствуешь)?".

3) к'ана- — эта основа ведет себя так же, как все основы с указательной семантикой: от нее регулярно образуются все формы, которые могут образовывать такие основы. Отличие к'ана- от таких основ заключается в том, что она может употребляться только в вопросах, выражая при этом следующие смыслы:

а. к'анан (мн. ч. к'анакус; дв. ч. не отмечено): "какой", "который": к'анан улах' хин'а? "что это за дом?", "который это дом?"; к'анан телевизорах' акиитут? "какой (который) телевизор ты хочешь купить?"; к'анакус сас камлихтат? "каких (каких) птиц ты стреляешь?". Если вопросительное слово относится к имени в отн. п., то вопросительное слово имеет специальную форму, соответствующую отн. падежу имени — к'анаан: к'анаан сунам куган амаанух'танах'т? "на каком (каком) корабле ты туда ездил?";

б. к'анан' (в локативной форме) "где", а также к'анал'иган "где (именно)": к'анан' ах'к'аан? "куда (где) ты это положил?"; к'анал'иган ах'к'аан? "куда именно (где именно) ты это положил?"; к'анан' анг'аг'и-Ø-х'т? "где ты живешь?"; в форме аблатива — к'анааган (к'анаах) "откуда", к'анал'лигааган (к'анал'лигаах): к'анааган айгаг'их'т? "откуда ты идешь?"; к'анааган иклас ал? "откуда дрова?"; к'анал'лигааган (к'анал'лигаах) "откуда именно": к'аналигааган¹⁵² айгаги-Ø-х'т? "откуда (именно) ты идешь?"

¹⁵² Как уже отмечалось, в ЯКА в речи более молодых информантов возможно окказиональное произнесение звонкого /л/ вместо "глухого" /л'/; однако некоторые слова, в частности рассматриваемое здесь вопросительное слово, практически всегда произносятся со звонким /л/

в. к'анан'удаг'иимис? "куда ты идешь?" (И 16: 5); к'анан'удаг'ан һуйаамис? – перевод тот же; в этом случае локативная валентность морфемы -н'у- заполняется не корневой морфемой с указательной семантикой, а морфемой к'ана-.

г. к'анаануумис? "куда (в каком направлении) ты идешь? (-Дну- "двигаться в направлении N"; см. п. 4.3.1 главы 2);

д. к'анааг'их' "который": улам к'анааг'ии н'ус укух'танах'т? "какой (который) дом ты мне показал?".

е. к'анайиим¹⁵³ "когда": к'анайиим еще анк'ах'таамис анух'тат? "когда еще ты собираешься (думаешь) поехать-в-тундру"; к'анайиим Петропавловскам һадан амаанух'танах'т? "когда ты ездил в Петропавловск?".

ж. к'анаан' "сколько": к'анаан' сас калих'танах'т? "сколько птиц (уток) ты убил?"; эта форма часто употребляется в сочетании с основой сана- в абс. п. "предел", "граница", после которой имя всегда имеет показатель ед. ч.: к'анаан' санах' гоодах' укалг'аг'инаг'улах'т? "сколько лет ты здесь не был?".

з. к'анаан'идим "сколько раз": к'анаан'идим анк'ах'тат? "сколько раз ты ездил (в тундру)?".

4) к'аата/к'ата "где" (в отличие от к'анан' "где", употребляется тогда, когда говорящий предполагает, что в ответе будет использовано одно из указательных слов): к'аата һаман? "где он (букв. "тот")" – вайа һаман "вот он (тот)"; к'аата л'аан? "где твой-сын?" – укааг'ал тин к'уйунах' "он пришел и спать лег"; к'аатан'ис "где они?" – вайан'ис "вот они".

9. Двуглагольные конструкции

9.1. Аналитические модальные конструкции

Аналитической модальной конструкцией мы здесь называем такую синтаксическую конструкцию, которая выражает то или иное модальное (в широком смысле) значение и при этом состоит из глагольных форм, которые сами по себе не выражают значения модальности и не находятся в отношениях формального подчинения. Один из двух глаголов, образующих такую конструкцию, – вспомогательный глагол или "десеман-

всеми информантами. Возможно, это связано с частотностью его употребления.

¹⁵³ Вариант к'анайаам, существующий в атк.д., в ЯКА не опознается.

тизованный" знаменательный глагол, другой – "смысловой" глагол в финитной или зависимой форме.

9.1.1. Эвиденциальная конструкция

В ЯКА (так же, как и в атк.д.) вспомогательный глагол ах'та- используется для образования модальной конструкции, смысловой глагол при этом имеет форму конъюнктива или финитную форму. Значение этой конструкции связано с эвиденциальностью: говорящий показывает, что не берет на себя ответственность за достоверность сообщаемой информации. При этом значение эвиденциальности, в зависимости от оформления "смыслового" глагола, соотносится с соответствующим временным планом. В конструкции вспомогательный глагол ах'та- всегда имеет показатель не-будущего времени - ку-¹⁵⁴ и почти всегда переводится с помощью слов "оказывается" или "наверное":

(1) глагол в конъюнктиве + ах'та-ку-: Иваан умла-л ах'такух' "Иван, оказывается, проснулся"; Петр каазналакан ах'такух' "Петр, оказывается (или: наверное), (сейчас) не курит"; улах' ал ах'такух' "Это, оказывается, дом" или "Это, наверное, дом"; анаан н'аан анах' хих'талакан тин чхах'тал ах'такух' "Он своей матери ничего не сказал и, видимо, улизнул (куда-то)";

(2) глагол в констативе + ах'та-ку-: Петр каазназаг'улах ах'такух' "Петр, оказывается, (вообще) не курит";

(3) глагол в прошедшем времени + ах'та-ку-: Саша укук'аа ах'такух' "Саша, оказывается, нашел его".

Актером в рассматриваемой конструкции может быть и 1 л. ед. ч., в этом случае подчеркивается значение произвольности действия, говорящий как бы снимает с себя ответственность за его совершение: тин' саг'анинах' ах'такух' "Я, наверное, уснул" (букв. "меня усыпило, оказывается"); атхаг'изулах маасак'ан' ах'такух', тин' ак'лах'танаг'улах "Я, видимо, неправильно с ним поступил, (а/но) он на меня не сердится"; в этом примере эвиденциальность выражает глагол ах'такух', оформленный показателем 3 л. ед. ч. и парадигмы I типа спряжения; показатель -н' из парадигмы II типа спряжения в глаголе ма-аса- "делать кому-либо, для кого-либо" (ма-

¹⁵⁴ Эта конструкция, в свою очередь, может включаться в состав полипредикативных предложений, тогда вспомогательный глагол оформляется по другим правилам, см. ниже.

"делать" + транзитиватор -Дса-) указывает на 1 л., ед. ч. агенса и анафорически соотносится с очевидно предупомянутым пациенсом (3 л. ед. ч.).

9.1.2. Конструкции со значением будущего времени ("предсказательные")

В сочетании с интенционалом этот глагол от основы а- образует аналитическую форму "определенного будущего", отсутствующую в атк.д.; подробно об этой форме, а также о других аналитических конструкциях (в том числе с другими вспомогательными глаголами), выражающих отнесенность к будущему см. п. 4.2.2.1 главы 2; отметим здесь еще раз, что набор аналитических форм, соотносящих действие (состояния) с будущим (все эти аналитические формы осложнены модальными значениями), в ЯКА не вполне совпадает с набором аналитических форм в атк.д. (ср. Bergsland 1997: 201–205). Причина этого, возможно, отчасти заключается в редукции и некотором реструктурировании системы аналитических форм в условиях языкового сдвига.

9.1.3. "Фокусная" конструкция

Эта конструкция включает два финитных глагола, один из которых образован от основы а- "быть" и оформлен показателем не-будущего времени. В данном случае он используется как маркер фокуса высказывания. Как правило, в качестве фокуса высказывания оформлена ИГ, соответствующая вопросительному местоимению в ответе на вопрос. При этом само местоимение в вопросе может, но не обязано оформляться как фокус, ср. пример "фокусного" вопроса и "фокусного" ответа с одной стороны, и обычного вопроса и ответа: киин акух' ан'аачаг'ил? "Кто именно поет?" – агитаадан' акух' ан'аачаг'икух' "Это моя подруга [а не кто-то иной] поет"; киин ан'аачаг'ил? "Кто поет?" – агитаадан' ан'аачаг'икух' "Это моя подруга поет" (о вопросительных предложениях см. также раздел 8 этой главы выше).

Глагол с показателем не-будущего времени может быть оформлен показателем отн. п. Так, ответ на вопрос киин акух' ан'аачаг'ил? "Кто именно поет?" может быть дан в форме: агитаадан' акум ан'аачаг'икух' "Это моя подруга [а не кто-то иной] поет". По всей вероятности, это разновидность случая выражения противительного значения (см. п. 3.3.2.1.2.1 в разделе 2 этой главы). Это обстоятельство, а также тот факт, что в фокусной конструкции глагол а- следует скорее трактовать не

как вспомогательный (десемантизованный), а как глагол со значением "быть": букв. "Это есть моя подруга [а не кто-то иной, кто] поет", позволяет вывести фокусную конструкцию из состава аналитических модальных конструкций и рассматривать ее в разделе 2 как разновидность полипредикативного предложения.

Информанты ЯКА предпочитают использовать "фокусную" конструкцию в вопросно-ответном контексте, но легко признают правильность примеров, приводимых для атк.д. в (Bergsland, Dirks 1981: 117): анг'аг'инам саг'аатун'ис акус тидих к'уйуутузалакаг'ис "Именно те люди, которые любят спать (долго утром), обычно не хотят ложиться (вечером)".

9.1.4. Конструкция с глаголом от основы лиида- "быть похожим"

Основа переходного глагола лиида- имеет значение "быть похожим (на кого-л.)", ср.: илгунин' हुзуких тидих лиидах "Оба моих внука друг на друга похожи". Если глагол от этой основы используется в конструкции с причастной формой глагола (см. п. 3.2.2 в разделе 2 этой главы), – причем в этой конструкции всегда употребляется форма на -на- ("причастие одновременного действия") с показателем 3 л. ед. ч. из парадигмы I спряжения -х', – возникает модальное значение неуверенности ("кажется", "похоже"): чих'тааканах' лиидак'аликух' "Дождь, похоже, должен начаться"; чамнах' лиидакух' тутанак' "он, кажется, скребется, я слышал". Строго говоря, причастную форму в этой конструкции можно трактовать как прямое дополнение при переходном глаголе лиида-. Ср. еще пример: алк'ул чугидаг'улах'т, тунух' хак'атанаг'улах' лиидал? "Почему ты молчишь, как будто ты немой" (букв. "язык не-знающий похож-будто").

Чтобы проиллюстрировать спектр значения глагола лиида-, приведем еще пример, в котором значение лиида- реализуется как "притвориться", "как будто": дак'аг'инаг'улах' тин лиидатал "Он притворился дурачком" (букв. "ума-не-имеющим REFL похож-будто-становишься"); в последнем примере форма тин лиидатал образована от глагола с каузативным суффиксом -т- и показателем результата -(х')та-, в препозиции к глаголу стоит рефлексивный показатель тин (тин *лиида-т-(х')та-л "прийти (привести себя) в такое состояние, что похож").

9.1.5. Темпоральная конструкция

Данная конструкция состоит из формы конъюнктива от основы глагола, обозначающего собственно действие и финитного глагола, который может быть образован только от одной из следующих основ: ан'али- "делать днем", амаг- "делать ночью", к'илах'си- "делать утром" (перевод "делать" достаточно условен)¹⁵⁵: улаг'ил хиталакан ан'алинак' "Я целый день не выходя сидел дома" (букв. "находясь-дома не-выходя провел.день-РАСТ-я"); талих'с амагинас хин'а "Они всю ночь плясали" (букв. "пляша ночь.провели-РАСТ-они").

В некоторых случаях глагол ан'али- реализует значение "делать сегодня", а также выступает и просто в функции вспомогательного глагола, но с оттенком модальности (достоверность действия): адан' айгагикух' укух'тал ан'алик' "Я (точно) видел, что мой отец туда ходил" (о этой конструкции предложения см. п. 3.2.1 в разделе 2 этой главы). Когда реализуется значение достоверности действия, оно чаще всего выражается при помощи сочетания (как в приведенном примере) конъюнктива ГГ и глагола ан'али- без показателей не-будущего или прошедшего времени.

9.1.6. Сравнительная конструкция

То, что представлено в этом пункте ниже, в синтаксическом отношении значительно отличается от других конструкций в этом подразделе. Сравнительная конструкция, независимо от того, включает она в качестве "эталона сравнения" именную группу или предикативную единицу, оформляется в ЯКА с помощью единого синтаксического средства: формой конъюнктива глагола матал/гуматал (реже именем от той же основы матах'), который следует за ИГ – эталоном сравнения и может соответствовать в переводе словам "как" или "так". Ср. примеры.

Эталон сравнения – ИГ: салигуг'их'¹⁵⁶ матал тунух'такух' хин'а "Он говорит по-русски" (букв. "как русский"); агиитудан' матал сах'тал хин'амакух' "Он ленивый, как мой брат"; слух' матал хуг'наазакух' "Тепло, как летом";

¹⁵⁵ От первых двух основ без дополнительных словообразовательных средств образуются также имена с соответствующими значениями: ан'али-х' "день", амаг-и-х' "ночь", однако ср.: к'ила-х' "утро".

¹⁵⁶ В ЯКА значение "русский" передается словом салигу-г'и-х' букв. "имеющий шапку", "в шапке".

салих' ¹⁵⁷ Катян салии матах' н'ус акида "Купи мне платок, как у Кати", букв. "платок Катин платок такой мне купи".

Эталон сравнения – ПЕ: чулунах' матал ун'учикух' "Он сидит, как будто замерз"; баабушкаган ачихак'аа гуматал халууках' "Она должна шить, как научила ее бабушка"; адаган н'аан ачихаасак'аа гуматал агуух'т "Его отец его учил делать как он" (букв.: "его-отец ему учил-это так пусть-делает").

Слово матал может быть повторено в предложении дважды: в этом случае первый раз оно ставится перед группой слов, обозначающих эталон сравнения, а второй раз – после нее: улух' матал уназанин' матал унанак' "Мясо варю так, как всегда варю" (букв.: "мясо как всегда-варю так варю"); матал амуг'инамас матал хин'ан анг'аг'инах' амуг'илаках' "Этот человек одевается не так, как мы" (букв.: "как мы-одеваемся так этот человек не одевается"); матал адаан тин ачихак'ан'ис матал агуда "Делай так, как учил тебя отец".

Не во всех случаях предложение с формой матал/гуматал представляет собой сравнительную конструкцию. Это слово как минимум двузначно, и может употребляться и со значением "как" или "так", ср.: адаган ачихак'аа гуматал аваах'т "Отец учил его, чтобы он так делал"; адамас тимас ачиханах' гуматал к'игнах' аних'талгааг'ан ак'ах' "Наш отец учил нас, как разводить костер"; хикийал агак'а хикитиикак'аг'улаа хин'а матал тин айгахтнак' "Хотела сбросить, но не смогла, так пошла". Параллелизм значений слова матал/гуматал в ЯКА и слов "так" и "как" в русском наводит на подозрение, что мы здесь снова имеем дело с глубокой интерференцией русского языка, тем более, что предложения, приведенные выше в этом абзаце, были получены как переводы соответствующих русских предложений, и не исключено, что информанты, переводя сложные предложения с русского, "переводят" их слово за словом.

От основы мата- (следует помнить, что слова матал и гуматал представляют собой зависимые формы на -л от глагольных основ, по крайней мере этимологически) могут быть

¹⁵⁷ Вероятно, из русского "шаль"; интересно, что в других алеутских диалектах это слово не отмечено. Слово салиитих' (сали-ити-х'), существующее в атк.д. и в унал. д., Бергсланд (1994: 349) трактует как исконное алеутское со значением "женская шаль для танцев (из кишок сивуча, горл или выделанной кожи)" и соотносит его с другими алеутскими словами, а также словами нескольких эскимосских языков, значение которых связано с обработкой шкур.

образованы и другие глаголы: чиг'анах' матак'ат матаака-к'адакух' "Речка стала не такая, как была" (букв.: "речка такая-как-была такой-быть-перестала"); маталгааг'ан ак'ас мата-лгакух' "какими мы должны быть, такие мы и есть".

9.2. Конструкции с предикатными актантами

Конструкции, описываемые в этом разделе, представляют собой сочетание семантически неполнозначного финитного глагола ("непредикатный функтор", см.: Касевич, Храковский 1981: 15–16), открывающего валентность на предикатный актанта, и глагола в зависимой форме, заполняющего эту валентность¹⁵⁸. Существует подрсбная классификация ППП с ПА в зависимости от семантического класса ГГ (Касевич, Храковский 1981: 15–16). Мы не приводим такую классификацию для ЯКА из-за недостатка места и пользуемся простейшей классификацией, которая, тем не менее, достаточна для наших целей.

В принципе могут существовать две возможности:

1. Актантная позиция при глаголе может быть занята или ИГ, или предикатом, ср.:

"Он увидел"
своего брата": именная группа в позиции дополнения
как брат побегал": предикат в позиции дополнения

2. Актантная позиция может быть заполнена только предикатом и не может заполняться именем. Перечень глаголов, допускающих образование КПА для каждого языка, видимо, является закрытым и может быть задан списком. В данном параграфе описываются конструкции второго типа.

В позиции ПА в таких конструкциях могут стоять семантически различные глаголы, список которых в разных языках, совпадая в основном, может различаться в деталях. Не претендуя, естественно, на составление полного их списка для ЯКА, приведем несколько примеров глаголов, которые встретились в нашем материале в функции ГГ: анухта- "полагать,

¹⁵⁸ Мы используем здесь термины и понятия, выработанные в коллективной монографии (Категории 1983). Так, финитный глагол, открывающий валентность на предикат, мы будем называть "главным глаголом" (ГГ), а зависимую глагольную форму, заполняющую эту валентность (ЗГ), – "предикатным актанта" (ПА).

хотеть, думать, намереваться", ин'ааг'и- "быть необходимым", хах'са- "собираться, намереваться", илах'та- "любить", сахта- "лениться", ан'^а(-х'та)- "соглашаться", лум'^а(-х'та)- "пробовать", ачиха- "учиться, обучать", манииса- "отчаяться", "разочароваться" и др.

Независимо от того, с глаголом какого типа образована КПА, кореферентность A/S маркируется в ПА формой интенционала, а некорееферентность – формой оптатива: халу-ун'ан (интенционал) тин' ачихакук' "Я учусь шить"; халу-ух'т (оптатив) ачихакун' "Я учу его шить". Ср. также глагол анухта-, который в рамках семантики непредикатного функтора реализует два значения: 1. хотеть, желать, 2. полагать, думать о чем-л. (ср. также: Bergsland, Dirks 1980: 23). В первом значении глагол образует КПА, во втором – ППП с ДопПЕ (см. п. 3.2 в разделе 2 этой главы), то есть глагол анухта- может реализоваться как предикат и как непредикатный функтор.

Первое значение реализуется, если ПА выражен оптативом или интенционалом. При этом, если A/S при ГГ и A/S при ПА некорееферентны, для выражения ПА используется оптатив, ср.: тин ачиха-ах'т анухтакук' "Я хочу, чтобы ты учился", а если они кореферентны – интенционал, ср.: тин айх'ати-ин'ан анухтанак', сунах' укалг'ааг'анаг'улах "Я хотел уехать, но пароход не пришел"; к'ах' имис аг'и-ин'ан анухтанак', тин укунаг'улак' "Я хотел дать тебе рыбу, (но) не встретил тебя".

Второе значение реализуется, если ПА выражен конъюнктивом: тин ачихат анухтакук' "Я полагаю, что ты учишься". Ср. также заполнение валентности при этом глаголе ИГ: алк'ус анухтанах'т (ии)? "О чем ты думал?"; хамаан асх'удгих' анухтанак' "Я думал о той девушке".

КПА могут быть образованы с глаголами различной семантики. Рассмотрим некоторые из них. В предложениях с глаголом хах'са- в функции ГГ A/S могут быть только кореферентны, и соответственно ПА может быть выражен только интенционалом: ханих' н'^ух'таан'ан хах'садакук' "Я действительно собираюсь съездить на озеро"; халуун'ан хах'сакун' "Я это шить собралась". Примеров со значением *"я собираюсь, чтобы ты..." нет, и вряд ли они возможны, а следовательно, вряд ли возможно выражение ПА при этом глаголе формой оптатива.

Еще один глагол этого типа – ин'ааг'и- "следовать", "быть следующим" (от основы с указательной семантикой ин'а- "там (прямо перед говорящим)"), ср. ин'ааг'их' тугидах' "следующий месяц". При сочетании с инфинитивным ПА (A/S кореферентны, ПА выражен интенционалом) этот глагол обра-

зует КПА со значением "следует, нужно, необходимо, должно сделать" (интересно, что семантический перенос аналогичен тому, который мы имеем в русском языке), ср.: *һитииг'ан ин'ааг'инах'* "Ему пришлось уйти (выйти из помещения)"; *алаг'ум ага*¹⁵⁹ *тимас сакааг'атииг'ан ин'ааг'икус* "Мы должны спуститься к морю"; *к'ас н'усин' вааг'асхак'ас, суулиин'ан ин'ааг'икунин'* "Рыбу мне привезли, мне нужно ее (букв. "их") солить".

Еще один пример подобного глагола – *малихта-* "предчувствовать", ср.: *укуун'ан малихтакун'* "Я предчувствую, что увижу его" (непредикатный функтор) и *сунах' малихтакун'* букв. "Я предчувствую пароход (прибытие парохода)" (двухместный предикат). К глаголам того же типа относятся *ан'^а(-х'та)-* "согласиться", (тин) *иг'ата-* "бояться", *угуну-* "забыть" и др.: *анк'ах'тааг'ан ан'^ах'такух'* "Он согласен ехать"; *сунам куган айх'аан'ан тин иг'атакун'* "Я боюсь плавать на пароходе"; *унуучикин' чуун'ан угунунак'* "Я забыл надеть портянки".

При пассивизации пассивный показатель включается в состав ПА: *амус тагадан'ис аки-лга-аг'ан ин'ааг'икух'* "Новую одежду надо купить"; *майаа-сха-аг'ан ин'ааг'икух'* "Надо поухаживать [за этой женщиной]".

КПА могут быть образованы и с некоторыми другими глаголами. Недостаток места заставляет нас опустить подробный анализ каждого случая, а просто привести ряд примеров КПА с ГГ разной семантики, которые иллюстрируют случаи кореферентности и некорреферентности А/С. Примеры на некорреферентные А/С: *агитаадаан кидукух' халуух'т* "Подруге своей она помогает шить" (с нарушением порядка слов); *укууших' хахсиих'т хайакун'* "Я его прошу открыть окно"; *укууших' хахсиик' хайакух'* "Он меня просит открыть окно"; *һак'аах'т н'аан һих'таг'улан'* "Я его не заставлял (букв. "не говорил") приезжать". Возможно, сюда же относятся КПА с глаголом от основы *һих'та-* "говорить, велеть", реализуемого как

¹⁵⁹ Обычно *ага* – основа указательного слова со значением "там (как правило, на другой стороне – то есть о невидимом и протяженном объекте)". Однако в данном примере это слово употреблено достаточно необычным образом: оно занимает позицию послелога (после имени в отн. п.), хотя и не содержит необходимого в этом случае локативного показателя -н.

речевой каузатив, ср.: анах' суйах'талагаах'т¹⁶⁰ них'такух' "Он матери не велит трогать" (букв. "мать чтобы-не-трогала говорит"); хах'аах'т н'аан них'таг'улан' "Я его не заставлял (букв. "не говорил") приезжать". Примеры на кореферентные A/S: тин ачихааг'ан сахтанах' "Он ленился учиться"; игнатух' айгагасааг'ан тин асх'анинах' "Он устал тащить тяжесть"; к'ааг'ан тин иг'атадакух' "Он торопится (букв. "беспокоится", "тревожится") доест"; таан'ах' видрам наган кумин'ан тин айк'итанак' "Я пытался наполнить ведро водой" (букв. "воду в ведро налить-чтобы себя заставлял-я"). В ЯКА существует также возможность реализации этих глаголов как одноместных, ср.: сахтанах' "Он ленился, был ленивый", или как двухместных глаголов, где вторая валентность заполнена (квази)рефлексивным местоимением: тин асх'анинах' "Он устал"; тин иг'атадакух' "Он беспокоится, "тревожится"; тин' айк'итанак' "Я стараюсь", (букв. "пересиливаю себя") и т.п. Во всех случаях, если A/S ГПЕ и ЗПЕ кореферентны, предикат ЗПЕ выражен интенционалом, а если A/S ГПЕ и ЗПЕ некорреферентны – оптативом.

Заслуживают упоминания особые случаи с глаголом от основы лум^ах'та(-аса)- "пробовать" (где лум^а- корневая морфема со значением "отведать", "попробовать", -х'та- – результатив, -Дса- – транзитиватор). Наряду с "нормальными" КПА, наподобие игууг'ан тин лум^ах'таасакух' "Он пробует его достать (выковырнуть)" (первая валентность заполнена квазирефлексивным местоимением, вторая заполнена ПА), существуют КПА, включающие набор довольно странных, с точки зрения алеутской грамматики, форм: игуумис-ка тин лум^ах'таасаах'т "Попробуй его достать"; игуун'ан-ка тин лум^ах'таасакук' "Я пробую его достать"; игууг'ан-ка тимас лум^ах'таасанас "Мы пробовали его достать". Очевидно, формант -ка заимствован из русского языка (ср. "попробуй-ка" и т.п.), и присоединяется как энклитика к соответствующей личной форме интенционала.

В заключение этого подраздела еще раз отметим, что система двуглагольных конструкций в ЯКА, по сравнению с другими участками грамматики, подверглась несколько более значительной эрозии, ср. также: (Bergsland 1997a: 199–214).

¹⁶⁰ Этот глагол не опознается в атк. д., хотя и употребляется в переводе Евангелий; следует, однако, заметить, что там он представляет собой рефлексив со значением "присвоить", "завладеть".

Раздел 2. Полипредикативные предложения (ППП)

В настоящей главе рассматриваются полипредикативные предложения ЯКА. Выше, во вводном параграфе к главе 3, мы уже очертили основные понятия и термины, используемые нами при синтаксическом описании: понятие предикативной единицы (ПЕ), полипредикативного предложения (ППП) и др.

1. Принципы классификации алеутских ППП

Основной принцип: ППП классифицируются по тому, какая из глагольных валентностей предиката главной ПЕ заполнена зависимой ПЕ. Мы определяем полипредикативные предложения как такие, в которых глагольная форма занимает позицию, отличную от позиции вершинного предиката. Такое понимание полипредикативности позволяет объединить в этом разделе различные типы ППП. Первый тип – те ППП, в которых зависимый предикат (со своими актантами) занимает позицию А/С (субъекта) – СубПЕ; второй – когда он занимает позицию Р (объекта) – ДопПЕ; третий – когда он занимает сирконстантную позицию – ОбстПЕ, и четвертый – когда он занимает позицию определения к имени – ОпрПЕ. Последний случай стоит особняком: это не глагольная валентность, а синтаксическая позиция в предложении.

Существенно, далее, средство маркировки синтаксической связи. В ЯКА это, как правило, глагольная форма, послелог или служебное слово, выполняющее функции союза. В каком-то смысле средством синтаксической связи может считаться и линейный порядок ПЕ: зависимая ПЕ в АЯ всегда занимает позицию левее главной.

Важную роль в классификации типов ППП играет признак кореферентности / некореферентности А/С главной и зависимой ПЕ. По этому признаку формальные средства маркировки синтаксической связи главной и зависимой ПЕ разделяются на четкие группы: средства одного типа маркируют только случаи кореферентности А/С, средства второй группы – только некореферентности А/С, и средства третьей группы безразличны к этому параметру.

Средства синтаксической связи можно, далее, разделить на те, которые маркируют наличие синтаксической связи определенного типа, сообщают о наличии между ПЕ тех или иных отношений, например таксисных, причинной обусловленности, уступительных и др., и те, которые маркируют лишь

наличие синтаксической связи, но не содержат никаких уточнений относительно характера этой связи.

В идеале классификации по типу связи и структурные классификации должны быть независимыми, и критерии связанности должны "работать" в рамках любого структурного класса (Foley, VanValin 1984). Перечисленные принципы классификации применяются нами по возможности как независимые. Однако синтаксические исследования показывают, что за некоторыми структурными классами могут быть "закреплены" определенные критерии связанности (см., напр.: Подлеская 1989). Вообще, "между функциями ПЕ в составе сложного целого и структурами этих ПЕ, их устройством может (должна) существовать связь, сопоставимая с той, которая существует между функциями членов предложения и частями речи..." (Черемисина 1979: 79). Так, вряд ли правомерен вопрос о специальной или нейтральной маркированности синтаксической связи для ППП с ПЕ в позиции дополнения: отношения между главной и зависимой ПЕ жестко и однозначно определены самим типом ПЕ, той глагольной валентностью, которую она заполняет, то есть, иными словами, маркировка типа связи осуществляется не в средстве связи, а на другом уровне.

Кроме того, принятая нами классификация включает, помимо критерия типа связи и критерия заполнения синтаксической позиции, еще и критерий кореферентности / некорееферентности. Последний никак не может считаться независимым. Так, бессмысленно говорить об одно- или разносубъектности для предложений, в которых зависимая ПЕ заполняет позицию A/S, так как в этом случае главная ПЕ не имеет иного субъекта, кроме самой зависимой ПЕ.

Общая схема классификации ППП в ЯКА, принятая в данной работе, имеет следующий вид (см. Схему 1 на стр. 255).

2. Синтаксис ППП и русская интерференция

Прежде чем перейти к собственно синтаксическому описанию, необходимо еще раз (см. также раздел 1 во введении) сказать несколько слов о внутренних свойствах того материала, на котором мы основываемся в нашей работе, а именно о характере и степени русской интерференции в речи наших двуязычных информантов.

Синтаксис ППП, по-видимому, является именно тем участком грамматической структуры языка, который в наибольшей степени подвержен иноязычному влиянию. Степень этого влияния в ЯКА очень велика, особенно в лексике, но ни-

где она не достигает таких "высот", как в синтаксисе ППП – там она затрагивает базовые принципы устройства синтаксического механизма.

Задачей первичного описания, как представляется, является фиксация языка в том виде, в каком он реально существует и функционирует в момент фиксации (Вахтин, Головкин 2005). Поэтому мы считаем принципиально важным отказ от "пуристского" подхода к описанию языка, когда предложения, несущие в своем синтаксисе и/или лексике явные следы русского влияния, попросту исключаются из описания на том основании, что они якобы "неправильные". Мы считаем, что никаких объективных оснований для того, чтобы отличить "правильные" в этом значении предложения от "неправильных" не существует (в том смысле, что и те, и другие являются средствами коммуникации и отражают *реальное* функционирование языка) и, принимая "пуристский" подход, мы лишь обеднили бы исследование.

Интерференция русского языка в синтаксис сложного предложения ЯКА ощущалась достаточно сильно при работе с нашими помощниками (все они были двуязычными, при этом в большей или меньшей степени предпочитали ЯКА русскому языку). Это было заметно даже при работе с одной и той же информанткой: для этого достаточно сравнить предложения, полученные от каждой из них в начале и в конце работы. Вообще в условиях языкового сдвига чем больше информант работает с исследователем, тем больше он "разговаривается", тем лучше вспоминает редкие, забытые формы, конструкции и выражения; это можно проследить даже на протяжении одного двухчасового сеанса работы, не говоря уж о разнице "квалификации" информанта в начале и в конце экспедиционной работы с ним.

Проиллюстрируем сказанное на примере трех разных переводов предложения "мальчик сказал, что поймает большую рыбу", полученных от одной информантки на протяжении двухчасового сеанса:

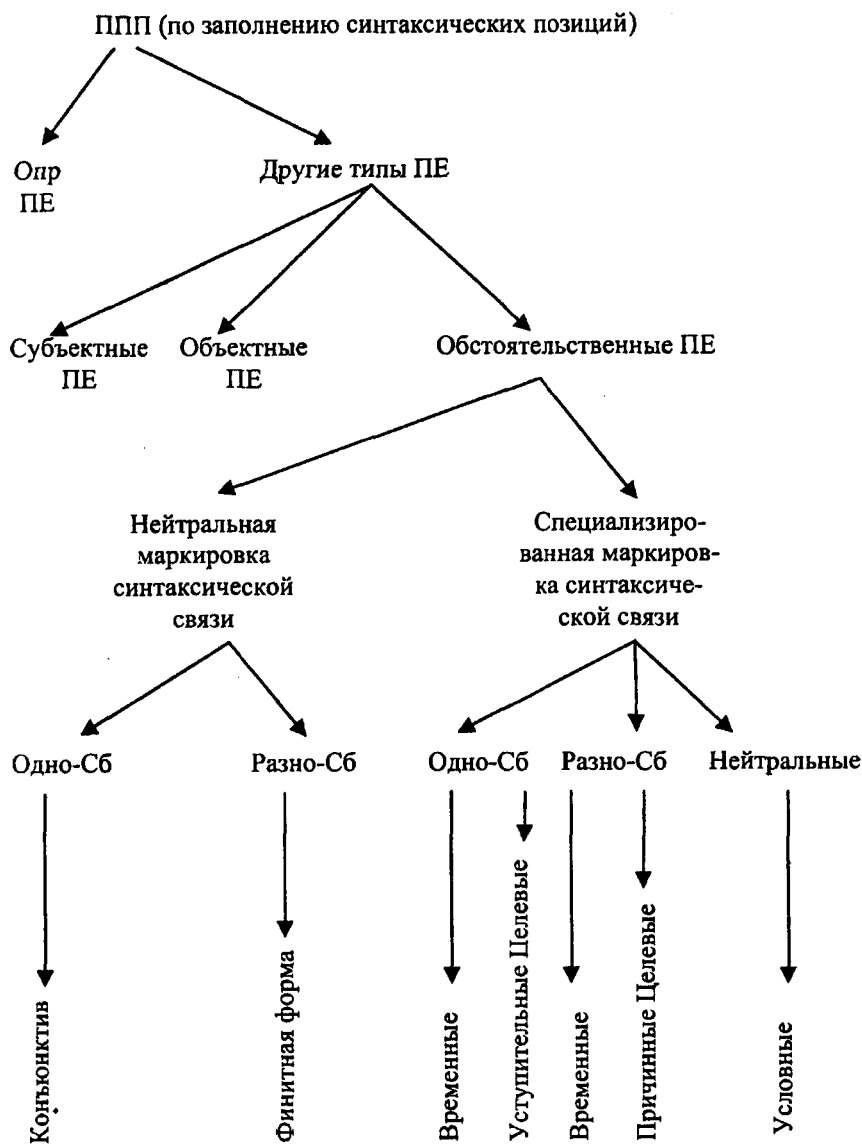
1) л^а-х'	н'усин'	них'та-на-х'	к'а-м	ан'уна-а
мальчик-ABS	нам	сказать-PAST-3SG	рыба-REL	большой
				3SG.POSS

маза-аг'ан а-на-х'

ловить-3SG.INT AUX-PAST-3SG

"Мальчик сказал нам, что поймает большую рыбу"

Схема 1. Классификация полипредикативных предложений

Здесь перед нами чисто русская конструкция с двумя финитными глаголами, один из которых представляет собой сказуемое главного предложения (них'та-на-х'), второй – сказуемое придаточного предложения (маза-аг'ан а-на-х'); другая черта, выдающая "русскость" этого предложения, – порядок слов.

2) л^ах' них'танах' к'ам ан'унаа маза-на-ан

ловить-PTCPL.PRES-2SG.POSS

"Мальчик сказал, что поймал большую рыбу"

Слово маза-на-ан – притяжательная форма 3 "возвратного" лица ед. ч. причастия "настоящего времени" ("его ловля"), стандартный для алеутского способ выражения сказуемого дополнительной ПЕ (см. п. 3.2.2 ниже), однако порядок слов в предложении также явно "русский".

3) л^ах' к'ам ан'унаа мазаанан них'такух'

"Мальчик сказал, что поймал большую рыбу"

В этом предложении, представляющем собой "улучшенный вариант" предложения (2), следов русского влияния нет, оно ничем не отличается от соответствующих предложений, зафиксированных в работах Вениаминова, Иохельсона или Бергсланда. Однако существенно то, что все три предложения, приведенные выше, являются предложениями на ЯКА и ни одно из них не должно быть исключено из описания, если это описание претендует на "объективность".

Интерференция русского языка в синтаксис ППП в ЯКА идет несколькими параллельными путями.

1. Заимствование русских слов типа союзных скреп между частями сложного предложения, наречий и наречных слов (все "материальные" заимствования из русского подчеркнуты; во всех приведенных предложениях порядок слов отражает порядок слов в соответствующих русских предложениях): аднажды айагах' угии һитикум к'илах' тин амунах' и угим агалаган тин айгахтнах' "Однажды женщина, ее-муж (когда) вышел утром, оделась и за своим мужем отправилась"; идах'таг'улах'т чту учихдху "Ты знаешь, что он хорошо плавает"; улааг'агуун ишо аваан'ан аг'икук' "Когда ты придешь домой, я еще буду работать"; халул агуун позднах' акиитах' халузанах' "Если она шила, то шила допоздна"; саг'алакаг'их' а һилакух' һин'а "Он не спит, а читает".

2. В обеих частях двучленного ППП используются финитные формы, в тех случаях, когда они не должны использо-

ваться согласно "стандартным" грамматическим правилам ЯКА (при определении степени русского влияния мы используем в качестве условного "стандарта" тексты Бергсланда). Ср.: *һадимис һуйазуукаг'улах имис тин кагниисанах' "К тебе он не пойдет, (потому что) на вас он обиделся". В "стандартном" языке должен быть другой порядок слов и причинная обусловленность должна маркироваться иначе (см. ниже п. 3.3.2.2.2.1): имис тин кагниисакух' мал һадимис һуйазуукаг'улах – перевод тот же; укалг'ааг'анас ван танаг'им илан шкоолах' укалг'ан маг'илгах' "Мы приехали в этот поселок (потому что) школа здесь есть"; в "стандартном" языке – шкоолах' укалг'ан маг'илгал ван танаг'им илан укалгааг'анас – перевод тот же; улуусазуукан'улах инак'амин' укух'талакак'аан' "Я не поверю, (потому что) я сам этого не видел"; в "стандартном" языке – инак'амин' укух'талакатын' улуусазуукан'улах – перевод тот же; ан'аасичхизас малгакух' тутакус "(Когда) песни хорошие передают, он слушает"; в "стандартном" языке – ан'аасичхизас малгал тутакух'; вааг'аамис анах'т идах'таг'улак' "Ты вернешься, я знаю"; в "стандартном" языке – вааг'аамис ак'аа идах'таг'улак' – перевод тот же; тин айагалг'инах'т айагаан к'ачх'иимис ин'ааг'их'т "(Раз) ты женился, (то) жену надо кормить" – в "стандартном" языке: тин айагалг'ик'аан, айагаан к'ачх'иимис ин'ааг'их'т – перевод тот же.*

3. Изменение порядка слов. Примеры: *ам'айах'такун' чугидалакан "Он молчит, (хотя) я его спрашиваю" (Правильным был бы обратный порядок слов); һин'а чаашках' итхик'ан' сих'тнаг'улах сасхаг'ул "Эту чашку я уронил, она не сломалась, целая" (нарушение порядка слов: последние две глагольные формы должны поменяться местами).*

Нарушение порядка слов заслуживает особого комментария. Если другие типы русской интерференции в синтаксис ЯКА еще как-то могли бы быть "адаптированы" им, то разрушение порядка слов является для ЯКА (и вообще для АЯ) катастрофическим: русифицированный порядок слов вступает в противоречие с главным принципом синтаксиса ЯКА – механизмом выдвижения топика, и, следовательно, разрушает систему поддержания референции, чрезвычайно важную для коммуникации. Разговаривая таким образом, информанты тем не менее прекрасно понимают друг друга; происходит это только потому, что все они двуязычны, и структура "неправильного" алеутского предложения понимается ими "правильно", так как поддерживается знанием соответствующей русской структуры.

4. Наконец, в речи информанты часто употребляют предложения, которые являются как бы гибридами двух различных семантических типов ППП; не исключено, что и это можно отнести к последствиям русского влияния: аармиям һадан һуйах'так'адагуун агалагаан тин' айагалг'иин'ан анак' "Когда я отслужу в армии, я женюсь", букв. "в армию схожу-когда-я после-этого женюсь". Слова агалагаан "позади", "после" обычно достаточно для введения временной ПЕ (см. п. 3.3.2.2.1.3 в этой главе); предложения этого типа не требуют условной формы на -гу-. Эти последние, в свою очередь, также способны самостоятельно оформлять зависимые временные ПЕ (см. п. 3.3.2.2.1.3 в этой главе). В этом предложении говорящий соединил оба способа, создав достаточно странное, "гибридное" предложение. Возможно, причиной образования такого "гибрида" стало русское разговорное предложение: "Когда я отслужу в армии, после этого я женюсь".

В дальнейшем во всех разделах будут приводиться в качестве примеров предложения как обнаруживающие русское влияние, так и соответствующие "стандарту" АЯ, причем все случаи, в которых видна русская интерференция, специально оговариваются. Поскольку настоящая работа не имеет целью исследование особенностей языковых контактов, при прочих равных условиях мы выбирали для иллюстрации "чистые" примеры.

3. ППП с валентностями главного предиката, заполненными ПЕ

3.1. ПЕ на валентности А/С

Способы предикатного заполнения позиции А/С в ЯКА ограничены. Существуют два типа конструкций этого класса:

1) Конструкции ППП с ПЕ в позиции А/С могут иметь в позиции предиката ГПЕ глагол от основы а- "быть", чаще всего – в отрицательной форме, а в позиции предиката ЗПЕ – финитный глагол: к'аг'даг'икух' алаках' "Некому ловить рыбу" (анаг'улах "некому было" – в прош. вр.). Значение этой конструкции может быть с некоторыми оговорками отнесено к модальным, ср.: к'ан'унах' акух' "Есть кому войти"; анг'аг'инас вааг'анас анас "Есть (были?) такие люди, которые вернулись"; Петька кидунах' акух' "Есть кому помочь Петру".

Формы на -на- в этих примерах можно было бы трактовать как причастные, и тогда буквальным переводом предложения к'ан'унах' акух' было бы что-то вроде "Входящий (вхо-

ждение) имеет-место", однако смысловой глагол может быть оформлен и показателем не-будущего времени -ку-¹⁶¹.

В приведенных выше примерах топикализуется A/S, поэтому смысловой глагол оформлен показателями I типа спряжения. Если топикализуется другая семантическая роль, то смысловой глагол оформляется показателями II типа спряжения, которые содержат анафорическую отсылку к лицу-числу топика. Ср. примеры с топикализованным локативом: Иванам илан анг'аг'ику-у алака-х' "Ивану негде жить"; авах' илан укуку-н' алака-х' "Мне там не найти работы". Разберем один такой пример более подробно:

Сайги-ни-н' ила-н аг'-и-ку-н'
ружье-PL-1SG в-3SG.LOC положить-EPENTH-NONFUT-3SG/1SG
а-лакаг'-и-х'

быть-NEG-EPENTH-3SG

"Мне некуда положить ружье"

Показатель -н' в глагольной форме аг'-и-ку-н' указывает на 1 л., ед. ч. А и соотносится с предупомянутым (но не представленным в этом предложении) именем, указывая на его лицо-число (3 л. ед. ч.).

Ср. теперь примеры с топикализованным Р: Саашам к'аку-у алака-х' "Саше нечего есть" к'аку-н' алаках' "Мне нечего есть". Если на роль топика претендуют две семантические роли, то действует правило иерархии чисел (см. п. 3.1.2.4 в Разделе 1 Главы 3). Однако ср. предложение, в котором П2 заполнена; отметим при этом, что глагол не меняет спряжение: аник'дух' илагаан микаасин'ис суку-у алаках' "Ребенку негде взять игрушки"; микаасин'ис илагаан суку-н'ис алакаг'ис "Им неоткуда брать игрушки". Во втором предложении при конкуренции семантических ролей А (мн. ч.) и D (локатив, ед. ч.) выбор делается в пользу А, который топикализуется и контролирует оформление показателей спряжения смыслового глагола.

Глагол от основы а- в этих конструкциях может быть осложнен показателем -к'ада- "перестать, прекратить", ср.: малгакух' а-к'ада-ку-х' "Делать стало нечего", букв. "делаться (-лга- — пассив, см. п. 4.3.6 в разделе 4 главы 2) быть-перестало" ; к'аг'даг'икух' а-к'ада-на-х' "Некому стало рыбачить (в прошлом)".

¹⁶¹ Следует еще раз отметить несомненное причастное происхождение временных форм прошедшего времени на -на- и -к'а-.

2) Другой, очень интересный способ заполнения позиции A/S ПЕ состоит в том, что эту позицию занимает глагольная форма с показателем пассива / имперсонала, не маркированная в таксисном отношении, обязательно оформленная притяжательным показателем 3 л. ед. ч.: *һалу-лга-а айк'ина-ку-х' "Шить трудно"*; *чали-лга-а айк'ина-Ø-г'ула-х' "Рыбачить не трудно"* и под. В нашем материале число подобных примеров ограничено.

3.2. ПЕ на валентности R

Здесь описываются конструкции с глаголами восприятия, знания, речи, и мыслительной деятельности, например, *укух'та- "видеть"*, *тута- "слышать"*, *идах'талака- "знать"*, *һак'аталака- "не знать"*, *һих'та- "говорить"*, *анухта- "думать, полагать"*, *сн'ахта- "увидеть во сне"*, *ам'айаа(-х'та)- "спрашивать"*, *һайа- "просить, требовать"*, *малихта- "предчувствовать"*, *манииса- "отчаяться"*, *"убеждать"* и др. Эти глаголы относятся к классу супрапредикатов (Касевич, Храковский 1981: 16).

Есть несколько возможностей заполнения позиции ЗПЕ:

- 1) стандартно оформленной ПЕ с финитным глаголом в инициальной позиции, с использованием показателя не-будущего времени -ку- для выражения таксисных отношений;
- 2) причастной конструкцией;
- 3) конъюнктивом;
- 4) дубитативом.

Реализация этих возможностей зависит как от семантики ГГ, так и от лица A/S в обеих в обеих частях, их кореферентности и т.п. Рассмотрим основные условия реализации указанных возможностей.

3.2.1. Зависимая предикативная единица (ЗПЕ) аналогична стандартно оформленному МПП

В этом случае ЗПЕ занимает инициальную позицию; чаще всего такой способ заполнения ПЕ встречается при глаголах восприятия и знания: *укух'та- "видеть"*, *тута- "слышать"*, *"осознавать"*, *"чувствовать"*, *идах'талака- "знать"* (не употребляется без показателей отрицания), *һак'ата- "знать"* (соответственно *һак'аталака- "не знать"*). Зависимый глагол оформлен показателем не-будущего времени -ку-, который в данном случае выражает таксисные отношения – одновременность действия, ср.: *анах' имис маасамасу-ку-н' һак'аталакаг'ик' "Не знаю, возможно, я тебе что-то (плохое) сделала"*, букв. *"что-то тебе сделала-возможно-я не-знаю"*.

Ср. пример, где A/S зависимого предиката – 3л., а A/S главного предиката – 1 или 2 лицо: л'ах' чали-ку-х' укух'та-на-к' "Я видел, что мальчик рыбачит"; кууски-х' сах' атхаза-ку-х' укух'та-т ии? "Ты видел, что кошка схватила птичку?"

При топиализации A/S зависимого предиката этот A/S согласуется с ГГ: чали-ку-х' укух'та-к'а-н' "Я видел, что он рыбачит"; са-х' атхаза-ку-х' укух'та-лкат ии? "Ты видел, что она птичку схватила?"

В случае топиализации Р зависимого предиката имеет место "двойное согласование": лицо/число Р отражается и в ГГ, и в ЗГ, происходит стандартная смена спряжения, и при этом ИГ, выражающая A/S, оформляется относительным падежом: кууски-м атхаза-ку-у укух'та-т ии? "Ты видел, что кошка ее схватила?"

Если на роль топики претендуют одновременно A/S и Р, то согласование происходит по правилу иерархии чисел. Так, изолированный пример атхаза-ку-н'ис укух'та-лкат ии? может быть понят следующим образом: 1) "Ты видел, что они [кошки] схватили ее [птичку]?"; 2) "Ты видел, что они [кошки] схватили их [птичек]?"; 3) "Ты видел, что она [кошка] схватила их [птичек]?"

Если A/S зависимого предиката – 1 или 2 л., то предложение оформляется стандартно, а в препозиции к ГГ появляется объектное местоимение, выражающее A/S зависимой предикации: к'асха-ку-х'т тин укух'та-на-к' "Я видел, что ты смеялся (букв. "смеешься-ты тебя видел-я)"; к'асха-ку-к' тин' укух'та-на-х' "Он видел что я смеялся (букв. "смеюсь-я меня видел-он")".

В случае кореферентности A/S 3л. обоих предикатов в позиции перед ГГ появляется маркер кореферентности: алаг'ум исхан саг'а-ку-х' тин укух'та-на-х' "Он(i) увидел, что он(i) спит на берегу (например, во сне)", ср. пример с некореферентными A/S: алаг'ум исхан саг'а-ку-х' укух'та-к'а-а "Он(i) увидел, что он(j) спит на берегу". Ср. еще пример на различие кореферентности / некореферентности: тайаг'улг'ух' хадаам һуйакух' укух'танах' "Он(i) увидел, что к нему(i) подошел большой человек" (маркер кореферентности – долгота гласного в послелогое хадаам), и тайаг'улг'у-м хадан һуйаку-у укух'та-к'а-а "Он(i) увидел, что к нему(j) подошел большой человек".

ЗГ может быть оформлен показателем относительного падежа, однако такое оформление не является обязательным и отмечено, кажется, только с кореферентными A/S 3л.: алаг'ум

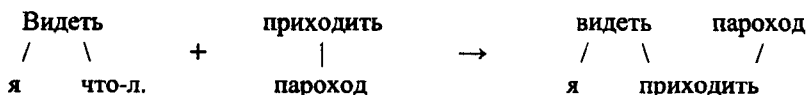
исхан саг'а-ку-м тин укух'та-на-х' "Он(і) увидел, что он(і) спит на берегу (в сказке, во сне)". Статус относительного падежа здесь не вполне ясен, хотя возможность такого оформления не вызывает сомнений. Ср. примеры с другими глаголами: самолётах' игах'та-ку-х' тута-ку-к' "Я слышу, что самолет летит"; тиливизорах' микакух' тутат ии? "Ты слышишь, что телевизор играет"¹⁶²?; айага-н' к'алгада-х' уна-ку-х' сн'ахта-на-к' "Мне снилось, что моя жена готовит пищу".

Интересно, что маркировка кореферентности / некорреферентности A/S в ППП этого типа осуществляется не выбором класса зависимой формы, как в ППП с ОбстПЕ (см. п. 3.3 ниже), а выбором типа спряжения, то есть через механизм топикализации. По-видимому, это связано с тем, что глаголы, открывающие валентность на ДопПЕ, относятся к специфическому классу "интерпретаторов" ситуации: связь между предикатом ГПЕ и ЗПЕ в предложении типа самолётах' игах'такух' тутакук' "Я слышу, что самолет летит" иная, чем, например, в ППП типа самолетах' игах'так'адаам саг'анак' "После того, как прилетел самолет, я уснул".

3.2.2. Причастные конструкции

Этот способ выражения сказуемого зависимой ДопПЕ является наиболее распространенным. Основная сложность, возникающая при описании ППП данного типа – это невозможность в ряде случаев провести четкую границу между ДопПЕ и ОпрПЕ (см. п. 4 ниже). Принципиальное отличие очевидно: если валентность сказуемого главной ПЕ заполнена предикатом зависимой ПЕ, перед нами ДопПЕ, если же она заполнена актантом зависимой ПЕ – перед нами определительная ПЕ, ср.: (1) Он увидел приход парохода – ДопПЕ; (2) Он увидел пришедший пароход – определительная ПЕ.

В первом случае синтаксическую деривацию можно представить как

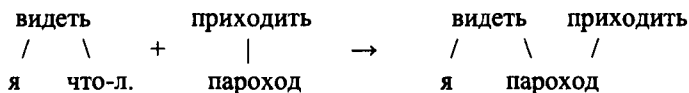

и далее как:

¹⁶² Явное русское влияние: глагол мика- обычно имеет значение "играть (в какую-л. игру, игрушками и т.п.)".

Во втором случае – как:

и далее как:

Аналогичным образом можно проанализировать такие пары, как "Я слышал, что она ночью говорила" ("я слышал ее речь", дополнительная ПЕ), и "Я слышал, что она ночью говорила" ("я слышал те слова, которые она говорила"), определительная ПЕ); "Я знаю, что он приехал" – дополнительная ПЕ, и "Я знаю, что он привез" – определительная ПЕ.

При внешнем сходстве синтаксических структур, при общности средств выражения содержательная характеристика этих синтаксических структур совершенно различна: в первых двух предложениях обеих пар ЗПЕ является прямым дополнением при сказуемом главной ПЕ, во вторых – определением при актанте главной ПЕ.

Сходная проблема существует и в синтаксисе ЯКА: одно и то же средство оформляет оба типа ПЕ, ср.:

н'усин' хайа-аса-к'а-а агу-на-к'
 меня просить-TRANS-PTCPL-3SG.POSS делать-PAST-1SG
 "Я сделал то, что он меня просил" (ОпрПЕ)

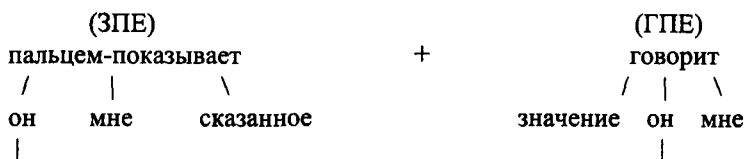
к'ан'у-на-а тута-на-н'-улах
 войти-PTCPL-3SG.POSS слышать-PAST-1SGX3SG-NEG
 "Я не слышала, что он вошел" (ДопПЕ)

Это средство – особые формы (с суффиксами -на- или -к'а- и притяжательными показателями), называемые здесь причастиями.

ЗГ при всех типах ГГ (кроме глагола ам'айах'та- "спрашивать") может быть выражен причастными конструк-

рохода (на пришедший пароход?); ан'унааг'усих' а-на-ан угунах' талагада "Не забывай, что ты начальник" (букв. "быть-2SG.POSS").

В предложениях с дополнительными ПЕ возможны и более сложные синтактико-семантические отношения между компонентами, ср.: хих'та-на-ан н'ус чугуг'ух'тал, к'алах'та-на-а н'ус хих'танах' "Он, показывая пальцем, объяснил мне сказанное им" (букв. "сказанное-свое мне пальцем.показывая содержание-его мне сказал"). Здесь форма хих'танаан "сказанное-свое" выступает не только как объект глагола "говорить, объяснять", но и как посессор при причастной форме к'алах'танаа "содержание-его" из главной ПЕ:

3.2.3. Конъюнктив

В случае некорреферентности А/С главной и зависимой ПЕ ЗГ может быть выражен конъюнктивом (см. п. 4.2.2.7 в главе 2, здесь соответствующие формы даны курсивом), ср.: сунах' *hak'al* хиг'акух' (или: хих'танах') "говорят (или: он сказал), что судно идет" (букв. "судно *идя* говорится [или: сказал-он]"); сунах' *kidux* анухтакук' "Я думаю, что судно тонет" (букв. "судно *тоня* думаю-я"); Иван *waag'al* хиг'акух' "Иван приехал, говорят" (букв. "Иван *приехав* говорится [пассив]"); анан' тин' *ak'lah'tal* анухтакук' "Я думаю, что моя мать на меня рассердилась" (букв. "мать-моя меня *сердясь* думаю-я"); *sag'at* н'ус хих'танаагулах' "Он не сказал, что ты спишь" (букв. "*спя-ты* мне не-сказал-он"); анаган *ak'lah'talka* анухтакук' "Его мать на него рассердилась, я думаю" (букв. "мать-его *сердясь-его* думаю-я"); *ulag'ihakat* хих'танак' "Я сказал, что тебя нет дома" (букв. "*дома-не-находясь-ты* сказал-я").

В случае корреферентности А/С главной и зависимой ПЕ для выражения ЗПЕ используется причастная конструкция: мак'аг'и-на-н'улах' хих'такук' "Я говорю, что хорошо себя чувствую"; анаг'их' уку-на-ан хих'такух' "Он говорит, что что-то нашел"; адаан ам'айаах'тааг'ан аг'-на-ан хих'танах' "Он сказал, что спросит своего отца" (в последнем примере причастная форма образована на базе двуглагольной аналитической кон-

струкции, выражающей будущее время, см. п. 4.2.2.1 в главе 2; собственно причастную форму с показателем причастия одно-временного действия -на- имеет вспомогательный глагол аг'на-ан, в то время как "смысловой глагол" сохраняет форму интенционала: ам^айаах'та-аг'ан)

Вариантом рассмотренного способа выражения зависимой ПЕ со значением прямого дополнения является особая "серийная" синтаксическая конструкция с глаголом них'тал в зависимой форме, ср.: амаатхах' укух'такух' "Он далеко видит"; амаатхах' укух'та-на-ан них'тал тунумкакух' "Он говорит, что далеко видит" (букв. "далеко видение-свое говоря рассказывает").

3.2.4. Дубитатив

Если в позиции ГГ стоит глагол ам^айаа(-х'та)- "спрашивать", то ЗГ (ДопПЕ) выражен специальной глагольной формой дубитатива. Показатель дубитатива – -Дх'та- (-них'та-после основ на согласный); глагольные формы дубитатива оформляются стандартными личными показателями II спряжения, за исключением формы 1SG x 3SG, где показатель -Дн'. Ср.: асх'удгим ила-ах'та-ан' н'ус ам^айаах'так'аа "Девушка спросила меня, люблю ли я ее"; тин' ила-ах'та-а ам^айаах'так'ан' "Я спросил ее, любит ли она меня"; киин агиитал танааг'ан аг'нах' а-ах'та-а ам^айаах'так'ан' "Я спросил его, с кем он поедет в остров"; наага-ах'та-ан' ам^айаах'такух' "Он меня спросил, хочу ли я есть"; к'анан' лаафких' а-ах'та-а ам^айаах'такух' "Он спросил, где магазин"; сабаакам киг-них'та-а н'аан ам^айаах'так'ан' "Я его спросил, укусила ли его собака"; тайаг'ум су-ух'та-а н'ус ам^айаах'так'аа "Он спросил меня, взял ли мужчина это"; һаман' а-ах'та-ан укух'танааг'нак' "Я старался увидеть, там ли ты".

3.3. ПЕ в позиции сирконстанта

В данном параграфе рассматриваются ППП с ПЕ в позиции сирконстанта (ОбстПЕ): временные, причинные, уступительные, условные и др.

3.3.1. ППП с нейтральной маркировкой связи

Говоря о нейтральной маркировке синтаксической связи, мы имеем в виду такие средства связи, которые, указывая на связь ГПЕ и ЗПЕ, в то же время не несут никакой дополнительной информации о семантике этой связи. Между ГПЕ и ЗПЕ в этих случаях могут возникать самые разные отношения,

зависящие от предшествующего контекста, от ситуации, от иных прагматических факторов, от семантики конкретных глагольных лексем, заполняющие позиции главного и зависимого предикатов, однако ни одно из этих значений не является в собственном смысле значением формы, используемой как маркер связи.

Достаточно бессмысленно пытаться классифицировать по семантическим рубрикам ППП с ГПЕ и ЗПЕ, связанными с помощью таких средств связи. Действительно, почти любые два действия, связанные, например, отношениями причинной обусловленности, всегда связаны и во времени: "после" не значит "следовательно", но "следовательно" почти всегда значит "после". Ср.: к'ах' к'аатул ха́к'акух' букв. "Захотев есть рыбу пришел". Что здесь: "пришел после того, как захотел" или "пришел, так как захотел"? Вопрос достаточно праздный: конечно, и то, и другое; и если бы это ППП было оформлено каким-либо из специализированных средств выражения временных (см. п. 3.3.2.2.1) или причинных (см. п. 3.3.2.2.2.1) ПЕ, проблемы бы не возникало; однако оформление зависимой ПЕ с помощью нейтрального средства – конъюнктива (к'аату-л) – не позволяет нам однозначно ответить на этот вопрос.

Свойством данного типа связи как раз и является его неспециализированный характер: единственное его актуализованное значение – это значение зависимости неконечного предиката от конечного. Семантические отношения главной и зависимой ПЕ не определены семантикой формы, определен лишь факт наличия зависимости. Единственное жесткое требование, накладываемое на семантические отношения ЗПЕ и ГПЕ – иконичность синтаксической структуры (в смысле [Haiman 1985]).

3.3.1.1. Кореферентные А/С: конъюнктив

Основным средством выражения ОбстПЕ в ППП, в которых А/С ГПЕ кореферентен А/С ЗПЕ, являются формы конъюнктива (см. п. 4.2.2.7 главы 2), или, как их еще можно назвать, "предикатные модификаторы" (некоторые авторы называют их также "определениями к глаголу" – см.: Оглоблин 1986: 142–143; Подлесская 1989: 116–117; эти формы обычно выделяются в языках, в которых обстоятельственные значения могут выражаться глагольными формами).

3.3.1.1.1. Семантика ЗПЕ

Почти во всех примерах ППП с предикатом ЗПЕ, выраженным конъюнктивом, ЗПЕ называет сопутствующее действие, способ, причину, цель, меру проявления действия / состояния и т.п.

Как отмечалось выше, единственное жесткое требование, накладываемое на семантические отношения ЗПЕ и ГПЕ, следующее: при наличии любого числа зависимых конъюнктивных форм все они должны выражать действия либо одновременные действию ГПЕ, либо последовательно следующие друг за другом (что, очевидно, связано с общей тенденцией к иконичности синтаксической структуры. Ср. примеры: угин' умла-л сапоогис резинован'ис чу-л сайгис су-л анк'ах'танах' "Мой муж проснулся, надел резиновые сапоги, взял ружье (и) ушел (в тундру)". Здесь все действия последовательно происходят друг за другом в том порядке, в каком следуют друг за другом ПЕ. Ср. пример ППП, в котором все действия имели место в какой-то период в прошлом, трактуемый как единый момент: алгас улун'ис асх'асха-л сас камлихталга-л, исуг'им чадуу топиилга-л аагасхазак'ах' букв. "Морских-зверей убивая, птиц стреляя, нерпичий жир топя, заготовливали" (все глагольные формы содержат показатель пассива / имперсонала -лга- / -сха-).

Рассмотрим два примера ППП с ЗПЕ этого типа: айгах-с ан'аачаг'икух' "Он идет и поет" (букв. "идя поет-он", то есть "поет на ходу"); м^иичи-л хаг'утик'аа букв. "Играя-в-мяч он-его-победил". В первом примере не вызывают сомнения отношения одновременности двух действий. Одно из них, айгах-"идти" интерпретируется здесь как зависимое, сопутствующее главному. Однако возможно предложение: ан'аачаг'ил айгагикух' "Он поет и идет" ("напевая идет"). Здесь уже действие ан'аачаг'- "петь" интерпретируется как сопутствующее.

Примеры такой "обратимости" внутри пары действий довольно редки; строгое соблюдение принципа иконичности не позволяет взаимную замену, как, например, в предложении к'идух' тумсазига-л инкакух' "Веревка собрана [в моток], (и) висит [например, на гвозде]". Здесь действия, выраженные двумя ПЕ, видимо, связаны отношениями последовательности: веревку сначала собрали в моток, потом повесили на стену. Приведем еще одну "обратимую" пару: саг'а-л к'ун'тугикух' "Он спит и храпит" (букв. "спя храпит") и к'ун'тугил саг'акух' "Храпя спит" (букв. "храпя спит").

В качестве примера необратимости рассмотрим предложение: аник'дуг'и-л аник'дуун гих'танах' "У нее был ребенок, она своего ребенка любила". Здесь запрет на вариант *аник'дуун гих'та-л аник'дуг'инах' букв. "ребенка-своего любя ребенка-имела-она" (отвергнут нашими информантками), очевидно, указывает на единственную возможность интерпретации двух действий как находящихся в отношениях временной последовательности ("родила ребенка и потом полюбила его"), но не одновременности ("имела ребенка и любила его"); возможно, здесь играет роль и причинная обусловленность: любить ребенка невозможно, не имея его, обратное верно. То же самое относится к примеру: л^ан' так'ух'та-л ун'учинак' "Я обняв своего сына сидела". Судя по тому, что наши информантки единодушно забраковали вариант ун'учи-л л^ан' так'ух'тана-к' букв. "сидя сына-моего обнимала-я" допустима только интерпретация ситуации как "обнимая сидела" (а не как "сидя обнимала"). Справедливости ради, стоит сказать, что не удается найти логического объяснения, почему пара "идя поет" vs. "напевая идет" оказывается обратимой, а пара "обнимая сидела" vs. "сидя обнимала" нет. Не исключено, что в данном случае допущение или недопущение того или иного варианта объясняется некоторыми свойствами грамматической системы АЯ (например, принадлежностью глаголов к разным акциональным классам); возможно, впрочем, что, несмотря на то что АЯ бесписьменный, таким образом проявляются некоторые стилистические предпочтения говорящих. Этот вопрос требует дальнейшего прояснения.

3.3.1.1.2. Формальная характеристика конструкций

Поскольку А/S главного и зависимого предикатов кореферентны, в ППП этого типа действует правило кореферентного опущения ИГ, выражающей А/S второго, то есть синтаксически главного предложения. Финитный глагол – сказуемое ГПЕ может стоять в любом времени и наклонении: асх'удгих' айа-л таан'аан кумикух' "Девочка упала и воду разлила" (не-будущее: показатель -ку-); аник'дух' су-л хахит-на-х' "Взяла ребенка [на воспитание] и вырастила [его]" (прошедшее: показатель -на); чам^ас стоолаг'им кугаан итух'са-л сих'тух'са-на-с "Чашки падали со стола и разбивались" (прошедшее: показатель -на-); анах маатулака-н тин' к'уйу-л саг^аан'ан аг'икук' "Ничего не хочу делать, лягу и буду спать", букв. "что-либо делать-не-желая улегшись спать буду-я" (будущее: аналитическое: сочетание интенционала и вспомога-

тельного глагола); книигис су-л хила-да "книгу возьми (и) читай" (императив: -да); ута-л сакан' укух'та-да "Сходи вниз и посмотри!" (императив); кинитааса-л хин'ан су-да! "Наклонись и это возьми!" (императив: -да). Ср. еще примеры: укааг'а-л тин тайаг'ута-на-х'¹⁶³ хин'а "Он пришел и хвастается" (глагол с показателем настоящего времени -ку- в сочетании с указательным словом хин'а); саг'алита-я тунух'та-ку-х' "когда спит (во сне)"¹⁶⁴ разговаривает"; укааг'ах'та-л тин укумааса-на-х' "Приходя сюда он хвастался".

При отрицании предикации показатели отрицания распределяются следующим образом:

1) Если отрицается зависимая предикация, ЗГ оформляется показателем актуального отрицания -лака(г')-, и действие этого отрицания распространяется только на ЗПЕ: к'аату-лакан тин к'уйу-на-х' "Он не хотел есть (и) лег спать"; амгим нузуу саг'а-лакан-н хила-на-к' "Я всю ночь не спал (и) читал".

2) Если отрицаются обе предикации, то показателем отрицания (актуального или неактуального действия, в зависимости от времени ГГ) оформляется только ГГ: книигис су-л хила-на-г'ула-х' "Он не взял книгу и не читал (ее)"; аник'дух' айа-л к'ида-лакаг'-и-х' "Ребенок не упал и не плачет"; ун'учи-л к'а-лага-да "Не сиди и не ешь".

В рамках ППП с нейтральной маркировкой синтаксической связи нет способа выразить значение отрицания только ГГ. Для этого используется иное средство – то же, что для выражения противительных отношений; см. подробно п. 3.3.2.1.2.1 в этой главе; приведем здесь один пример: книигис су-ку-м хила-на-г'ула-х' "Он взял книгу, но не читал".

Приведем еще несколько примеров, в которых ЗПЕ находятся в различных "обстоятельственных отношениях" с ГПЕ. Подчеркнем еще раз, что точно установить семантику этих отношений вряд ли возможно, ср.: хаага-л кайуг'ик'аданак' "Голодая я ослабел" ("я ослабел после голодовки"? "так как я голодал, я ослабел"?); угу-ну-л сук'ан'улах "Он забыл и не взял" ("забыл взять"?; "не взял, так как за-

¹⁶³ Глагол тайаг'ута- "хвастаться" (образован на базе имени тайаг'ух' "мужчина") употребляется только когда речь идет о мужчинах или мальчиках; если речь идет о женщинах, используется рефлексивный глагол укумааса- (он может характеризовать и мужчин – см. следующий пример).

¹⁶⁴ Строго говоря, глагол саг'алита- имеет значение "ходить во сне", "разговаривать во сне" ("находиться в состоянии лунатизма").

был"?); к'идал тунух'такух' "Он плачет и говорит" ("плача говорит"); ак'ла-л һитинах' "Он ругаясь вышел" ; сабаакам кигик'аа һаан'уна-л "Собака укусила его жестоко" (русский порядок слов); кадаг'и-л айгагикух' "Впереди идет" (букв. "впереди-находясь идет"); тих-с атхиник'ан' һин'а "Я ее поймал [кошку]", букв. "Прижав, остановил я ее [кошку]"; укинах' к'ичийа-л сусуг'икух' букв. "Нож заостряя, точит (используя точило или напильник)".

3.3.1.1.3. Нарушение моносубъектности

Все предложения, приведенные в предыдущем параграфе, имеют кореферентные А/С в ГПЕ и ЗПЕ. Из этого правила есть одно регулярное исключение: если ЗПЕ представлена "метеорологическим" глаголом, то допускается ее оформление с помощью конъюнктива: саалулака-н самалётах укуг'алаках' "Идет дождь, (и) самолет не летает", букв. "не-солнечной-погода-будучи самолет не-виден"; к'аниигиг'уках' ити-л чатадаачим "Выпало много снега, пойдем кататься!" (возможно, здесь русское влияние: к'аниигиг'уках' ити-л букв. "снега-много упало").

В нашем материале есть единичные примеры, когда конъюнктивом выражен зависимый предикат в разносубъектном ППП; в атк.д. таких примеров не зафиксировано. Однако ср. ЯКА: сунах' укалг'ааг'а-л кинулгазуукаг'улах' "Судно пришло (подходит), и мы не пойдем в кино"; чаайниках' акина-л чан' к'анатинак' "Чайник был горячим, и я обожгла руку", и под. Возможно, здесь дело в неконтролируемости действия ЗПЕ – так же, как это имеет место в случае с метеорологическими глаголами. Впрочем, как всегда, нельзя исключить и русское влияние, ведущее к разрушению системы (предложения наподобие "Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа" вполне типичны для нелитературных вариантов русского языка).

3.3.1.1.4. Топикализация актантов

В случае топиализации А/С (напомним, что в конструкциях этого типа действует правило кореферентного опущения) ИГ, выражающая А/С, оформляется показателем абсолютного падежа и согласуется с ГГ с показателями I спряжения. Для топиализации А/С необходимо, чтобы все элементы, которые могут претендовать на роль топика, присутствовали бы в предложении при своих предикатах, ср.: л'а-х' к'угана-х' һиги-л амаану-на-х' "Мальчик камень бросил и убежал"; л'а-х' укина-х' су-л сунаада-х' агу-ку-х' "Мальчик взял нож и делает

игрушечный кораблик". В случае топиализации Р зависимой ПЕ ИГ, выражающая A/S, оформляется относительным падежом, а глагол получает показатель II спряжения; при этом форма конъюнктива не меняется: л^а-м һиги-л амаану-к^а-а "Мальчик бросил его и убежал". Во втором из приведенных выше предложений из двух Р двух ПЕ может топиализоваться только Р главной ПЕ; механизм тот же: л^а-м укина-х' су-л агуку-у "Мальчик взял нож и делает его". Если в ГПЕ и ЗПЕ кореферентны и Р, то происходит опущение второго из них (то есть стоящего при ГГ): л^а-х' сунаада-х' су-л сих'и-на-х' "Мальчик взял игрушечный кораблик и сломал (его)", и ср. пример с топиализованным Р: л^а-м су-л сих'и-к^а-а "Мальчик взял (его) и сломал (его)". Приведем также пример с кореферентными Р и D (локативом) и топиализованным A/S: ула-х' н^у-л илан к^ан'у-на-к' "Я дошел до дома и вошел в него"; ср.: н^у-л илан к^ан'у-к^а-н' "Я дошел (до него) и вошел (в него)" – с топиализованным Р=D. Если зависимая и главная ПЕ представлены одной глагольной лексемой, а их Р (D) некорреферентны, то "сокращения" ЗПЕ не происходит, ср.: л^а-х' асхинум н^аан канфиита-х' ах'-с браатаам н^аан сунаада-х' аг'-на-х' "Мальчик девочке дал конфету, а своему брату кораблик дал".

3.3.1.1.5. Формы совместности

В этом параграфе описывается конструкция, передающая значение "A/S-1 действует вместе с A/S-2". Она рассматривается в этом разделе потому, что собственно значение совместности выражается формой агитал "быть вместе", которая представляет собой производное образование в форме конъюнктива на базе корня агит- "другой": анаан агитал кинуумис анах'т ии?" "Ты вместе с мамой пойдешь в кино?" Глагол согласуется в лице и числе только с грамматическим субъектом действия, но не с реальным исполнителем действия: Сааша адаам агитал анк'анах' "Саша со (своим) отцом уехал"; тин агитал тин' айх'атсуугаг'улак' "Я с тобой не поеду"; Петька агитал һак'аасак'аа һин'а "Он встретил его с Петькой". Любое из двух имен – N1 и N2 – может топиализоваться: Виира Мариийа агитал микакух' "Вера играет с Марией"; ср.: Виира агитал микакуу "Вера с ней играет"; Мариийа агитал микакух' "Она с Марией играет"; агитал микакух' "Она с ней играет"; агитаадан' агитал тин һак'ах'таасаан'ан анак' "Я познакомлю тебя с моим другом" (букв. "вместе с моим другом тебя приведу я", "вместе с моим другом с тобой приду я"); последний пример, кажется, не имеет аналогий в атк.д (ср. Bergs-

land 1994: 93). В некоторых случаях значение, выражаемое с помощью этой конструкции, не является собственно значением совместности, ср.: л^ах' агиитал амг'икух' "Он дерется с мальчиком". Трудно сказать, является ли этот случай "исконно алеутским" или представляют собой результат русской интерференции: Скорее всего, такие предложения все-таки результат влияния русского языка; так, значение последнего предложения, кажется, более естественно передать глаголом амг'и- с транзитивирующим суффиксом -дса- (см. п. 4.2.3 в главе 3): л^ах' амг'иисакух' "Он дерется с мальчиком".

В ЯКА А/S-1 и А/S-2 связаны комитативным отношением с помощью данной конструкции в тех случаях, когда оба они одушевленные, вне зависимости от того, представляют они людей или животных, единичные они или множественные: ачихазах' аник'дус агиитал тин кинуг'итнах' "Учительница с детьми пошла в кино"; тичих ачихазах' агиитал кинуг'итнас "Они со своей учительницей пошли в кино"; сабаакаан агиитал укан' амаайанах' һин'а "Он со своей собакой только что был здесь [в помещении]"; пастухах' курууват агиитал к'айам аман'ан һадан һуйанах' "Пастух с коровами ушел за горку". Однако если одно из имен неодушевленное, используется "инструментальная" конструкция, см. п. 3.3.1.1.6 ниже: охоотниках' слукас сух'тал тин танааг'атнах' "Охотник с чайками (букв. "чаек [убитых] держа") вернулся домой"; сабааках' к'агнаан сух'тал скамейкам ситхан чан'анах' "Собака с костью залезла под скамейку".

Синонимом формы агиитал выступает форма ас: тин' н^ух'тал тин' ас чаайуда! "Приходи ко мне попить со мной чаю!"; тидих ас саг'ал "Они вместе спали"; адаан ас микакух' "он играет со своим отцом". В формальном отношении ас представляет собой конъюнктив от глагольной основы а- "быть" с каузативным суффиксом -т- (образуется формально транзитивная основа ат-); однако это образование, возможно, надо признать лексикализовавшимся: в современном АЯ слово ас, в отличие от агиитал, скорее представляющего собой "живую" глагольную форму (ср. значение исходной основы агиит- "другой"), близко к частице. Правила выбора между агиитал и ас остаются не вполне ясными. Возможно, здесь играют роль "стилистические" соображения, сводящиеся к выстраиванию "подходящей" ритмической структуры. Так, наши информантки предпочитали использовать ас в сочетании с односложными объектными местоимениями: тин ас "с тобой"; тин' ас "со

мной", хотя признавали синонимичные сочетания, соответственно, тин агиитал и тин' агиитал абсолютно правильными.

3.3.1.1.6. Конструкция со значением инструмента

В ЯКА существует два основных способа выражения значения орудия или инструмента действия. Оба они связаны с конъюнктивом:

1. Конъюнктив от основы су- "брать" с суффиксом -х'та- "результатив": сух'та-л "держать (в руках)". Примеры: умнайаасих' сух'та-л айх'аасих' умнайакус "Паклей лодку конопатят", букв. "средство-уплотнения держа лодку уплотняют-они"); тукуулких' сух'та-л иклас к'ухсу-на-к' "Я рубил дрова топором" (букв. "топор держа"; й^аагах' сух'та-л тин' анагикух' "Он меня ударил палкой" (букв. "палку держа"). В этих примерах конъюнктив, возможно, является "живой" формой – в том смысле, что возможны примеры типа умнайаасих' сух'та-ку-с "Они держат паклю", тукуулких' сух'та-на-к' "Я держал топор". Однако некоторые употребления указывают на то, что конъюнктивная форма сух'та-л "держа", если еще и не полностью лексикализовалась, то близка к этому, ср.: чаан сух'тал сук'аа "Он это взял рукой" (букв. "руку держа взял-это"); таан'ам акинаа сух'тал тин' к'ан'атинаяк' "Я обжегся горячей водой" ("воду горячую держа").

2. Второй способ выражения значения инструмента, при котором форма конъюктива образуется от основы со словообразовательным суффиксом -г'и- "иметь М", был рассмотрен в п. 4.3.1 главы 2. Пример: лоошка-г'и-л к'анах' "Он ел ложкой" (букв. "ложку-имея ел").

Эти два средства выражения инструментального значения выступают как синонимы и легко заменяют друг друга: укинаан чумликух' хин'а, сусуг'асих' сух'тал атхах'тикуу "Он нож точит, напильником его правит", и ср.: укинаан чумликух' хин'а, сусуг'аси-г'и-л атхах'тикуу (тот же перевод).

3.3.1.2. Некорреферентные A/S: форма на -ку-

Если ППП с некорреферентными A/S не имеют специальной маркировки таксисных отношений, то расположение ЗГ и ГГ отражает иконический порядок следования. ЗГ (первый в линейной последовательности) оформляется показателем -ку- (ср. показатель не-будущего времени в финитных глаголах); значение этого показателя в данном случае – указание на то, что между двумя ПЕ существуют синтаксические отношения зависимости, но без конкретизации того, какие именно

– таксисные (предшествование, одновременность или следование), или иные (причинные и др.) – отношения устанавливаются между ними.

Показатели лица зависимой формы имеют следующий вид:

	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1 л.	-к'аан'	–	-зиин
2 л.	-х'таан	-х'тидигаан	-х'тичигаан
3 л.	-г'аан	-гаан	-зиин

Отрицательная форма образуется суффиксом -лака-, ср. -лака-к'аан', -лака-х'таан и т.д.

На "абсолютное время" указывает показатель времени в финитном (втором в линейной последовательности) глаголе. Ср. примеры: хаада-ку-к'аан' угин' тин асх'аг'ини-на-х' "Когда я поправилась, мой муж заболел"; бригадирах' ава-ку-зиин вааг'а-на-х' "Бригадир, когда мы уже работали, приходил" (с нарушением порядка слов); ихчи-ку-х'таан тимас хилани-на-с "Когда ты уехал [домой], нам стало скучно"¹⁶⁵; л'акучах' а-ку-х'таан тин укух'та-на-к' "Когда ты был маленьким мальчиком, я тебя видела (встречала)"; саг'а-ку-зиин алгидим киинта калу-на-х' "Пока мы спали, дважды кто-то стучал"¹⁶⁶; анамас ава-ку-зиин аник'дус укух'та-ку-х' "Пока они работают, мать смотрит за детьми" (с нарушением порядка слов); чук'уда-ку-к'аан' адан' лиизах н'ус агу-на-х' "Когда я (еще) был маленьким, отец лыжи мне сделал".

Примеры отрицательной формы ЗГ (в полном соответствии с общим правилом показатель -ку- заменяется на показатель отрицания актуального действия -лака(г')-; см. п. 4.2.2.1 главы 2): саг'а-лака-к'аан' двиирах' стуукалга-к'а-х' "Я еще не уснул, когда в дверь постучали"; улах' агулга-лака-г'аан хузя-

¹⁶⁵ Непроизводный глагол *хила- "испытывать скуку" не зафиксирован. Интересно, что производные от этого не зафиксированного корня отмечены только в ЯКА (помимо настоящей работы см.: Орлова 1931; Меновщиков 1977). Бергсланд включает производные от этого гипотетического беринговского корня в словарь (Bergsland 1994: 194), однако, возможно, справедливо отделяет их от хила- "читать". Последнее образовано от корня хи- "произнести звук (слово)"; вероятно хила-диахронически представляет собой хи-ла-, где -ла- – один из показателей дистрибутивной множественности (см. п. 4.3.3 главы 2), то есть "читать" по-алеутски означает "произносить звуки (слова) один за одним".

¹⁶⁶ Единственный пример, в котором этот глагол означает "стучать", обычно – "стрелять".

инаа амаану-на-х' "Когда дом еще не начал строиться, его хозяин уехал"; еще аг'ах'та-лака-х'таан пузаарах' а-на-х' "Когда ты еще не родился, был пожар"; улаан н'у-лака-х'таан саалук'адааг'ан анах' "До дома ты не успеешь дойти, как начнется дождь" (будущее время); кииних'¹⁶⁷ чматих'¹⁶⁸ имис аг'ииг'ан анах' к'ичитиг'илакаг'и-х'таан?! "Кто даст тебе хлеба, когда у тебя нет денег?!" (в последнем примере очевидно русское влияние – нарушение порядка слов: ЗГ в конце предложения).

Тот факт, что показатель -ку- выполняет именно функцию указания на относительное, а не на абсолютное время действия ЗПЕ, подтверждается примерами, в которых ЗГ выражает вопрос: алк'ус ма-ку-х'т тин саг'ани-на-х'т? "Что ты (такое) делал, что устал?" Если вопросительная форма глагола занимает конечную позицию, она не может иметь показатель не-будущего времени -ку- (см. п. 8 главы 3).

Устройство парадигмы зависимых форм на -ку- достаточно прозрачно (это отмечено и в работе: Bergsland, Dirks 1981: 105–106). Все показатели представляют собой сочетания показателей I спряжения финитного глагола (-к-, -х'т, -х' и т.д., см. п. 4.2.1 главы 2) и маркеров ИГ, выражающих семантический актанта D ("непрямое дополнение" и "косвенное дополнение") в форме н'аан и н'иин (-ку-к' + н'аан → -ку-к'аан, -ку-с + н'иин → -ку-зиин и т.д.), см. п. 3.1.3 главы 3.

В предложениях с таксисно-нейтральной маркировкой синтаксических отношений зависимые предикаты могут получать словообразовательные показатели типа -к'ада- "закончить

¹⁶⁷ Уникальная форма вопросительного местоимения (обычно киин "кто"); она не отмечена ни в одном другом диалекте, да и в ЯКА используется нечасто. Здесь имеет место как бы своеобразное выравнивание: как в абсолютном большинстве имен, в ед. ч. добавлен показатель абс. п. -х'.

¹⁶⁸ Также существует вариант чм'атих'; это слово (оба варианта) зафиксированы только в ЯКА. Бергсланд считает это слово производным от рефлексивного глагола (тин) чмат- "скатываться", "свертываться (о крови и т.п.)", "затвердеть", "загустеть". На это косвенно указывает и уналашкинское (а также медновское) слово для хлеба чмачаг'их' (*чмат-аг'и- – результативный пассив, см. п. 4.3.6 главы 2). Однако то, что слово чматих' отмечено только в ЯКА, а также тот факт, что существует вариант с глухим сонантом чм'атих', дает возможность предположить, что оно могло возникнуть как адаптация русского заимствования "шмат(ок)" с последующей контаминацией с образованиями на базе исконного алеутского корня чмат-.

действие", "прекратить действие" (см. п. 4.3.11 главы 2) или -л^и- "все еще" (см. п. 4.3.16 главы 2), которые уточняют временные отношения между ПЕ. Так, формы с показателем -л^и- означают, что действие, выраженное первой ПЕ, началось раньше действия, выраженного второй ПЕ, но продолжалось до начала (или даже перекрывало начало) второго, ср.: алуг'их' алуг'и-л^и-ку-к'аан' тин' н^у-ку-х' "Когда я (все еще) писал письмо, он пришел ко мне"; к'аниигих' к'айас куган а-л^и-ку-г'аан' слух' хак'а-ку-х' "Снег все еще лежал на сопках, когда лето наступило". Формы с показателем -к'ада- означают, что действие, выражаемое первой ПЕ закончилось до начала действия, выражаемого второй ПЕ, ср.: тунумка-к'ада-ку-зиин тин' саг'ани-на-к' "Когда они перестали болтать, я уснул". Словообразовательные средства здесь – единственная возможность уточнить таксисные отношения, не маркированные синтаксическими средствами.

Формы, представленные выше, используются, как уже отмечалось, в случае с некоррелирующими A/S в зависимой и главной предикации. Однако и здесь встречаются отклонения, объяснить которые достаточно сложно; возможно, дело здесь в начинающемся разрушении системы: укалг'ааг'а-ку-к'аан' агитадаг'и-лака-к' "Когда я сюда приехал, у меня (здесь) не было друзей"; укалг'ааг'аака-лака-х'таан алк'ул алуг'их' алуг'наг'улах'т? "Когда (если, поскольку) ты не смог сюда приехать, почему не написал письмо?". Приведем еще один подобный пример, в котором в зависимую форму поставлен "неполнозначный" модальный глагол ин'ааг'и- "долженствовать"¹⁶⁹: унамас ин'ааг'и-ку-х'таан ун'учит вайа "Когда ты должна была готовить, ты сидела" (т.е. "вместо того чтобы варить, ты сидела").

3.3.2. ППП со специализированной маркировкой связи

Здесь описываются ППП, в которых синтаксические отношения между ПЕ маркированы специализированными средствами, то есть такими, которые не просто выражают наличие связи, но и характеризуют эту связь семантически. Сюда относятся, во-первых, средства, маркирующие таксисные отношения между ПЕ (под таксисом, в отличие от времени, ха-

¹⁶⁹ Однокоренной с указательным словом ин'а "здесь, прямо перед говорящим", см. п. 3.6 главы 2.

рактизирующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения, мы вслед за Р.О.Якобсоном понимаем характеристику сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения – Якобсон (1972), то есть временное соотношение между ГПЕ и ЗПЕ. Вторых, сюда же относятся отношения причинной обусловленности в широком смысле, включая значение причины, следствия, уступительные, целевые и др.

3.3.2.1. Кореферентные A/S

3.3.2.1.1. Маркированные по таксису

3.3.2.1.1.1. ЗПЕ со значением предшествования

В ЯКА существует средство маркировки обязательной завершенности действия, выраженного зависимой ПЕ, до начала действия, которое выражает главная ПЕ. Это таксисное отношение выражается специальной зависимой глагольной формой, образованной от глагольной основы показателем -к'ада- "прекратить, закончить V" (см. п. 4.3.11 главы 2; напр., к'а- "есть", к'а-к'ада- "перестать есть") и притяжательными показателями относительного падежа, которым предшествует долгота гласного Д. Учитывая составной характер формы предшествования, парадигму можно представить в следующем виде:

	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	-к'ада-Д-мин'	-к'ада-Д-мас
2 л.	-к'ада-Д-мис	-к'ада-Д-мчих
3Р.л.	-к'ада-Д-м	-к'ада-Д-мдих, -к'ада-Д-мчих

Показатель -к'ада- включен в парадигму условно: дело в том, что, хотя он и является словообразовательным суффиксом, в данном случае можно, видимо, говорить, что он имеет тенденцию к десемантизации и, возможно, представляет собой уже формообразующий (таксисный) показатель, а не предикат с фазовым значением внутри словоформы. Так, некоторые (но не все!) наши информантки признавали совершенно правильными предложения типа к'а-к'ада-к'ада-ам тин к'уйу-на-х' "По-ев, он лег спать" (букв. "есть-закончив"), где -к'ада- занимает в словоформе два соседних квазипорядка: первый – словообразовательный фазовый показатель, второй – формообразующий таксисный показатель.

В атк.д. (Bergsland, Dirks 1981: 104) показатель 1-го л. мн. ч. – -н'ин, однако в нашем беринговском материале в

этой функции встречаются только формы на -мас, что является отклонением от парадигмы притяжательных форм имени. Формы предшествования имеют в 3 л. только показатели "возвратного" 3-го лица, так как они могут употребляться только в случаях, когда A/S главной и зависимой ПЕ кореферентны. Примеры: укух'та-к'ада-а-мин' хах'тикук' "Полежав на спине, я встал"; су-к'ада-а-мис хитнах'т "Ты взял это и ушел"; саг'а-к'ада-а-м умланах' хин'а "Он спал, потом проснулся"; су-к'ада-а-мас амаанук'амас "Мы его взяли и уехали с ним"; к'а-к'ада-а-мдих тидих хакууг'адгунас "Они поели и насытились", букв. "удовлетворились"; алах ал тидих к'уйу-к'ада-а-мдих атак'ан тин хакуутхатнах' "Вдвоем они легли, и один подвинулся"¹⁷⁰ (интересно, что в этом случае, когда референт субъекта ЗПЕ входит в референт субъекта ГПЕ, субъекты также считаются кореферентными). Одна из наших информанток довольно последовательно заменяла в 3л. форму на -к'адаам формой на -к'адаа; так, она опознавала предложения с формой на -к'адаам как правильные, но при повторе предпочитала форму с -к'адаа, ср.: чигдах' чук'адаам хитнах' "Надев камлейку, он вышел"; чигдах' чук'адаа хитнах' (тот же перевод). Справедливости ради отметим, что показатель относительного падежа -м является фонетически "слабым": в неполном типе произношения он не всегда произносится (это хорошо видно по сохранившимся старым записям, сделанным нелингвистами; в еще большей степени это касается исчезнувшего ныне аттуанского диалекта, а также медновского языка, возникшего на его базе). Вариантом конструкции ППП с формами предшествования является аналитическое сочетание конъюнктива смыслового глагола и вспомогательного глагола от основы а- "быть", принимающей все грамматические показатели, ср. два сининимичных предложения: су-к'ада-а-мин' амаанук'ан' "Я это взял и увез"; су-л а-к'ада-а-мин' амаанук'ан' (тот же перевод).

Обязательная кореферентность A/S сохраняется и при введении в один из глаголов пассивного показателя (см. п. 4.3.6 главы 2); в этом случае второй глагол также получает пассивный показатель: к'ас авааса-лга-к'ада-а-м чамг'у-лга-ку-х' букв. "Рыбу было обработано, (потом) было умыто" (то есть

¹⁷⁰ Стоит отметить, что глагол тин хакуутхатнах' "подвинулся", так же как и глагол-сказуемое из предыдущего предложения тидих хакууг'адгунас "удовлетворились" образованы от одного и того же корня, ср. указательное слово хаку "наискось, поперек и несколько вверх по отношению к говорящему", см. раздел 6 главы 2.

"мы обработали рыбу и потом умылись"); айгах-сха-к'ада-а-м ун'учи-лга-ку-х' букв. Походив, мы сели" (или, с меньшей вероятностью, в соответствующем контексте "они сели"), букв. "после того как было похожено, было сето". Ср. однако, довольно редкий пример, в котором ЗГ не получает пассивного показателя: улух' риизах'-к'ада-а-м чамг'у-лга-ку-х' "Мясо порезав, умываются". В заключение приведем пример, демонстрирующий кореферентность семантически пустых валентностей ("стихий"): ан'аличхиза-к'ада-а-м слаг'уучхузакух' ума "Хорошая погода когда кончилась, плохая погода началась".

В работе (Bergsland, Dirks 1981: 104) отмечается, что в старом языке показатель -к'ада- не участвовал в выражении отношений предшествования. Материал ЯКА, сохраняющего многие архаичные черты, подтверждает это: стоолаг'им ситхан чан'а-а-м хамааган хитикух' "Под стол залез /и/ с другой стороны вылез"; анк'ана-а-м сисанах' // селениям хадаан танааг'асак'аа "Когда он_(i) ушел, он_(i) заблудился, в селение он_(i) его_(i) привел".

3.3.2.1.1.2. ЗПЕ со значением одновременности

В ЯКА существует средство маркировки одновременности действия, выраженного зависимой ПЕ, действию, выраженному главной ПЕ. Это таксисное отношение выражается в ЗПЕ формой причастия на -на- в притяжательной форме и вспомогательным глаголом в конъюнктиве мас (производный от ма- "делать", образована основа на -т-: мат-; с формальной точки зрения, показатель -т- делает основу транзитивной и передает значение каузативности, см. п. 4.2.1 главы 2; в данном случае, однако, глагол мас выступает в лексикализованной форме и является формальным маркером в составе конструкции): тунух'та-на-ан мас саг'а-на-х' "Он спал и разговаривал (во сне)"; нивудах' сайу-на-н'ис мас хак'а-ку-х' "Они подходят таща сеть".

3.3.2.1.2. Маркированные по отношению обусловленности

Под отношениями обусловленности, или каузальности мы понимаем отношения между двумя ситуациями, из которых одна поставлена в зависимость от другой, и служит "достаточным основанием" для реализации другой. ППП этого типа "выражают условные, причинные, уступительные отношения, а также отношения цели и следствия" (Грамматика 1982,

II: 562). В сфере ППП с кореферентными A/S в ЯКА к предложениям, связанным отношениями обусловленности, относятся ППП с ПЕ уступительными, причины и цели.

3.3.2.1.2.1. Уступительные ПЕ

Глагольная форма ЗПЕ в утвердительных предложениях оформляется показателем относительного падежа -м, которому предшествует -ку-, в отрицательных – -лака(г')-. Чаще всего эта форма выражает уступительные (противительные) значения: чук'уда-ку-м кайутукух' "Он хоть и маленький, а сильный"; ван й^аагах' аду-лакаг'и-м тумтатукух' "Хотя это бревно не длинное, но толстое"; ситх'иси-ку-м к'ах' н'ус аг'нах' "Хоть он и жадный, он дал мне рыбы"; учиги-ку-м амаатхаг'улах н'ух'танах' "Хоть он и плыл, но недалеко уплыл (сплавал и вернулся)"; начиг'илга-лака-м укалг'ааг'анах' "Хотя его и не ждали, он пришел" (букв. "не будучи ожидаем", присутствует показатель пассива/имперсонала -лга- в обеих частях). Еще примеры: тунух'танааг'и-ку-м тунуг'илаках' хин'а "Хоть он и хочет разговаривать, но голоса нет", букв. "голос-не-имеет"; анан' кидууг'ан ин'ааг'и-ку-м садаг'ииг'ан тин айгахтнах' "Моей матери помочь должен был он, а сам ушел на улицу"; авам надан тин айгахта-лакаг'и-м агитаадаан надан хуйанах' "Хотя он должен был идти на работу, пошел к приятелю" (или: "вместо того, чтобы идти на работу, он пошел к приятелю"). Для полноты картины приведем также пример с соответствующей конструкцией, но с не совсем ясным контекстом и кореферентностью:

л^а-а аг'а-ку-м пудзраавик'аа
сын-3SG.POSS родиться-SIM-CONC поздравить-PAST-3SGx3SG
"Он его поздравил с рождением сына".

Уступительное значение может быть усилено за счет вспомогательного глагола а-, оформленного таким же образом, в сочетании с финитным глаголом в требуемом по смыслу времени: аник'дух' к'айакуча-на-х' а-ку-м тин к'айатнах' хин'а "Ребенок был маленький, а теперь вырос" (здесь в левой части имеем сочетание глагола к'айакуча- "быть маленького роста" с показателем прош. вр. (причастия одновременного действия) -на- и вспомогательного глагола а- "быть" с показателем небуд. вр. -ку- и показателем отн. п. -м).

Этой же формой может быть выражено и значение "до тех пор пока", если в глаголе присутствует "континуальный" суффикс -л^и- "все еще", "все же", "только лишь" (см. п. 4.3.16

главы 2): учиги-л^и-ку-м тин асх'аникух' "Он плыл до тех пор, пока не устал" (или "долго плыл (и поэтому) устал").

3.3.2.1.2.2. Целевые ПЕ

Значение зависимой ПЕ здесь – "для того чтобы Vзавис., Vглавн." В ЯКА используются два средства выражения ЗПЕ с этим значением – интенционал и оптатив. Выбор между этими двумя средствами зависит от того, кореферентен ли A/S ГПЕ A/S ЗПЕ. В случае, когда A/S ЗПЕ и ГПЕ кореферентны, в позиции сказуемого ЗПЕ стоит форма интенционала (см. парадигму в п. 4.2.2.5 главы 2): анг'и-иг'ан тин ун'учитикух' "Он сел отдохнуть" (букв. "чтобы-вздыхнуть"); сас ига-аг'ин тидих лагукус "Птицы собираются (в стаю), чтобы-лететь"; тимас аг'иисанас килаган аваасиган куган тунух'та-аг'ан "Мы-остались, чтобы-поговорить о завтрашней работе" (русский порядок слов); амаатхах' н'ух'та-амис хигасхалага-амис тин амузигатида "Далеко чтобы-тебе-пойти, чтобы тебе-не-мерзнуть, оденься хорошенько" (два интенционала подряд: н'ух'та-амис хигасхалага-амис "чтобы-тебе-пойти, чтобы-тебе-не мерзнуть"); саг'ам илан'ис аг'и-ин'ан тин' к'уйунак' "Я легла, чтобы немного поспать"¹⁷¹; плаатийнин' чуун'ан игук'анин' "Я достала мое платье (pluralia tantum), чтобы надеть его".

Сказуемое целевых ПЕ может включать отрицательный показатель: хигасха-лага-аг'ан тин аму-на-х' "Чтобы ему не замерзнуть, он оделся"; хаага-лага-аг'ин анк'ах'тал к'аг'даг'икус "Чтобы нам не голодать, мы ходим ловить рыбу"; тин саг'ани-лага-амис улам наган айгагнах'т "Чтобы не уснуть, ты по дому ходишь"; тимас к'уйу-лга-аакак' к'ахчхим синиган а-лга-лага-аг'ан "Чтобы не сидеть в темноте, нужно лечь спать" (русский порядок слов; кроме того, особенностью этого предложения является наличие показателя пассива -лга- как в ЗГ, так и в ГГ).

Кореферентность A/S ГПЕ и ЗПЕ считается соблюденной и тогда, когда часть референтов одного из них составляют референт второго: к'ах' к'а-аг'ин имис аг'икук' букв. "Рыбу чтобы-мы-поели я тебе дал". Показатель интенционала -Дг'ин (долгота и личный показатель) в ЗГ соответствует 1 л. мн. ч. ("чтобы-поели-мы", т.е. "я" и "ты"), а показатель в ГГ -к' соответствует 1 л. ед. ч. (т.е. "я").

¹⁷¹ Возможно, это результат русского влияния: букв. "чтобы сна немного дать, я легла".

См. примеры целевых ПЕ с некорреферентными A/S ниже, в п. 3.3.2.2.2.3.

3.3.2.1.2.3. Причинные ПЕ

В сфере "односубъектных" ППП нет специального средства маркировать отношения причины. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что позиция ЗПЕ, в которой A/S корреферентен A/S ГПЕ, является своего рода синтаксической "позицией нейтрализации" отношения причины: в отличие от примеров типа ан'аличхизаг'улам акан'агаан тин' айх'атсуукаг'улак' "Из-за плохой погоды я не поеду", в которых ситуация, названная ЗПЕ, является чем-то внешним по отношению к ситуации ГПЕ, и где отношения причинности маркированы специальным средством (см. п. 3.3.2.2.2.1), в предложениях типа хаага-л кайуг'ик'аданак' "Голодая, я ослабел" (см. п. 3.3.1.1.1.) отношения причинности, хотя и явно присутствуют, не нуждаются в специальном маркировании.

В нашем материале есть примеры, в которых отношение между двумя предикациями, оформленное формой на -ку-м (см. п. 3.3.2.1.2.1 выше), можно трактовать как причинно-следственное: айан'и-ку-м самалетах' укуг'алаках' "Из-за тумана ("будучи-туман") самолет не летает", букв. "самолет не-видно"; тин хатаг'нил ах'та-ку-м хаг'адикух' "Он, видимо, испугался и (поэтому) побледнел" (здесь эвиденциальная конструкция – см. п. 9.1.1 в разделе 1 главы 3: в форме на -м стоит вспомогательный глагол от основы ах'та-, а "смысловой" глагол – в форме конъюнктива); к'айу-ку-м путулуках' краасикух' "Он высокий и поэтому красит потолок".

3.3.2.2. Некорреферентные A/S

В ППП с некорреферентными A/S со специализированной маркировкой между ПЕ могут выражаться как таксисные (временные) отношения, так и отношения обусловленности – причинно-следственные и уступительные.

3.3.2.2.1. Маркированные по таксису

3.3.2.2.1.1. Формы со значением предшествования

Если глагольная форма, стоящая первой в линейной последовательности, имеет показатель -к'а- или -на- (ср. показатели прошедшего времени финитного глагола в п. 4.2.2.1 главы 2, а также показатели причастий), то это означает, что действие, выражаемое ЗГ, закончилось до начала действия ГГ:

улам илагаан хит-на-к'аан' к'ан'у-на-х' "Из дома я вышел, а он вошел".

Если позицию ЗГ занимает сочетание конъюнктива и слова с темпоральным значением, используется вспомогательный глагол а- "быть" с показателем -ку-: к'илаган суунгим иг'атун'ис кумсил саг'а-на-х' а-ку-к'аан' чакин' нана-ку-х' "Вчера я поднимал тяжелые вещи, (а) сегодня руки болят".

Необходимо отметить, что в отдельных случаях описанный механизм применяется с некорреферентными А/С: улам илагаан хит-на-к'аан' к'ан'ууг'ута-на-к' "Из дома я вышел, а потом опять вошел"; анасхааг'а-л ан'алих' а-ку-г'аан ук'итииг'ута-ку-х' "Он сегодня поехал в тундру, (а) потом вернулся". Такого рода отклонения можно было бы попытаться объяснить теми изменениями, которые произошли в ЯКА в ситуации языкового сдвига, если бы не замечание в работе (Bergsland, Dirks 1981: 107) о том, что отмеченное средство используется "в большинстве случаев".

3.3.2.2.1.2. Формы со значением одновременности

Чтобы показать, что действие, выраженное первой ПЕ, не предшествовало действию, выраженному второй ПЕ, а протекало одновременно с ним, ЗГ оформляется таксисным показателем -ку- (ср. показатель не-будущего времени в п. 4.2.2.1 главы 2) с личными показателями I спряжения финитного глагола: анг'аг'инас Мииднам куган анг'аг'и-ку-с Беерингам унан'ан'ис Мииднах' н'ух'таза-на-с "Когда на (острове) Медный жили люди, беринговские алеуты Медный посещали".

3.3.2.2.1.3. Послелогии как средства маркировки относительного времени

Выше были перечислены средства выражения относительного времени, совпадающие в ЯКА и атк.д. Однако в ЯКА есть средство, гораздо менее широко представленное в атк.д., которое, возможно, развилось под влиянием русского языка, а именно послелогии как маркеры синтаксической связи главной и зависимой ПЕ.

Из большого списка послелогов, активно используемых в ЯКА (см. раздел 7 главы 2), в функции связки временной ПЕ и главной ПЕ используются лишь следующие пять послелогов в аблативе (см. раздел 7 главы 2):

агалагаан¹⁷² "позади N" или "после того как V1, V2"
аслагаан "в месте N" или "в то время, когда V1, одновременно V2"
илагаан "от N, из N" или "с того момента, когда V1, V2"
кадагаан "впереди N" или "перед тем как V1, V2"
ситхаан "под N" или "в то время, когда V1, V2 закончилось"

Сюда же можно отнести слово акитах' "граница", "предел" в значении "до тех пор пока (не) произошло V1, V2", ср. wan' акитах' "досюда".

Видно, что нет принципиальных различий между тем, как послелог используется в сочетаниях с именем, и тем, как он служит для связи ПЕ. ЗГ в данном случае, вероятно, должен рассматриваться как "обладатель", с которым синтаксически связан послелог: амаанукуг'аан илагаан к'анкус гоодас ах'чх'икух' "С тех пор как он уехал (букв. "от его отъезда"), прошло три года". Для ЯКА в целом структура связей синтаксических позиций более или менее едина и не коррелирует с характером единиц, заполняющих эти позиции, вне зависимости от того, заполнены они одним словом или несколькими, именем или глаголом, и т.д. Отметим, что примеры, когда послелоги выступают в качестве средства связи между частями предложениями, довольно разнородны: кроме форм с -ку- + -аан (наподобие содержащейся в последнем примере), встречаются формы с причастным показателем -к'а- + личные показатели + -аан; формы с причастным показателем -к'а- + показатель отн. падежа. Вопрос о различиях в значении этих форм требует дальнейшего прояснения.

Примеры на значения послелогов в функции связок ПЕ:

1. агалагаан "после того как" (предшествование). Примеры:

анан' укалг'ааг'акуг'аан агалагаан, авак'алинак' "После того, как моя мать приехала, я пошла работать"; к'ан'ук'аан' агалагаан, тунух'танас ак'аданас "После того как я зашел, они перестали разговаривать"; амаанук'амас агалагаан пузаарим иг'анаа анах' "После нашего отъезда был страшный пожар"; н'усин' тунух'так'амис агалагаан нузуугузах' хих'саасанак' "После твоего объяснения я все понял"; таан'ах' хуг'дахкаг'аан агалагаан картоофилях' наган аг'зан' "После того как вода закипит, я обычно кладу туда картошку"; агиитал ак'лак'аан' агалагаан тин' агиитал тунух'талаках' "После того как я с ним поругался,

¹⁷² В атк. д. допустимы также стяжения типа агалаан, илаан и т.д.

он со мной не разговаривает"; хитхаг'аан агалагаан слаг'утнах' "После его ухода началась пурга".

В единичных случаях послелогоу предшествует финитная форма глагола: Алексей тин айагалг'инах' агалагаан укух'талакак' "С тех пор как Алексей женился, я его не видел".

Интересно, что агалагаан (в атк.д. используется также редуцированная форма агалаан) – единственный послелог, используемый для выражения предшествования и в атк.д (см. Bergsland, Dirks 1981: 119). Существенное отличие, однако, заключается в том, что в атк.д. предшествующая послелогоу глагольная форма имеет показатель отн. п. в прит. форме: вааг'а-ку-мчих агалагаан алк'ус манах'тидих? "После того как вы вернулись, что вы делали?" (отметим тот факт, что это один из немногочисленных примеров с кореферентными A/S). ЯКА сохранил этот способ, хотя он и менее распространен, чем описываемый в этом параграфе, ср. примеры с показателем -ку- от "чистой" основы: хити-ку-н' агалагаан хих'таатунат хих'тада "После моего ухода говори, что хочешь"; и хити-ку-н' агалагаан хих'таатунат хих'тада! "После того как я уйду, говори что хочешь!". Ср. еще пример:

ава-ачхуза-м агалагаан саг'а-ни-лга-ку-х'
работа-INTENS-REL после спать-CAUS-PASS-NONFUT-3SG
"После тяжелой работы (после того как напряженно работаешь) хорошо спится"

В этом примере сказуемое ГПЕ имеет показатель пассива (-лга-), и поэтому в предложении нет имени A/S. Особенность этого примера заключается в том, что ЗПЕ оформлена как имя с показателем отн. падежа беспритязательной формы -м, которое является именем-обладателем при послелого агалагаан. Еще пример:

хитха-мис агалагаан тунух'та-йука-на-с
уйти-2SG.POSS.REL после разговаривать-долго-PAST-1PL
"После того, как ты ушел (букв.: ухода-твоего после) мы долго разговаривали".

2. аслагаан "в то время как"; в отличие от предложений с послелогом ситхаан (см. ниже), здесь не обязательно, чтобы главное действие начиналось и кончалось в пределах отрезка времени, в который происходит действие, выражаемое ЗГ). Пример: суганг'и-к'а-ан' аслагаан айагиитузанах' "Когда я была молодая, я любила много ходить" (нарушение принципа некорреферентности A/S). Ср. еще пример, в котором ЗГ, предшествующий послелогоу, оформлен причастным показателем

-к'а- и показателем отн. падежа -м: Иван укалг'ааг'а-к'а-м аслагаан директор н'ух'танак' "Иван когда приехал, сразу пошел к директору". Ср. также пример, где нарушен принцип некорреферентности A/S: тин кидууказак'а-ан' аслагаан кидузанак' "В то время, когда я мог тебе помогать, я всегда помогал".

3. илагаан "с того момента когда". Пример: Иван амаанук'аг'аан илагаан алуг'их' илагаан получилак'а "С тех пор, как Иван уехал, я не получал от него письма". В этом предложении послелог илагаан употреблен дважды: в первый раз как показатель связи ПЕ в значении "с тех пор как", второй – как пространственный послелог в значении "от него".

4. кадагаан "перед тем как", "до того как". Этот послелог в данной функции всегда синтаксически связан с интенционалом – см. п. 4.2.2.5 в главе 2. При этом, кажется, признак корреферентности / некорреферентности A/S оказывается нерелевантным. Выскажем предположение, что в данном случае нельзя полностью исключить русское влияние: ср. инфинитив в таком сочетании, как "прежде чем мне/тебе/ему сесть, надо...". Примеры:

Корреферентные A/S: тин' айх'ат-иин'ан кадагаан к'ичитис аг'иин'ан ин'ааг'икук' "Прежде чем мне уехать, я должен отдать деньги"; тин айгахт-иимис кадагаан, к'азигаада "Прежде чем (тебе) идти, поешь хорошенько"; амаану-умчих кадаган ак'лак'адах'тичих "До вашего отъезда помиритесь".

Некорреферентные A/S: хит-ииг'ин кадагаан, Маша укааг'анах' "Прежде чем им прийти, Маша ушла"; н'ат-ииг'ан кадагаан, чайук'ан' "Прежде чем (ему) остыть, я чай выпил"; тунумка-аг'ан кадагаан чаайунак' "До того, как он стал рассказывать, Я попил чаю"; тайаг'ум вааг'а-аг'ан кадагаан сунах' тин айх'атнах' "Человек до того как вернулся, судно уже ушло".

5. ситхаан "в то время как" (главное действие началось и закончилось, пока происходило зависимое). Примеры также довольно разнородны. Ср. пример с ЗГ в форме интенционала: к'а-амис ситхаан, контоорах' н'ух'танак' "Пока вы ели, я сходил в контору"; а также пример, где глагольная основа оформлена притяжательным показателем: саг'а-н' ситхаан асх'анах' ах'такух' "Пока я спал, он, оказывается, умер", букв. "моего сна во время умер-он оказывается".

6. акиитах' "до тех пор пока". Примеры: тин начиг'иин'ан анак' укааг'аан акиитах' "Я подожду, пока ты вернешься"; начиг'ида укааг'аан акиитах' "Подожди до моего возвращения" ("до того как мне вернуться") – русский порядок

слов; анан' укалг'ааг'аа(н)¹⁷³ акиитах' аwanaг'улак' "До приезда моей матери я не работал".

У имен со словом акиитах' другой, по сравнению с примерами с послелогоми, способ связи: имя стоит в абсолютном, а не в относительном падеже: к'иигам һити-и акиитах' һачиг'илгасхааг'ан ак'ах' "Пока трава вырастет (букв. "до роста травы"), долго ждать нужно будет". Ср. также примеры с причастиями:

анна-н'	укалг'ааг'а-а	акиитах'	аwa-на-г'ула-к'
мать-1SG.POSS	приезд-3SG.POSS.ABS	до	работать-PAST-NEG-1SG

"До приезда моей матери я не работал"

тин	һачаг'иин'ан	анак'	укааг'а-ан	акиитах'
тебя ждать	буду	вернуться-2POSS.ABS	до	

"Я подожду тебя до твоего возвращения" ("пока ты вернешься")

айгаг-иика-мас	акиитах'	айгахсхааг'ан	ин'ах'сииках'
идти-мочь-1PL.POSS.ABS	до ...		

"Пока мы могли, нужно было идти" (букв. "до нашей-возможности-идти надо-было-идти").

3.3.2.2.2. Маркированные по отношению обусловленности

3.3.2.2.2.1. Причинные ПЕ

а) Если ситуация, выраженная первой ПЕ, является причиной ситуации, выраженной второй ПЕ, то после ЗГ следует слово ма-л (формально – конъюнктив от основы ма- "делать"), являющееся здесь средством маркирования причинного отношения. ЗГ стоит в форме, описанной выше, в п. 3.3.1.2. Примеры: слу-ку-г'аан мал ан'аличхизакух' ума "Поскольку наступило лето, установилась хорошая погода"; чагих' мааза-лака-аг'аан мал хлиибал'их' к'алгак'ах' "Так как он палтуса не поймал, только хлеб ели" (к'а-лга-к'а-х' – пассив); ситх'иси-ку-х'таан мал һузух' тин ак'лах'такух' "Так как ты жадничаешь, все на тебя сердятся".

б) Еще одно средство выражения отношений причинной обусловленности – формы от основы акан'а- с личными притяжательными показателями, имеющей в данном случае значение "из-за", "по причине" (ср. также улам акан'аа "верх дома – крыша, потолок", образованной на базе указательного

¹⁷³ Если в ЯКА редукция в этих случаях довольно редкое явление, то в атк.д. это скорее норма, ср.: (Bergsland, Dirks 1981: 108).

слова ака- "тот далеко, но видимый или далеко отстоящий во времени" (см. раздел 6 главы 2). Главным его функциональным отличием от вышеприведенных форм является то, что оно может выражать значения 1 и 2 лиц как причины действия (значения "из-за меня", "из-за тебя"), и, соответственно, главным формальным его отличием является наличие личных форм:

акан'а-мин' "из-за меня"	акан'а-мас "из-за нас"
акан'а-мис "из-за тебя"	акан'а-мчих "из-за вас"
акан'а-гаан "из-за него"	акан'а-н'ин "из-за них"

Примеры: акан'агаан атак'ан ал тин аг'иисанах' "Из-за него она одна осталась"; акан'амис тин' саг'анииканаг'улак' "Из-за тебя я не мог уснуть". Форма от основы акан'а- может быть синтаксически связана с именем в отн. п.: ан'аличхизаг'ула-м акан'агаан тин' айх'атсуукаг'улак' "Из-за плохой погоды я не поеду". Другая возможность – 3Г в форме описанной выше, в п. 3.3.1.2: ан'аличхизаг'улаг'-аан акан'агаан тимас аг'иисанас "Из-за плохой погоды мы остались" (здесь глагол образован без специальных транспонирующих суффиксов от той же самой основы, что и имя в предыдущем примере.

в) Третье средство (возможно, возникшее под влиянием русского языка) – это использование для выражения причинного значения специальной локативной (исханан) или аблативной (исханагаан) формы на базе глагольной основы исхана- "изменить", а также аблативной (илагаан) или локативной (илан) формы послелого (о послелогох см. раздел 7 в главе 2) ила- "в", "внутри" (ср. также ила- "часть чего-л.", "часть от чего-л."):

а. исхана- "взамен", "в ответ", "вместо", "за", "из-за": может вводить как ИГ, так и ПЕ со значением причины. Ср. пример с именем, оформленным притяжательным показателем (сайги-н'ис – в данном случае имеет значение "его ружье"): сайги-н'ис исханагаан тин анамихтааг'ан анах' хин'а "Он будет тебя бить за его ружье" (т.е. "за то, что ты взял его ружье"). Ср. теперь примеры с глагольной формой (причастие с показателем -к'а-): сайгин'ис сук'амис исханагаан тин анамихтааг'ан анах' хин'а "Он будет тебя бить за то, что ты взял его ружье" (букв. "твое взятие"); тин' кидук'амис исханагаан тин к'аг'аасакук' "Я благодарен тебе за твою помощь" (букв. "твое попомогание"); к'ичитис сук'аган исханан ак'лах'так'ан' "Я его ругаю за то, что он взял деньги" (букв. "взятие денег").

б. илан, илагаан, "от", "из-за", "из (как следствие)", "посредством". Приведем два примера, иллюстрирующих два разных случая употребления послелога в данном значении. В первом глагольная основа к'ак'ату- "быть жадным" оформлена показателем второго относительного падежа 2л. ед. ч. -мис, во втором ЗГ представляет собой глагол с личным окончанием 3 л. I типа спряжения -х', которому предшествует показатель отрицания актуального действия -лака-, функционально эквивалентный -ку- (в ЗГ указывает на относительное время – одновременность действия ЗГ с действием ГГ): к'ак'ату-мис илан тин ас анг'аг'илгаакаг'улах "Из-за твоей жадности с тобой нельзя жить"; тимас агиитал тунух'талаках' илагаан ихчик'амас "Мы вернулись, потому что он с нами не разговаривал", букв. "с нами не разговаривает-он, из-за-этого вернулись-мы".

3.3.2.2.2. Уступительные ПЕ

Отношения уступительности передаются только словообразовательными средствами – при помощи суффикса -х'тагали- "несмотря на", "хотя и" (всегда в ЗГ) в рамках одной из трех конструкций:

1) с ЗГ в той форме, которая была описана выше в п. 3.3.1.2 (см. первые два примера ниже); отметим, что первые два примера, несмотря на функциональную эквивалентность, отличаются с формальной точки зрения: в первом из них ЗГ состоит из сочетания конъюнктива "смыслового" глагола со вспомогательным глаголом а- "быть" (причем, как обычно, вспомогательный глагол принимает все грамматические показатели, а также деривационный суффикс -х'тагали- "несмотря на", "хотя и"), во втором ЗГ – однокомпонентный. Примеры: тин' хайал а-х'тагали-ку-х'таан анах', имис акизуукаг'улак' "Ты будешь меня просить, (а) я тебе не куплю" (в значении "хоть ты и будешь просить..."); тин' лууса-х'тагали-лака-х'тидиг-аан, мак'ах'танин' луусаах'тичих "Мне не верили, так делам моим верьте" (букв. "мне хотя-не-верите, сделанному-моему верьте!");

2) с ЗГ, оформленным личными показателями, которым предшествует показатель относительного времени -ку-, однако ЗГ не имеет показателя -аан (как в примерах в предыдущем пункте): тин' хайал ах'тагаликух', ан'^ах'танаг'улак' "Хотя он меня просил, я не согласился";

3) с ЗГ – формой на -ку-м (выражает противительность, см. п. 3.3.2.1.2.1, а также п. 3.3.1.2), см. третий по счету при-

мер ниже. слаг'ух' малгал а-х'тагали-ку-м хитикух' "Хоть и был сильный ветер, он (все-таки) вышел на улицу".

3.3.2.2.3. Целевые ПЕ

Если в ППП с целевой ПЕ А/S некорреферентны, предикат ЗПЕ имеет форму опатива (см. парадигму в п. 4.2.2.3 в главе 2). Ср. следующее предложение, в котором А/С ГПЕ и ЗПЕ некорреферентны: саг'алагаак' н'ус тунумканах' "Чтобы я не уснул, он мне рассказывал" (саг'алага-а-к' "чтобы я не уснул" – опатив), а также предложение с корреферентными А/С: тин' саг'анилага-ан'ан улам наган айгагнак' "Чтобы не уснуть, я ходил по дому" (здесь ЗГ тин' саг'анилага-ан'ан "чтобы мне не уснуть" – в интенционале, см. п. 4.2.2.5 в главе 2).

Еще примеры на опатив в функции сказуемого ЗПЕ:

чх'ууг'и-нин' маги-и-х'т
белье-1SGx3PL.POSS чтобы-намокло-оно-3SG/DU/PL
таан'а-лг'и-ин'ан аг'-и-ку-к'
водой-снабдить-1SG.INT AUX-EPENTH-NONFUT-1SG
"Чтобы мое белье намокло я его замочу"

В 3л. в "старом языке" число в опативе не различается, см. п. 4.2.2.3. Ср. еще: н'усин' аг'утагизгата-а-х'т н'аан ах'к'ан' "Я ему это отдал, чтобы он это спрятал" (букв. "для-меня чтобы-он-спрятал-хорошенько ему отдал-я-это"); анг'аг'инанин' н'иин к'а-а-х'та-с унаал ан'алинак' "Людям моим, чтобы они ели, я весь день варила".

Интересно, что то же средство используется информантами, чтобы передать по-алеутски русскую двуглагольную конструкцию: имис саг'аг'илага-а-х'т хих'танах' "Я сказала, чтобы ты не ходил гулять"; тин' асх'аг'ини-и-к' анухтат ии? "Ты хочешь, чтобы я заболел?"; лудан' к'ан'у-у-к' хих'танах' "Мой брат сказал мне, чтобы я вошел".

Этим примеры демонстрируют тот факт, что в ЯКА не дифференцируются глагольные формы, которые могут выступать сказуемыми целевых ПЕ и в качестве нефинитной части двуглагольных конструкций, ср.: л'ам н'аан утхих' к'ан'у-аса-а-х'т хих'танах' "Я сказал сыну, чтобы принес уголь" (речевой каузатив – двуглагольная конструкция) – таан'ах' хак'а-аса-а-х'т снун'ик'ан' хин'а "Я послал его, чтобы принес воды" (целевая ПЕ); хити-и-х'т н'аан хих'так'ан' "Я сказал ему уйти" (речевой каузатив – двуглагольная конструкция) – хитилага-а-х'т хих'так'ан' "Я сказал ему, чтобы он не уходил" (целевая ПЕ).

ЗГ в опативе может включать показатель пассива/имперсонала. В этом случае ЗГ оформляется показателем 3 лица -х'т(а)- (напомним, что в 3 лице опатива число не различается): алк'умаан унак'аа? – к'а-лга-а-х'т! "Для чего она сварила? – Чтобы съесть!" (букв. "чтобы-было-съедено"). Здесь "неопределенно-личное" 3 лицо считается некорреферентным 3-му лицу активного имени. Ср. пример с личным пассивом (не имперсоналом) для 1 и 2 лица: к'ангих' нигасхалага-а-х'т анах' нускис имис к'иглунах' "Чтобы ты не мерз (букв. "тебя не морозило") зимой, мать тебе носки связала".

3.3.2.2.3. Топикализация актантов

Если топикализуется A/S зависимого предиката, то он контролирует оформление ГГ (II спряжение): нитикузин тин' саг'ани-к'а-нин' "Когда они вошли, я заснул"; ср. анг'агинас нитикузин тин' саг'ани-на-к' "Когда люди вышли, я заснул". Если топикализуется Р или D зависимого предиката, то оформление то же; если A/S главного – 3 лицо, то соответствующая ИГ маркируется относительным падежом: алуг'икун'аан почтальона-м укааг'а-ку-у "Когда я закончил его писать, пришел почтальон"; ср. алуг'их' алуг'икун'аан почтальонах' укааг'а-ку-х' "Когда я закончил писать письмо, пришел почтальон". Если A/S зависимого предиката корреферентен Р или D главной ПЕ, то происходит опущение соответствующей ИГ при ГГ, если A/S при ГГ – 1 или 2 лицо: агитаадан' хила-ку-х' наган к'ан'у-на-к' "Когда мой друг читал, я к нему вошел"; анан' аваасих' манааг'икух' мачх'инаг'улак' "Моя мать работу сделать намеревалась, (но) (ей) сделать я не позволил".

Если A/S главного предиката – 3 лицо, то соответствующая ИГ оформлена показателем относительного падежа, и топиком, контролирующим оформление глагола, является A/S зависимого предиката: айагах' аваасих' манааг'икух' л'а-м мачх'и-к'а-г'ула-а "Женщина хотела сделать работу, (но) мальчик ей не позволил". В этом случае ЗГ часто оформляется показателем относительного падежа: к'ан'у-ку-м хин'амас хих'саасаку-н' "Когда он вошел, тут же я его узнал"; айага-х' к'ан'у-ку-м ачихаза-м ун'утичх'и-к'а-а "Женщина когда вошла, учитель ее усадил"; танах' нигилгааг'ан хах'са-лга-ку-м тун'аг'ику-х' "Землю собрались рыть, (а) она твердая"; загааг'али-ку-м аг'адги-м к'ан'ат-ха-а "Он загорал (и) его солнцем обожгло"; сабаака-х' тин' киги-ку-м анаги-к'а-н' "Собака меня укусила (и) я ее ударил (палкой)"; тайаг'у-х' айх'ааси-ин

сайу-ку-м Пеетя хада-н хуйа-к'а-а "Когда мужчина вытащил свою лодку, Петр к нему подошел", ср.: тайаг'у-х' айх'ааси-ин сайу-ку-г'-аан хада-н хуйа-ан'ан аг'и-ку-к' "Когда человек свою лодку вытащит, я к нему подойду".

Если A/S главного предиката кореферентен обладателю A/S зависимой ПЕ, то в ИГ не вводятся специальные показатели кореферентности, но топикализуется A/S главной ПЕ (= обладатель A/S зависимой ПЕ), и при этом не происходит смены спряжения ГГ, то есть топикализация расценивается как прототипическая: л'ах' систра-а хила-ку-г'-аан нага-н к'ан'у-на-х' "мальчик вошел к своей сестре, когда она читала" (букв. "мальчик систра-его читала к-ней вошел-он").

Если A/S главного предиката – 1 или 2 лицо, то он, естественно, не топикализуется: хила-ку-к'-аан' наги-мин' к'ан'у-на-х' "Когда я читал, он вошел ко мне". Если при зависимом предикате уже есть какой-то топикализованный элемент, он остается топиком и для главной ПЕ и контролирует оформление глагола: хих'та-ку-н'-аан тин' к'ин'у-ку-ун "Когда я сказал (это), ты меня поцеловала"; л'а-м хих'та-ку-г'-аан к'ин'у-ку-ун "Когда мальчик сказал (это), ты его поцеловала".

Если Р зависимого предиката кореферентен A/S главного, то ИГ-ы, выражающие A/S и Р зависимого предиката, следуют друг за другом, причем обе оформляются абсолютным падежом. ГГ согласуется и ИГ=Р зависимой предикации, а ЗГ оформляется показателями II спряжения, указывающими на распределение ролей между двумя ИГ: л'а-х' асхину-х' туга-ку-у к'идак'али-на-х' "Мальчик девочку ударил (кулаком), и она заплакала", ср.: л'а-х' сабаака-х' анаги-ку-у хадагнааг'-на-х' "Мальчик собаку ударил, и она убежала".

Если A/S зависимого предиката кореферентен Р главного или наоборот (A/S главного кореферентен Р зависимого), то топиком, контролирующим оформление ГГ, является A/S зависимой ПЕ, то есть ИГ, упомянутая первой; ИГ, выражающая A/S зависимого предиката, оформляется относительным падежом: л'а-х' асхину-х' туга-ку-х' асхину-м кита-к'а-а "Мальчик девочку ударил (кулаком), а девочка его пнула".

Отметим, что, если в ситуацию вовлечены 1 и 2 лицо, то переключения референции не происходит: тин' туга-ку-х'т-аан тин кита-на-к' "Когда ты ударил меня (кулаком), я тебя пнул". Это касается и случаев, когда A/S обеих ПЕ кореферентны и представлены 1 или 2 лицом: хила-л'и-ку-к'-аан' тин' саг'анииг'ута-ку-х' "Я читал, пока не заснул"; л'акучах' а-ку-х'т-аан алк'ус хила-на-х'т? "Когда ты был маленьким мальчи-

ком, что ты читал?" В этом случае оформление всех ИГ ППП совпадает с их оформлением при некорреферентных A/S. ЯКА, следовательно, представляет собой один из немногочисленных языков, в котором система переключения референции действует только в рамках 3 лица (Haiman, Munro 1983: xi).

3.3.3. ППП с нейтрализацией различения корреферентных и некорреферентные A/S: условные ПЕ¹⁷⁴

Специализированный морфологический показатель со значением условия маркирует ЗПЕ, которая, как и в остальных случаях, в предложении всегда предшествует ГПЕ.

3.3.3.1. ПЕ, выражающие реализуемое условие

3.3.3.1.1. Форма выражения

В АЯ основной способ выражения значения условия в ППП – аналитическое сочетание. Аналитическая форма представляет собой сочетание конъюнктива "смыслового глагола" и особой формы вспомогательного глагола от основы а- (в качестве полнозначного имеет значение "быть"), включающего специализированный морфологический показатель условия - гу- и показатели лица. Сказуемое главной части выражается финитным глаголом (или в случае будущих времен одним из возможных аналитических сочетаний), который занимает в предложении конечную позицию. Финитный глагол, выражающий главное сказуемое в ППП с условной ЗПЕ, может быть оформлен любым показателем времени или может быть представлен глаголом в императиве или опативе. Предложения с условной ЗПЕ, выражающей реализуемую гипотезу, могут быть повествовательными, вопросительными, повелительными и восклицательными.

В таблице 3 дана личная парадигма, которая оформляет вспомогательный глагол с показателем условия. Представленная в таблице личная парадигма условных форм ничем не отличается от парадигмы посессивных показателей (а также, соответственно, от парадигмы II спряжения, служащей для анафорического согласования в случаях топиализации не-

¹⁷⁴ См. также: (Головко 1998; Golovko 2005). В этом разделе использован подход, представленный в коллективных монографиях (Типология условных конструкций 1998) и (Typology of Conditional Constructions 2005).

агенса), за исключением показателя 1 л. ед. ч. Этот показатель отличается на долготу гласного: предшествующий личному показателю морфологический маркер условности -гу- обязательно имеет долгий гласный вместо краткого (в отличие от посессивной и глагольной парадигм).

Таблица 3. Парадигма личных показателей 3Г в кондиционале

	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1л.	-Дн'	—	-мас
2л.	-Дн	-дих	-чих
Отн.	-мис	-мдих	-мчих
3л.	-Д	-ких	-н'ис
Звозвр.	-Дн	-дих/-чих	-дих/-чих
Отн.	-Дм	-мдих/-мчих/-мах	-мдих/-мчих/-мах

Примеры с аналитической условной конструкцией:

тин' һачиг'и-л а-гу-ун тин ас анк'ах'таан'ан
 меня ждать-CONJ AUX-COND-2SG тебя с идти-INT
 ана-к'
 AUX.FUT-1SG

"Если ты меня подождешь, я с тобой пойду"

тин' асх'аг'и-ни-л а-гу-ун'
 REFL-1SG болеть-CAUS-CONJ AUX-COND-1SG

укааг'а-зуука-г'ула-к'
 приходить-FUT-NEG-1SG

"Если я заболел, я туда не приду"

Аналитический способ выражения условия не является единственно возможным. Значение условия может передаваться синтетической формой: в этом случае морфологический показатель условности -гу- и следующие за ним личные показатели присоединяются прямо к основе полнозначного глагола. Пример:

Петя укааг'а-гу-ун тин' һих'та-да
 Петя приехать-COND-3SG меня говорить-IMP
 "Если Петя приедет, позови меня"

Аналитическая и синтетическая условные формы абсолютно синонимичны. Они взаимозаменяемы во всех без исключения случаях и представляют собой два варианта с одним и тем же значением и примерно с одинаковой частотностью употребления, ср. также (Bergsland, Dirks 1981: 122). Нам не

удалось выявить каких-либо отличий в употреблении двух типов условных форм. Вряд ли можно считать синтетическую форму производной от аналитической, сокращенным ее вариантом: в атк.д. существует специальная сокращенная форма на базе аналитической (Bergsland, Dirks 1981: 122). Можно допустить, что синтетическая форма выражения, хотя и является равноправной с аналитической, более позднего происхождения и отражает "выравнивание" кондиционала с другими наклонениями: все остальные наклонения в АЯ выражаются синтетически.

3.3.3.1.2. Отрицание в условной ЗПЕ

Отрицание в ГПЕ оформляется по общему правилу оформления отрицания в финитном глаголе (см. п. 4.3.22 в главе 2). Отрицание в условной ЗПЕ имеет два варианта оформления. Один из них, очевидно, более архаичен, хотя он до сих пор встречается в ЯКА, а именно: в синтетической форме полнозначный глагол оформляется показателем -сху-, далее личным показателем и следующим за ним энклитическим показателем отрицания неактуального действия -улах. Показатель -сху- представляет собой слившиеся два морфологических показателя: -с — один из возможных показателей конъюнктива (от основ на согласный) и собственно показатель условия -ху- (< -гу-). Пример:

надимин' хак'а-сху-ун-улах ак'лах'таан'ан аг'икук'
ко-мне придеть-COND-2SG-NEG сердиться буду
"Если ты ко мне не придешь, я буду сердиться"

В ЯКА отмечены случаи, когда при наличии в словоформе показателя -сху- показатель отрицания -улах не употребляется, и, таким образом, -сху- одновременно выражает условие и отрицание:

сулги-сху-ун адгилагии иг'ана-за-Ø-г'ула-х'
шуметь-COND-3SG землетрясение быть.сильным-ITER-
CONST-NEG-3SG

"Если гула нет, то землетрясение не сильное"

ти-н' тута-сху-ун тиклаан'ан аг'икун'
меня слушать-COND-3SG щелкнуть-INT AUX-1SGx3SG

"Если он не будет меня слушаться, я дам ему щелчок"

Здесь уместно отметить что слово, передающее в современном АЯ значение "или", образовалось при помощи указанного выше способа на базе вспомогательного глагола а- (как полнозначный глагол имеет значение "быть"). Таким об-

разом, значение альтернативности ("или") в алеутском языке интерпретируется как "если не": а-сху-ун-улах "быть-CONJ-3SG.Refl-NEG". Ср. также пример:

л^а-х' асхуунулах асхину-х' ан^аачаг'и-ку-х'
мальчик-SG или девочка-SG петь-NONFUT-3SG

"Мальчик или девочка поет" (т.е. поет кто-то один из них; ср. русское предложение: "Если не мальчик, то девочка поет").

Говоря об отрицании в условной ЗПЕ, важно отметить, что в более архаичных формах употреблялся показатель отрицания неактуального действия -улах. В современном АЯ в ЗПЕ со значением условия употребляется показатель отрицания актуального действия -лака-, который обычно употребляется и в конъюнктиве (см. пример выше; в отрицательной форме показатель конъюнктива – -н). Пример:

инак^а-мис ука-аг^а-ака-лака-н а-гу-ун
сам-2SG туда-прийти-мочь-NEG-CONJ AUX-COND-2SG

hak^a-x'ta-ch'i-ka-na-x't
пойти-и.вернуться-CAUS-PAST-2SG

"Если ты сам не мог туда прийти, ты мог туда прислать кого-нибудь"

3.3.3.1.3. Таксисная зависимость

Вопрос о таксисных отношениях между действиями / состояниями, выражаемыми условной ЗПЕ и ГПЕ, принципиально важен, т.к. ЗПЕ в АЯ представляет собой одну из многочисленных зависимых глагольных форм, все из которых так или иначе маркированы по таксису в отношении действия, выражаемого финитным глаголом.

3.3.3.1.3.1. Нейтральная маркировка

Нейтральная маркировка таксисной зависимости представлена аналитическими формами (конъюнктив плюс вспомогательный глагол с показателем условия) или синонимичными им синтетическими формами (см. все примеры, приведенные выше). Ключевую роль в этом способе маркировки играет форма конъюнктива в аналитическом сочетании (повторим, что синтетическая форма является в некотором смысле вторичной, вариантом аналитической формы), которая указывает на подчиненность одной синтаксической единицы другой, при этом единственное жесткое требование, накладываемое на отношения ЗПЕ и ГПЕ, – иконичность синтаксической структуры. Действия, выражаемые ЗПЕ и ГПЕ, следуют одно

за другим или происходят одновременно (в зависимости от контекста). Таким образом, этот способ маркировки отражает следующие ситуации соотнесенности условной и главной частей: 1) p раньше q ; 2) p одновременно с q . Как отмечалось выше (см. п. 4.2.2.7 в главе 2 и п. 3.2.3 в главе 3), эта функция конъюнктива является основной в АЯ и осуществляется и в других синтаксических структурах. Нейтральная маркировка таксисной зависимости в предложениях с условными ЗПЕ в современном ЯКА является по существу единственной и вытеснила все остальные случаи, когда таксисная зависимость так или иначе маркируется (см. ниже: п. 3.3.3.1.3.2; п. 3.3.3.1.3.3; п. 3.3.3.1.3.4).

3.3.3.1.3.2. Спецификация таксисных отношений при помощи показателей способов совершения действия

Вспомогательный глагол в аналитическом сочетании или полнозначный глагол в синтетической форме в случае нейтральной маркировки таксисной зависимости могут включать показатели способов совершения действия (они представляют необязательные грамматические категории), которые детализируют, уточняют таксисные отношения ЗПЕ и ГПЕ (при этом принцип иконичности не может нарушаться). Из имеющихся в АЯ показателей способов совершения действия для спецификации таксисных отношений ЗПЕ и ГПЕ используются прежде всего два: -к'ада- "прекращать"; -л'и- "продолжать". Особенно важным и частотным представляется -к'ада-, ср.:

умла-гу-ун тимас н'у-х'та-ака-ку-х'
 проснуться-COND-3SG нас посетить-RES-должен-NONFUT-3SG
 аан', к'а-к'ада-гу-ун, тичих н'у-х'та-аг'ан
 да есть-прекратить-COND-3SG вас посетить-RES-INT.3SG
 аг'и-ку-х'.
 AUX.-NONFUT-3SG

"Когда он проснется, он должен к нам зайти. – Хорошо, после того как поест, он к вам зайдет".

к'а-к'ада-гу-ун	тааман	һити-да
есть-прекратить-COND-2SG	тогда	выйти-IMP

"Когда-поешь, тогда выходи"

ТИН саг'а-ни-к'ада-гу-ум ТИН
REFL.3SG спать-CAUS-перестать-COND-3SG.REFL REFL.3SG

к'ун'ту-к'али-за-Ø-х'

храпеть-начать-ITER-CONST-3SG

"Когда он засыпает, он обычно начинает храпеть"

нєєводи-лґа-л

а-к'ада-гу-ун

калаасим

рыбачить-PASS-CONJ AUX-прекратить-COND-3SG куқан

даг'ан к'а-с ким-уула-за-к'а-с

на рыба-PL спускаться-PASS-ITER-PAST-PL

"Когда заканчивали рыбачить, рыбу спускали [по реке] на куқане".

В приведенных примерах все предложения включают ЗГ с показателем условия -гу-. Однако не случайно на русский язык оба они переведены придаточными времени с союзами "когда" и "после того как". В обоих приведенных примерах "крен" в сторону временной конструкции, вероятно, предопределяется наличием -к'ада-: конструкции, в которых сочетается показатель условия и завершенности действия -к'ада-, всегда соответствуют русской временной конструкции (во многих приведенных выше примерах невозможна замена в переводе придаточного времени на придаточное условия).

Говоря о показателе -к'ада-, следует также указать на то, что вспомогательный глагол а-, оформленный суффиксами -к'ада- и -гу-, употребляется в функции союза (а-к'ада-гу- "затем, потом, после этого") для связи предложений в рамках текста, ср.:

камга-м ула-ган илан һузугузах' тин талих-сха-за-к'а-х',

молитва-REL дом-REL2 в все REFL танцевать-PASS-ITER- PAST-3SG

ан'аачаг'и-лґа-л, спектааклис агу-лґа-л, һамалиган.

петь-PASS-CONJ спектакли делать-PASS-CONJ там

Ак'адагуун райкомаһ' а-на-х' һамалиган. Wan акиитаһ' улах'

потом райком быть-PAST там с.тех пор дом

һах'та-Ø-х'

стоит-CONST-3SG

"В церкви все стали танцевать, пели, спектакли ставили, собрания проводили там. Потом райком.был.там. С тех пор дом стоит."

Ср. также употребление этого слова в значении "еще", "к тому же", "вдобавок" в примере, обнаруживающем сильное влияние русского языка:

анг'аг'ин-амас илан һузугазух' ила-н'ин айх'аасих' а-за-на-х',

люди-наши у все у-3PL.POSS лодка быть-ITER-PAST-3SG

ак'адагуун упряжкас, субаакас.
еще упряжки собаки

"У наших людей у всех лодки были, еще упряжки, собаки"

Во многих других случаях, когда "чисто условная" форма не осложнена никакими другими морфологическими показателями, причина их "временной трактовки" не столь очевидна. Ср. примеры:

умла-гу-ун тимас н^ух'та-ака-ку-х'
проснуться-COND-3SG нас посетить-должен-NONFUT-3SG

"Когда он проснется, к нам он должен прийти"

инати-гу-чих тин' н^ух'та-ах'тичих
заканчивать-COND-2PL меня посетите-2PL.OPT

"Когда вы закончите, приходите ко мне"

ихчи-л чала-гу-мас тимас
двигаться.домой-CONJ причалить-COND-1PL REFL.1PL

к'уйу-уг'ин аг'и-ку-с
лечь-INT.1PL AUX-NONFUT-1PL

"Когда мы приедем домой, мы ляжем спать"

Во всех приведенных примерах алеутской условной ЗПЕ не может соответствовать русское условное предложение: абсурдно звучали бы переводы вроде "если он проснется ..." и т.д. В данном случае говорящий интерпретирует действия, выраженные зависимыми формами глагола с показателем условия, как реальные, а не гипотетические. Набор ситуаций, охватываемых такими алеутскими предложениями, гораздо шире тех, которые, например, в русском языке можно признать квазисинонимами и которые выражают повторяющиеся положения вещей в рамках реализуемых гипотез: реализация значения условия в АЯ не предполагает обязательного наличия обстоятельств времени, ср. в русском языке: "если он проснется в два часа". Хотя примеры, выражающие повторяющиеся положения вещей в рамках реализуемых гипотез в АЯ, как и, например, в русском, очень многочисленны. В подобных случаях ГГ содержит маркер узитатива (-за-) в сочетании с констативом (-Ø-) или показателем настоящего или прошедшего времени:

тин' к'асха-л а-гу-ун ак'ла-за-Ø-к'
меня смеяться-PASS-CONJ AUX-COND-3SG сердиться-ITER-CONST-1SG

"Когда/если надо мной смеются, я сержусь"

к'ангих' ина-л а-гу-ун
зима кончиться-CONJ AUX-COND-3SG

слу-ман игни-за-к'а-мас
на.лето отпускать-ITER-PAST-1PL

"Когда кончалась зима, мы их [птиц] выпускали на лето"

Во многих случаях возможны и абсолютно равноправны два варианта перевода на русский язык "чисто условных" алеутских форм, ср. (помимо предпоследнего примера выше):

иглук'ас к'изан'из-улах аагати-гу-мас к'ичити-г'ука-с имас
шкура не-мало добыть-COND-1PL много-денег-PL нам

ах'-сха-аг'ан а-к'а-х'
дать-PASS-INT AUX-FUT-3SG

"Когда/если мы добудем много шкур, нам заплатят много денег"

укалг'а-л а-гу-ун тин агиитал аан'сути-ин'ан
приехать-CONJ AUX-COND-2SG OBJ-2SG COM собирать-ягоды-
INT.1SG

а-на-к'
AUX-FUT-1SG

"Если/когда ты сюда придешь, я пойду с тобой собирать ягоды"

укалг'ааг'а-гу-дих тимас агиитал анг'аг'ииг'ан а-на-с
приехать-COND-REFL OBJ.1PL COM жить-INT AUX-FUT-
3PL

"Если/когда они приедут, они будут жить с нами"

При этом далеко не все алеутские условные конструкции допускают "временной" вариант перевода, ср.:

тин' асх'аг'и-ни-лака-н а-гу-ун' укааг'а-ан'ан
REFL-1SG болеть-CAUS-NEG-CONJ AUX-COND-1SG приходить-
INT.1SG

а-на-к'
AUX-FUT-1SG

"Если я не заболею, я приду" (невозможно "когда я не заболею...")

амаану-лака-н а-гу-ун амаану-зуука-г'ула-к'
идти.туда-NEG-CONJ AUX-COND-2SG идти.туда-FUT-NEG-1SG

"Если ты туда не пойдешь, я (тоже) не пойду" (невозможно "когда ты туда не пойдешь...")

wan уйух'таа-гу-ун аки-имис?
это нравиться-COND-2SG купить-INT-2SG

"Если тебе это [что-то съестное] понравится, ты купишь это?"
(невозможно "когда тебе это понравится...")

Не вдаваясь в подробный анализ, повторим, что в АЯ существует несколько специализированных зависимых глагольных форм и конструкций, выражающих таксисные отношения. Они, вероятно, вполне могли бы быть употреблены в приведенных выше примерах, переведенных на русский язык временными придаточными, если бы в намерение говорящего входило подчеркнуть отношения одновременности или предшествования зависимого и главного действий.

Возможно, проблему интерпретации алеутских условных ЗПЕ можно решить следующим образом. Эти ЗПЕ не маркированы в отношении таксиса (см. п. 3.1.3.1), при этом в предложении строго соблюдается принцип иконичности, т.е. наряду с условием "если р, то q" автоматически соблюдается условие "р предшествует или одновременно q". В современном алеутском языке (по крайней мере, в ЯКА), вероятно, невозможны условные конструкции, где р позже q. По крайней мере, в имеющихся материалах нам не удалось обнаружить предложений с условными ЗПЕ, которые соответствовали бы русским предложениям "Если Петя позвонит (через час), (то), значит, он (к тому времени) напишет сочинение" (см. об этом типе соотношения посылки и вывода: Храковский 1998).

Такая интерпретация ("крен" в сторону временной интерпретации), например, в русском языке невозможна из-за необязательности соблюдения принципа иконичности в ППП. (Ср., впрочем, в литературном английском языке признак, косвенным образом объединяющий условные и временные придаточные – запрет на употребление будущего времени).

Приведем теперь пример спецификации таксисных отношений между зависимой условной и главной частями при помощи континуативного показателя -л'и- "все еще", "продолжать":

лаафким имдаа тайа-л'и-гу-дих тукуг'-улах
магазин в покупать-CONT-COND-REFL.3PL богатый-NEG
hit-за-ку-с
делать-ITER-NONFUT-3PL

"Они покупают в магазине до тех пор, пока не опустошат его"
(Bergsland, Dirks 1981: 124)

3.3.3.1.3.3. Маркирование временными показателями

В п. 3.3.3.1.3.2 были рассмотрены примеры, в которых таксисные отношения уточнялись при помощи показателей способов совершения действия, представляющих необязательные грамматические категории. Еще один способ маркирования таксисных отношений – употребление показателей времени в условной части. В современном ЯКА этот способ практически не используется (хотя примеры и признаются информантами правильными); он оказался вытесненным условными конструкциями с нейтральной маркировкой таксиса и возможной спецификацией таксисных отношений показателями способов совершения действия. Все приводимые здесь примеры взяты из (Bergsland, Dirks 1981: 123-124).

Таксисные отношения между условной и главной частями могут маркироваться показателями прошедшего или будущего времени. В этом случае показатели, регулярно маркирующий грамматическое время в ГГ маркируют относительное время в ЗГ. При этом средства спецификации таксисных отношений в УК отличаются от подобных средств в других типах ППП, напр., во временных.

Условная ЗПЕ может включать глагол в прошедшем времени:

аг'адгих' аг'адагдигал ан'али-на-х' а-гу-ун,
солнце светить-CONJ день-PAST-3SG AUX-COND-3SG
амгим илан углаан'ил танах' чиг'них'та-за-Ø-х'
ночь в роса земля делать.влажным-ITER-CONST-3SG
"Если солнце светило весь день, ночью бывает роса, которая
делает землю влажной"

В приведенном примере прошедшее время передается показателем прошедшего времени -на- в глаголе ан'али- "делать / происходить днем", "делать / происходить с интервалом в один день". Временная отнесенность действия в ГГ передается сочетанием констатиwa -Ø- с узитативным показателем -за- "обычно, всегда".

Еще один пример, в котором ЗПЕ включает глагол с показателем прош. вр.:

һаман к'алгадах' тахса-ка'-х' а-гу-ун,
 эта пища складывать-PASS-3SG AUX-COND-3SG
 анг'аг'иназин чиси-лга-к'али-за-к'а'-х'
 людям раздавать-PASS-начинать-ITER-PAST-3SG
 ах'такух'
 оказывается

"Когда эту пищу складывали [в определенном месте], ее начинали раздавать людям" (Bergsland, Dirks 1981: 123)

В этом примере глагол тахса- "складывать, собирать в одном месте" оформлен показателем прошедшего времени -к'а-. За ним следует вспомогательный глагол а- с показателем условия и личным показателем. В обоих примерах показатели прош. вр. в условной части, вероятно, указывают на то, что q наступает только после завершения p. Ср. примеры, в которых ЗПЕ выражена аналитической конструкцией, которая регулярно передает в АЯ значение близкого будущего времени:

к'а-ан'ан аг'и-гу-ун' плитан' аних'та-за-Ø-к'
 есть-INT.1SG AUX-COND-1SG плита разжечь-ITER-CONST-1SG

"Когда я собираюсь есть, я обычно разжигаю печку", букв.
 "когда я буду есть..."

алитху-уг'ин аг'и-гу-мах чадут'нам илаа
 воевать-INT.1SG AUX-COND-REFL.3PL жир кусок
 к'а-за-на-с
 есть-ITER-PAST-3SG

"Когда они собирались воевать, они обычно съедали кусок жира", букв. "когда они будут воевать..."

В предпоследнем примере финитный глагол включает показатель узитатива -за- и констатива -Ø-. В последнем за узитативным показателем следует показатель прошедшего времени.

3.3.3.1.3.4. Маркирование падежными показателями

По мнению (Bergsland, Dirks 1981: 125), ряды личных показателей, включающие показатель относительного падежа во 2 и 3 лицах, не употребляемые в современном АЯ, возможно, использовались для того, чтобы маркировать предшествование условия (как это до сих пор происходит во временных ЗПЕ), ср.:

к'алгадас илгал пища	ла-гу-мах искать собирать-COND-REFL.3PL	hak'aasa-za-ku-s приносить-ITER-NONFUT-3PL
-------------------------	--	---

"Они ищут пищу [например, ягоды в тундре] и, когда находят, приносят ее"

си[т]-с а-гу-мис тин кан^улутни-имис
вспотеть-CONJ AUX-COND-2SG REFL-2SG простудиться-INT.2SG
аг'-на-х'т
AUX-FUT-2SG

"Если ты вспотеешь, простудишься"

3.3.3.1.3.5. Маркирование послелогам

Для маркировки таксисных отношений в архаичном АЯ могли использоваться послелого (Bergsland, Dirks 1981: 125), которые входили в качестве "обладаемого" в посессивное сочетание. Посессором в таком сочетании выступала условная глагольная форма, оформленная личными показателями, включающими показатель относительного падежа, ср. пример с послелогом асли- "за, позади, после":

тутак'аг'и-гу-н'ин асли-н'иин, һина'л'игаага, хамакус һадан'ин
Сатанах' waag'адах', аасалих канууг'ин'ин илин тунум
чисилгак'аа амаануусадах'. "Когда они услышат, тотчас прихо-
дит сатана и уносит слово, посеянное в них" (М 4:15), букв. ту-
так'аг'и-гу-н'ин асли-н'иин "если они услышат, то после этого..."

Интересно, что именно при помощи одного из послелогов (када- "перед") в более архаичной форме АЯ можно было маркировать случай, когда *p* позже *q*, ср.:

намаану-гу-мах	када-а	пулаатидих	һаман
ехать.туда-COND-REFL.3PL	перед-3SG.POSS	палатки-свои	там
чум^лу-за-ку-с			
ставить-ITER-NONFUT-3PL			

"Прежде чем ехать туда [на лето], они ставили там палатки"
 (= "Если они ехали туда, то перед этим ставили там палатки")

3.3.3.2. ПЕ, выражающие нереализуемое условие

В тех случаях, когда план содержания условной конструкции связан с выражением нереализуемой гипотезы, в предложении с условной конструкцией используется неизменяемая частица кум/кума (в атк. диалекте также кам). В предложении она всегда следует непосредственно за условной формой, однако, очевидно, принадлежит правой части предложения (от-

носится к ГПЕ), так как условную форму и частицу разделяет пауза. Во всех имеющихся у нас примерах ЗПЕ представляет собой условную форму (аналитическую или синтетическую) с нейтральной маркировкой таксисных отношений. ГГ может быть оформлен показателями не-будущего или прошедшего времени, ср. примеры:

wan'ус анах' а-лих а-гу-ун, кума һуйу-н'
здесь быть быть-CONJ AUX-COND-2SG бы брат-мой
асх'а-на-г'ула-х'
умереть-PAST-NEG-3SG (прош. вр.)

"Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой" (И 11: 21)

суганг'и-л а-гу-ун' кум тин н^у-ку-к'
молодой-CONJ AUX-COND-1SG бы OBJ-2SG догнать-NONFUT-1SG

"Если бы я был молодым, я бы тебя догнал"

тин' һин'у-лака-н а-гу-ун кум айу-лака-к'
OBJ-1SG толкнуть-NEG-CONJ AUX-COND-2SG бы упасть-NEG-1SG

"Если бы ты меня не толкнул, я бы не упал"

тин' һачаг'и-л а-гу-ун кума тин агиитал
OBJ-1SG ждать-CONJ AUX-COND-2SG бы OBJ-2SG COM

анк'а-ку-к'
идти-NONFUT-1SG

"Если бы ты меня подождал, я бы с тобой пошел"

В нашем материале отсутствует примеры, в которых ГГ был бы в буд вр.

Высказывались предположения (Bergsland 1994), что частица кум/кума появилась в АЯ в позднейший период, после начала активных контактов между алеутами и русскими и что она представляет собой заимствованную из русского языка частицу "бы". В фонетическом отношении подобную адаптацию русской частицы можно признать вполне возможной (ср., напр., алеут. тулуума < русск. здорово; тукуулких' < русск. топорик). В пользу этого предположения говорит и тот факт, что кум/кума одно из очень немногих неизменяемых слов (частиц) в АЯ вообще (см. раздел 8 главы 2) и, пожалуй, единственное неизменяемое слово, выполняющее грамматическую функцию – образование специальной конструкции. Однако в этом случае придется признать, что до контактов с русским языком в АЯ не было специальных средств для выражения нереального условия или же они существовали, но были вытеснены заимствованным русским средством. Из этих двух предположений

наиболее правдоподобным представляется первое. У нас нет прямых доказательств, однако на это косвенным образом указывает позднее развитие, как и во многих других языках, будущего времени: выражается в отличие от не-будущего и прошедшего аналитическими конструкциями, которые к тому же не вполне совпадают с аналогичными конструкциями в АД (в остальном оба диалекта идентичны). Еще одно косвенное подтверждение – невозможность использования аналитических конструкций для выражения будущего времени с отрицанием: отрицание планируемого или предполагаемого действия передается синтетически при помощи особого морфологического показателя. Аналогично, можно допустить, что в АЯ до XVIII века не было специальных средств для выражения не-реализуемого условия. Вероятно, они могли развиваться со временем на базе собственно алеутских средств. Интенсивные контакты с русским языком, начавшиеся с XVIII века, возможно, форсировали развитие соответствующей конструкции. При этом она развилась на базе алеутской условной конструкции с использованием русских морфологических средств.

3.3.3.3 Нейтрализация противопоставления корреферентности / некорреферентности А/S

Требуют специального внимания формы кондиционала в 3л. ед. ч., ср.: Петя укааг'агуун тин' хих'тада "Если Петя придет, позови меня" и укалг'аг'ил агуун тимас кидууг'ан анах' "Если он будет здесь, он нам поможет". В первом из этой пары примеров S условной ПЕ и А ГПЕ некорреферентны, во втором – корреферентны, и тем не менее показатель лица условной формы не меняется, то есть, другими словами, эта форма не имеет показателя 3Рл, и здесь нейтрализуется противопоставление корреферентности / некорреферентности А/S ГПЕ и ЗПЕ. Это отличается от ситуации в аткинском. В работе (Bergsland, Dirks 1980) выделены формы -гуд- для 3л. и -гуун/-гуум для 3Рл. (см. Таблицу 3 выше). Ср. примеры некорреферентности А/S: ук'ис агуу ам'айаах'таан'ан ак'ан' "Когда он придет, я его спрошу" (Bergsland, Dirks 1980: 125), и корреферентности А/S: тин саг'аник'адагуум тин к'ун'тук'ализах' "Когда он засыпает (=заснет), он начинает (=начнет) храпеть" (Bergsland, Dirks 1980: 124). В указанной работе отмечается, что если один из предикатов – "метеорологический", то 3Г чаще всего оформляется как при корреферентных А/S, ср.: чих'талакан ах'тагуун к'илаган вааг'ааг'ан саг'анах' "Если не будет дождя, он вернется завтра" (Bergsland, Dirks 1980: 124). Здесь А/S некорреферентны, а при этом личный показатель -

гуун; ср. также: айан'илакан агуун к'илаган тагааг'ан амасукух' "Если не будет тумана, он [самолет] наверное прилетит завтра" (Bergsland, Dirks 1980: 126); слаа тин исханагуун саалус һулааг'ан амасукух' "Если ветер переменится, завтра, наверное, будет сухо" (Bergsland, Dirks 1980: 124). При этом возможно и "некорреферентное" оформление: тайаг'ум уйминаа тин чулал слааг'ах'тагуу слачхизах' масхазах' "Когда здоровый человек одевшись (тепло) выходит (из дому), будет хорошая погода" (старая примета, см.: Bergsland 1980: 158): здесь условный предикат, в отличие от других примеров, оформлен показателем -гуу, а не -гуун-. "Особый статус" "метеорологических" предикатов в ЯКА, по-видимому, оказался утрачен в связи с утратой противопоставления по корреферентности / некорреферентности A/S в условных ПЕ. В материале по ЯКА, которым мы располагаем, формы на -гуд- нам не встретились: форма на -гуун используется для всех третьих лиц и, независимо от того, "метеорологический" или не "метеорологический" предикат, занимает вершинную позицию в условной ПЕ, ср. пару примеров выше, а также: ан'аличхизагуун анк'ах'тааг'ан аг'икук' "Когда/если будет хорошая погода, я поеду" (некорреферентные актанты); саалулакан агуун ан'алим һузуу айгагииг'ан аг'икух' "Если начнется дождь, он будет идти целый день" (корреферентные актанты). Важно отметить, что форма -гуун в ЯКА используется и в тех случаях, когда сказуемое зависимой ПЕ осложнено пассивным показателем, независимо от того, корреферентно ли 3-е л. актанта зависимой ПЕ 3-му л. актанта главной ПЕ, или не корреферентно, ср.: ак'и-сха-лакан а-гу-ун китаа тин һумииг'ан анах' "Если оно [кольцо на ноге у птицы] не будет снято, ее нога опухнет"; асх'аг'и-лга-к'ада-гуун һаада-лга-к'а-х' "Когда мы перестанем болеть, мы выздоровеем" (букв. "когда-будет-кончено-болеть, будет-выздоровлено").

Статус условных форм, оформленных показателем относительного падежа (см. выше парадигму) не ясен. В работе (Bergsland, Dirks 1981: 125) высказывается предположение, что противопоставление абсолютных и относительных форм связано с противопоставлением в рамках относительного времени (одновременность vs предшествование). Отмечается также, что в "старом" языке в сочетании с условными формами в относительном падеже употреблялись послелогии, выражающие относительное время: һама-ану-гу-мах кадаа пулаатидих һаман' чум^лузакус "Прежде чем ехать туда, они ставили там палатки"; тутак'аг'и-гу-н'ин аслин'иин һин'ал^игаага, һамакус

гадан'ин Сатанах' waag'адах', аасалих канууг'ин'ин илин тунум чисилгак'аа амаануусадах' "Когда услышат, тотчас приходит сатана и уносит слово, посеянное в них" (М 4:15). В ЯКА перечисленные формы не отмечены. Для выражения предшествования используется словообразовательный показатель -к'ада- (ср. также его синтаксическое использование в п. 3.3.2.1.1.1): умлагуун тимас н'ух'таакаух' – аан', к'а-к'адагуун "Когда проснется, он должен к нам прийти. – Ладно, после того как поест".

3.3.3.4. Особенности топиализации в условных ППП

Топикализированный элемент синтаксической структуры, если он 3 лица, контролирует оформление не только ГГ, но и ЗГ: тайаг'ус н'ус ах'с а-гу-н'ис суун'ан ак'анин' "Если мужчина даст мне их, я их возьму".

4. Определительные ПЕ

4.1. Способы выражения ОпрПЕ

В начале этого раздела необходимо напомнить о том, что единственным средством связи определения и определяемого в ЯКА является притяжательная конструкция (это уже отмечалось выше, в п. 2.1 настоящей главы).

В ЯКА существует три способа выражения ОпрПЕ. Ср. примеры:

- (1) тайаг'у-м айх'а-на-а
мужчина-3SG.REL ехать.на.лодке-PTCPL-3SG.POSS
ан'аачаг'и-ку-х'
петь-NONFUT-3SG
- (2) тайаг'у-х' айх'а-на-а
мужчина-3SG.ABS ехать.на.лодке-PTCPL-3SG.POSS
ан'аачаг'и-ку-х'
петь-NONFUT-3SG
- (3) айх'а-на-х' ан'аачаг'и-ку-х'.
ехать.на.лодке-PTCPL-3SG.ABS петь-NONFUT-3SG

Перевод этих трех предложений достаточно точно выражен следующими русскими предложениями:

- (1) Едущий (на лодке) мужчина поет.
- (2) Мужчина, едущий / который едет (на лодке), поет.
- (3) Едущий (на лодке) поет.

Все три способа выражения связаны с причастием. Третий способ мы здесь почти не затрагиваем, так как эта форма наиболее близка к имени: многие образованные таким способом формы функционируют в ЯКА (да и в других языках) как "нормальные" имена, что дает основание трактовать -на- как суффикс, образующий имена от глагольных основ (см. п. 3.3.1 главы 2).

Второй способ выражения – не самый распространенный в современном ЯКА. Примеров, к сожалению, значительно меньше, чем на первый способ. Информанты обычно признают предложения типа (2) правильными, но предпочитают предложения типа (1). Такое смещение в сторону одного из представленных выше типов, конечно, обедняет материал и возможности интерпретации ОпрПЕ. Судя по данным атк. д. (Bergsland, Dirks 1981; Bergsland 1997a), конструкция типа (2) чрезвычайно важна для интересующей нас в этом разделе темы. С другой стороны, то, что конструкция типа (1) полностью сохраняется в ЯКА, вытесняет ее и, соответственно, берет на себя часть функций конструкции типа (2), также может вызывать определенный интерес – хотя бы с точки зрения того, как именно это происходит (и почему): ведь очевидно, что между двумя конструкциями существуют содержательные отличия, например, в определенности / неопределенности (идентифицируемости / неидентифицируемости) определяемого.

Поскольку задача этой книги состоит в описании именно ЯКА, наш анализ базируется основном на предложениях типа (1), в которых, как уже было сказано, представлен притяжательный способ связи имени (=обладателя) и причастия (=обладаемого). Подчеркнем еще раз, что причастия могут быть маркированы в таксисном отношении: форма на -на- указывает на одновременность действий ЗПЕ и ГПЕ, форма на -к'а- – на предшествование действия ЗПЕ действию ГПЕ, и -Ø- (ноль) – не маркирована по таксису (вневременное отношение). Примеры на причастия с -на- приведены выше (во всех трех примерах, иллюстрирующих три разных типа); ср. еще один подобный пример: анг'аг'инам *кайутуу* а-на-х', иг'ах'таг'улах "Сильный человек ничего не боится", букв. "человек, будучи сильным, не боится". Теперь приведем пример на причастие с -к'а-: тайаг'у-м *укаалг'ааг'а-к'а-а* идах'талакаг'ик' "Человека, приехавшего сюда (раньше, давно), я знаю". Пример на "вневременное" причастие: айагам *саг'а-Ø-а* укунах' "Он увидел спавшую женщину". Интерпретация таких форм, как в последнем примере, в качестве "вневремен-

ных" вызывает вопросы с содержательной точки зрения (хотя с точки зрения формы это несомненно), ср. примеры: тайаг'ум саг'а-на-а укунах' "Я увидел *спящего* человека" и айагам саг'а-Ø-а укунах' "Он увидел *спящую* женщину", а также аник'дус саг'а-Ø-н'ис укунах' "Он увидел *спящих* детей".

4.2. Основные термины. Понятие релятивизации

Синтаксическую структуру определительных ПЕ удобно описывать, используя понятие релятивизации. Используемые нами здесь термины можно пояснить на простом примере. Ср. предложение (а) Мальчик знал дорогу. (б) Мальчик, который знал (или: знавший) дорогу, повел нас в деревню. Сочетание "который знал/знавший дорогу" будем называть "относительной группой", независимо от способа его оформления. Слово "мальчик" в (а) будем называть "релятивизируемым именем", а процесс "свертывания" предложения (а) в относительную группу в составе предложения (б) будем называть "релятивизацией". Существенно, что синтаксический статус релятивизируемого имени в (б) имеет двойственный характер: с одной стороны, "мальчик" – определяемое, синтаксически главное слово по отношению к "знавший"; с другой стороны, в предложении (а) "мальчик" является актантом глагола "знать", и память об этой зависимости имплицитно присутствует в предложении (б), что выражается в различного рода ограничениях на релятивизацию. Набор синтаксических актантов, допускающих релятивизацию, специфичен для каждого конкретного языка, хотя в целом доступность для релятивизации определяется следующей иерархией: *подлежащее* > *прямое дополнение* > *косвенное дополнение* > *объект сравнения* > *посесор* (Кинэн, Комри 1982¹⁷⁵). Так, в русском языке допускается причастная релятивизация только подлежащего и прямого дополнения, а адресатное дополнение не может быть релятивизируемым именем при образовании причастной относительной группы; в родственном алеутскому эскимосском языке релятивизироваться может только тот актант, который стоит при данном глаголе в абсолютном падеже, то есть только первая валентность (Creider 1978; Вахтин 1989). Некоторые языки очень щедры в смысле возможностей релятивизации, другие,

¹⁷⁵ Эта работа, опубликованная по-английски в 1977 и пять лет спустя переведенная на русский, до сих пор остается основополагающей при описании определительных конструкций.

напротив, имеют ограниченные возможности в этом плане, см. (Keenan 1985: 156).

4.3. Релятивизация

В этом параграфе мы рассмотрим вопрос о том, какие элементы структуры предложения в ЯКА могут иметь ОпрПЕ и какие элементы могут релятивизироваться.

4.3.1. Определительные ПЕ и определяемый член предложения

ОпрПЕ могут определять любой член предложения, ср.:

а. определение к S:

л'ах' ван' акиитах' саг'ал ах'такух' "Мальчик до сих пор спит, оказывается" – л'ах' танам ин'ааг'иган илагаан вааг'ак'аа ван' акиитах' саг'ал ах'такух' "Мальчик, который прибежал из другого поселка, до сих пор спит, оказывается";

б. определение к А:

ухуутниках' улиинам ан'унаа асх'ятинах' "Охотник убил крупного оленя" – ухутникам вчира анк'ак'аа улиинам ан'унаа асх'ятинах' "Охотник, который ушел вчера, убил крупного оленя";

в. определение к Р:

улух' к'анак' "Я съел мясо" – улух' анан' к'ан'ак'аа к'анак' "Я съел мясо, которое приготовила моя мать";

г. определение к D (косвенному объекту):

аник'дум н'аан канфиитах' аг'нак' "Я дал ребенку конфету" – аник'дум к'иданаган н'аан канфиитах' аг'нак' "Я дал ребенку, который плакал, конфету".

4.3.2. Возможности релятивизации валентностей

Материал здесь удобно расположить в соответствии с валентностью предиката того предложения, актант которого релятивизируется.

4.3.2.1. Одновалентные глаголы

При одновалентном глаголе релятивизироваться могут:

а. S (субъект)

анг'аг'инас анк'анас "Люди уехали" – анг'аг'инас анк'ак'ан'ис укут'ал'илакаг'ис "Люди, которые уехали, еще не видны"; аник'дух' к'иданах' "Ребенок плакал" – аник'дум к'иданаган н'аан канфиитах' аг'нак' "Я дал ребенку, который плакал, конфету"; алиг'нах' асх'анах' "Старик умер" – алиг'наам асх'ак'аа

к'идаасакух' хин'а "Своего старика, который умер, она оплакивает".

Как одновалентный ведет себя и отыменной глагол, который образован от основы прямого объекта исходной конструкции (см. п. 4.3.1 главы 2): тайаг'ух' исуг'нааг'икух' "Человек охотился на нерпу" – тайаг'ум исуг'нааг'наа аслихтикук' "Я встретил человека, который охотился на нерпу"; л'ан' тин айагалг'инах' "Мой сын женился" – л'ан' тин айагалг'ик'аган илан аник'дух' аг'нах' "У моего сына, который женился, появился ребенок"; ср. также: анг'аг'инам таан'аачх'узанаа к'ичитис хузун'ис таан'аасал инатил "Пьющий человек (= человек, который пьет) деньги все пропьет до конца".

б. L (локатив). В этих случаях релятивизируемое имя выступает в форме относительного падежа с послелогом – см. раздел 7 в главе 2):

алиг'их' илан танаг'их' аг'а-к'а-м	илан укух'та-ату-на-х'
старик в село родиться-PTCPL-REL в	видеть-хотеть- PAST-3SG

"Старик хотел увидеть село, в котором он родился"

ада-н'	ула-х'та-к'а-ган	наган анг'аг'ику-к'
отец-1SG.POSS	в.доме-быть-PTCPL-REL в	жить-1SG

"Я живу в доме, в котором жил мой отец"

тайаг'ух' илан чали-лга-к'а-м	хадан хуйаку-х'
мужчина в рыбачить-PASS-PTCPL-REL к	двигаться-3SG

"Мужчина поехал в то место, где рыбачат"

4.3.2.2. Двухвалентные глаголы

При двухвалентном глаголе релятивизироваться могут как А, так и Р, ср. примеры выше, а также: анг'аг'инах' илгана-ан акан' ун'учикух' "Человек, которого ты ищешь, вон там сидит"; к'ах' стоолам куган ах'к'ан' хак'аасада "Рыбу, которую я положила на стол, принеси"; чам илан акик'ат айагусакух' букв. "В руке то, что он купил, несет".

Может релятивизироваться и Р при глаголе с пассивным показателем, ср.: неерпам асх'а-сха-к'а-а садагикух' "Нерпа, которая была убита, жирная"; ан'алим ахаган кинум укух'та-лга-к'а-а азуукаг'улах' "Вчерашний фильм, который мы смотрели (букв. "который был смотрен") (больше) не будет [показываться]".

4.3.2.3. Трехвалентные глаголы

При трехвалентном глаголе релятивизироваться могут, согласно нашему материалу, прямой объект и адресат: чадуладах' н'усин' ах'к'ан сафсим тин к'акатнах' "Клей, который ты мне дал, совсем высох" (прямой объект); лекаарствам н'усин' аг'ик'ан'ис хаадаасакук' "От лекарства, которое мне дали, я поправился" (прямой объект); тайаг'ум к'ас н'аан аг'ик'ан' идах'талакат ии? "Ты знаешь человека, которому я дал рыбу?" (адресат). Можно сказать, таким образом, что в ЯКА не удается обнаружить каких-либо ограничений на релятивизацию.

Выше (в п. 3.2.2 раздела 2 главы 3) шла речь о трудностях различения в ряде случаев определительных и дополнительных ПЕ, вызванных тем, что средство выражения этих двух ПЕ едино – "причастие" в притяжательной форме, а также тем, что формальное отношение между двумя именами в притяжательной конструкции может передавать очень различные семантические связи. Интерпретация зависит от многих причин, прежде всего от семантики глагола-сказуемого дополнительной и определительной ПЕ.

Если в предложении (а) ниже мы имеем дело явно с дополнительной ПЕ:

(а) сам калунаа укух'так'ан'

"Я видел, что (=как) он стрелял в птицу" (скорее всего, "видел, как стрелял", а не "видел птичку, в которую стреляли"), то в (б) значение ПЕ скорее определительное:

(б) лаампам атак'аа ухинах' hin'a

"Он потушил горевшую лампу" (скорее всего, "потушил лампу, которая горела", а не "потушил горение лампы").

При этом важно иметь в виду, что сочетание лампа-м атак'аа "горение лампы", и сочетание са-м калунаа "стреляние птицы" формально абсолютно ничем не отличаются друг от друга.

Ср. примеры, из которых хорошо видна важность значения глагола для интерпретации предложения: саг'анам к'ун'тугии тутакук' "Я слышу, как храпит спящий" ("что храпит спящий"? "храпящего спящего"? "храпение спящего"?); саг'анам к'ун'тугии укух'такук' "Я вижу спящего, который храпит" ("храпящего спящего"?).

Еще одна сложность интерпретации ОпрПЕ касается идентификации Р, который релятивизируется, и той ИГ, которая его выражает. Так, в предложении тайаг'ум н'ус них'так'аа

"Мужчина мне это сказал" релятивизироваться может как агентс "мужчина", так и (эллиптированный) объект "это".

Ср. два производных предложения:

тайаг'у-м н'ус хих'та-к'а-а угуну-зуука-г'ула-к'
мужчина-REL мне говорить-PTCPL-3SG.POSS забывать-FUT-NEG-
1SG

"Я не забуду человека, который мне это сказал"

тайаг'у-м н'ус хих'та-к'а-н'ис угунузуукаг'улак'
говорить-PTCPL-3PL.POSS

"Я не забуду того, что сказал мне человек"

Число притяжательного показателя причастия -н'ис мн. ч. ("человека сказанные-они" в отличие от "человека говорение-его" – в более чем приблизительном переводе) не является универсальным смысловозначительным средством в предложениях такого типа, хотя в данном контексте показатель множественного числа позволяет избежать двусмысленности, так как значение глагола хих'та- "говорить" предполагает множественность ситуаций – ср. хи- "сказать", "выкрикнуть"). Ср. два примера из работы (Bergsland, Dirks 1981: 132), в которых одним и тем же средством релятивизируются А и Р исходного предложения и нет формальной разницы между получившимися предложениями; различие смысла достигается только благодаря контексту: тайаг'ум сах' калул ан'алии аслихтаан'ан ах'такук' "Я встретил человека, который убил утку", и тайаг'ум сах' калул ан'алии укуун'ан ах'такук' "Я нашел утку, которую убил человек".

При введении в структуру причастия пассивного показателя А/С не выражен в синтаксической структуре: н'иин ах'-сха-к'ас сунас "Они взяли данное им"; имчих ах'-сха-нас сунах'тичих ии? "Вы взяли данное вам?"; н'аан ах'-сха-нас сунах' "Он взял данное ему"; суунгим имис ах'-сха-на-н'ис сунах'т ии? "Ты взял данные тебе вещи". Здесь везде А ("тот, кто дал") не выражен в предложении, и личный притяжательный показатель указывает только на лицо и число Р ("то, что дано": не "тот, кому дано"! Ср. теперь следующие два примера:

(а) суунги-с н'аан аг'-на-н' (= аг'-и-к'а-н') суна-х'
'вещи-PL ему дать-(EPENTH)-PTCPL-1SG.POSS взял-3SG
"Он взял данные ему мною вещи"

(б) суунгис имис аг'нан' сунах'т ии? "Ты взял данные тебе мною вещи?" (букв. "вещи-PL тебе данные-мои взял-ты?").

Личный показатель при отглагольном имени от основы аг'- "давать" не меняется при изменении лица адресата и отражает лишь лицо А (и число Р? – см. ниже): суунгис н'ус аг'-на-н'ис сунак' "Я взял данные мне ими вещи" (букв. "вещи-PL мне дать-PTCPL-3PL.POSS взял-я").

Примеры, иллюстрирующие полную личную парадигму имени действия в функции сказуемого определительной ПЕ:

1л. ед. ч.: имис хайааса-к'а-нин' агунах'т ии? "Ты сделал то, что я у тебя просил?". В отличие от примеров (а) и (б) выше, здесь топикализовался Р, что отражено в показателе -нин'.

2л. ед. ч.: н'усин' хайааса-к'а-т агунак' "Я сделал все (мн.), что ты у меня просил"; итхи-на-ан кумсил стоолаг'им куган аг'ада! "То (ед.), что ты уронил, на стол положи!"

3л. ед. ч.: хих'та-на'-н'ис хак'аталакаг'ин' "То (мн.), что он мне говорит, я не понимаю"

3Рл. ед. ч.: вчира ма-к'а-т хак'аталакаг'их' "Он не помнит, что вчера делал"

1л. или 3л. мн. ч.: имис хайааса-к'а-н'ис агунах'т ии? "Ты сделал то, о чем мы (или: "они") тебя просили?"; манааг'-на-н'ис н'иин мачх'исхалакаг'ис "То, что они (или "мы") хотели делать, им (или "нам") не разрешено"

2л. мн. ч.: н'усин' хайааса-к'а-чих агунак' "Я сделал то, о чем вы меня просили".

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

абл.	аблатив
абс. п.	абсолютный падеж
атк.д.	аткинский диалект (диалект о. Атка)
атт.д.	аттуанский диалект (диалект о. Атту)
АЯ	алеутский язык (все диалекты)
бер.д.	беринговский диалект (диалект о. Беринга)
бесприт.	беспритяжательная (форма)
буд. вр.	будущее время
букв.	буквальный перевод
возвр.	возвратная (форма)
вопр. п.	вопросительное предложение
ГГ	главный глагол
ГПЕ	главная предикативная единица
Д	долгота гласного
дв. ч.	двойственное число
ДопПЕ	дополнительная предикативная единица
ед. ч.	единственное число
ЗГ	зависимый глагол
ЗПЕ	зависимая предикативная единица
И	Евангелие от Иоанна
ИГ	именная группа
кауз.	каузатив
КПА	конструкция с предикатными актантами
Л	Евангелие от Луки
л.	лицо
лок.	локатив
М	Евангелие от Марка

Матф.	Евангелие от Матфея
медн. яз.	медновский язык (язык о. Медный)
мн. ч.	множественное число
МПП	монопредикативное предложение
небуд. вр.	небудущее время
ОдноСб	односубъектные
ОпрПЕ	определятельная предикативная единица
оти. п.	относительный падеж
П	синтаксическая позиция
пасс.	пассив
посл.	последлог
посс.	посессив
ППП	полипредикативное предложение
прит.	притяжательная (форма)
прош. вр.	прошедшее время
ПС	притяжательное сочетание
РазноСб	разносубъектные
РАК	Российско-американская компания
указ.	указательное слово
унал.д.	уналашкинский диалект (диалект о. Уналашка)
ф.	форма
1, 2, 3 (ед., дв., мн. ч.)	личные формы глагола
эск.-ал.	эскимосско-алеутские языки
ЯКА	язык командорских алеутов (диалект о. Беринга)
A	один из семантических актантов (см. в тексте)
ABS	абсолютный падеж
AUX	вспомогательный глагол
CAUS	каузатив
COM	комитатив
COND	кондиционал
CONJ	конъюнктив
CONST	констатив
CONT	континуатив
D	один из семантических актантов (см. в тексте)
DENOM	отыменной глагол
DETRANS	детранзитиватор
DISTR	дистрибутив
DU	двойственное число
EPENTH	эпентеза
FUT	будущее время
HABIT	хабитуалис
MOD	модальный (показатель)
N	имя

NEG	отрицание
NONFUT	небудущее время
IMP	императив
IND	индикатив
INT	интенционал
INTENS	показатель интенсивности действия
INTERR	вопросительная частица
ITER	узитатив
OBJ	объектное местоимение
OPT	оптатив
P	предикат
PASS	пассив
PAST	прошедшее время
PL	множественное число
POSS	показатель посессивности
PREV	превентив
PTCPL	причастие
R/REFL	рефлексив
REL	относительный падеж
RES	результатив
S	один из семантических актантов (см. в тексте)
SG	единственное число
TRANS	транзитиватор
V	глагол-сказуемое
Ø	морфологический ноль
→	производное от
*	пример неграмматичен
?	пример (или перевод) сомнителен

ЛИТЕРАТУРА

- Айхенвальд 1984: Айхенвальд А.Ю. О статусе топиализации в берберских языках // Восточное языкознание: Грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1984: 11–19.
- Алеутский букварь 1893: Алеутский букварь. СПб.: Синодальная типография, 1893 [первое издание – Москва, 1846].
- Алпатов 2000: Алпатов В.М. 150 языков и политика 1917 – 2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+ИВАН, 2000.
- Андерсон 2001: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001.
- Арсеньев 1979: Арсеньев А.А. Этнографическое наследие И.Е. Вениаминова // Советская этнография, 1979, № 5: 76–89.
- Асиновский, Вахтин, Головкин 1983: Асиновский А.С., Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Этнолингвистическое описание командорских алеутов // Вопросы языкознания, 1983, № 6: 108–116.
- Асиновский, Володин, Головкин 1987: Асиновский А.С., Володин А.П., Головкин Е.В. О соотношении экспонента морфемы и ее позиции в словоформе (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания, 1987, № 5: 40–46.
- Барсуков 1883: Барсуков И.П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенской, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М.: б.и., 1883.

- Барсуков 1887: Барсуков И.П. (сост.). Творения Иннокентия, митрополита Московского. Кн. I. М.: б.и., 1886; Кн. II. М.: б.и., 1887. Кн. III. М.: б.и., 1888.
- Барулин 1979: Барулин А.Н. Некоторые проблемы описания словоизменения турецкого существительного // Проблемы языков Азии и Африки. (Фонетика, морфология. Синтаксис, семантика). М.: Наука, 1979: 16–69.
- Беликов 1997: Беликов В.И. Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. Сборник статей. М.: изд-во МГУ, 1997: 12–43.
- Берх 1823: Берх В.Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества. С присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб.: Типография Н. Греча, 1823.
- Бломквист 1975: Бломквист Е.Э. История изучения в России языков североамериканских индейцев (из архива МАЭ) // Сборник Музея антропологии и этнографии: Из культурного наследия народов Америки и Африки. Вып. 31. Л.: Наука, 1975: 94–117.
- Богоявленский 2005: Богоявленский Д.Д. Вымирают ли народы Севера? // Социологические исследования, 2005, № 8.
- Бондарева 1966: Бондарева Н.А. Семь недель на Командорах. Петропавловск-Камчатский: Петропавловское кн. изд-во, 1966.
- Ван Валин, Фоли 1982: Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982: 376–410.
- Вахтин 1978: Вахтин Н.Б.. Архивные материалы В.И. Иохельсона по алеутскому языку. Рукопись. 7 с.
- Вахтин 1985: Вахтин Н.Б. Некоторые особенности русско-алеутского двуязычия на Командорских островах // Вопросы языкознания, 1985, № 5: 35–45.
- Вахтин 1989: Вахтин Н.Б. Причастные относительные группы в эскимосском языке // Функциональный анализ языковых единиц. М.: б.и., 1989.
- Вахтин 1991: Вахтин Н.Б. Морфемный анализ и проблема значения формообразующих морфем // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991: 256–275.
- Вахтин 1992: Вахтин Н.Б. К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (предварительные результаты исследований) // Вопросы языкознания, 1992, № 4: 45–59.

- Вахтин 1995: Вахтин Н.Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб.: Европейский Дом, 1995.
- Вахтин 2001a: Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке: Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Вахтин 2001б: Вахтин Н.Б. "Языковая смерть" в функциональном аспекте: особенности функционирования марковского говора // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: изд-во Европейского университета, 2001: 272–291.
- Вахтин, Володин 1986: Вахтин Н.Б., Володин А.П. Эргативность и механизм глагольного согласования. (Опыт типологии) // Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986: 111–133.
- Вахтин, Головкин 1991: Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Способы связи слов в алеутском языке // Языки народов Сибири: Грамматические исследования. Новосибирск: Наука, 1991: 214–220.
- Вахтин, Головкин 2004: Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. "Разве мы виноваты, что так пишемся?": Смешанные этнические общности северо-востока Сибири в официальных классификациях // *Studia Ethnologica*: Труды факультета этнологии. Вып. 2. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2004: 61–97.
- Вахтин, Головкин 2005: Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // Малые языки и традиции: существование на грани. Выпуск 1: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Новое издательство, 2005: 40–52.
- Вахтин, Головкин 2006: Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. "...Не в долгом времени совсем оставят язык свой...": о неточности предсказаний языковой смерти (на примере алеутского языка) // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Стратегия, 2006: 187–211.
- Вахтин, Головкин, Швайцгер 2004: Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцгер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.
- Вдовин 1954: Вдовин И.С. История изучения палеоазиатских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Вдовин 1968: Вдовин И.С. К вопросу о происхождении названия "алеут" // Страны и народы Востока. Вып. 6. М.: Восточная литература, 1968: 101–105.

- Вениаминов 1840: Вениаминов И.Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. I–III. СПб.: б.и., 1840.
- Вениаминов 1846: Вениаминов И.Е. Опыт грамматики алеутско-лисейского языка. СПб.: тип. Академии наук, 1846.
- Володин, Храковский 1975: Володин А.П., Храковский В.С. Типология морфологических категорий глагола (на материале агглютинативных языков) // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М.: Наука, 1975: 170–196.
- Володин, Храковский 1977: Володин А.П., Храковский В.С. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение) // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977: 42–54.
- Выдрин 2005: Выдрин В.Ф. Ответы на вопросы "Форума" по теме "Исследователь и объект исследования" // Антропологический форум, 2005, № 2: 37–49.
- Головко 1982: Головко Е.В. Система времен в алеутском языке // Лингвистические исследования 1982. Языковые единицы в синхронии и диахронии. М.: б. и., 1982: 32–41.
- Головко 1983а: Головко Е.В. Некоторые особенности морфологической структуры глагола в алеутском языке // Лингвистические исследования 1983. Синтаксический анализ предложения. М.: б.и., 1983: 32–35.
- Головко 1983б: Головко Е.В. Отыменные глаголы в алеутском языке // Лингвистические исследования 1983. Синтаксический анализ предложения. М.: б.и., 1983: 26–31.
- Головко 1984: Головко Е.В. Морфология глагола алеутского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Рукопись. Ленинград. Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР. 1984.
- Головко 1986а: Головко Е.В. Порядок следования морфем в максимальной морфологической модели алеутского глагола // Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986: 174–178.
- Головко 1986б: Головко Е.В. Об особенностях синтаксического устройства алеутского языка. Доклад на семинаре по грамматическому анализу. Отдел палеоазиатских языков. Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР. Ленинград. 1986.
- Головко 1986в: Головко Е.В. Неотторжимая / отторжимая принадлежность как "скрытая категория" (на материале алеутского языка) // Функционально-типологические проблемы грам-

матики. Тезисы научно-практической конференции «Функциональное и типологическое направления в грамматике и их использование в преподавании теоретических дисциплин в вузе». Вологда, 1986: 35–36.

Головко 1986г: Головко Е.В. Морфологический каузатив в алеутском языке // Языки народов севера Сибири. Новосибирск: Наука, 1986: 120–128.

Головко 1989а: Головко Е.В. Коммуникативные отношения и система языковых уровней // Взаимодействие языковых единиц и категорий высказывания. Тезисы осенней школы-семинара. Таллинн: б.и., 1989: 20–23.

Головко 1989б: Головко Е.В. О возможностях коммуникативной организации смысла высказывания // Функциональный анализ языковых единиц. М.: б.и., 1989: 63–67.

Головко 1989в: Головко Е.В. Природные ресурсы Командорских островов в алеутской лексике: Словарь. 70 с. Рукопись.

Головко 1989г: Головко Е.В. Выражение множественности ситуаций в алеутском языке // Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 1989: 54–62.

Головко 1990: Головко Е.В. Рец. на кн. (Ляпунова 1987) // Советская этнография, 1990, № 5: 158–160.

Головко 1991: Головко Е.В. О способах образования новых морфем (на материале алеутского языка) // Морфема и проблемы типологии. М.: Наука, 1991: 394–400.

Головко 1992: Повелительные предложения в алеутском языке // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 1992: 160–168.

Головко 1994: Головко Е.В. Алеутско-русский и русско-алеутский словарь. Приложение: Грамматический очерк и указатель суффиксов. СПб.: Просвещение, 1994.

Головко 1996а: Головко Е.В. Алеутский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1996: 101–116.

Головко 1996б: Головко Е.В. Язык медновских алеутов // Языки мира: Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1996: 117–125.

Головко 1997: Головко Е.В. Алеутский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. В трех томах. Т. 1: А–И. М.: Наука, 1997: 71–79.

Головко 1998: Головко Е.В. Условные конструкции в алеутском языке // Типология условных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 1998: 509–521.

- Головко 2001: Головко Е.В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности [Мастер-класс] // Вестник молодых ученых. 2001. Т. 4 (Серия: Филологические науки. 2001. № 1): 3–10.
- Головко 2007а: Головко Е.В. Типологически редкие явления в алеутском синтаксисе // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2007: 245–269.
- Головко 2007б: Головко Е.В. Пассив в алеутском языке // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Наука, 2007: 154–164.
- Головко, Швайтцер 2006: Головко Е.В., Швайтцер П. Эскимосские «попы» поселка Наукан: об одном случае *revitalization movement* на Чукотке // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии (Серия *Studia Ethnologica*, вып. 3). СПб.: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006: 102–118.
- Головко, Вахтин, Асиновский 1983: Головко Е.В., Вахтин Н.Б., Асиновский А.С. Язык командорских алеутов (беринговский диалект). Пособие для учителя. 60с. Рукопись.
- Головко, Вахтин, Асиновский 1987: Головко Е.В., Вахтин Н.Б., Асиновский А.С. Этнолингвистическая ситуация на о. Беринга // Рациональное природопользование на Командорских островах (состояние и охрана экосистем, проблемы экономического и этнокультурного развития). М.: изд-во МГУ, 1987: 166–173.
- Грамматика 1982: Русская грамматика. Том II: Синтаксис. М.: Наука, 1982.
- Гринев 2000: Гринев А.В. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-американская компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение, 2000, № 5: 74–88.
- Гринев 2003: Гринев А.В. Характер взаимоотношений русских колонизаторов и аборигенов Аляски // Вопросы истории, 2003, № 8: 96–111.
- Журинская 1974: Журинская М.А. К исследованию притяжательных отношений // Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). М.: Наука, 1974: 246–254.
- Зайцева 1983: Зайцева Е.М. Соотношение морфологических и синтаксических свойств глагольных грамматических категорий. (На материале кавказских языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

- ских наук. Москва. Московский государственный университет. 1983.
- Зализняк 1967: Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- И 1902: Святое Евангелие от Иоанна. Пер. на алеутский язык Л. Саламатова. Нью-Йорк, 1902.
- Иохельсон 1911: Иохельсон В.И. Из писем В.И. Иохельсона, начальника Этнологического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского, секретарю ИРГО // Известия Императорского Российского географического общества. Том XLVII. Вып. I–V. 1911: 97–111.
- Иохельсон 1912: Иохельсон В.И. Заметки о фонетических и структурных основах алеутского языка // Известия РАН. 1912. Сер.6. № 17: 1031–1046.
- Иохельсон 1919: Иохельсон В.И. Алеутский язык в освещении грамматики Вениаминова // Известия РАН. 1919. Сер.6. № 2: 133–154.
- Иохельсон 1934: Иохельсон В.И. Унанганский (алеутский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3: Языки и письменность палеоазиатских народов. М.; Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1934: 129–148.
- Иохельсон 2005: Иохельсон В.И. Список работ Владимира Ильича Иохельсона (сост. С.Б. Слободин) // Этнографическое обозрение Online. Сентябрь 2005 г. Интернет-публикация: <http://journal.iea.ras.ru/online>
- История Русской Америки 1997–1999: История Русской Америки. Т. I–III. М., 1997–1999.
- Касевич, Храковский 1981: Касевич В.Б., Храковский В.С. Общие вопросы семантики конструкций в предикатным актантом // Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами. Материалы ... конференции. Л.: Наука, 1981: 7–23.
- Категории 1983: Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л.: Наука, 1983.
- Кибрик 1979: Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1979, т. 38, № 4: 309–317.
- Кибрик 1980а: Кибрик А.Е. О семантической мотивированности рангового распределения морфем // Тезисы рабочего совещания по морфеме. М.: Наука, 1980: 64–66.

- Кибрик 1980б: Кибрик А.Е. Соотношение формы и значения в грамматическом описании // Предварительные публикации / Институт рус. яз. АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 132. 1980: 3–10.
- Кибрик 1998: Кибрик А.А. Некоторые фонетические и грамматические особенности русского диалекта деревни Нинилчик (Аляска) // Язык. Африка. Фульбе / Сборник научных статей в честь А.И. Коваль. СПб.; М.: Европейский дом, 1998: 36–52.
- Кинэн 1982: Кинэн Э. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982: 236–276.
- Кинэн, Комри 1982: Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982: 111–165.
- Козинский, Соколовская 1984: Козинский И.Ш., Соколовская Н.К. О соотношении актуального и синтаксического членения в синхронии и диахронии // Грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1984: 63–76.
- Коллекции народов Севера 2005: Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома: Материалы по языкам и фольклору народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России, хранящиеся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН / Бурыкин А.А., Гирфанова А.Х., Кастров А.Ю., Марченко Ю.И., Светозарова Н.Д., Шифф В.П. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
- Корсун 2002а: Корсун С.А. Заметки об экспедиции В.И. Иохельсона на Алеутские острова (1909–1910 гг.) // История и семиотика индейских культур Америки. М.: Наука, 2002: 515–523.
- Корсун 2002б: Корсун С.А. Преподобный Герман Аляскинский: Жизнеописание. Джорджанвилль: Типография преп. Иова Почаевского Свято-Троицкого монастыря, 2002.
- Краусс 1981: Краусс М. Языки коренного населения Америки: прошлое, настоящее, будущее // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы. М.: Наука, 1981: 149–181. [См. также оригинал этой работы: Krauss 1980]
- Крейнович 1982: Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982.
- Крупник, Членов 1987: Крупник И.И., Членов М.А. Алеуты Командорских островов: проблемы этнографического изучения //

- Полевые исследования Института этнографии 1983. М.: Наука, 1987: 45–55.
- Кузнецова 1970: Кузнецова А.И. Существуют ли в языке корневые морфемы, специфичные для имени или для глагола? // Язык и человек. М.: изд-во МГУ, 1970: 157–163.
- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. Т.1. М.: изд-во МГУ, 1980.
- Курилович 1962: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Иностранная литература, 1962.
- Л 1903: Святое Евангелие от Луки в переводе на алеутско-лисьевском наречии. Пер. Л. Саломатова. Нью-Йорк, 1903.
- Ли, Томпсон 1982: Ли Ч., Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982: 193–235.
- Люрман 2001: Люрман С. От алеутов и креолов к черным и белым: Южная Аляска между двумя империями // Ab Imperio, 2001, № 3: 169–190.
- Ляпунова 1987: Ляпунова Р.Г. Алеуты. Очерки этнической истории. Л.: Наука, 1987.
- М. 1861: Евангелие от Марка. Перевод на алеутский язык Л. Саламатова (не позднее 1861 г.). Опубликовано в [Bergsland 1959]
- Макарова 1968: Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII века. М.: Наука, 1968.
- Матезиус 1967: Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей. М.: Прогресс, 1967: 239–245.
- Матф. 1840: Евангелие от Матфея на алеутско-лисьевском и русском языках (первоначально было переведено И. Вениаминовым с помощью И. Панькова в 1828 г., позже поправки вносились С. Паньковым, П. Бурениным, И. Нецветовым).
- Меновщиков 1964: Меновщиков Г.А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // Вопросы языкознания, 1964, № 5: 100–106.
- Меновщиков 1965: Меновщиков Г.А. Новые данные о языке алеутов Командорских островов // Известия Сибирского отд. АН СССР. Сер. общественных наук. 1965. Вып. 1. № 1: 84–92.

- Меновщиков 1968: Меновщиков Г.А. Алеутский язык: Грамматический очерк // Языки народов СССР. Т. 5. Л.: Наука, 1968: 386–406.
- Меновщиков 1969: Меновщиков Г.А. О некоторых социальных аспектах эволюции языка // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969: 110–133.
- Меновщиков 1974: Меновщиков Г.А. Эскимосско-алеутские языки и их отношение к другим языковым семьям // Вопросы языкознания, 1974, № 1: 46–59.
- Меновщиков 1976: Меновщиков Г.А. О двух аспектах выражения пространственных отношений в алеутском языке // Языки и топонимия. Вып. 2. Томск: изд-во Томского ун-та, 1976: 5–13.
- Меновщиков 1977: Меновщиков Г.А. Алеутско-русский словарь // Языки и топонимия. Томск, б.и., 1977: 137–198.
- Меновщиков 1980а: Меновщиков Г.А. Русские лексические заимствования в языках аборигенов Аляски и Алеутских островов // Языки и топонимия. Вып. 7. Томск: б.и., 1980: 107–115.
- Меновщиков 1980б: Меновщиков Г.А. О происхождении этнонима "алеут" // Советская этнография, 1980, № 1: 109–116.
- Меновщиков, Храковский 1970: Меновщиков Г.А., Храковский В.С. Каузативные глаголы и каузативные конструкции в эскимосском языке // Вопросы языкознания, 1970, № 4: 102–110.
- Мещанинов 1975: Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Л.: Наука, 1975.
- Начатки 1899: Начатки христианского учения, или краткая священная история и краткий катехизис на русском и алеутско-лисьевском языке. Пер. И. Вениаминова (с помощью И. Панькова). М.: Синодальная типография, 1899 (первое издание – 1834).
- Недялков 1982: Недялков В.П. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим // Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л.: Наука, 1982: 135–153.
- Недялков, Сильницкий 1969: Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологических и лексических каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969: 20–50.
- Недялков, Яхонтов 1983: Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983: 5–41.

- Нецветов 1840 (дата приблизительная): Нецветов Я. Русско-алеутский словарь. Составлен на основе аткинского диалекта. Рукопись. 225 с. Хранится в Библиотеке Конгресса в г. Вашингтоне, полная копия, начиная примерно с середины 1970-х годов, есть в архиве Института лингвистических исследований РАН.
- Нецветов 2005: Нецветов Я. Алеутско-русский словарь. Первая часть. Подготовка к печати Вяч. Вс. Иванова // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. I: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Посвящается 75-летию академика Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Новое издательство, 2005: 79–121.
- Николаева 1984: Николаева Т.М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания, 1984, № 3: 111–119.
- Нунэн 1982: Нунэн М. О подлежащих и топиках // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982: 356–375.
- Оглоблин А.К. Мадурский язык и лингвистическая типология. Л.: изд-во ЛГУ, 1986.
- Окладников 1976: Окладников А.П. От Анги до Уналашки: Удивительная судьба Ивана Попова (Вениаминова) // Вопросы истории, 1976, № 6.
- Окладников 1983: Окладников А.П. Иннокентий Вениаминов // Первопроходцы: Сборник (Серия «Жизнь замечательных людей»). М.: Молодая гвардия, 1983.
- Орлова 1931: Орлова Е.П. Ag'adgix' hangakux'. Солнца восход: Первый букварь на алеутском языке, 1931. 53 с. (рукопись; копия хранится в архиве Отдела языков народов России ИЛИ РАН).
- Орлова 1932: Орлова Е.П. К вопросу создания письменности у народов Севера // Советский Север, 1932, № 4: 103–106.
- Орлова 1972: Орлова Е.П. Роль Дальневосточного техникума народов Севера в создании и внедрении письменности этих народов // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1972, № 11: 40–44.
- Осима 2003 ¹⁷⁶: Осима М. (Oshima M.). Материалы об алеутском языке [sic!] на острове Беринга: Словарь и тексты (Linguistic

¹⁷⁶ Мы приносим извинения читателям: мы вынуждены дать русское название этой публикации в том виде, в каком оно фигурирует на обложке и на титульном листе.

Materials of Bering Island Aleut: Dictionary and Texts) / Endangered Languages of North Pacific Rim. Kyoto, 2003.

Паршин 1983: Паршин П.Б. Тема и топик: к соотношению понятий // Вопросы восточного языкознания. М.: Наука, 1983: 186–211.

Падучева 1974: Падучева Е.В. ТОЖЕ и ТАКЖЕ: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей // Предварительные публикации / Ин-т рус. яз. АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 55. 1974: 1–14.

Письма 1897–1901: Письма Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского (собраны И.П. Барсуковым). Кн. I: СПб., 1897; Кн. II: СПб., 1898; Кн. III: СПб., 1901.

Письма И. Вениаминова 1994: Письма И. Вениаминова К.Т. Хлебникову / Составление и примечания Р.Г. Ляпуновой и Е.А. Окладниковой; введение Р.Г. Ляпуновой // Русская Америка: По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. М.: Мысль, 1994: 151–254.

Плунгян 1990: Плунгян В.А. К определению результатива (универсальна ли связь результатива и предельности) // Вопросы языкознания, 1990, № 6: 55–63.

Плунгян 2000: Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.

Подлеская 1989: Подлеская В.И. Опыт классификации полипредикативных конструкций (на материале японского языка) // Проблемы семантической и синтаксической типологии. М.: Наука, 1989: 112–134.

Полинская 1988: Полинская М.С. К соотношению императива и оптатива // Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в языкознании. Повелительность». Ленинград, 1988: 102–103.

Природные ресурсы 1991: Природные ресурсы Командорских островов: Запасы, состояние, вопросы охраны и использования. Программа «Командоры». Вып. 2. М.: изд-во МГУ, 1991.

Сильницкий 1983: Сильницкий Г.Г. Структура глагольного значения и результатив // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983: 54–66.

- Скрибник 1989: Скрибник Е.К. Система полипредикативных конструкций с инфинитными формами глагола в бурятском языке. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 1989.
- Слободин 2005: Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона) // Советская этнография, 2005, № 5: 96–115.
- Степанова 1947: Степанова М.В. И.Е. Вениаминов как этнограф // Труды Института этнографии АН СССР. Т. II. М., 1947.
- Суворов 1912: Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: б.и., 1912.
- Тестелец 2001: Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: изд-во РГГУ, 2001.
- Типология каузативных конструкций 1969: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.
- Типология императивных конструкций 1992: Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 1992.
- Типология итеративных конструкций 1989: Типология итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 1989.
- Типология результативных конструкций 1983: Типология результативных конструкций / Под ред. В.П. Недялкова. Л.: Наука, 1983.
- Типология условных конструкций 2005: Типология условных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 2005.
- Указание 1899: Указание пути на царствие небесное, поучение на алеутско-лисьевском языке, сочиненное... И. Вениаминовым. М.: Синодальная типография, 1899 (первое издание – 1833) .
- Уорф 1972: Уорф У. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972: 44–62.
- Федорова 1971: Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии (конец XVIII века – 1867 г.). М.: Наука, 1971.
- Хлебников 1979: Хлебников К.Т. Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979.
- Холодович 1979: Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979.
- Храковский 1989: Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология

- итеративных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. Л.: Наука, 1989: 5–53.
- Храковский 1998: Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. СПб.: Наука, 1998: 7–96.
- Храковский, Володин 1986: Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Чейф 1982: Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топик и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982: 277–316.
- Черемисина 1979: Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1979.
- Черемисина, Колосова 1987: Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987.
- Членов, Крупник 1987: Членов М.А, Крупник И.И. Командорские алеуты: особенности формирования и преемственность этнической культуры // Рациональное природопользование на Командорских островах (состояние и охрана экосистем, проблемы экономического и этнокультурного развития). М.: изд-во МГУ, 1987: 157–165.
- Шавров 1935: Шавров К.Б. В.И. Иохельсон // Советская этнография, 1935, № 2: 3–15.
- Якобсон 1972: Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
- Яхонтов 1980: Яхонтов С.Е. Оценка степени близости родственных языков // Теоретические основы классификации языков мира. М.: Наука, 1980: 148–157.
- A Good and Faithful Servant 1997: A Good and Faithful Servant: The Year of Saint Innocent, An Exhibit Commemorating the Bicentennial of Birth of Ioann Veniaminov, 1797–1997 / Ed. by L.T. Black. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks and Alaska State Bicentennial Veniaminov Committee, 1997.
- Aleut Traditions 1976: Unangam uniikangin: Aleut Traditions collected in 1909–1910 by Waldemar Jochelson. / Retranscribed and edited by K. Bergsland. Fairbanks: University of Alaska, Alaska Native Language Center, 1976.

- Asinovskiy, Golovko 1987: Asinovskiy A.S., Golovko E.V. Rhythmic Accent Patterns in Aleut // Proceedings of the XIth International Congress of Phonetic Sciences. Tallinn, 1987. Vol. 1: 174–176.
- Asinovskiy, Golovko 1992: Asinovskiy A.S., Golovko E.V. On the Phonology of Bering Island Aleut // *Funcion* (Universidad de Guadalajara), 1992, № 11–12: 319–341.
- Atkan Food 1978: Atkan Food. From material given by Moses Dirks and Lydia Dirks of Atka, Alaska / Prepared in Western Aleut by Moses Dirks. Anchorage: University of Alaska, National Bilingual Materials Development Center, 1978.
- Atkan Historical Traditions 1976: Atkan Historical Traditions told in 1952 by Cedor L. Snigaroff / Collected by K. Bergsland. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1976.
- Baba 1943: Baba O. The Aleuts in the Kurils // *The Japanese Journal of Ethnology*, 1943. Vol. 9, № 8: 773–794; № 9: 877–890 [статья на японском языке; цит. по сокращенному английскому переводу, сделанному О. Мiyaoka 20 марта 1971 г., рукопись].
- Bakker 1997: Bakker P. A Language of Our Own; The Genesis of Michif, the Mixed Cree-French Language of Canadian Métis. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.
- Barth 1969: Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference* / Ed. By F. Barth. London: George Allen and Unwin, 1969: 9–38.
- Bergsland 1951: Bergsland K. Aleut Demonstratives and the Eskimo-Aleut Relationship // *International Journal of American Linguistics*, 1951, № 17: 167–179.
- Bergsland 1953: Bergsland K. Aleutisk-Eskimoisk (trykt som manuskript). København: Nordisk Sprog- og Kulturforlag, 1953. 7 p.
- Bergsland 1956: Bergsland K. Some Problems of Aleut Phonology // For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday, 11 October 1956 / Ed. by M. Halle, H. Lunt, H. McLean and S. van Schooneveld. The Hague: Mouton, 1956: 38–43.
- Bergsland 1958: Bergsland K. Aleut and Proto-Eskimo // *Proceedings of the 32nd International Congress of Americanists*. Copenhagen, 1956. Copenhagen, 1958: 624–631.
- Bergsland 1959: Bergsland K. Aleut Dialects of Atka and Attu // *Transactions of the American Philosophical Society*, 1959, New Series. Vol. 49, part. 3: 3–128.
- Bergsland 1964: Bergsland K. Morphological Analysis and Syntactic Reconstruction in Eskimo-Aleut // *Proceedings of the 9th Interna-*

- tional Congress of Linguists (Cambridge, 1962). The Hague: Mouton, 1964: 1009–1015.
- Bergsland 1969: Bergsland K. A Problem of Transformation in Aleut // *Word*, 1969. Vol. 25, № 1–2–3: 24–38.
- Bergsland 1970: Bergsland K. An Aspect of Subordination in Aleut // *Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of His Sixtieth Birthday* / Ed. by R. Jakobson and S. Kawamoto. Tokyo: TEC Company, 1970: 10–20.
- Bergsland 1973: Bergsland K. Aleut Deixis // *Norwegian Journal of Linguistics*, 1973. Vol. 27, № 1: 7–14.
- Bergsland 1976: Bergsland K. Some Questions of Subordination in Eskimo and Aleut // *Papers on Eskimo and Aleut Linguistics* / Ed. by E. Hamp. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1976: 11–21.
- Bergsland 1978: Bergsland K. Reflections on the Comparison of Eskimo and Uralic // *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. (Финно-угорские народы и Восток: Труды по востоковедению. Вып.455)*. Тарту, 1978: 131–138.
- Bergsland 1979a: Bergsland K. The Comparison of Eskimo–Aleut and Uralic // *Finno-Ugrica Suecana: Tidskrift for finsk-ugrisk forskning i Sverige / Journal of Finno-Ugric Research in Sweden*, 1979, № 2: 7–18.
- Bergsland 1980: Bergsland K. *Atkan Aleut – English Dictionary*. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, 1980.
- Bergsland 1986: Bergsland K. Comparative Eskimo–Aleut Phonology and Lexicon // *Journal de Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 1986. Vol. 80: 63–137.
- Bergsland 1989a: Bergsland K. Comparative Aspects of Aleut Syntax // *Journal de Société Finno-Ougrienne / Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 1989. Vol. 82: 7–80.
- Bergsland 1989b: K. Bergsland. Present and Past, Eskimo–Aleut // *Keynote Speeches from the Sixth Inuit Studies Conference, Copenhagen, October 1988* / Ed. by J. Dahl. Institute of Eskimology 14. Københavns Universitet, 1989: 108–115.
- Bergsland 1990: Bergsland K. Survey of Aleut Dialects. Paper read at Seventh Inuit Studies Conference, Fairbanks, Alaska, August 19–23, 1990.
- Bergsland 1994a: Bergsland K. *Aleut Dictionary / Unangam Tunudgusii*. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1994.
- Bergsland 1994b: Bergsland K. Two Aleut Types of Complementa-tion Compared with Eskimo // *Acta Linguistica Hafniensia*, 1994.

Vol. 27: Linguistic Studies in Honour of Joergen Rischel. Part 1: 67–77.

- Bergsland 1994c: Bergsland K. Aleut Tenses and Aspects // Tense, Aspect and Action: Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology (Proceedings of Seminars on Verbal Semantics at Odense University in 1986 and 1987) / Ed. by C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994: 323–370.
- Bergsland 1997a: Bergsland K. Aleut Grammar. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997.
- Bergsland 1997b: Bergsland K. How did the Aleut language become different from the Eskimo languages? // O. Miyaoka, M. Oshima (eds.). Languages of the North Pacific Rim 2. Kyoto: Kyoto University, 1997: 1–18.
- Bergsland 1998a: Bergsland K. Two Cases of Language Endangerment: Aleut and Saami // Ichel Linguistic Studies. Vol. 1: Studies in Endangered Languages. Papers from the International Symposium on Endangered languages, Tokyo, November 18–20, 1995 / Ed. by K. Matsumura. Tokyo: Hituzi Syobo, 1998: 33–48.
- Bergsland 1998b: Bergsland K. Ancient Aleut Personal Names: Materials from the Billings Expedition 1790–1792. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska Fairbanks, 1998.
- Bergsland 1998c: Bergsland K. Double Subjects in Aleut // Languages of the North Pacific Rim 4: 76–90 (July 1998). Ed. by O. Miyaoka and M. Oshima. Kyoto: Graduate School of Letters, Kyoto University, 1998. Japanese edition: Languages of the North Pacific Rim 3: 63–79 (December 1997) / Ed. by O. Miyaoka and T. Tsumagari. Kyoto: Graduate School of Letters, Kyoto University.
- Bergsland, Dirks 1978: Bergsland K., Dirks M. Introduction to Atkan Grammar and Lexicon. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, Rural Education, University of Alaska, 1978.
- Bergsland, Dirks 1981: Bergsland K., Dirks M. Atkan Aleut School Grammar. Anchorage: National Bilingual Materials Development Center, Rural Education, University of Alaska, 1981.
- Bergsland, Vogt 1962: Bergsland K., Vogt H. On the Validity of Glot-tochronology // Current Anthropology, 1962. Vol. 3, № 2: 115–153.
- Black 1977: Black L.T. Ivan Pan'kov – an Architect of Aleut Literacy // Arctic Anthropology, 1977. Vol. 14, № 1: 94–107.

- Black 1980a: Black L.T. Introduction // The Journals of Iakov Netsevetov: The Atkha Years, 1828–1844 / Translated, with an Introduction and Supplementary Material by L.T. Black. Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1980.
- Black 1980b: Black L.T. Early History // Alaska Geographic (The Aleutians), 1980. Vol. 7, № 3: 82–89, 92–105.
- Black 1990: Black L.T. Creoles in Russian America // *Pacifica: A Journal of Pacific and Russian Studies*, 1990. Vol. 2, № 2 (Russian America: The Forgotten Frontier): 142–155.
- Black 1992: Black L.T. Russian Orthodoxy in Alaska // *Northern Religions and Shamanism (Ethnologica Uralica 3)* / Ed. By M. Hopfál and J. Pentikäinen. Budapest: Akadémiai Kiadó/ Helsinki: Finnish Literary Society, 1992: 100–107.
- Black 2004: Black L.T. Russians in Alasaka, 1732–1867. Fairbanks: University of Alaska Press, 2004.
- Bogoiavlenskii 2000: Bogoiavlenskii D.D. Russia's Northern Indigenous Peoples: Are They Dying Out? // *Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance, and Self-Determination* / Ed. by M. Bieseke, R.K. Hitchcock, P.P. Schweitzer. New York; Oxford: Berghahn, 2000: 327–340.
- Comrie 1976: Comrie B. The Syntax of Causative Constructions: Cross-Language Similarities and Divergences // *Syntax and Semantics. Vol. 6: The Grammar of Causative Constructions* / Ed. by M. Shibatani. N.Y., etc.: Academic Press, 1976: 261–312.
- Comrie 1978: Comrie B. Ergativity // *Syntactic Typology: Studies in the Phenomenology of Language* / Ed. by W.P. Lehman. Austin; London: University of Texas Press, 1978: 329–394.
- Creider 1978: C. Creider. The Syntax of Relative Clauses in Inuktitut // *Études / Inuit / Studies*, 1978. Vol. 2, № 1: 95–110.
- Daly 1985: Daly C. Russian language death in an Alaskan village. Paper presented at the University of California Berkeley linguistics colloquium. 10 p.
- Daly 1986: Daly C. *Evonaj mat' ves' noch' television karaulil: His mother watched TV all night long: On the loss of gender as a grammatical category in Alaskan Russian*. Ms. 31 p.
- Dixon 1979: Dixon R.M.W. Ergativity // *Language*. Vol. 55, № 1, 1979: 59–138.
- Dumond 1954: Dumond D. On Eskaleutian Linguistics, Archaeology, and Prehistory // *American Anthropologist*, 1965. Vol. 67, № 5, pt. 1, New Series: 1231–1257.

- Dumond 1987: Dumond D. A Reexamination of Eskimo-Aleut Prehistory // *American Anthropologist*. Vol. 89, № 1, New Series: 32–55.
- Eschbach, Suple, Snipp 1998: Eschbach K., Supple K., Snipp C.M. Changes in racial identification and the educational attainment of American Indians, 1970–1990 // *Demography*, 1998. Vol. 35, № 1: 35–43.
- Ferguson 1996 [1990] Ferguson C.A. *Sociolinguistic Perspectives: Papers on Language in Society, 1959–1994* / Ed. by J. Huebner. New York; Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Firbas 1974: Firbas J. Some Aspects of the Czechoslovak Approach to Problem of Functional Sentence Perspective // *Papers on Functional Sentence Perspective (Janua Linguarum, Ser. Minor, 147)* / Ed. by F. Danes. The Hague: Mouton, 1974: 11–37.
- Foley, VanValin 1984: Foley W., VanValin R.D., Jr. *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Fortescue 1981: Fortescue M. Endoactive-Exoactive Markers in Eskimo-Aleut, Tungus, and Japanese – an Investigation into Common Origin // *Études/Inuit/Studies*, 1981. Vol. 5, Suppl. Issue: 5–42.
- Fortescue 1984: Fortescue M. *Reconstruction of Eskimo-Aleut Mood Markers*. Copenhagen: Institute for Eskimology, 1984.
- Fortescue 1985a: Fortescue M. The Degree of Interrelatedness between Inuit Dialects as Reflected by Percentages of Shared Affixes // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 51, № 2: 188–221.
- Fortescue 1985b: Fortescue M. Anaphoric Agreement in Aleut // *Predicates and Terms in Functional Grammar* / Ed. by A.M. Bolkenstein, C. de Groot, J.L. Mackenzie. Dordrecht: Foris, 1985: 105–126.
- Fortescue 1988: Fortescue M. The Eskimo-Aleut-Yukagir Relationship: An alternative to the Genetic-Contact Dichotomy // *Acta Linguistica Hafneinsia*, 1988. Vol. 21: 21–50.
- Fortescue 1994: Fortescue M. *The Role of Typology in the Establishment of the Genetic Relationship between Eskimo and Aleut – and Beyond* / *Languages of the North Pacific Rim*. Hokkaido, 1994.
- Fortescue 1998: Fortescue M. *Language Relations across Bering Strait: Reappraising Archaeological and Linguistic Evidence*. London and New York: Cassell, 1998.

- Fortescue, Jacobson, Kaplan 1994: Fortescue M., Jacobson M., Kaplan L. Comparative Eskimo Dictionary with Aleut Cognates / Alaska Native Language Research Paper № 9. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 1994.
- Geoghegan 1921: Geoghegan R.H. Letter to Rev. R. Kilgour, 25 Nov. 1921 // BFBS Editorial Correspondence: Eskimo, file 1 (Feb. 1912 – May 1939).
- Geoghegan 1944: Geoghegan R.H. The Aleut Language. Washington, D.C.: United States Department of Interior, 1944.
- Givón 1979: Givón T. On Understanding Grammar. New York: Academic Press, 1979.
- Golovko 1986: Golovko E.V. Resultative and Passive in Aleut // Typology of Resultative Constructions / Ed. by V.P. Nedjalkov. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988: 185–198.
- Golovko 1993a: Golovko E.V. Native Languages of Chukotka and Kamchatka: Situation and Perspectives // Siberian/ Questions/ Sibériennes (Siberie III: Les peuples du Kamchatka and Tchoukotka). C.N.R.S., Institut d'études slaves; Paris, 1993: 159–169.
- Golovko 1993b: Golovko E.V. On non-causative effects of causativity // Causatives and Transitivity / Ed. by B. Comrie and M. Polinsky. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1993: 385–390.
- Golovko 1994: Golovko E.V. Mednij Aleut or Copper Island Aleut: An Aleut-Russian Mixed Language // Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining / Ed. by P. Bakker and M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994: 113–121.
- Golovko 1996: Golovko E.V. A case of nongenetic development in the Arctic Area // Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages / Ed. by E.H. Jahr and I. Broch. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1996: 63–78.
- Golovko 1997: Golovko E.V. Iterative Constructions in Aleut // Typology of Iterative Constructions / Ed. by V.S. Khrakovskij (ed.). Muenchen: LINCOM Europa, 1997.
- Golovko 2001: Golovko E.V. Imperative in Aleut // Typology of Imperative Constructions / Ed. by V.S. Khrakovskij. Muenchen: LINCOM Europa, 2001: 300–314.
- Golovko 2003: Golovko E.V. Language Contact and Group Identity: The Role of 'Folk' Linguistic Engineering // The Mixed Language Debate: Theoretical and Empirical Advances / Ed. by Y. Matras and P. Bakker. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003: 197–209.

- Golovko 2005: Golovko E.V. Conditional Constructions in Aleut // *Typology of Conditional Constructions* / Ed. by V.S. Xrakovskij. Muenchen: LINCOM Europa, 2005: 596–611.
- Golovko, Vakhtin 1987: Golovko E.V., Vakhtin N.B. The Convergence of Contacting Phonological Systems: The Aleut Dialect of Copper Island // *Proceedings of the XIth International Congress of Phonetic Sciences*. Tallinn, 1987. Vol. 4: 172–174.
- Golovko, Vakhtin 1990: Golovko E.V., Vakhtin N.B. Aleut in Contact: The CIA Enigma // *Acta Linguistica Hafniensia*, 1990. Vol. 22: 97–125.
- Greenberg 1966: Greenberg J. *Language Universals with Special Reference to Feature Hierarchies*. The Hague; Paris: Mouton, 1966.
- Haiman 1985: Haiman J. Introduction // *Iconicity in Syntax: Proceedings of a Symposium on Iconicity in Syntax*. Stanford, June 24–26, 1983 (*Typological Studies in Language* 6) / Ed. by J. Haiman. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1985: 1–10.
- Haiman, Munro 1983: Haiman J., Munro P. Introduction // *Switch-Reference and Universal Grammar*. *Proceedings of a Symposium on Switch-Reference and Universal Grammar*, Winnipeg, May 1981 (*Typological Studies in Language* 2) / Ed. by J. Haiman and P. Munro. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1983: ix–xvii.
- Hallamaa 1995: Hallamaa P. Draft of a Report on Sociolinguistic Field Work on Two Languages, Aleut and Sugpiaq. Ms.
- Hallamaa 1997: Hallamaa P. Unangam Tunuu and Sugtestun: a struggle for continued life // *Northern Minority Languages: Problems of Survival* / Ed. by H. Shoji and J. Janhunen. Osaka: National Museum of Ethnology, 1997: 187–223.
- Henri 1878–79: Henri V. Esquisse d'une grammaire raisonnée de la langue aléoute d'après la grammaire et la vocabulaire de Veniaminov // *Revue de Linguistique et de Philologie Comparée*. Recueil Trimestriel. 1878. Vol. 11: 424–457; 1879. Vol. 12: 1–40.
- Hirsch 1954: Hirsch D.L. Glottochronology and Eskimo and Eskimo-Aleut Prehistory // *American Anthropologist*, 1954. Vol. 56, № 5, Pt. 1, New Series: 825–838.
- Hudson 2007: Hudson R.L. *Family After All: Alaska's Jesse Lee Home*. Vol. 1: Unalaska, 1889–1925. Walnut Creek, Ca.: Hard-scratch Press, 2007.
- Ivanov 1997: Ivanov V. The Russian Orthodox Church of Alaska and the Aleutian Islands and Its Relation to Native American Tradi-

- tions – An Attempt at a Multicultural Society, 1794–1912. Washington, D.C.: Library of Congress, 1997.
- Jacobi 1937: Jacobi A. Carl Heinrich Merks *Ethnographische Beobachtungen über die Volker des Beringsmeers* // *Baessler-Archiv*, 1937, Bd.XX, Hf. 3–4: 109–136.
- Jacobson 1984: Jacobson S.A. *Semantics and Morphology of Demonstratives in Central Yup'ik Eskimo* // *Études/Inuit/Studies*. Vol. 8. Supplementary Issue: *The Central Yup'ik Eskimos*, 1984: 185–192.
- Jakobson 1944: Jakobson R. *A Note on Aleut Speech Sounds* // *Bulletin of the New York Public Library*, № 48, 1944: 677–680.
- Jenkins 1994: Jenkins R. *Rethinking Ethnicity: Identity, Categorization and Power* // *Ethnic and Racial Studies*, 1994. Vol. 17, № 2: 197–223.
- Jenkins 1997: Jenkins R. *Rethinking Ethnicity: Arguments and Explorations*. London, etc.: Sage, 1997.
- Jochelson 1927: Jochelson W. *The Instrumental and the Comitative in the Aleut Language* // *Language*, 1927, № 3: 9–11.
- Jochelson 1928: Jochelson W. *Peoples of Asiatic Russia*. New York: American Museum of Natural History, 1928.
- Jochelson 1930: Jochelson W. *Essays on the Grammar of the Aleut Language*. 1930. Ms.
- Jochelson 1933: Jochelson W. *History, Ethnology and Anthropology of the Aleut*. Washington, D.C.: Carnegie Institution of Washington, Publication № 432, 1933 [Reprinted in 1968 by Anthropological Publications, Oosterhout N.B., The Netherlands].
- Jochelson 1990: Jochelson W.. *Unangam Uniikangin kayux Tunusangin; Unangam Uniikangis Ama Tunuzangis – Aleut Tales and Narratives* / Collected by Waldemar Jochelson / Edited by K. Bergsland and M.L. Dirks. Fairbanks: University of Alaska, Alaska Native Language Center, 1990.
- Kasakam 1978: Kasakam uniikangis. *Russian Stories Told in Atka Village*. From stories told by John Netzetoff of Atka, Alaska, and written by K. Bergsland and M. Dirks. Anchorage: University of Alaska National Bilingual Materials Center, 1978.
- Keenan 1976: Keenan E. *Towards a Universal Definition of 'Subject'* // *Subject and Topic* / Ed. by Ch.N. Li. N.Y., etc.: Academic Press, 1976: 303–333.
- Keenan 1985: Keenan E. *Relative Clauses* // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 2: *Complex Constructions* / Ed. by

- T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985: 141–170.
- Krauss 1973: Krauss M.E. Eskimo-Aleut / *Current Trends in Linguistics*. The Hague: Mouton, 1973. Vol. 10, № 2: 796–902.
- Krauss 1980: Krauss M. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future / Alaska Native Language Center Research Paper № 4. Fairbanks: University of Alaska, 1980.
- Krauss 1985: Krauss M. Phonological Cylinder Recordings of 1909–1910 by Jochelson and the Aleut Text Corpus. Paper read at the conference in Sapporo, September 1985.
- Krauss 1990: Krauss M. Introduction to (Jochelson 1990): 1–56.
- Leer 1987a: Leer J. Aleut Anaphora / Written in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Linguistics at the University of Chicago. Chicago, 1987.
- Leer 1987b: The Relative Case in Aleut. Paper presented at the conference on Native American Languages and Grammatical Typology, Chicago, April 22, 1987. 6 p. Ms.
- Luehrmann 2008: Luehrmann S. Alutiiq Villages under Russian and U.S. Rule. Fairbanks: University of Alaska Fairbanks, 2008.
- Ljapunova 1982: Ljapunova R.G. Ethnohistoire des Aléoutes des Iles du Commandeur // *Inter-Nord: Revue International des Études Arctiques et Nordiques* (Paris), 1982, № 16: 189–203.
- Marsh 1956: Marsh G.H. A Grammatical Analysis of the Substantival Morphology of Eastern Aleut. Ph.D. dissertation draft. Columbia University, New York.
- Marsh, Swadesh 1951: Marsh G.H., Swadesh M. Eskimo-Aleut Correspondences // *International Journal of American Linguistics*. Vol. 17, № 4: 209–216.
- Maslova 2003: A Grammar of Kolyma Yukaghir. (Mouton grammar library 27.) Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Mechanisms 1977: *Mechanisms of Syntactic Change* / Ed. by C.N. Li. Austin: University of Texas Press, 1977.
- Mixed Languages 1994: *Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining* / Ed. by P. Bakker and M. Mous. Amsterdam: IFOTT, 1994.
- Munro 2007: Munro P. From parts of speech to the grammar // *Perspectives on Grammar Writing* / Ed. by T.E. Payne and D.J. Weber. Amsterdam: Benjamins, 2007: 71–111.

- Myers-Scotton 2002: Myers-Scotton C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Oshima 1982: Oshima M. On causative and transitive constructions in Aleut, Eskimo, and Ainu // *Review of Liberal Arts [Japan]*, 1982, 64: 201–216.
- Oshima 1990: Oshima M. Prosody and Syncopation in Eastern Aleut Communications // *Du Septième Congrès des Études Inuit (Papers from the Seventh Inuit Studies Conference)*. 19–23 August, 1990. Fairbanks, Alaska. "Regard sur l'avenir (Looking to the Future) / Inuit studies occasional papers 4. Association Inuksiutiit Katimajit inc., 1990: 303–311.
- Pfützmaier A. Die Sprache der Aleuten und Fuchsineln // *Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophische-Historische Classe*, 1884, Bd. CV, Hf. I: 105–106.
- Pierce 1990: Pierce R.A. *Russian America: A Biographical Dictionary*. Kingston, Ontario; Fairbanks, Alaska: Limestone Press, 1990.
- Schweitzer, Golovko 2007: Schweitzer P., Golovko E.V. The "priests" of East Cape: A religious movement on the Chukchi Peninsula during the 1920s and 1930s // *Études/Inuit/Studies*. Vol. 31. № 1–2. 2007: 39–58.
- Silverstein 1976: Silverstein M. Hierarchy of Features and Ergativity // *Grammatical Categories in Australian Languages* / Ed. by R.M.W. Dixon. Linguistic Series № 22, Australian Institute of Aboriginal Studies, Canberra. New Jersey, USA: Humanities Press, 1976: 112–171.
- Subject and Topic 1976: Subject and Topic. *Proceeding of the Symposium, University of California, Santa Barbara, March 1975* / Ed. by Ch. N. Li. N.Y., etc.: Academic Press, 1976.
- Swadesh 1958: Swadesh M. Some New Glottochronological Dates for Amerindian Linguistic Groups // *Proceedings of the 32nd International Congress of Americanists (Copenhagen, 1956)*. Copenhagen, 1958: 671–674.
- Taff 1999: Taff A.J. *Phonetics and Phonology of Unangan (Eastern Aleut) Intonation*. Ph.D. dissertation. University of Washington, Linguistics.
- Taff, Wegelin 1997: Taff A.J., Wegelin J. Intonation of declaratives and questions in Unangan (Esatern Aleut). *Fieldwork Studies of Target Languages V // UCLA Working Papers*, Vol. 95, Los Angeles: University of California Los Angeles, 1997:102–113.

- Taff et al 2001: Taff A., Rozelle L., Cho T., Ladefoged P., Dirks M., Wegelin J. Phonetic Structures of Aleut // *Journal of Phonetics*, 2001. Vol. 29, № 3: 231–271.
- Thalbitzer 1916: Thalbitzer W. Et Manuscript av Rasmus Rask om Aleuternes sprog, sammenlignet med Gronland // *Kongelige Danske Videnskabernes Selskabs Oversigt*, 1916, № 3: 211–249.
- Thalbitzer 1921: Thalbitzer W. The Aleut Language Compared with Greenlandic // *International Journal of American Linguistics*, 1921, № 2: 40–57.
- The Mixed Language Debate 2003: The Mixed Language Debate / Ed. by Y. Matras and P. Bakker. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- Thomason, Kaufman 1988: Thomason S.G., Kaufman T. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkeley, etc.: University of California Press, 1988.
- To the Aleutians and Beyond 2002: To the Aleutians and Beyond: The Anthropology of William S. Laughlin / Ed. by B. Frohlich, A.B. Harper, R. Gilberg. Copenhagen: The National Museum of Denmark, Department of Ethnography (Publications of the National Museum, Ethnographical Series. Vol. 20), 2002.
- Typology of Conditional Constructions / Ed. by V.S. Xrakovskij / LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 25. Muenchen: LINCOM, 2005.
- Vakhtin 1990: Vakhtin N.B. The Yukagir Language in Sociolinguistic Perspective / *Lingua Poznaniensis*. Vol. 32, 1991.
- Vakhtin 1998: Vakhtin N.B. Copper Island Aleut: A case of language "resurrection" / Ed. by L.A. Grenoble and L.J. Whaley. *Endangered Languages: Current Issues and Future Prospects*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998: 317–327.
- Vakhtin 2001: Vakhtin N. Franz Boas and the shaping of the Jesup expedition Siberian researchers, 1895–1900 / Ed. by I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902*. Washington, DC: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, 2001: 71–89.
- Vakhtin, Golovko 1987: Vakhtin N.B., Golovko E.V. The Relations in the Yupik Eskimo Sub-Group According to Lexicostatistics // *Études / Inuit / Studies*. Vol. 11, № 1: 3–18.
- VanValin 1977: VanValin R., Jr. Ergativity and the Universality of Subjects // *Papers from the 13th Regional Meeting of Chicago Lin-*

- guistic Society / Ed. by W.A. Beach et al. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1977: 689–706.
- Vinkovetsky 2001: Vinkovetsky I. Circumnavigation, empire, modernity, race: The impact of round-the world voyages on Russian imperial consciousness // *Ab Imperio*. 2001, № 1–2: 191–210.
- Word Order 1975: *Word Order and Word Order Change* / Ed. by C. Li. Austin; London: University of Texas Press, 1975.
- Woodbury 1984: Eskimo and Aleut Languages // *Handbook of North American Indians*. Vol. 5: Arctic. Washington, D.C.: Smithsonian Institution, 1984: 49–63.
- Znamenski 1999: Znamenski A. *Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport: Greenwood Press, 1999.

Evgeniy V. GOLOVKO, Nikolai B. VAKHTIN, Aleksandr S. ASINOVSKY *The Aleut Language of the Commander Islands: Bering Aleut*. St. Petersburg: Nauka Publishers, 2009.

This monograph is the first comprehensive grammar of Bering Island Aleut (Bering Island is one of the Commander Islands, Russia). Unlike the famous mixed language of Mednij Island (a second big island in the Commanders, neighboring to Bering), Bering Aleut does not show such a critical massive of Russian elements. It has basically preserved the structure of Atkan Aleut (the Aleutian Islands, U.S.A.), from which it got split over 150 years ago, as a result of several resettlements.

The book is based on field work conducted by the authors in the 1980s. Altogether, Golovko spent six months working in Nikol'skoye with Bering Aleut speakers in 1982, 1985, and 1988; Vakhtin – three months (1982, 1985), Asinovsky – two months (1982, 1985). The monograph consists of an extensive introduction and three chapters – Chapter 1 «Phonetics and Phonology. Phonomorphology»; Chapter 2 «Morphology», and Chapter 3 «Syntax». The Introduction provides general information on the Aleut – geographical distribution, group names, population numbers, and on Aleut language – genetic relationship, dialect locations, history of research. Golovko is the author of all the sections of the book, he also co-authored «Syntax» with Vakhtin, and «Phonetics and Phonology. Phonomorphology» with Asinovsky.

Presenting a description of the grammatical system as a whole, the authors bring into focus two specific layers of language material – innovations that developed in Bering Aleut after its split with Atkan Aleut, and archaic features that Bering Aleut has preserved while they are not recognized by modern Atkan speakers. Publications of Knut Bergsland and Moses Dirks on Atkan Aleut (especially those made in the 1980s and 1990s by the Alaska Native Language Center) provide an ideal starting point for this comparison. Today Aleut in the Commander Islands is very close to extinction. In this connection, the motivation for writing this book was, first and foremost, to document the strongly endangered language which constitutes an essential part of Aleut culture. At the same time the authors' intention was to shape this unique material in a form that would make it a valuable resource to linguists working in other subfields, as well as to students, and the entire Aleut community.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ВВЕДЕНИЕ (Е.В. Головки) 7

1. Общие сведения об алеутах и алеутском языке, в том числе о его современном состоянии 7
2. Особенности сбора полевого материала в условиях языкового сдвига 31
3. Алеутские диалекты 33
4. Самоназвания алеутов 37
5. Генетические связи алеутского языка 39
6. История изучения алеутского языка 42

ГЛАВА 1. ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ. ФОНО-МОРФОЛОГИЯ (Е. В. Головки, А. С. Асиновский) 50

Раздел 1. Фонотактика 51

1.1. Консонантизм 51

1.2. Вокализм 56

Раздел 2. Фономорфология 56

Раздел 3. Фоносинтаксис 60

ГЛАВА 2. МОРФОЛОГИЯ (Е. В. Головки) 64

Раздел 1. Основания морфологического анализа 64

Раздел 2. Морфологические классы слов 65

Раздел 3. Имя 67

- 3.1. Морфологическая структура имени **67**
 - 3.1.1. Максимальная морфологическая модель.
Инвентарь суффиксальных морфем **67**
 - 3.1.2. Минимальная структурная модель **69**
 - 3.1.3. Особенности сочетаемости морф
в словоформе **69**
 - 3.2. Обязательные категории имени **70**
 - 3.2.1. Принципы выделения грамматических
категорий **70**
 - 3.2.2. Неприсяжательные формы имени **70**
 - 3.2.2.1. Категория числа–падежа **71**
 - 3.2.3. Присяжательные формы имени **73**
 - 3.3. Необязательные категории имени **78**
 - 3.3.1. Образование имен **78**
 - 3.3.2. Отклонение от нормы **78**
 - 3.3.3. Материал **79**
 - 3.3.4. Место **79**
 - 3.3.5. Квалитативность **80**
 - 3.3.6. Пейоративность **80**
 - 3.3.7. Сходство **82**
 - 3.3.8. Ограниченность **83**
- Раздел 4. Глагол 83**
- 4.1. Морфологическая структура глагола **83**
 - 4.1.1. Максимальная морфологическая модель.
Инвентарь суффиксальных морфем **83**
 - 4.1.2. Минимальные структурные модели **86**
 - 4.1.3. Особенности сочетаемости суффиксальных
морфем **87**
 - 4.1.3.1. Порядки с относительно свободным
заполнением **89**
 - 4.2. Обязательные категории глагола **91**
 - 4.2.1. Лицо и число актантов **91**
 - 4.2.2. Время и наклонение **94**
 - 4.2.2.1. Индикатив **94**
 - 4.2.2.2. Императив **98**
 - 4.2.2.3. Оптатив **99**

- 4.2.2.3.1. Отрицание в императиве и оптативе *103*
- 4.2.2.3.2. Соотношение императива и
оптатива *104*
- 4.2.2.4. Превентив *106*
- 4.2.2.5. Интенционал *107*
- 4.2.2.6. Кондиционал *108¹*
- 4.2.2.7. Конъюнктив *109*
- 4.3. Необязательные категории глагола *110*
 - 4.3.1. Глаголообразование *110*
 - 4.3.2. Мультипликативность *117*
 - 4.3.3. Дистрибутивность I и
дистрибутивность II *118*
 - 4.3.4. Результативность *121*
 - 4.3.5. Каузативность *125*
 - 4.3.6. Пассив / имперсонал *129*
 - 4.3.7. Косвенный залог *132*
 - 4.3.8. Сходство *133*
 - 4.3.9. Квалитативность *135*
 - 4.3.10. Достоверность *135*
 - 4.3.11. Фазовость *135*
 - 4.3.12. Потенциальность *136*
 - 4.3.13. Интенциальность *137*
 - 4.3.14. Интенсивность *137*
 - 4.3.15. Повторность *139*
 - 4.3.16. Континуативность *139*
 - 4.3.17. Отдаленность во времени *140*
 - 4.3.18. Завершенность *140*
 - 4.3.19. Вероятность *140*
 - 4.3.20. Узитативность *141*
 - 4.3.21. Предсказательность *143*
 - 4.3.22. Отрицание *143*
- Раздел 5. Числительные *145*
- Раздел 6. Указательные слова *147*
 - 6.1. Падежные формы *150*
 - 6.2. Локативная форма *152*
 - 6.3. Аблативная форма *152*

Раздел 7. Послелогои 154

7.1. Притяжательные формы 154

7.2. Локативные формы 155

7.3. Аблативные формы 158

7.4. Сочетание двух послелогов 159

7.5. Послелогои с суффиксом -Дг'и-. Определение при имени 159

7.6. Послелогои с суффиксом -мудаг'-, указывающим на направление движения 160

7.7. Особый случай: исха- 160

Раздел 8. Морфологически неизменяемые слова 160

8.1. Модальные частицы 160

8.2. Союзы 162

8.3. Наречия со значением времени 163

8.4. Частицы, употребляемые в вопросах и ответах 163

8.5. Междометия 164

8.6. Энклитика со значением отрицания 165

Раздел 9. Личные местоимения 165

Раздел 10. Вопросительные слова 165

ГЛАВА 3. СИНТАКСИС (Е.В. Головкин, Н.Б. Вахтин) 166

Основные принципы описания синтаксиса 166

Раздел 1. Монопредикативные предложения (МПП) 170

1. Вводные замечания 170

2. Способы связи слов 173

2.1. Подчинительные сочетания 173

2.1.1. Форма притяжательного сочетания (ПС) 173

2.1.2. Симметричные и несимметричные ПС 174

2.1.3. Числовые показатели в ПС 175

2.1.4. Сочетание трех и более имен 177

2.1.5. Возможности заполнения именных позиций в ПС 178

2.2. Примыкание 179

- 2.3. Сочетание двух и более слов в падежной позиции **180**
3. Базовые синтаксические конструкции **180**
 - 3.1. Типы конструкций МПП и топиковое согласование **181**
 - 3.1.1. Конструкции вида П1 + V **181**
 - 3.1.2. Конструкции вида П1 + П2 + V **188**
 - 3.1.2.1. Заполнение именных позиций;
топикализация А **188**
 - 3.1.2.2. Топикализация посессора А **190**
 - 3.1.2.3. Топикализация Р **191**
 - 3.1.2.4. Правило иерархии чисел **193**
 - 3.1.2.5. Падежное оформление актантов **194**
 - 3.1.2.6. Оформление актантов в притяжательной
форме **196**
 - 3.1.2.7. Топикализация посессора Р **198**
 - 3.1.3. Конструкция вида П1 + П2 + П3 + V **199**
 4. Производные синтаксические конструкции **203**
 - 4.1. Детранзитивация **204**
 - 4.1.1. Рефлексивные маркеры **204**
 - 4.1.1.1. Рефлексивные маркеры в рефлексивах **204**
 - 4.1.1.2. Рефлексивные маркеры как средство
декаузативации **205**
 - 4.1.2. Детранзитивация и инхоативность **207**
 - 4.1.3. Каузативные глаголы с обязательным заполне-
нием П1 рефлексивным маркером **208**
 - 4.1.4. Детранзитивирующий показатель -к'аг'и- **209**
 - 4.2. Транзитивация **210**
 - 4.2.1. Каузативы от одноместных глаголов **210**
 - 4.2.2. Каузативы от двухместных и трехместных
глаголов **211**
 - 4.2.3. Транзитивы с показателем -Дса- **214**
 - 4.2.3.1. Транзитивация одноместных глаголов **214**
 - 4.2.3.2. Суффикс -Дса- с двухместными
глаголами **217**
 - 4.2.3.3. Транзитивация качественных глаголов **219**

- 4.2.3.4. Суффикс -Дса- и инструментальная валентность 220
- 4.3. Пассивизация 220
 - 4.3.1. Безличный пассив 220
 - 4.3.2. Личная пассивная конструкция 222
- 5. Распространенные предложения 226
 - 5.1. Необязательное заполнение позиции ПЗ 226
 - 5.1.1. Введение адресата 227
 - 5.1.2. Введение локатива 227
 - 5.1.2.1. Локатив, выраженный именем с послелогом 227
 - 5.1.2.1.2. Топикализация одноместных глаголов 228
 - 5.1.2.1.3. Взаимодействие топикализации с другими средствами актуализации информации 229
 - 5.1.2.2. Локатив, выраженный указательным словом 230
 - 5.1.3. Инструмент, средство, материал, выраженные именем с послелогом 231
 - 5.2. Определения 231
 - 5.3. Обстоятельственные значения 231
- 6. Отрицание в предложении 233
- 7. Предложения с отыменными глаголами 235
- 8. Вопросительные предложения 238
 - 8.1. "Общий" вопрос 238
 - 8.2. "Специальный " вопрос. Вопросительные слова 239
- 9. Двуглагольные конструкции 242
 - 9.1. Аналитические модальные конструкции 242
 - 9.1.1. Эвиденциальная конструкция 243
 - 9.1.2. Конструкции со значением будущего времени ("предсказательные") 244
 - 9.1.3. "Фокусная" конструкция 244
 - 9.1.4. Конструкция с глаголом от основы лиида- "быть похожим" 245

- 9.1.5. Темпоральная конструкция 246
- 9.1.6. Сравнительная конструкция 246
- 9.2. Конструкции с предикатными актантами 248

Раздел 2. Полипредикативные предложения (ППП) 252

- 1. Принципы классификации алеутских ППП 252
- 2. Синтаксис ППП и русская интерференция 253
- 3. ППП с валентностями главного предиката, заполненными предикативными единицами (ПЕ) 258
 - 3.1. ПЕ на валентности A/S 258
 - 3.2. ПЕ на валентности P 260
 - 3.2.1. Зависимая предикативная единица (ЗПЕ) аналогична стандартно оформленному МПП 260
 - 3.2.2. Причастные конструкции 262
 - 3.2.3. Конъюнктив 265
 - 3.2.4. Дубитатив 266
 - 3.3. ПЕ в позиции сирконстанта 266
 - 3.3.1. ППП с нейтральной маркировкой связи 266
 - 3.3.1.1. Кореферентные A/S: конъюнктив 267
 - 3.3.1.1.1. Семантика ЗПЕ 268
 - 3.3.1.1.2. Формальная характеристика конструкций 269
 - 3.3.1.1.3. Нарушение моносубъектности 271
 - 3.3.1.1.4. Топикализация актантов 271
 - 3.3.1.1.5. Формы совместности 272
 - 3.3.1.1.6. Конструкция со значением инструмента 274
 - 3.3.1.2. Некореферентные A/S: форма на -ку- 274
 - 3.3.2. ППП со специализированной маркировкой связи 277
 - 3.3.2.1. Кореферентные A/S 278
 - 3.3.2.1.1. Маркированные по таксису 278
 - 3.3.2.1.1.1. ЗПЕ со значением предшествования 278
 - 3.3.2.1.1.2. ЗПЕ со значением одновременности 280

- 3.3.2.1.2. Маркированные по отношению
обусловленности **280**
 - 3.3.2.1.2.1. Уступительные ПЕ **281**
 - 3.3.2.1.2.2. Целевые ПЕ **282**
 - 3.3.2.1.2.3. Причинные ПЕ **283**
- 3.3.2.2. Некореферентные А/С **283**
 - 3.3.2.2.1. Маркированные по таксису **283**
 - 3.3.2.2.1.1. Формы со значением
предшествования **283**
 - 3.3.2.2.1.2. Формы со значением
одновременности **284**
 - 3.3.2.2.1.3. Послелоги как средство маркировки
относительного времени **284**
 - 3.3.2.2.2. Маркированные по отношению
обусловленности **288**
 - 3.3.2.2.2.1. Причинные ПЕ **288**
 - 3.3.2.2.2.2. Уступительные ПЕ **290**
 - 3.3.2.2.2.3. Целевые ПЕ **291**
 - 3.3.2.2.3. Топикализация актантов **292**
- 3.3.3. ППП с нейтрализацией различия
кореферентных и некорреферентных А/С:
условные ПЕ **294**
 - 3.3.3.1. ПЕ, выражающие реализуемое условие **294**
 - 3.3.3.1.1. Форма выражения **294**
 - 3.3.3.1.2. Отрицание в условной ЗПЕ **296**
 - 3.3.3.1.3. Таксисная зависимость **297**
 - 3.3.3.1.3.1. Нейтральная маркировка **297**
 - 3.3.3.1.3.2. Спецификация таксисных отношений
при помощи показателей способов
совершения действия **298**
 - 3.3.3.1.3.3. Маркирование временными
показателями **303**
 - 3.3.3.1.3.4. Маркирование падежными
показателями **304**
 - 3.3.3.1.3.5. Маркирование послелогами **305**

- 3.3.3.2. ПЕ, выражающие нереализуемое условие 305
- 3.3.3.3. Нейтрализация противопоставления кореферентности / некореферентности A/S 307
- 3.3.3.4. Особенности топикализации в условных ППП 309
- 4. Определительные ПЕ (ОпрПЕ) 309
 - 4.1. Способы выражения ОпрПЕ 309
 - 4.2. Основные термины. Понятие релятивизации 311
 - 4.3. Релятивизация 312
 - 4.3.1. Определительные ПЕ и определяемый член предложения 312
 - 4.3.2. Возможности релятивизации валентностей 312
 - 4.3.2.1. Одновалентные глаголы 312
 - 4.3.2.2. Двухвалентные глаголы 313
 - 4.3.2.3. Трехвалентные глаголы 314

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 317

ЛИТЕРАТУРА 320

ENGLISH SUMMARY 346